

Виктор ЗАЙКОВ

СТРЕЛЯЙТЕСЬ САМИ, МАЗЕПА

Роман из подполья

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Боже, как всё верно. Не определяющие судьбу и часто жалкие по своей сути земные страсти, оказывается, непостижимым образом накладывают отпечаток на многие промыслы людей, их сознание, сам образ жизни. Страсти эти лишнут и отвлекают. Подчиняют и унижают. Но как бывают они сладостны и утешны. И сил порой никаких отказаться.

Вот ротмистр Мазепа — жандарм и знаток политического сыска, человек основательный и семейный, — любил потчевать себя цирком. Чудил? Ну, что вы! Он ходил на представления с участием акробатов, наездниц, эквилибристок — всех этих грациозных искусниц и чаровниц — совершенно осознанно, но совсем не потому, что был тонким ценителем вольтижировки и разных там сальто-мортале. Не ловкостью, изяществом и молодостью восхищали его манежные дивы, а умением преподносить плоды своей тяжёлой работы так, что вокруг разливался праздник. Где такое ещё увидишь? Не в полицейском же участке! И к презрительной болтовне эстетов, что-де цирк есть искусство низкое, изобретённое исключительно для черни, Мазепа относился с недоумением. Хотя в полемике ни с кем не вступал и пренебрегал обязанностью отвечать на глупое зубоскальство коллег, подметивших, что почти вся секретная агентура их охранного отделения носила откровенно балаганные клички — «Клоун», «Факир», «Жонглёр»...

Нынешней же ночью затребовал он к себе на частную квартиру ещё и платных «штучников» — «Самсона» с «Трапецией». («Штучники» — это осведомители, доставляющие сведения хотя бы и постоянно, но за плату, за каждое отдельное своё поручение). Два часа Иринарх Гаврилович поочерёдно их едко отчитывал, брезгливо помня о невозможности поступиться принципами, иначе надавал бы обоим тычков — было за что.

Буквально накануне, заглянув в чайную Попечительства о народной трезвости, где подвизалась распорядительницей его давний «милый друг» мадам Жирмунская, он нарвался там на плевков, испачкавший ему мундир и карьеру. Об испорченном ужине и вспоминать не хотелось.

...Белые нервные пальцы хозяйки перебирали струны гитары. Тонко сервированный стол и продуманно приглушённый свет уютного кабинета намекали на особое расположение к гостю, звали освободиться от всяких условностей. Как хотелось в этот вечер стареющему бонвивану по-юношески увлечься, потерять голову, почувствовать себя счастливым. Но, надо же, без стука, по-хамски в двери вдруг задёргалось испуганное лицо полового: «Ваше высокоблагородие, там...» — и исчезло. Мазепа раздражённо бросил на тарелку шейную салфетку, вышел из кабинета. Поставил минуту, оглядывая пустующий общий зал заведения. В чём дело? И тут заметил, как из библиотеки выскользнул клещеногий мужичонка в шапке «буфетке». Чиркнул спичкой — закурить, видимо, хотел. Но вдруг взвизгнул как-то по-заячьи — то ли пальцы огнём обожгло, то ли офицер в голубом кителе чёртом ему показался.

— Эй, заплатник, — поманил его пальцем ротмистр.

Но тот не подчинился, живо сдвинул шапчонку на нос и ловко сунулся обратно за дверь. «Что тут происходит?» — зашагал Иринарх Гаврилович через залу. И вот

он — плевок. Дверь из читальни — настезь. Из полутьмы навстречу Мазепе — брань и серые фигуры,двигающие локтями. Смяли. Только морозный пар у входа да запоздалая трель свистка городского. Неслыханно! Но самое скверное: он — начальник охранного отделения жандармского управления — и на грязном полу, а над ним мадам Жирмунская руки заламывает.

«Р-ракальи!» — замотал ротмистр головой, отгоняя постыдное видение. Встал из кресла, подошёл к «Самсону»:

— Это я не вам, голубчик, хотя вы тоже заслуживаете быть наказанным. Если к четвергу фамилии негодяев, свивших гнездо в чайной на Пречистинской, не станут явными мне, обещаю: жалкое ваше существование меня интересовать перестанет. А вы, Татьяна Андреевна, — после ухода «Самсона» невежливо задышал в лицо «Трапеции», — расстарайтесь любезно возобновить отношения со своим бывшим антрепренёром господином Алымовым. Не забыли ещё такого? Прекрасно. Есть сведения, что этот фигляр — ба-альшой симпатизант социалистов. И цирк свой использует не только для развлечения публики. Тобольск — городок никудышный. В нём трудно что-либо утаить. Особенно от нас. Но некоторые круги общества — вы понимаете, о чём я говорю? — как-то выпали из нашего поля зрения. Мы не знаем, какие в них царят настроения, на кого молится нынче богема. А знать бы хотелось. Особенно сейчас. Подумайте над моим предложением и своим будущим.

* * *

— Что-то случилось? — встретил Танечку вывесочный живописец Палестин, в чулан которого она постучала после нервной встречи с Мазепой.

— Ротмистр вызывал, — уклонилась от поцелуя барышня и огляделась. — Где у тебя тут присесть можно, я бы сейчас папиросу выкурила.

Палестин смахнул пыль со старенького стула.

— Садись сюда. А вот папирос как раз и нет, кончились. Но я могу к Алымову подняться.

— К какому Алымову? — изумилась Танечка.

— Тому самому. Из цирка. Он вчера вечером к соседке моей сверху, титулярной верхивостке Жирмунской, заявился. С чего бы это, как думаешь? О ней же слухи по городу ползают, ну, всякие такие разные слухи.

Танечка как-то отстранённо спросила:

— Ты-то откуда Алымова знаешь?

— Так он за полночь вдруг спустился ко мне, представился и пригласил присоединиться к их обществу. Ей-богу, раньше никогда с ним не встречался. А тут... в карты всю ночь играли, вино пили. Ты думаешь, надо было отказать?

Палестин хотел ещё что-то добавить, но осёкся. За тонкой стеной комнатухи, увешанной небрежной кисти пейзажами, послышался раскатистый властный голос, требующий впустить алчущего объятий Бахуса отставного штабс-капитана Алымова немедленно. Танечка побледнела и прошептала: «Ни-ни». Но Алымов уже восшеествовал. Важно неся породистое лицо с тонкими, «щёлочкой», усиками и умными глазами, он прошёл к столу и, не спрашивая разрешения, свалил на него несколько увесистых свёртков: «Вот, это вам, мой дивный знакомец и любезный художник. Ночью за картами вы столь внимательно меня понимали, что я проникся к вам симпатией, граничащей даже с некоторой влюблённостью. Поверьте, людей, умеющих молча поддерживать беседу, сегодня уже и не встретишь». Алымов довольно потёр руки, повернулся по-военному — всем корпусом сразу — и встретился взглядом с Танечкой. Брови его поползли вверх.

— Да, это я, Цезарь Юльевич, здравствуйте.

Алымов замешался, но подошёл и поцеловал ей руку.

— Неожиданно. Весьма неожиданно. Ожидал увидеть вас где угодно, но здесь!

— А что тут загадочного? Палестин — мой близкий товарищ. Мы с ним единоверцы по убеждениям. Встречаемся, заговоры плетём.

— Вот как! Значит, тут замешана политика? Это меняет дело. Мне всегда нравились карбонарии и рыцари без страха и упрёка. Хотя, — он театрально обвёл рукою убранство клетухи, — я проник в эту вашу конспирацию отнюдь не с целью поде-

литься с вами раздумьями о переустройстве мира. У меня томление духа по другому случаю. Татьяна Андреевна, помогите хозяину хоть как-то сервировать стол. Там в пакетах есть всё нужное, даже бокалы.

Усевшись за стол, Цезарь Великий, как за глаза звали его в труппе цирка, ловко открыл бутылку шампанского. Не замечая сползающей на скатерть пены, разлил напиток.

— Сидеть будем плотно, — предупредил твёрдо и показал пальцем на потолок, — Вера Феокистовна упорхнула по казённой надобности, дай бог, до вечера. Ваше здоровье, — выпил и подцепил на вилку маринованный груздь.

Танечка смотрела на гостя не отрываясь. Ей вспомнился Алымов двухлетней давности — барственной сытости брюнет, сухо принявший от неё рекомендации одной влиятельной особы, просящей «любезного друга» не оставить своими заботами юное существо, мечтающее расцвести и состариться на арене, без особых, однако, к тому талантов. Цезарь Юльевич определил её тогда, жалея, в конный аттракцион — чистить лошадей. Танечка исправно ухаживала за редкой стати «аргамаками». А ночами в споре с печальным выпивохой ковёрным клоуном на подмену Бимом разучивала свой номер, могущий, по их замыслу, сорвать такой аплодисмент, какому бы позавидовала сама Улыбова — «тигрица дрессуры и женщина без нервов», как кричали о ней афиши и разносчики газет. Алымов, узнав, тайные репетиции не просто не одобрил, говорят, был взбешен. Брандмейстер Закладьев шепнул Танечке по секрету о решительном намерении Цезаря вычистить конюшни от заговорщиков, а Бима упрятать в инфекцион-палату, дабы не разносил заразу своевольства по его вотчине. Всё могло обернуться плохо. Закончилось же ещё хуже. Бим пришёл на последнюю перед показом репетицию с «прозревшими веждами». Не сдержал слова, принял где-то «на грудь». При сборке лёгкой конструкции, на вершинном пяточке которой Танечка должна была крутить свои сальто, он бездумно сунул крепёжный штырь не в то отверстие. Танечка покалечилась.

— Татьяна Андреевна, я рад видеть вас снова, — вернул её из далёкого Алымов. — После той страшной трагедии в цирке вы куда-то надолго пропали. Как складывались ваши обстоятельства? Вы сейчас вполне ли здоровы?

— Спасибо, у меня всё хорошо. Я нашла себя в другом деле. А вот у вас, я слышала, не всё как будто бы ладно. Представления в цирке стали идти с большими перерывами. Отчего? Хорошо бы только мы, но недовольны любители во всём городе. Мы ждём ваших оправданий.

— Ах, публика, я её понимаю. До наших трудностей ей мало дела. А мы замахнулись на готовку новой программы, — Цезарь немного помолчал. — Но, увы, не рассчитали силы. Реквизит надо везти издалека, да и дерут за него втридорога, актёры в провинции работать не хотят, капризничают, требуют и славу, и деньги сразу. Ну и, потом, вы же сами видите, что творится в губернии. Крестьяне жгут помещиков. Кругом неповиновение и саботаж. Пишут, что и в столицах пролетарии после разгона советов продолжают не только громить магазины, но и в казаков стрелять! Власть растеряны. Революция! До цирка ли тут? Кстати, вы что-нибудь слышали о драме в здешних каторжных тюрьмах? Слухи носят самые невероятные: бунт, усмирение, десятки погибших кандалников. Смотритель тюрем Богоявленский выказал публике зубы дракона: несчастных узников, говорят, добивали прикладами прямо в камерах.

— Да, мы знаем об этом злодеянии. И знаем также, что Богоявленский заслуживает смерти, — быстро и решительно ответил Палестин. — Вы, Цезарь Юльевич, согласны с нами?

Алымов откинулся на спинку стула, достал из жилетки дорогой работы «брегет», щёлкнул крышкой: «Давайте-ка, друзья, я схожу ещё за шампанским, а потом и свежим нашими симпатии».

Наблюдая в окно за широко шагавшим по мостовой Цезарем, Палестин упрекнул Танечку, да и себя тоже, в излишней откровенности перед малознакомым человеком:

— Ох, не похвалит нас товарищ Елисей, говорим много лишнего. Шпики кругом, доносчики. Циркач этот, конечно, человек обходительный, но кто знает, что у него

на уме?

— Успокойся. Цезаря жандармы тоже на подозрении держат. Что они против него имеют — не знаю, но Мазепа сегодня плевался, говоря о нём. Требовал, чтобы я опять сошлась с цирковыми и доносила об их настроениях. Ой, чую, плохо всё это кончится. Ну, да ладно. Вот что, дружочек, я сейчас уйду. Встретиться обещала с рабочими из Пароходного товарищества. А ты поговори с барином осторожно: не согласится ли он помочь нам с оружием. Сюда больше не приду, кто знает, может, за Алымовым уже и слежка идёт? Поэтому, если что-то надо будет, найдёшь меня у моей бабушки. Адрес не забыл? А послезавтра к восьми вечера приходи на Леонтьевский ручей. И прошу тебя: не опаздывай. Пароль тот же.

* * *

В лавке купца Босоногова неприлично брюхатели на полках заморской выдувки бутылки, сплошь нарядные, с крутым оплечьем, дорогие. За их парадным, благородного стекла фасадом плескалось солнце виноградников Прованса и Мозеля, благоухал букет ароматов Калабрии и Араратской долины. Алымов даже растерялся:

— Братец, поведай-ка мне, сиволапому, какими путями в наш городишко попал сей ценный погребок?

Из-за стойки посмотрел жёлтыми глазами болезненного вида малый, коих на Руси частенько называют «оглоблями»:

— Извиняйте, ваше превосходительство, за знанья жалованье нам не прибавляют.

— Хорошо ответил, нахал, цену. Только в чине меня не повышай, я человек маленький. Заверни-ка для начала вон ту без портрета и скажи: мальчишка для посылок имеется?

— Как же, содержим-с. Тимофей Егорыч! — крикнул приказчик.

Выскочил чистенький белоголовый отрок. Увидев господина в шубе, какие носят одни миллионщики, разинул рот.

— Принеси перо и бумагу, — скомандовал ему Цезарь и быстро набросал несколько строк на листе, тут же очутившемся на прилавке. — Снесёшь в 24-й номер «Ямской». Вот тебе пятак. А ты, остряк толковитый, — улыбнулся «оглобле», — приложи к заказу ещё парочку «Тенерифе» и передай хозяину мой гросс-комплимент.

— Как изволите отрекомендовать вас?

— А никак, сам догадается.

Приказчик упаковал вино, отсчитал гостю сдачу, вышел проводить его на улицу и мёрз, пока тот не скрылся в парадном подъезде находящегося недалеко от лавки дома екатерининских лет ещё постройки. Потом, уже за стойкой, вспомнил, как утром от того же подъезда на скромной «шарманке» отъехала разряженная фифа Жирмунская. «Надо удивить господина ротмистра», — подумал и недобро посмотрел в окно.

Однако он более бы удивился сам, послушав картинно трагическую, с налётом экзальтации, хмельную исповедь своего недавнего визави, которую тот выплёскивал сейчас на размякшего от вина Палестина:

— Вся моя скорбь проистекает из людских страданий и неумеренной глупости властей. А поскольку первое есть следствие второго, то туза следует бить «шестёркой», — пальцы Алымова выбили дробь на столе. — Это по поводу моих симпатий к Богоявленскому. Но такой расклад невозможен по причине, так сказать, разности физических величин. Что тогда остаётся? Правильно, друг мой, пить и плакать. Есть, правда, и другая постановка. Вы случайно не знакомы ли с фортификацией? И слава богу. Хотя это тоже искусство, и весьма занимательное. Я, штабс-капитан в отставке, когда-то от скуки весьма им увлёкся и даже подумывал об академическом образовании. Мои соображения о применении полузабытых циркумвалаций во фланговых операциях под Ляояном даже рассматривались в ряде штабов. «Станислава» 3-й степени мне пожаловали. Но недурственную, по-моему, идею, как, впрочем, и значительную часть Маньчжурской армии, угробили, идиоты, — Цезарь помолчал, грузно облокотился на стол и, как будто извиняясь, протянул: — Я тогда, как обманутая

девка, загрустил, перегрустил и утешился, решив проверить надёжность сих укреплений только уже на себе.

— Эт-то интересно, — икнул Палестин.

Алымов потянулся к бутылке, повертел её в руке и неожиданно спросил:

— Вы давно любовались коллекцией вин Босоногова?

Юноша пожал плечами.

— Приказчик, — продолжал глядеть на бутылку Цезарь. — Где я раньше мог видеть его рожу? А ведь она, мнится, мелькала в деле неприятном для меня. Старую, однако-с. Но продолжим. Однажды, будучи совершенно здоров, я забрёл в аптеку за не помню какой мелочью, а вышел оттуда больным. Оказывается, в сей обители врачевания и милосердия можно без труда приобрести яды и химикалии. Но самое поразительное — элементы, из которых при известном желании нетрудно составить динамит! — Алымов многозначительно посмотрел на собутыльника. — Вот вам и двери кованые, вот вам и стража при них, думал я, воротясь домой. Зачем бить мозоли, возводя вокруг себя аршинной толщи стены, коли любой, пьяной отваги булдыжник бросит снаряд, и ваш жалкий мирок развалится на осколки. Я оставил свою затею. Глупо.

Какую затею, Палестин так и не понял. Равнодушно позёвывая, изменившимся, однако, голосом он спросил:

— Господин импресарио, а где злодеев отравой снабжают? Не у Сенной ли площади случайно?

— Другого вопроса я и не ждал. Возьмите, — Цезарь Юльевич положил на стол несколько ассигнаций. — Провизора зовут Арон Самойлович. На улице Сибирской его знают все. Но мой вам совет: сходите лучше в Чёрную слободу. Именно. В магазинах-то оружием нынче не торгуют. Запрет-с. А ловкачи да барышники за милую душу предложат вам игрушку менее опасную и более надёжную, чем гремучая смесь. Слышал я про одного такого дельца. Болдырем, кажется, зовут. Вот его и найдите. А про разговор наш забудьте. Не было его.

* * *

Около двенадцати часов пополудни из 24-го номера гостиницы «Ямская» вышел человек, сразу и не скажешь, какого возраста. Запахивая на ходу крашенную крушиной шерстяную шинель на меховом подкладе, он неспешно спустился лестницей в нижний этаж. Там к нему сразу прилепился прилизанный коридорный, ловко подхватил протянутый ключ, шепнул угодливо, что «экипаж их давно дожидается», и кинулся, опережая, к входной двери. Отъезжающий, наткнувшись взглядом на собачьи преданные глаза служителя, гадливо махнул перчаткой: «Не мешай». И лакей сник, обидчиво шмыгнул носом.

Выйдя на крыльцо гостиницы, господин в шинели обозрел поданную ему «каре-ту» — узкие сани с верхом, возницу, согнувшегося на козлах почти у самого крупа саврасого мерина, — и воскликнул недовольно:

— Поедем далеко, а ты одет с прорехами.

— Мы привычные, — даже не обернулся кучер.

— Ты меня не понял: поедем очень далеко, — повысил голос подошедший.

— Так што, впервой, што ли?

— Ну, гляди, — усмехнулся господин, назвал место, куда надо ехать, и забрался в холодное чрево возка.

За городом, бойко проскочив пару вёрст печально известным каторжанским трактом, влетели в рыхлую осыпь малоезженной просеки. Лошадь начала всхрапывать, увязая в снежном крошеве. Вознице ударами кнута и глухой бранью какое-то время удавалось заставлять её тащить сани, но скоро он и сам обессилел, натянул вожжи.

— Спите? — обернул потное, широкоскулое лицо к седоку. — Вертаться надо. Здесь, однако, ночами волки хороводы водят. Не отобьёмся.

Господин вылез из возка, покачал головой:

— Н-да, а в имение мне позарез как нужно. Есть туда другая дорога?

— По реке можно, однако. Но от неё всё равно никак. Страсть как снегу много. И сейчас, гляди, — мужик поднял кнутовище вверх, — метель идёт. Вертаться надо,

ваш благородие, страшно.

— Хорошо. Выбираемся на тракт. Оттуда попробуешь рекой к Царской засеке выехать, а там я пешком дойду.

— Не буду ходить туда, господин офицер, лошадку жалко.

— Дурак, три рубля плачу, экие для тебя деньжищи!

Чёрные створки рта кучера дрогнули в заиндевелой бороде, по щеке скользнула слеза:

— Не невольте, барин, детки у меня, помёрзнем здесь до смерти.

— Становись к запяткам и рви сани сзади, я с уздой сам управлюсь, — зашипел господин и сунул под кушак возницы дуло тяжёлого «Смит и Вессон».

Небо на глазах темнело, крылось седыми космами, нижние концы которых уже цеплялись за верхушки елей. Стал постанывать лес.

«Наддай!» — зычно разносилось по округе. «Шайтан тебя раздери», — шепталось за кибиткой.

— Раскачивай, раскачивай! — орал встрёпанный, потерявший фуражку седок. — Влево, влево выдёргивай. Стой! Теперь вправо давай!

Отдохнув, начинали снова. Матерились, скрежетали зубами. И били, били измотанную лошадь. Мужик заплакал, когда в снежной замяти выяснились вдруг сбившиеся табором сани. Знал по опыту: направляющийся в город обоз, опасаясь быть разорванным метелью, станет здесь на ночёвку. Вон и костры уже дымят, люди спуют. Повезло, кажется.

— Поди поищи хлеба, и выпить чего, — сунул деньги вознице офицер. — Согремся и дальше двинемся.

Однако возок больше с места не стронулся. Поджидая ушедшего искать провизию извозчика, господин из «Ямской», имени которого мы так и не узнали, устало забылся в ознобной дремоте. Ему не позволили воспользоваться оружием, на которое он, в общем-то, всегда рассчитывал. Навалились сразу двое — ражие, тяжёлые. Прижали, запрокинули голову. Свинцовые пальцы обхватили шею и не отпустили нужное время. Тело вытянули для удобства из возка, раздели до исподнего, оттащили в темень и быстро прикидали снегом. У дальнего костра долго ругались, деля найденное в карманах убитого. Потом пили водку и слезили песню о тяжёлой ямщицкой доле.

* * *

Ночь. Уснувшая улочка. Земская больница. В ней — чистенькая комната. А в комнате застиранные занавески на окне, стеклянный шкаф с пробирками и микстурами, деревянная, скоблёная до желтизны, тахта у стены. Нечищенные сбитые сапоги городского в растёкшейся под ними луже приковывали внимание заспанного санитаря:

— Бог с вами, Ларион Ульяныч, какой оборванец! Мне порядочных людей велено в коридоре укладывать, а вы всё это, тряпьё какое-то подзаборное свозите. Куда девать-то его?

— Положено, Тараканов, смирись, — брякнул шашку на тахту служивый. — Который уж год лодырем здесь сидишь, а всё не раскорячишься башкой своей, что начальство строго требует осматривать таких и доклад представлять. Вдруг беглый он, а может, и хуже ещё кто. Эй, вы там, заноси.

Дворники, не очень церемонясь, за руки, за ноги втащили босого стонущего человека.

— Вишь, как обделали бедолагу. Замерзал под трактиром. Шевелись, Тараканов, лампу ближе давай. И лицо ему от волосьев освободи, — бая, склонился над босяком урядник, — О, да это ж Васька татарин, извозом у «Ямской» промышляет. Знаю я такого. А ну, вывёртывай его из лохмотьев, всё, что найдёшь, сюда складывай. Что это? — удивился. — Деньги? Ну-ка пошли отседова, — махнул дворникам. Подумав, вышел следом. — Не болтать! — зыкнул свирепо. — Понадобитесь, призову.

Санитар задрожавшими вдруг руками разглаживал листы купюр.

— Сто десять, Ларион Ульяныч, откель столько? — еле слышно спросил городского.

- Давай сюды, разберёмся.
- Тараканов, передавая деньги, зашептал просяще:
- Ларион Ульяныч, а может, того, разделит не поровну. Могилой молчать буду.
- Знаю я тебя, худоротый, тут же к лавке припустишь. А где водка, там язык, что бабий ухват в печи грохочет. Осмотри Ваську и смажь его, чем есть.
- Городовой присел к столу и зашелестел купюрами. Санитар сделал ещё одну попытку:
- Десять рублёв всего, Ларион Ульяныч, за Христа ради прошу!
- Полицейский одёрнул его взглядом:
- Начальству сообщать надобно. Тут недавно артельщика Маругина с убивством ограбили. Не оттуда ли денежки, а, Тараканов?
- Зря не поделился Ларион Ульяныч. Ну, дал бы больничному прощелье пяток целковых — много ли, если подумать? Тот после недельного загула и не вспомнил бы, откуда богатство такое на него свалилось. А сейчас — высокий кабинет, сухое лицо ротмистра. Судом пахнет. Эк неладно-то.
- Деньги, Громыхайло, меня мало интересуют, не тряситесь. Их вы обязуетесь вернуть в казну до копейки, не правда ли? — Мазепа ногтем мизинца приоткрыл одну из лежащих на столе папок. — Сколько там у нас изъято у пострадальца в действительности? Ага, сто десять рублей. Вы же указали в донесении только десять. Браво!
- Бес попутал, ваше высокоблагородие, заступитесь!
- Верю, голубчик, истинно верю, — Иринарх Гаврилович был в прекрасном расположении духа, издевательски иронизировал. — Санитар показал, что предлагал вам скрыть найденное у несчастного, но вы остались тверды в отправлении своих обязанностей. Благодарю за службу!
- Рад стараться! — рявкнул городской.
- «Боже, какое ничтожество, с кем приходится иметь дело», — выругался про себя Мазепа и нажал кнопку звонка.
- Вошёл инспектор охранного отделения Щекутьев.
- Что возница? — спросил его ротмистр.
- Плох, Иринарх Гаврилович, распух, говорить не может.
- Скверно. А что дал розыск в трактире?
- А что он может дать? Простите. То есть я хотел сказать: вы сами знаете, какая там публика собирается. Если что случается, сразу и слух, и зрение теряет. Некий Сила Луков вспомнил, правда, что видел вчера, кажется, Ваську татарина в кабаке, но зачем тот босым в сугроб полез и куда его лошадь девалась, он, по причине чёрного запоя, отвечать не может.
- Вы Лукова этого разомните хорошенько и в тёмной подержите, может, и вспомнит чего. Деньги у извозчика большие оказались. Быть того не может, чтобы это не удивило никого. И «Ямскую» проверьте. Этот Васька там, кажется, клиентов подбирал.
- Щекутьев вышел, а Мазепа подошёл к Громыхайло.
- Вот что, болезный. Будешь татарина с ложечки кормить, носить на руках будешь, пока не узнаешь, откуда у него деньги такие взялись.
- Городовой порозовел: пронесло вроде. Вытянулся:
- Не смлевайтесь, ваше высокоблагородие, выпытаю!

* * *

А Васька татарин помирал. «Антонов огонь» лизал ему ноги, липкой испариной обжигал лицо, рвался наружу криком. В палату заходил похожий на птицу-секретаря фельдшер, равнодушно приоткрывал больному веки, перебирая его костистую руку, шупал пульс. Выходя, недоумённо косился на сидящего у постели полицейского. «С чего такая честь забуддыге?» — лениво думал о Ваське. Урядник прикрывал за фельдшером дверь, неумело поправлял сползающее одеяло, нависал над чёрной головой лежащего.

— Васенька, — уже в который раз заводил жалобный скулёж, — помоги, сердешный. Вспомни верно, где денежку взял. Очень нужно. Доктор вот ноги спилить

тебе собирается, а я не даю, жалею. Как можно? Человеку без ног нельзя. Освободи душу, покаяйся, ми-и-лай.

Васька с ужасом смотрел на шевелящиеся усы и свирепые бакенбарды «посиделки». Боль, белые стены, страшные слова незнакомца — где он? Откуда доносятся и сливаются в жутком хоре чьи-то предсмертные хрипы и плач одинокого колокольца? Мрак, холодный мрак зачем глядит на него из маленького оконца — цепенящий, густой, влекущий? Мысли путались. Жизнь уходила.

Худо было и Громыхайло. Странно, но он не казнил себя за украденные деньги, вернуть которые — уже не вернёшь: сынок родимый («убью молокососа!») выпросил займы для покупки ценных бумаг на вырост и промотал, как вскрылось, всё за вчерашнюю ночь в каком-то притоне. Бог с ними, деньгами. Долгая служба и не из таких передраг научила выскальзывать. Худо, что в извозчика охранка вцепилась. Видать, дело серьёзное, политическое. С этими не забалуешь. Умирая, Васька приговаривал Ларион Ульяныча к позору и, может быть, тюремной тоске. Подумав, пошёл к доктору. Вчерашний выпускник медицинского факультета заглянул в «скорбный лист» больного и снял очки:

— Зря вы здесь пропадаете. У нашего с вами подопечного бред и галлюцинации — типичные для таких случаев проявления. Как я понимаю, вы что-то желаете узнать от него? Напрасно теряете время. Летален.

— Чего, чего?

— Помрёт, говорю, скоро. Ступайте лучше домой и выспитесь.

В узком тамбурочке на выходе Громыхайло столкнулся с Таракановым. Коротко, без замаха, сунул тому кулак в подреберье, сплюнул и пнул охнувшую от удара дверь. Что ж, остаётся одно. И он — во спасение своё — решился на обман.

По многим причинам опасаясь Мазепы, попросился на приём к Щекутьеву и полушёпотом, будто родному человеку, поведал тому предсмертную исповедь возницы. Из неё выходило, будто подобрал Васька у «Ямской» пьяного офицера. Вёз его, вёз к «Народной аудитории», а тот взял да и выпал где-то на повороте. При этом забылись тем офицером в возке ридикюль, набитый деньгами, дамские перчатки и револьвер.

— Хотя, про револьвер, может, и слышалось, — спохватился урядник и виновато забубнил: — Так уж слаб был покойник, так плох, что еле разбираю я, чего он шепчет. Упокой его душу в радости.

— Врёшь ты всё, братец, — не дослушав, подвёл итог разговора Щекутьев и по телефону позвонил кому-то. Переговорив, уставился на урядника: — Ну, что с тобой делать, хапуга? Пойдёшь до полного разбирательства в охранную команду. Опыт вышибать мозги революционерам у тебя есть. Но смотри: шалости свои брось, иначе под трибунал загремишь, время нынче суровое. Уразумел?

— Дык стар я уже за ссыльными-то бегать, господин секретарь. И оклад в команде — рази ж только на сухари и хватит.

— Вот рожа! — неподдельно изумился Щекутьев. — Я его от суда спасаю, а он ногами сучит, сопротивляется, — и, не выдержав, закричал: — На рудниках сгниёшь, рукосуй, за препятствия, чинимые дознанию! Стар он уже. А деньги красть и языком молоть чушь всякую сил у тебя, шкура, хватает? Исполнять и не прекословить!

Успокоившись, вызвал заведующего отделом наружного наблюдения Дедюхина. По поручению Мазепы стал выговаривать ему:

— Чем заняты твои молодцы, Тихон Макарыч? Водкой в подворотнях греются? А вот не хочешь ли взглянуть на циркулярную телеграмму из Петербурга? Чистейшая оплеуха! Нам — оттуда! Велят взять под негласный надзор почётного гражданина Корякова, который по сведениям департамента, является руководителем здешних эсеров и злоумышляет у нас под носом смертоубийства и экспроприации. А мы тут спим. Или чего делаем? Слышал ты о таком Корякове?

Дедюхин вынул платок и высморкался. Стал жаловаться на плохую погоду и жалкую одежку своих подопечных. Замотали, мол, людей до обмороков.

— А надзиратели, что квартальные, что вокзальные, нет чтоб в помощь придти, так они, растуды их мать, сплошь мздоимцы да тайные хищники, только и лупают

глазницами, кого бы обобрать почище. Корякова того знаю. Только в городе его орлы мои не видят. Прячется, должно быть. Дом его недалеко от винной лавки Босоногова, вот здесь, — ткнул пальцем в карту города. — Там, по нашим сведениям, верхний этаж снимает вдова покойного Жоржа Жирмунского, а полуподвал приспособлен под вывесочную мастерскую. В ней молодой парень рекламы работает. Ничего такого вокруг дома не замечено. Хотя, живописец тот, кажется, племянником Корякову доводится или кем-то там, не знаю, — Дедюхин потёр виски: — Но я вас понял, Николай Васильич.

— Вот-вот, Тихон Макарыч, раз Коряков сам где-то затаился, значит, к парню этому приставь человечка, пусть пару дней походит за ним. Может, и узнаем чего интересного.

* * *

Молодости приписывают многие грехи: и легкомыслие, и безоглядность, и беспечность. Не забывая, впрочем, что и такие добродетели, как бесстрашие, пылкость и смекалка, тоже ей присущи. «И чего мы тут всего боимся? — невесело думал Палестин, подходя к низенькому домику с резными подзорами — единственному такому в кривеньком переулке, именуемом Леонтьевский ручей. — В столицах вон слышно, народ чуть самодержавие не скинул, конституции добился, а мы всё болтаем да мечты строим. Надо что-то такое совершить, чтоб увидели в городе: есть и здесь сила, которая царизма не боится. Скажу сегодня об этом, а если не услышат, сам начну действовать. Вот схожу завтра же в слободу, оружие добуду. А план у меня есть».

Провериться бы ему, юноше светлому, поосторожничать где-нибудь за углом, как назидали опытные товарищи. Может, и заметил бы тогда чужую тяжёлую тень, тянувшуюся за ним от самой Калачной улицы и слившуюся сейчас со старой больной ивой, из-за уродливых сухожилий которой по-волчьи желтели в ночь окна со знакомыми ставнями. К чёрту страх. Впереди — жизнь и борьба! Палестин решительно шагнул за калитку. Условный стук. Боевая группа социалистов-революционеров в сборе.

А тень эта, помедлив, оторвалась от дерева, метнулась по снегу к холодному телу избы, ловко изогнувшись, прилепилась к щели, оставленной непростительно между занавесками. И замерла-то всего на несколько минут. А уже через полчаса участковый пристав Чернолобов тем же условным стуком оборвал речь Танечки — «Трапедии», ставящей точку в деле Богдавленского, которого окончательно осудили на смерть путём расстреливания непременно при публике на одной из городских улиц. Третий член боевой дружины, он же приватный ветеринар Акулов и он же хозяин дома, услышав «дробь — пауза — дробь» звукового пароля, недоумённо оглядел присутствующих и резко подкрутил фитиль лампы.

— Ваше благородие, — вывернулся из-за угла и вскочил на крыльцо пышноусый детина урядник, — свет в доме погас, поберегитесь. Раз дверь не отпирают, чую, щас палить начнут. Помните, как с типографщиками вышло?!

Чернолобов помнил. Недавно, сразу после святок, по наводке «штучника» Актёра они окружили неприметную лачугу в Затоне. Понимая, что гектограф и оружие есть прямая дорога на виселицу, бандиты устроили им тогда кровавую баню: трое убитых стражников и двое покалеченных. «Многовато-с! Если и здесь такое повторится, разжалуют. За мать милую, разжалуют!»

— Вахмистр! — уже не таясь, закричал он. — Дверь ломать! Людей товсь к стрельнию по окнам и уловлению тех, кто бежать начнёт! А ты, Громыхайло, живо на задний двор. И гляди, чтоб никаков человек не пролез!

Суэта охранной команды и тем более эта — на кого рассчитанная? — стряпня со стуком мало испугала конспираторов. На случай таких вот наскоков дом был продуманно приготовлен. Пока Чернолобов топтался на крыльце у входа, боевики из сенного погребца по добротному прокопу без труда протиснулись в хлев, задняя стена которого нависала над тёмным оврагом. А за ним — густой чернотал, петли заячьих следов и спасительные тропинки к охотничьим кордонам. В хлеву было темно, но Акулов быстро откидал сено, нащупал и открыл потайную дверцу, выглянул нару-

жу. И тут только, вспомнив что-то, зашептал:

— Татьяна Андреевна, а ведь с вашей-то ногой овраг не перейти. Снег глубокий. И тропы, надо думать, перемело. До ближнего кордона версты две-три идти, не осилите. Эх, времени у нас совсем ничего. Через несколько минут эти архаровцы здесь будут: дверь в избе выломают и лаз непременно найдут. Давайте-ка вот что: быстро одевайтесь, — он пошарил по стене рукой и снял с гвоздя полушубок, затем сунул Танечке пустое ведро, — Пока во дворе никого, попробуйте к колодцу пробраться. Увидите, он сразу за хлевом, направо. Если что, плачьте, мол, соседка я, Шахова по фамилии, за водой сюда хожу. На реку, мол, тяжело калеке, вот сюда и хожу. За колодецем тропинка есть через соседский огород, уйдёте.

Ветеринар осторожно приоткрыл дверь, взгляделся в темноту и, немного помедлив, подтолкнул Танечку: «С богом!» Проследил, туда ли она направилась, и сжал руку Палестина. Накинув на себя какие-то лохмотья, боевики вывалились в овраг.

Громыхайло в это время обогнул угол избы. Человеком он был бывалым, потому сразу присел и осмотрелся. Двор был пуст. Только телега, с задранными вверх оглоблями и груженная как будто сеном, чернела у сарая. К ней, недолго думая, урядник и двинулся. И тут где-то совсем близко звякнуло-ёкнуло пустое ведро. Громыхайло сдёрнул с плеча винтовку.

— Кто здесь? — передёрнул затвор.

Но ему никто не ответил, хотя в непроглядной за телегой темноте явственно слышался хруст снега — кто-то торопливо удалялся за хлев. Урядник нырнул под оглобли и, ещё никого не видя, осевшим вдруг голосом скомандовал:

— Стой! Стреляю!

И только когда в метрах двадцати от себя услышал: «Не надо, не надо, дяденька», — рассмотрел человека. Подскочив к нему, он рванул его за высокий воротник полушубка. «Баба, что ли?» — обомлел вначале, но потом глухо зарычал:

— Чего тут делаешь? Кто такая?

Танечка плаксиво объяснила. Громыхайло, опять же за воротник, приблизил её лицо к своему и взгляделся: «Чисто сопля зелёная, на революционерку вроде не похожа», — решил про себя и замахнулся прикладом:

— А ну пошла отседова, дура.

И видя, что девка, видимо, парализованная страхом, не шевелится, ударил её. Танечка упала, но поднялась и, прихрамывая, утащиась за колодец.

Громыхайло матюгнулся и вернулся к телеге. Зарывшись в сено, тоскливо стал думать о своей давней трещину судьбине. И когда от сарая вдруг донеслась до него многоголосая брань, он не сразу понял, что происходит.

— Спишь, подлюга! — вырос перед ним Чернолобов и тяжёлым ударом повалил вскочившего урядника на снег. — Где они? — орал пристав. — Почему не стрелял? Отвечай!

— Дык что случилось-то, ваше благородие? Ей-богу, никого не видал, — утёр окровавленную губу Громыхайло. — Девка одна только и топталась тут с ведром, за водой приходила. Соседка. Так прогнал я её. А чужих, как есть мне провалиться, ни одного не замечено!

— Что за девка? За какой водой? Вахмистр, а ну проверь соседей и давай ту девушку сюда.

Через несколько минут вахмистр доложил, что девок в соседнем доме отродясь не бывало, у хозяев едино лишь два сына законных имеется и оба неженатые ещё.

— Так! — зловеще зашипел Чернолобов и спросил топчущегося неподалёку филёра в куцем пальтишке. — Точно трое их было?

— Вот как вас сейчас вижу — трое: баба в платке и двое мужеска полу, один постарше с бородкой, другой — молоденькой ещё, — перекрестился «топтун».

— Так, — ещё раз протянул пристав. — Девку, выходит, эта размазня пожалел и отпустил, а те двое, значит, в овраг сиганули, — и похлопал по плечу урядника. — Теперь тебе, сволочь, точно небо через решётку разглядывать. Ты, вахмистр, смотри здесь всё ещё раз, да хорошенько дом переверни, а я в управление с докладом.

И уже в кошевке снова ударил урядника:

— Если лишат меня должности, заказывай по себе панихиду, морда квашеная!

В управлении, несмотря на поздний час, было многолюдно. В плохо протопленных коридорах толпились просители и лица, преданные правительству, сновали чиновники ведомства с бумагами. Оставляя на полу грязные следы, разносили к печам дрова истопники, полицейские чины выводили из кабинетов дознавателей задержанных, а у отдела наружного наблюдения негромко переговаривались какие-то невзрачные личности. Было холодно. Дежурный офицер поинтересовался, указывая на Громыхайло:

— А этого зачем сюда притащил? К награде представлять? Ну-ну. Мазепа тебе в пояс поклонится. Из начальства, к сожалению, сейчас никого. Если Дедюхин устраивает, шагайте к нему.

Заведующий отделом наружного наблюдения, выслушав пристава, укоризненно покачал головой и попросил пригласить урядника. Осмотрев служителя с разбитой губой, усмехнулся и приказал тому присесть за стол:

— Опиши-ка мне подробно, голубок, отпущенную тобой девицу. Сколько годиков ей? Толста, худая? Нос у ней, брови какие?

— Так я грамоте ить тихо знаю, да и темно было, — замялся Громыхайло. — Как я у ей нос-от разгляжу? В тулупе она. Ну. Молодая. В голос редела. Соседкой сказывалась. Я б ни в жизнь, знаючи-то. А так чего? Э-э... Хроменькая. Эдак вот ногу тащила, — показал, встав со стула. — И ведро у ей было. Чего теперь со мной-то, ваше благородие?

— Обожди за дверью, — приказал ему Дедюхин и недовольно глянул на Чернолобова. — Эх, Василий Петрович, любишь ты своевольничать. Кто тебе команду давал дом штурмовать? Всего и было-то велено за юнцом посмотреть и не пугать его до времени. Почему никого в известность не поставил? Чего такого «шушер» мой высмотрел в доме, что ты туда с командой наскочил? Бомбы там мастерили? Или людей на куски резали? Кому и о чём сейчас докладывать?

— Но твой «прилипала», Тихон Макарыч, бросился ко мне с сообщением, будто слышал через окно, как подозрительные лица намечают дело чьего-то убийства. Вот я и...

— Я тебя спрашиваю: что в доме нашли? Гектограф? Прокламации? Оружие? Прокурору что говорить будешь? Может, собралась там компания и, напившись, куражилась, а ты с ружьями к ней в гости! И то, что из дому ход имеется под землёй, тоже ни о чём не говорит. Его, скажут тебе, ещё при Ермаке казачки проковыряли, от нехристей спасаясь. И поди докажи, что это не так. А где он, кстати?

— Кто, Ермак?

— Топтун мой.

— Домой отпустил.

— Тьфу! — выругался Дедюхин. — Посылай за ним. Он мне ещё за сегодняшний день не отчитался. Хотя, постой. Докладывать начальству резона не вижу, одни неприятности наживём. Ты ведь понимаешь, что в этой промашке не только твоя, но и моя вина есть — плохо своих «наружников» дрессирую. Сделаем так: ты уряднику своему ещё раз по морде съезди, чтоб молчал. В его же интересе. А я своего ретивого охломона для порядка на десять целковых оштрафую, чтоб знал наперёд, подлец, как инструкции нарушать. Ну, а сбежавший хозяин дома от нас никуда не денется. Так? Так. Паренёк тоже нам известен. Ну, а про хромую девку ты дай команду околоточному, чтоб он тихо в своих улицах людишек пораспрашивал. На Руси хоть и хватает убогих да горбатых, только каждый из них скорбь свою телесную далеко от дома не таскает. Тяжело её носить. Где-нибудь калечная эта выплывет. Вот когда установим её, тогда к начальству и пойдём. Всё, Василий Петрович, не задерживай меня, ориентировок ещё с десятков надо к утру изготовить.

Чернолобов пожал плечами и вышел. На улице, подумав, сунул Громыхайло полтинник и уже по-доброму сказал, чтоб тот сходил куда-нибудь согреться, а завтра дома отлежался.

***

На грязной базарной площади, облепленной лавчонками, питейными заведениями и тёмным галдящим людом, рыжий вертлявый мужик, одетый с некоторой пре-

тензией на шик: и сапоги-то у него начищены до блеска, и лиловая атласная рубаха виднеется под небрежно распахнутым кожушком, и медная цепочка от часов свисает из кармашка бархатной жилетки, — сразу привлёк внимание Палестина. Чёрная слобода — место жутковатое. Говорят, в кого здесь ни плюнь, либо в бывшего, либо в будущего каторжника попадёшь. Пропасть можно ни за грош. Юноша про то был наслышан и потому обращаться к незнакомцу сразу не стал — кто его знает, что за щёголь? Но рыжий, перехватив взгляд Палестина, чуть вихляясь, подошёл сам.

— Чем-то интересуетесь, мил-человек? — картинно склонил голову набок.

— Да нет, я так, приятеля своего ищу. Где-то тут, сказали, проживает, — грубовато, не глядя на возникшего рядом «модника», ответил Палестин.

— Так быстрее называйте его имя, и ваша встреча скоро состоится, — игриво разведя руки в стороны и притопнув, по-свойски подмигнул мужик.

— Очень благодарствую, однако сам найду.

— Тогда купите у меня превосходное средство от геморроя «Анузоль», — не отставал вертлявый. — Хворь сия очень, скажу я вам, коварственная. Вот вы, к примеру, сегодня ничего такого не подозреваете, а завтра она — бац! — и очень даже запросто случится.

— Что вы говорите! — решил поддержать разговор Палестин и поинтересовался ценой лекарства.

— Так смешная цена, мил-человек. Если вы возьмёте сразу два флакона, отдам и вовсе за полтора рубля. А ещё шелковую тряпицу для втирания присоволюплю. Очень рекомендую.

— Ладно, я возьму у вас эту гадость, но при согласии, что вы поможете мне отыскать Болдыря.

Рыжий как-то странно дёрнулся:

— Как? Как вы спросили? Болдыря? — и резко приблизил своё лицо к лицу Палестина. — Будьте очень потише, мил-человек, а то вы так непочтительно интересуетесь нашим уважаемым Григорием Платоновичем, что даже те, кто этого не слышал, могут за вас расстроиться.

Юноша испуганно приподнял свою шляпу:

— Приношу извинения. Конечно же, конечно, Григория Платоновича. Просто за глаза его, почему-то, чаще называют Болдырем. Уж и не знаю, почему?

— Да то и знать вам не надобно. А вы к нему с каким делом припожаловали? Коммерция? Подряд ищите? Али чего другое?

Палестин обозлился:

— Скажите ему, варвара любопытная, что интерес мой чисто политический. Но Григорий Платонович поймёт с него неплохую выгоду.

Мужик неподдельно удивился, стал нервно оглядываться по сторонам. Но, видимо, решившись на что-то, повёл пальцем:

— Шагай туда — в хоромы Толстомясиhi. Обожди там.

В притоне, на который ему указали, к Палестину неслышно наклонилась молодая, но уже развисшая боками миловидная баба, зашептала просяще:

— Шёл бы ты отселева, парень. Вон как завились вокруг тебя соколики-то наши. Обберут ведь до нитки, и не поможет никто, — она боязливо оглянулась. — Но поздно, кажется, вон идут уже по твою душу. Ни креста на них, ни погибели.

Баба торопливо отошла к другому столу.

Хлопнула дверь, вошли двое. Один из них — папаха на голове, нос вдлинь лица крючковатый висит, — пошарив глазами по редким посетителям заведения, уставился на Палестина.

— Ты, што ль, к Грыгорью Плаытонычу по полытыческому? — спросил гортанно. — Восставай и дувай за нами.

Палестин спокойно ответил, что хотел бы допить чай: заплачено, мол, уже, да и вообще, он ещё не завтракал.

— Мы тебя в другом месте позавтракаем, — хихикнула «папаха». — Кукиш, говори фрайеру, что мы так не любим. Пошли, друг, Григорья Плаытоныч желает на тебя пасматреть.

Кукиш, устрашающего вида верзила, подошёл к Палестину и легко приподнял

его над скамьёй, подержал немного на весу и опустил на пол:

— Давай, чахоточный, шам-шам ножками и не разговаривай. Любите вы, интеллигенты, скуку на людей наводить.

Палестина вытолкали на улицу и повели (носатый спереди, Кукиш сзади), куда — неизвестно. Сарай, заборы, обтёрханные домишки. Серость, убогость, нищета. У Палестина рябило в глазах и тревожно колотилось сердце. Наконец, «папах» сделал Кукишу знак, чтоб остановились, а сам, отодвинув только ему известную доску в заборе, скрылся в проёме. Громила подтолкнул Палестина: «Полезай туда же». От забора по тропинке прошли к большому, в два этажа, кирпичному дому, у дверей которого Палестину было снова приказано остановиться, очистить обувь о специальную скобу и только тогда заходить.

Во многих домах приходилось бывать юноше, но такого роскошества он ещё не видел. Гобелены, лепнина, дорогое оружие на стенах, многоярусная люстра, мрамор бюстов на красного дерева точёных геридонах. И камин. И что-то похожее на царский трон возле него. И улыбающийся человек, встающий с этого трона и идущий Палестину навстречу.

— А Цезарь вас точно описал, недаром, шельмец, в артиллерии служил, — сообщил он опешившему гостю и, подойдя, протянул руку для пожатия.

— Так, значит, вы знакомы с Алымовым? — облегчённо вздохнул Палестин. — А я, честно говоря, перетрусил. Эти люди... эти страшные улочки...

— Здесь без охраны нельзя, и вообще по-другому нельзя, — беря под руку Палестина, вздохнул Григорий Платонович. — Пойдёмте, героический юноша, для начала отобедаем.

Они прошли несколько сквозных комнат, различных по размерам и убранству, но неизменно показывающих, что владельцем их является, несомненно, очень богатый человек. А вот столовая оказалась на удивление скромной.

— Я не люблю гостей, — угадав мысли Палестина, объяснил хозяин. — И трапезничая, как правило, в одиночестве. Присаживайтесь. Нам подадут сейчас курицу и вино, — он позвонил в колокольчик.

— Дядя Гриша, — спросила вошедшая темноволосая девушка. — Куда закуску ставить, на этот стол или на тот, что у окна?

— Племянница моя, сирота. Отец её — брат мой Борис. Он с женой в Порт-Артуре погиб. Снаряд японский в их дом угодил, — шепнул Григорий Платонович. — Да ставь сюда, Людмила, и сама к нам присоединяйся. Хотя, займись пока своими делами, а то гость наш о тебя спотыкаться будет.

Людмила фыркнула, гордо вскинула голову и вышла.

— Замуж надо выдавать красавицу, да женихи какие-то нынче облезлые всё сватаются, — зло обронил Григорий Платонович и без всякого перехода спросил: — Оружием, значит, интересуетесь? — и, заметив, что Палестин не решается ответить, успокоил его: — Как вас, кстати, звать-величать? Так вот, Палестин Георгиевич, Цезарь коротко посвятил меня в ваши планы. Хотите вы будто грязную свинью Богоявленского пульками пощекотать. И очень правильно хотите. Я бы сам продырявил ему брюхо или дружков своих снарядил, но с властями у меня пока перемирие. А начинать с ними войну из-за этого борова, зная, чем это кончится лично для меня, — неосмотрительно. Но Богоявленский — мой личный враг. Правда, не симпатичны мне и вы — социалисты. Читал я эти ваши — «отнять, поделить»... Но относительно полковника наши взгляды сходятся, и поэтому я помогу вам, — Григорий Платонович выпил бокал вина, закурил папиросу и мастерски пустил под потолок несколько колец из дыма. — А с Цезарем мы вместе учились в военном училище. Только он стал офицером, а я — нет. Угораздило меня убить на дуэли после второго курса одного «сиятельного» подонка. Хорошо, годы не нынешние стояли, а то бы каторгой в Туруханск я не отделался. Там, кстати, с Богоявленским и познакомился.

Палестин с интересом слушал, и его подмывало спросить хозяина: каким образом тот исхитрился поменять нары каторжника на полуцарские покои, в которых они сидят сейчас? Но Григорий Платонович, видимо, не склонен был продолжать разговор и неожиданно поднялся из-за стола:

— Чай допьём после выбора оружия. Следуйте за мной.

В комнате, куда они пришли, их ждал высокий седеющий брюнет, одетый в военный френч без погон. Тонкие черты лица, тонкие, подкрученные усики. Но свежий ещё шрам через левую щеку и слезящийся немигающий левый глаз обезобразили лицо — смотреть на такое не хотелось. Брюнет поздоровался, чуть наклонив голову, и неспешно открыл дверцы массивного шкафа, стоящего у стены, выложил на стол несколько футляров, отошёл в сторону и сделал приглашающий жест рукой.

— Ну-с, затейник-оружейник, показывай свой арсенал, — полуобернулся к нему Болдырь.

— Прикажете начать с германских пистолетов, Григорий Платонович?

— Да нет, наверное. И не потому, что дорогие. Тяжёлые они эти парабеллумы и маузеры. Привыкать к ним надо. И прятать их сложно.

— Тогда, может быть, предложить курковый «Реформ»? Он и стоит всего одиннадцать рубликов, и бьёт на пятьдесят шагов.

— Ты бы ещё «кухенрейтер» нам посоветовал или пицаль стрелецкую.

— Есть очень удобный револьвер типа «Велодог», стоит от двенадцати до двадцати рублей. Но, говорят, не очень надёжен, убой слабоват. А вот, взгляните, — открыл один из футляров, — самозарядный браунинг образца тысяча девятисотого года. Двадцать пять целковых. Стоит того.

— Да что ты нам всё о цене талдычишь, Иннокентий, — недовольно оборвал его Григорий Платонович. — Мне нужен хороший инструмент, а не дорогая пугалка. Что есть из последнего привоза?

Иннокентий вытер платком лоб:

— Но вы просили оставить новинки для особого случая.

— Доставай, — распорядился хозяин. — Этот случай наступил.

— Воля ваша. Вот, — брюнет вынул из шкафа и открыл кожаную изящную коробку, — револьвер фабрики «Льезская мануфактура». Удобен тем, что к нему подходят патроны от «Велодога», браунинга и пистолета ле Франсез. Но гвоздь сезона — дамский браунинг образца прошлого девятисот шестого года. Калибр — 6.35, вес — всего триста пятьдесят граммов, имеет шесть патронов! Исключительная особенность сего изделия в том, что после выстрела из него покойник очень хорошо смотрится в гробу.

Болдырь, явно довольный демонстрацией, весело посмотрел на Палестина:

— Подходит вам такой шпалер?

Палестин не скрыл восхищения:

— А нельзя ли сразу пару таких? Может случиться, что нас двое будет. Скорее всего — двое. Денег у меня должно хватить.

Григорий Платонович вопросительно глянул на Иннокентия. Тот утвердительно кивнул.

— Тогда найди Зейдуллу, пусть он подумает, как пистолетики упаковать и в город незаметно доставить. Сам через пару часов зайдёшь ко мне, хочу тебя в дальнюю дорогу отправить. На, — протянул Иннокентию серебряный рубль. — За показ.

В столовой они допили вино, и хозяин стал прощаться:

— Денег я с вас не возьму. Более того, если акт состоится с нужным мне результатом, я надёжно спрячу вас на время шумихи, а потом вывезу куда-нибудь в Тюмень или Екатеринбург до лучших времён. Ну, а ежели пожелаете остаться, то работа для таких, как вы, у меня всегда найдётся. И последнее. Упаси бог, конечно, но при случае задержания вашей полицией, разрешаю на дознаниях обмолвиться и о моём участии в акции. Всё едино тот же Мазепа никогда не поверит, что Григорий Платонович Калетин может опуститься до связи с социалистами. Убийца, вор и... рэволюционеры! — и цинично добавил: — Это, конечно, от виселицы вас не спасёт, но дело запутает и, может, даже затянет. А кто знает, что будет завтра? Или ишак сохнет, или падишах околеет. И адресок, адресок сообщите, куда оружие доставить.

Они попрощались. Калетин тряхнул колокольчиком и попросил вошедшую Людмилу проводить гостя во флигель, где сдать на руки Кукишу, чтоб тот на извозчике доставил «господина живописца», куда тот укажет.

«Лихач», видимо, получив указания, устроил Палестину долгую «экскурсию» по городу. Слушая вслед себе проклятия встречных «ванек», промчался сначала центральными улицами, потом долго петлял в каких-то переулках, наконец, закатился зачем-то на Алафеевские горы. Там Палестина пересадила в другие сани и уже на них отвезли к Сибирскому торговому банку. Около него остановились, и кучер, подтягивая подпругу на лошади, понаблюдал какое-то время за скользящими мимо пошевнями и кибитками. Зачем? Да, наверное, не из праздного любопытства. От банка Кукиш приказал свернуть к магазину Голева-Лебедева, в котором что-то купил. И только потом поехали на дальнюю окраину подгорной части города, где в неказистой хибаре бабки Татьяны Андреевны боевики затаились после побега из дома Акулова. Перед тем как уехать, Кукиш попросил Палестина нынешним вечером не отлучаться из дома и ждать гостя.

Гость, действительно, появился. Уже стемнело, когда «Трапезия», делая приготовления к ужину, вышла в холодные сени за капустой. Пламя свечи заплескало по нежилому закутку и высветило дверной проём. Что-то в нём зловеще зашевелилось. Танечка всмотрелась и от страха выронила из рук миску — перед ней, неизвестно как здесь очутившийся, стоял и улыбался горбоносый человек в папахе.

— Зачем, красавица, испугался? Я не злой. Пазави Палыстина Георгыча, ему подарок буду давать, — удержал от падения девушку инородец.

На шум выскочил Палестин и, узнав утреннего «громилу» из слободки, успокоил Танечку.

— Меня Зейдуллоу мама назвала, — снял папаху гость и протянул Танечке коробку, в каких обыкновенно упаковывают при магазинах дамские шляпки.

— Давайте в дом зайдём, — перехватил коробку Палестин. — Негоже на холоде презенты принимать.

Зейдулла стал отнекиваться, но его уговорили остаться обогреться и отужинать. Татьяна Андреевна проворно накрыла стол, выставила полуштоф водки и крикнула бабушке, чтобы присоединилась к ним. Но та, выйдя из-за печи и увидев пришельца, с ужасом тайком перекрестилась и, несмотря на сердитый шёпот внучки, решительно отказалась садиться за стол. Зейдулла что-то недовольно сказал на своём языке, отодвинул от себя поставленную перед ним рюмку и принялся за горячие щи.

— А как вы проникли в дом, что никто и не услышал? — спросил его Палестин, когда инородец, облизав ложку, положил её рядом с пустой тарелкой.

— Вах, дорогой, ваша сакля совсем как дырявая бочка: заходи, плохой человек, забирай, что увидишь. Надо дверь, Палыстин Георгыч, деревом внутри подпирать. Вот Григорья Плаытоныч не зря говорит, что не только я, но и в полиции тоже есть джигиты, которые умеют даже огнестойкие шкапы с секретом открывать. А ещё Григорья Плаытоныч папрасил передать, что нужного вам человека в Петербургу вызвали, а когда он обратно приедет, я вам приду сказать. И ещё говорил, чтоб подарок его в доме не держали. Подарок дорогой. И сами мало на улицу ходили. Ищут вас, — ответил Зейдулла и, надев папаху, молча вышел.

***

Вспомнил, вспомнил Цезарь Юльевич, где он встречался с приказчиком из лавки Босоногова. Было это, да, да, — предвоенным летом 1903 года. Стояли, как тогда выражались, чудные погоды, и ехал он, счастливый, к одной молодой интересной даме — Ольге Викентьевне Угрюмовой на хутор, принадлежавший её отцу. Пустошная эта усадьба с небольшим земельным участком и скотным двором располагалась недалеко от татарской деревушки Аремзяны под Тобольском в живописном распадке и имела славу места отдохновения охотников и ревнителей грибной да ягодной ловли. Сам хозяин — отставной подполковник Викентий Угрюмов охоту не любил, но вот рассказы о ней! Из множества людей, в разные годы бывавших здесь, он постепенно составил дружество, хотя и несколько странное для военно-дворянской среды. В святая святых усадьбы — каминную залу — приглашались после возвращения из тайги на «рюмочку чая» не столько удачливые стрелки, сколько яркие рассказчики. И их родословная здесь абсолютно никого не интересовала. Беседы и только беседы. В числе прочих на мягких диванах вкруг камина сжививали и ссыльнопоселе-

нец Савельев, и купец Радин, бывал, хотя и редко, частный ветеринар Акулов.

Сам Алымов впервые попал на хутор буквально несколько дней назад по приглашению своего приятеля — штабс-капитана Вязова (погибшего вскоре героически под Мукденом), редкого гуляки и записного балагура. Вязов, пребывая тогда, как и Алымов, в отпуске, при встрече в Дворянском собрании шепнул Цезарю, что знает место, где живёт, манкируя губернскую столицу, ну истинная королева:

— Ты, Алымов, бьёмся об заклад, влюбишься в неё непременно. Чудо как хороша барышня. А как поёт! Поедем, будущий Скобелев, не пожалеешь, благо тут недалеко — вёрст десять всего.

«В самом деле, а почему не съездить?» — решил Цезарь. И на следующий день они приехали в усадьбу. И была встреча с Оленькой. И душный вечер, когда она провожала их. И было испрошено разрешение приехать снова. И молчаливое согласие хозяйки тоже последовало. Сколько же раз он успел в те дни повидаться с девушкой? Наверное, раза три. Или четыре? Вскоре отпуск его закончился, и он отбыл в полк. А весной следующего 1904 года он вместе со своей батареей уже участвовал в тяжелейших боях на Квантунском полуострове. Получил ранение. Лечился. Снова воевал. И снова был ранен. Чудом избежал плена (в начале апреля большую партию раненых успели эвакуировать в тыл, прежде чем японцы окончательно перерезали дороги и замкнули кольцо вокруг Порт-Артура).

Но это было потом. А пока он ехал на свидание к Оленьке, и лилась в его душе музыка дивного романа «Я ехала домой. Я думала о вас...», который вчера, как ему показалось, проникновенно и не без намёка исполнила девушка.

Царская засека — охотничья (или сторожевая?) избушка, от которой до самой усадьбы версты две ходу, была уже недалеко, когда рысак Алымова трёхгодовалый «Аргус» вдруг шарахнулся с дороги и чуть не опрокинул лёгкую коляску на пружинной подвеске. От неожиданности Цезарь как-то неловко вывалился на обочину, не выпустив, однако, вожжи из рук. Он вскочил, успокоил коня, осмотрелся и хотел уже было снова залезть в повозку, но тут сзади кто-то сильным и выверенным ударом по подколенным сухожилиям заставил упасть его на колени. Острое жало ножа упёрлось Алымову под лопатку. «Тихо, офицерик, не трепыхайся и быстро говори, куда кости тащишь?» — раздался над ухом чей-то хрип.

— Что вам нужно? Я... я... просто выехал размять рысака, — сдавленным голосом ответил Цезарь.

— Тебя, офицерик, мне сам господь послал. Поможешь из тайги выскочить, живым оставлю, — нападавший больно сдавил горло Алымову. — Казачки меня, вишька, обложили. А спереди на дороге, я сам видел, «фараоны» заставой стоят. Про меня рты разевают. Вот сейчас мы туда и двинем. И ты, офицерик, скажешь им, что дружок я твой и катаемся мы, стало быть, по природе вместе. Тебе поверят. А как они нас пропустят, я, отдохнув, с колясочки твоей через версту спрыгну. Ну, и смотри у меня: кроме кесаря я ещё и наган имею, если звякнешь лишнее, враз зажмуришься.

Ну что мог сделать в такой ситуации Алымов? Согласиться и действовать потом по обстоятельствам. Не видя ещё человека, напавшего на него, он догадался, что был это либо беглый с каторги, либо промышляющий на лесных дорогах разбоем «дергач», лёжку которого обнаружила полиция. «Главное, увести его от усадьбы», — подумал Цезарь и твёрдо произнёс:

— Хорошо. Только править экипажем я стану сам. «Аргус» чужого слушаться не будет.

В это время, очень кстати, с той стороны леса, откуда выскочил беглец, послышалась чья-то переключка. Цезаря тут же отпустили и подтолкнули к коляске. Алымов хотел было взглянуть на того, кто столь унижительно грубо с ним обращается, но его предупредили, чтоб «офицерик не оглядывался и боты свои побыстрее двигал». Пришлось подчиниться. Разворачивая на узкой дороге экипаж, Алымов мучительно думал, что же предпринять? И тут, бросив взгляд на упряжь, сообразил, что более удобного момента, как при посадке в повозку, избавиться от страшного «попутчика», пожалуй, не будет. Поэтому, лишь только лихоимец ухватился за края колясочного каркаса и поставил одну из своих ног на подножку, Цезарь неожиданно зычно подал «Аргусу» команду, какие используют обычно в конкуре. Рысак резко, будто уви-

дев перед собой преграду, сильными ногами оттолкнулся от земли и прыгнул. Взлетели вверх оглобли, а с ними и не успевший среагировать налётчик. Не дав ему опомниться после удара о каменистое ложе дороги, Алымов, тут же выпрыгнувший из повозки, несколько раз ударил его ногой в голову. Потом быстро перевернул обмякшее тело вниз лицом и связал ему руки вожжой. Оружие бандита трогать не стал, просто на ощупь убедился, что оно на месте, и устало опустил на пыльный камень у обочины.

Скоро на просеку выскочили казаки. Было их человек шесть-семь. Матерно ругаясь, срывали с себя коптыри — мешки из рядна для защиты от комаров — и, закидывая винтовки за плечи, подскочили к месту схватки. Начальствующий над командой подхорунжий, увидев звёздочки на погонах Цезаря, небрежно откозырял и, укаывая на связанного окровавленного человека, раздраженно выдавил:

— Пошто, ваше благородие, забили варнака? Он живой нужон был. Двое их бежало. Где теперь искать остального?

— Да дышит он, господин подхорунжий, — зло проговорил один из казаков — приказный по званию.

— Ну, раз дышит, значит, бежи к заставе, скажи, что одного поймали. Пусть исправнику донесут, нехай едет и принимает его. Да вот, — подхорунжий махнул рукой на сидящего Алымова, — и допрос надо с поручика снять. Так что вы уезжать повремените, ваше благородие, государственное дело, значица.

Пока ждали исправника, подхорунжий, нервно покуривая, разъяснил Алымову, кого тому только что пришлось стреножить на дороге:

— Мы же за этими зверюгами по тайге уже второй год как с перерывами бегаем. Энтот и выблядок его Верхотуровы. Последние они из шайки, что грабёж на просёлках учиняла. До того одолели изверги мужиков тутошних, так ожесточили, что те сами взяли их в охоту. Главаря и ещё нескольких подстерегли и стрельнули самосудно, а Верхотуровы пропали где-то. Думали, что ушли они из наших краёв или загибли где. Да вот, видишь, вдруг объявились, паскуды. Да как! Прибёг тут третьего дня в наше расположение старик один — охотник из Ляпищей, Лешим зовут. Трясётся весь, плачет: там, говорит, верст пять отсель семья в лесу у дороги зарублена страшно. Барин с барыней к деревьям посечённые привязаны, а две девицы срамно лежат, неприкрытые. Рядом. Сильничали их, видать, а потом... Сундуки, корзины кругом распотрошённые. Лошадь недалеко со вспоротым брюхом. «Что делать? — спрашивает меня. — Я ить по следу-то нашёл их — убивцев. Тащили они барахло-то, да спешили, однако, теряли его — то там платок в траве лежит, то за куст что-то уцепилось. К Заячьей пади так и вышел. Шалаш там стоит и двое их. Жрут чего-то. Я ить старый уже, струхнул в одиночку-то пойти супротив имя. Один-от из них, что молодой, полтора ведь таких, как ты, будет, и наган тряпицей вытирает, злобничает рожей. Что делать?»

Подхорунжий снял с пояса баклагу, сделал несколько глотков и продолжил:

— По описанью Лешего получалось, что Верхотуровы это топорами поработали, знакомцы наши. Ну, велел мне сотник кликнуть охотников. И бросились мы к пади той. Да опоздали — бурелом кругом, болотца, а мы непривычные, тяжело шли, долго. Шалаш — пустым оказался. Леший тогда говорит: «Вы, братцы, покудова отдохните, а я разведуюсь в округе. Ражие они, супостаты, сучьев всё едино под собой наломают, найду». Вернулся вскорости радостный, показывает трубку курительную: «Барина, видать, убиенного. Пошли, братцы, за мной. Теперь знаю, куда они наметились». Вот так три дня и чесали по тайге за ними. Вы простите нас, ваше благородие, за невежливость. Нам бы спасибо сказать вам за помощь в поимке, а мы...

— Да бросьте вы, подхорунжий. После такого и мать родную пошлешь куда подальше. А где второй бандит? Ушёл, что ли? — примирительно махнул рукой Цезарь.

— Кто его знает? Двое моих с Лешим за ним пошли. Но догонят ли? Прёт по тайге он, будто лось. А ещё вот эта падаль решил нас от него отвести: может, думает, удастся сынку унести ноги, если вразбег они кинутся.

Подхорунжий подошёл к старшему Верхотурову, ногой перевернул его на спину, сплюнул рядом с его головой и обратился к Алымову:

— Я почему осерчал-то, ваше благородие? Думал, что кончили вы его. И казач-

ков своих жалко стало — сколь им ещё тогда в дебрях рвать себя придётся. А так я сейчас спытаю у этой падлы, где он с сыночком встретиться сговорились. Там и устрой им свиданьице. Не возражаете?

Алымов, ничего не сказав, отвернулся. Подхорунжий наступил сапогом на заросшее чёрными — с проседью — волосами грязное лицо Верхотурова:

— Сам скажешь или помочь тебе, злыдень?

Но тут вдалеке послышалось конское ржание. А вскоре и пыль дорожная покапала, и бричка из неё вынырнула с эскортом из нескольких всадников. Казаки вскочили, стали наскоро приводить себя в порядок. Построились, когда начальство подъехало. Верховые спешили, а исправник в полковничьем чине легко соскочил из брички на дорогу.

— Нуте-с, герои, — жестом остановил подхорунжего, подбежавшего с докладом. — Всё знаю. И рапорт в Тобольск о вашем успешном поиске сегодня же отправлю. Эй, Гусынин, — крикнул кому-то, — перечитай всю команду охотников поимённо и список мне представить. Буду просить, братцы, чтоб отметили вас медалями. А как же, такого зверя в силки загнули. Заслужили. Ты же, поручик, — пожал руку Алымову, — пояснения дашь Гусынину, что да как тут произошло. И поезжай с богом.

Вот тогда они и встретились. Гусыниным оказался тощий, высокий человек в партикулярном платье с бледным озабоченным лицом, жёлтыми немигающими глазами, и с какой-то неприлично — по-холуйски — согнутой спиной. Кем он состоял при полковнике? Судя по забитому своему внешнему виду, исполнял обязанности писаря небольшой канцелярии в уездном полицейском участке. Должность эта, как известно, была нервной и плохо оплачиваемой. Человек, её занимавший, запросто мог и зуботычину за нерадение получить, и быть обруганным площадно.

Выслушав приказ исправника, Гусынин вытащил бумаги из походного баульчика, переписал указанных казаков и, несколько помявшись, спросил у «их высокоблагородия», какие будут указания насчёт офицера. Тот нахмурился:

— Ты что, душа казённая, меня повторять заставляешь. Поручик, — подозвал Цезаря, — изложите крапивнику, и подробно, обстоятельства вашей встречи с преступником, — и пригрозил Гусынину пальцем. — Всё оформить надлежащим образом и подписать.

«И ведь мне пришлось тогда, — сокрушенно думал сейчас Алымов, — рассказать желтоглазому не только частности нападения на меня, но и куда и зачем я ехал, как давно знаком со стариком Угрюмовым и его дочерью. А зачем он, подлец, выспрашивал: кто бывает в усадьбе и не замечал ли я там лиц подозрительных? Н-да-с. Если приказчик Босоногова и тот Гусынин есть одно лицо, значит, записку мою к Ольге он, скорее всего, прочитал. И, стало быть, жандармы тоже. А впрочем, что в той записке было крамольного? Ну, просил я Ольгу придержать для меня оружие, оставшееся после внезапной смерти отца, а денежный задаток принять от моего бывшего сослуживца Сергея Никитовича Рябцева, который, будучи проездом в Томск, решил меня повидать в Тобольске. Кстати, а почему Сергей так долго не возвращается? Уж не остался ли на хуторе погостевать на недельку? Или случилось что? Надо завтра же съездить к Угрюмовой, а сегодня Калетина навестить».

Вечером, прибыв к дому «хозяина» Чёрной слободы, Цезарь заметил у ворот несколько выездов, на которых дремали кучера, и с тревогой спросил встретившего его служителя, по поводу чего сегодня такой сбор у Григория Платоновича? Тот только развёл руками и пошёл докладывать. Спустившийся через несколько минут в вестибюль Калетин хохотнул:

— Да господа гласные городской думы у меня. Прожекты свои по учинению в слободке заведений разных привезли. Думают, дураки, что я денег им дам для обзаведения собственных делишек. Сейчас мы их выпроводим, и Людмила нам кофе сварит.

— Ну, так с чем пожаловал, друг сердечный, в столь неурочное время? — спросил, когда они уселись у камина.

Алымов сделал глоток ароматного «Мокко», отставил чашку.

— Поплакаться приехал, Гриша. Надоело всё. Или запутался я. Ком какой-то в душе: цирк перестал удивлять, Ольга замуж вышла, раны болят.

— И ты хочешь, чтоб я тебя утешил? А ведь говорил я тебе, что зря ты тогда братца своего прожигу пожалел и рысаков у него выкупил. Он сейчас, небось, в Москве деньги на баб спускает, а ты тут от забот худеешь, — Калетин недовольно покачал головой. — Запутался он. Ладно, с цирком ещё что-то можно придумать, но вот Ольгу из сердца твоего я вынуть не могу. И ещё скажи мне: а к трещётке Жирмунской ты зачем ходишь?

Алымов от неожиданности вздрогнул.

— Господи, ну это ты откуда знаешь?

— Ах, Цезарик, Цезарик. Я бы ещё понял тебя, свяжись ты с распоследней шлюхой из жёлтого дома мадам Дюшон, но с дамой, которую облизывает жандарм Мазепа, уволь!

Алымов побледнел и попросил Калетина объясниться, иначе...

Григорий Платонович, не меняя позы и выражения лица, хлётко осадил друга:

— Горячиться можно, но зачем же кипеть, Цезарь? Ты знаешь, что осведомители у меня есть везде и информация о «весёлой вдове», к сожалению, верная. Уезжай ты отсюда. На курорт, например. Раны подлечишь. А то в столице осядь. Мне там верный человек нужен. И денег я тебе дам.

Цезарь, успокоившись, посмотрел в глаза Калетину:

— Спасибо, Гриша, но куда я от своих коней. На конец апреля назначен показ новой программы. Как я это брошу? — он помолчал немного. — У меня к тебе ещё одна просьба. Друг у меня пропал. Поехал к Угрюмовой с моим поручением и вот уже четвёртый день, как нет его. Пошли своих узнать. Я, сам понимаешь, к встрече с Ольгой не готов.

— Не переживай. Завтра Кукиш узнает, где твой друг.

Через день Григорий Платонович сам приехал в цирк. Без обиняков сразу сказал Алымову, что друг его в усадьбе не появлялся и денег, стало быть, никаких хозяевам не передавал:

— Кукиш своим видом испугал их там до смерти. Пускать вначале не хотели. Но, узнав, что от тебя, сами расспрашивать стали. Ты пока ничего худого не думай. Поищем. Где он, говоришь, останавливался, в «Ямской»?

— В «Ямской», Гриша, в «Ямской», — потерянно протянул Цезарь. — Сорок третий номер. Но ты, знаешь, меня тут другое беспокоит, вернее, другая. Морда одна.

— Не тяни, — приказал Калетин.

— Приказчик купца Босоногова. Я же, Гриша, прости меня, господи, за оплошность мою, из его винной лавки в тот день Сергею записку написал и поручил отнести её в гостиницу мальчишке рассыльному. А тут вспомнил вчера, что приказчик-то босоноговский, Гусынин по фамилии, ещё до войны в полиции служил. И, помнишь, я тебе рассказывал о нападении на меня у Аремзян? — он тогда пояснения мои записывал. Точно он.

— Правильно мыслишь, штабс-капитан, — одобрительно кивнул Калетин. — Приказчика пригласим рассказать о своём прошлом и настоящем. Но, друг мой, я почему-то думаю, что охранка тут ни при чём. Ну зачем им далёкий от политики отставной офицер? Чую, деньжата здесь, как опята осенние, какого-то грибочка привлекли. Сумму, кстати, какую повёз твой Сергей? Полторы тысячи? Вот! — Григорий Платонович почесал своё горло, подумал немного и неожиданно спросил: — Слушай, Цезарь, а не мог ли твой гость сам прибрать эти деньги, да и махнуть с ними в свой Томск?

Судя по лицу Алымова, вопрос его оскорбил.

— Ты, Калетин, видимо, забыл, что такое мужская дружба и офицерская честь. Мы с Рябцевым в китайских гаолянах рядом под пулями стояли, и именно он вытащил меня, раненого, когда японцы накрыли нашу батарею.

— Прости, друг, я действительно становлюсь циником. Но линия моих раздумий проста: если твой Рябцев убежал с деньгами, значит, он жив. А ежели нет, то, дай бог, чтобы было не так, как я подозреваю.

Они холодно расстались. И каждый потом поступил по-своему: Алымов заявил в полицию о пропаже товарища, а Калетин запил «горькую». Через пару дней, однако, приведя себя в порядок, зашёл в билиардную, где коротали время его «соратни-

ки». Оглядев расстановку шаров на столе, взял у одного из играющих кий:

— Дай-ка, Миша, я «седьмого» в середину заложу и «третьего» за ним следом. А ты, Северьян, пойдешь, проветришься, я за тебя закончу.

Когда Северьян вышел, Калетин поставил кий в пирамиду, вытер намелённую уже руку и повернулся к знакомому нам продавцу лекарств от мужских болезней:

— Михаил, я, конечно, извиняюсь. Но! Мне кажется, помогая лечить чужие геморрои, ты совсем забыл о женщинах. Не рано себя в монахи записал? Смени завтра своё хламьё, — он подёргал на «рыжем» жилетку. — Трость в руку, котелок на голову и нанеси визит своей Люське Давойтис, прошу прощения — мадам Дюшон, в её лупанарий.

Рыжий отшатнулся:

— Это зачем ещё? Не поеду я к этой стерве, Григорий Платоныч, хоч режьте.

— Поедешь, — твёрдо отрезал Калетин. — Терзать её уже немолодое тело тебе не нужно. Руками поработать требуется. Вот тебе пистолетик, пристрой его в её интимных апартаментах, да так, чтоб потом — в нужное время — нужные люди отыскать его могли. И сделай всё тихо, без скандалов и мордобоя. Понял?

— А одеваться-то «гусаром» зачем? Я, бывало, без фрака в одних кальсонах к ней заявлялся.

— Миша, — укоризненно посмотрел Калетин, — если ты притащишься туда в нижнем белье, то швейцар мордой вперёд спустит тебя с лестницы. Времена меняются. Это вчера Люсьен мелким воровством пробивалась и, думаю, даже чулок приличных не имела, а нынче она дама вся с претензиями. И мужиками бедными стала брезговать. Поговаривают, что сам вице-губернатор тайно посещает её «богадельню». Поэтому, Миша, приличия нужно соблюдать. Да и дело сделать легче будет, если ты явишься к ней не облезлым псом, как раньше, а соколом с золотыми перьями.

***

У дома на Купеческой улице, в котором располагался салон частных встреч Люсьен Дюшон, махали метлами дворники. «Ты, Василья, почто у ворот эку кучу оставил?» — переругивались между собой. «Так нешто то я, Федос? Я ить похмелился уже и могу тебе зубья посчитать», — огрызнулся Василий. И случилась бы драка, да тут к подъезду вышагнул из темноты человек в дорогом долгополом пальто. Поигрывая тростью, прошёл мимо Федоса, но вдруг остановился, приподнял левую руку и пошевелил затянутыми в перчатку пальцами. Дворникам такие жесты были знакомы, и Федос, сделав несколько шагов в сторону посетителя, снял шапчонку.

— Чего изволите, барин?

— Что-то я раньше тебя здесь не видел, — упёрлись в Федоса глаза из-под котелка. — Давно служишь?

— Почитай с октября и заступил, — надевая шапку, ответил Федос, и на всякий случай добавил: — А до того у господина Седальцева при конюшне состоял.

— А дружок твой вроде в участке мне встречался. Нет?

— Так ить, господин хороший, наш брат там нередко бывают. А как же: приказано обо всём, что непотребство для власти обнаруживает, докладать без промедлений, — испуганно снова снял шапку дворник.

— Ладно, это я так, для порядку. Ты мне, мил-человек, скажи лучше: много ли сегодня публики у мадам Дюшон?

— Потемну человек семь прибыло, а которые так и со вчера не уезжали — офицеры, студенты, два, кажется, ещё компания, по виду, купецкая. Голодранцы ещё хотели пройти, да мы их в метлы. Сами понимаете, не велено босякам потакать.

— А у дверей кто нынче встречает? Павел Игнатьич?

Федос перекрестился:

— Да ить, рази вы не знаете, что Павел то Игнатьич в прошлую субботу преставился? А замест его Кольку Хворова отрядили.

— Хм, того, что в «Ямской» коридорным бегал?

— Его, коли знаком.

— Как звать тебя? Федосом? Вижу, Федос, парень ты не скучный и до работы охочий, а погулять с размахом не любишь ли? Ну, недельку на груди у одной горячий

бабёнки сытым и пьяным поспать?

— Кто б отказался. Только ить не за просто же такое сулят.

— Верно, но тебе, мил-человек, и делать ничего не надо. Просто поднимись к Кольке и шепни ему, что человек, состоящий при вице-губернаторе, подъехал. Пусть Колька скажет кому надо, чтоб чёрный ход открыли. Сам понимаешь, мне лишние глаза ни к чему.

— Иделаем. Как не понять, всё исполним.

Федос приставил метлу к ограде, отряхнул налипший снег с валенок, взбежал по лестнице и — видно было — переговорил со швейцаром. Но тот, видимо, не поняв дворника, распахнул двери и заученно закричал:

— Милости просим, ваше благородие, апартаменты, игральные столы, шампанское — всё к вашим услугам!

Господин, «состоящий при вице-губернаторе», присел от неожиданности: «Ах ты, скотина!» — застонал и попятился к ограде. Федос кинулся к нему, но тот замахнулся на него тростью и скрылся в темноте.

Калетин, выслушав сбивчивый рассказ «рыжего» о своём конфузе, попенял ему:

— Миша, к какому забору ты приколотил свои мозги? Ну кто научил тебя так с дворниками работать? Их же выпить сегодня интересует, а ты им — почём рожь на болоте. Я недоволен. Шагай к девочкам снова. Игрушка под Люськиной подушкой не отменяется, — Григорий Платонович походил по комнате и продолжил с сарказмом: — А вот балаган твой насчёт подручника губернаторского я одобряю. Это ты хорошо придумал. Швейцар, он же полицией не зря к двери приставлен. Господа охранители слабости человеческие всегда коллекционировали. На всякий случай. Вот и мы, придёт пора, вице-губернатора с его потаскухой на крючок подвесим. Люсю, конечно, жалко, но что поделаешь, любить надо себя и только себя. И о будущем своём сегодня заботу проявлять. Иначе из ядущих в ядомые превратимся. Ступай.

На следующий день продавец «Анузоля», во избежание ещё одной промашки, прихватил с собой редкого по своим качествам вора Северьяна, прозванного «Боярином» за любовь носить бобровую шапку и отличавшегося если не изысканными, то вполне приличными манерами поведения. В глухой предполуночный час галантно одетые молодцы, не очень таясь, чертыхаясь, перемахнули через ограду борделя и прошли к еле приметной двери чёрного хода. «Рыжий» светил, Северьян орудовал отмычкой. Поднялись на второй этаж, где на дивно загаженной лестничной площадке Миша скинул своё дорогое пальто и опять же бесшумно открыл замок двери. Опасливо «кавалеры» вошли в плохо освещённый коридор заведения.

Оба не раз бывали здесь, хорошо знали расположение комнат и загодя обговорили план действий. Но планида, что гулящая девка, постоянством, как известно, не отличается, и куда понесёт её — не угадаешь. Вот зачем, например, этот полупьяный, полуголый, обросший жиденьким волосом сморщенный человек выполз из своего номера именно тогда, когда мимо него на цыпочках крались странные посетители?

— Ты кто тут такой? — заступил старичок дорогу Северьяну и стал требовать, чтоб тот принёс ему обещанную при договоре «шампанею». — Я тебя, грош ломаный, — кричал он и наскакивал на улыбающегося «Боярина», — Насквозь вижу. Ишь, личность разбойная, скалится он, а бутылку «Клико» изволь мне в номер сопроводить!

В другом месте и при других обстоятельствах Михаил поступил бы проще. И лежать бы сморчку на полу посиневшим до приезда санитаров из покойницкой.

— Но сегодня ты меня не разозлишь, — невежливо похлопал он блудника по голому плечу. — Будет тебе шампанское. И для мамзели твоей конфеты тоже будут. Иди к ней, мил-человек, она одна в холодной постеле простудиться может.

Старикан уже более осмысленно воззрился на предупредительного господина, понимающе закивал головой и поплёлся к себе. Гости же, не оборачиваясь, быстро пробежали по коридору к номеру, в котором, как заметил Михаил ещё на улице, не светились окна. В такой час это означало одно — апартамент пустовал. Тихо открылась и прикрылась дверь. Держал фонарь на сей раз «Боярин», а «рыжий» заложил

пистолет, обёрнутый промасленным пергаментом, под тяжёлый резной комод, накрытый вязаной скатертью. Северьян не утерпел, выдвинул один из ящиков, захватил рукой какие-то дамские кружевные невесомости, но, рассмотрев, брезгливо бросил обратно.

Однако дело сделано, надо уходить. Миша взялся было за массивную дверную ручку, да вдруг насторожился и приложил ухо к замочной скважине: ему послышался знакомый голос. Ах, незадача! Кажется, сама мадам Дюшон сопровождала кого-то из клиентов. И жантильное её мурлыканье текло по коридору и приближалось.

— Вот здесь, Исай Корнеич, — с придыханием проговорила кому-то Люся перед дверью номера, в котором затаились взломщики, — я предлагаю вам провести чудесную ночь. Принимайте ключик и устраивайтесь. А наша душка Жоржетта, как только наденет костюм Клеопатры, не замедлит оказаться в ваших объятиях.

«Галантиры» оцепенели. Надо же так влипнуть! Куда бежать? Нахрапом прорываться — значит изгадиться по уши. А Калетин такое не прощает. В самом номере не спрятаться. Под кроватью разве ночь высидишь? Прыгать со второго этажа? Видимо, придётся. Распахнули окно и, перекрестившись, ухнули вниз. Благо что с этой стороны здания снег не убирался, иначе последствия столь непредвиденной ретирады были бы трагичнее. А так — сломанная рука Северьяна да вывихнутая нога «рыжего». Погуляем ещё, рванина!

***

В середине апреля непривычно рано для этих мест наступили тёплые погожие дни. Воздух прогрелся, да так, что в некоторых домах заждавшиеся весны обыватели поспешили растворить окна с промытыми стёклами, и по вечерам установленные среди гераней по подоконникам граммофоны выплеснули на улицы чуть потрескивающий — пластиночный — голос Анастасии Вяльцевой. «Где оно, счастье?» — вопрошала красавица у фланирующих по начинающим просыхать тротуарам горожан. И обещала, как казалось каждому — лично: «Жди! Твоя! Приду! Приду!»

Счастье, но уже иного рода, обещали и броские афиши на свежеекрашенных тумбах. Цезарь Алымов приглашал почтенную публику всенепременно и радостно посетить последние перед долгими чужедальними гастролями представления своей труппы. «Такого вы ещё не видели!» — шокировали ротозеев фотографические снимки редкой фабрикации, на которых Ирэн Улыбова держала свою милую головку в страшной тигриной пасти. Перед билетными кассами выстраивались очереди. Сборы обещали быть сверх ожидаемого.

И ох как горестно некстати появился в кабинете Алымова за неделю до начала премьеры чиновник из полиции. Он сообщил Цезарю, прося при этом не волноваться, что за городом обнаружены останки человека, погибшего приблизительно в тот период, какой в своём прошении о розыске пропавшего господина Рябцева С.Н. указал управляющий цирком. «Потому, согласно установленным правилам, Цезарю Юльевичу предлагается посетить морг для процедуры опознания тела».

Алымов поехал. Долго вглядывался в лицо лежащего на столе покойника и не хотел верить в то, что был это Сергей. «Как же ты, всегда рассудительный и осторожный, — думал тоскливо, — не сумел разглядеть опасности? Как мне оправдаться теперь перед твоей Зиной и своей совестью?»

В полицию за разъяснениями он не пошёл. Вспомнил слова Калетина о том, что лямку службы тянут там господа, за редчайшим исключением, недалёкие и своекорыстные. Рассчитывать на их радение в поиске убийц — глупо. Значит, надо собраться. Окаменеть на время. Заняться последними приготовлениями к премьере. Горожане ждут праздника. И они не должны его лишиться.

Первое представление нового аттракциона было назначено в субботу на три часа пополудни. Но уже с утра подъезды к шатру цирка по приказу полицмейстера контролировались пешими и конными патрулями. И хотя присутствие на представлении губернской «верхушки» не предполагалось, чины полиции получили на всякий случай инструкции «употребить известную строгость к нарушителям установленных правил езды, денежно наказывать извозчиков за ругание непристойное, а в местах высадки почётных горожан не допускать скопления экипажей и прочего люда».

Охранным же командам и казакам вменялось поступать решительно, если революционный элемент, не дай бог, решит воспользоваться моментом и учинит какой-либо эксцесс.

Тем не менее, всё прошло благопристойно. Тот факт, что многих зрителей, купивших билеты на дневное представление, просто удалили из цирка — не в счёт. А что было делать, если в половине третьего к цирку неожиданно прибыл сам губернатор и два дюжих гайдука сопроводили действительного тайного советника в ложу, спешно освобождённую от персон рангом пониже. Ну, а следом за ним — к ужасу устроителей — потянулись ревизоры с судьями, «их сиятельства и превосходительства», прочая требуха чиновничья с детьми и жёнами. Все требовали билетов и непременно в первые ряды поближе к манежу. Грозили, умоляли, совали деньги. Алымов, удручённый таким поворотом событий, указал брандмейстеру Закладьеву — невзирая на лица, оттеснить со своей командой крикунов за пределы цирковой площади.

— Иначе я вынужден буду приказать отменить выступления. А это, как вы понимаете, ничем хорошим для вас не закончится, — ледяным тоном охладил он бросившегося к нему за объяснениями разъярённого участкового пристава.

Толпу утихомирили. У входа в цирк приставили городовых. И ровно в три часа заиграла музыка. Лица зрителей расцвелись улыбками. Шпрыхталмейстер объявил о начале праздника.

А Мазепа в это время присутствовал на другом представлении. Его в лавке Босогова устроил для него (единственного зрителя) тайный агент Гусынин — «Самсон». Запиской — загодя тот испросил у ротмистра разрешение на встречу, заявив намерение сообщить нечто важное. Воспользовавшись отсутствием винного купца, который бисировал сейчас в цирке кудесникам джигитовки и бросал под ноги воздушным гимнасткам дорогие в эту пору центифоли, приказчик нахально провёл Мазепу в роскошный кабинет хозяина, усадил за стол, предложил гостю чужие вино и фрукты. Но сам долго не мог собраться, стоял, переминался с ноги на ногу, что-то бормотал, всхлипывал и трясущимися руками тербил носовой платок. Иринарх Гаврилович с интересом разглядывал убранство комнаты и терпеливо ждал.

Начало было обескураживающим.

— Я, — решил агент и присел на краешек стула, — словом, если это вас заинтересует, в общем, я стал недавно объектом нападения неизвестных лиц. Они схватили меня, когда я возвращался домой, поместили в каком-то полужетже, били и просили моих рассказов о службе в полиции. Я, — плаксиво оправдывался Гусынин, — человек слабого здоровья, боли страшуся. Я им всё рассказал.

— Так! — остолбенев, Мазепа прикурил папиросу не с того конца. — И что именно вы им рассказали?

— Господин ротмистр, Иринарх Гаврилович, они сразу сказали, что им известны мои связи с вами. Я им, вот крест святой, ни слова о том. А они меня головой о стену и грозили, что бить будут, пока не скажу, за кем Мазепа следить заставляет.

Иринарх Гаврилович, глядя на жалкое существо, сидящее перед ним, почувствовал, как от гнева у него стала подёргиваться щека, но справился с собой и попросил приказчика налить ему бокал вина. Выпил, пососал дольку лимона.

— Если я правильно понял, наши тайные встречи с вами для кого-то — совсем не секрет? И как вашим обидчикам это стало известно? У вас есть какие-нибудь предположения? Плохо, очень плохо, что нет. Что они требовали ещё? Поконкретнее.

— Я не помню. Я потерял сознание, и они бросили меня.

Мазепа выпил ещё:

— А раньше никого из них не встречали?

Гусынин подумал:

— А вот Алымов.

— Алымов? — приподнял брови ротмистр. — Он что, лично истязал вас?

— Нет, не истязал. Но он точно знал о моей работе в полиции.

— Значит, вы считаете, что именно Алымов причастен к нападению на вас?

— А как же! — с какой-то злой убеждённой затараторил приказчик. — Он же видел, что я видел, как он ходит в дом, где живёт этот, за которым ещё в прошлом

годе вы просили приглядеть, ну Коряков, социалист, — и, подумав немного, неожиданно выпалил: — А ещё Алымов с госпожой Жирмунской амуры крутит. А она раньше с Коряковым путалась. Значит, они все заодно! Зачем Алымов ей вино покупает и до утра у ней сидит? Я всё проследил, ваше высокоблагородие. И ещё он цыдулку в «Ямскую» из нашей лавки посылал. А в записке той что-то про оружие говорилось. Тимофей Егорыч, посыльный наш, мне потом рассказывал. Вы, Иринарх Гаврилович, зря его не арестуете!

Жандарм, как-то внутренне обмякнув, брезгливо посмотрел на «Самсона»: «Ничтожество, но как гребёт!» И сухо спросил:

— Это всё? Или есть ещё что-то? Если нет, то вот что, милейший: о записке, в которой об оружии говорилось, письменно мне подробно изложите. А нападение на вас, хм, неожиданно, очень неожиданно для меня. И потребует философических напряжений.

Мазепа встал и пошёл к выходу.

— Господин ротмистр, я верой и правдой! Только защитите от разбойников. Они же не оставят меня в покое! — бросился за ним Гусынин.

— Кому вы нужны, — зло успокоил его ротмистр. — Докладную, не откладывая, завтра же пошлите с вашим мальчишкой. Знаете куда. Самому же вам запрещаю искать со мною встреч. Ка-те-го-ри-чес-ки! И рекомендую показаться доктору. Мне кажется, что налётчики нанесли вам травмы, кои заключат его во мнении о вашей, э-э, — Мазепа многозначительно постучал пальцем по голове агента.

Но Гусынин не обиделся. Более того, надеясь, что ротмистр непременно оценит его старания, рискнул прислать многостраничный отчёт о проведённом им в течение последних месяцев самостоятельном политическом расследовании. Когда Иринарх Гаврилович с вниманием прочёл то, что ему принесли, у него невольно вырвалось лишь одно слово — «Мерзавец!» На десяти листах отвратительной обёрточной бумаги, исписанной добротным писарским почерком, уместилась, наверное, вся личная жизнь бедной Веры Феоктистовны Жирмунской. Или, во всяком случае, та её часть, когда молодая вдова перебралась на жительство в дом почётного гражданина Корякова и по чьей-то протекции взялась за организацию лечения «падших во пьянство обывателей». Мазепа с интересом узнал о том, что Алымов, оказывается, был лишь одним из многих, с кем титулярная общественница проводила время наедине. Гусынин приводил описание ухажёров, отрывки из подслушанных им разговоров, когда он тайно «вёл» парочку по улицам, указывал место и даты встреч. Считая, видимо, излишним излагать (и так, мол, всё ясно) какие-либо уличающие факты, он ничтоже сумняшеся делал в конце убийственный вывод: все, кто встречался с Жирмунской, в том числе и Алымов, — враги правительства. И он, Гусынин, скорее всего, раскрыл организацию опасных заговорщиков. О записке Алымова, единственно интересовавшей Мазепу, он в разоблачительном пылу, похоже, забыл. Или сделал это намеренно? Впрочем, можно ли было верить в существование её вообще, ознакомившись с этим, ну, ей-богу, бредом сумасшедшего.

Однако ротмистр аккуратно пронумеровал листочки, сложил их в отдельную папку, написал её и убрал подальше в стол. «Ах, неверная, где же вы, где же вы? И какой карнавал вас кружит?» — думал при этом о Верочке, и неприятное чувство, будто получил оплеуху, не покидало его ещё несколько дней. Но жизнь, и очень часто, заставляет людей участвовать в играх, в которых ставки бывают крупнее моральных и прочих условностей. События, случившиеся вскоре, заставили Мазепу папочку эту злополучную вытащить на свет божий. Лучше бы её не было.

***

Не идолу Мамоне служил и не дьяволу искусителю Семён Филатович Богоявленский, а исключительно Отечеству и совести своей. Ну какой, скажи? те, карьер сделал он к своим пятидесяти, став смотрителем заштатной пересыльной тюрьмы? А богатство какое скопил — позавидуешь: имел кучу врагов, псарню о трёх борзых в одном из разбойных предместий, двух девиц от рано умершей жены да постоянно напоминающие ему, что он ещё жив, — пяточные шпоры. Недругов своих он знал, но не опасался. Собак передоверил денщику — самому заниматься ими недосуг всё

как-то. А недуг пытался лечить у хамоватого мозольного оператора, который, соответственно вознаграждениям, неизменно ставил ему одну и ту же «прогрессивную процедуру»: липкое варево из корня болотного остроконечника прикладывал к болезненным наростам. А чтоб утишить телесные и душевные муки пациента, тут же предлагал ему выпить какую-то отраву, пахнущую так, что, ещё не попробовав её, хотелось освободить содержимое желудка. Полковник страдал и ненавидел чужую молодость.

Тут надо заметить, что, хоть и видом он стал к старости — не приведи господь, слыл, однако, бабником и педантом. Каждый день, исключая воскресные церковные торжества, он без четверти девять подходил к праздничным фасадам торговых рядов, где в одном из полуподвалов его уже много лет пользовал старик парикмахер Нефёд. У входа на грязновато-зелёном поле вывески теснятся буквы:

**ВОЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ ЦИРЮЛЬНЯ
чешут, стригут, бреют, рвут зубы,
кидают кровь.**

Семён Филатович всякий раз косится на это «кидают кровь» и уточкой вступает в пахнущий мылом и цветочной водой салон.

Вот и сегодня Нефёд предупредительно — под локоток — провёл клиента к вешалке, принял шинель, удобнее поставил стул перед зеркалом. Подправляя на ремне бритву, учтиво справился о здоровье.

— Ты, Нефёдушка, нынче почище сработай, на аудиенцию иду к губернатору, — строго поглядел Богоявленский. — А здоровье моё, что ж, оно у меня отменное. Коли не помер с утра, быть такому до вечера. О чём в городе болтают, друг любезный? Всё власти поди ругают, а?

Нефёд взбил пену в фарфоровой чашечке:

— Да много чего разного несут, Семён Филатыч. Вот овёс вздорожал, будь он неладен. А мука куличная у лабазников уже по цене конфетной идёт. И порядка больше не становится, балуют на улицах.

— Тебе-то чего овёс этот сдался, не извозом же жизнь свою проматываешь? Лабазников приструним, и порядок наведём, ты в том сомнение не держи. Всех, кто бузит и горлопанит, всех перевешаем. Надо же, чего стервецы удумали — свободу им да равенство подавай! А заслужили они её, эту свободу, Нефёд Панкратыч? Тот.

Они говорят ещё о чём-то. Старик заканчивает бритьё, промокает полковничьи щёки душистой салфеткой.

— Эх, — сокрушается, беря с блюдечка оставленный клиентом гривенник, — разве скопишь с такими на похороны?

И отвешивает вслед посетителю шутовской поклон: «Многие лета тебе, барин».

А Богоявленский уже несёт себя по утреннему холодку. Улица у Присутственных мест пустынна и до безразличия знакома. И всё-то здесь ему не нравится. «Ну что за столпотворение вавилонское? — скользит взглядом по крутобоким тушам домов. — Где перспективы — прямые, воздушные? Чтоб с оркестром по ним, да в шесть рядов эскадрон казачий! Тьфу!» — злится неизвестно на кого и уже не замечает ничего вокруг.

«Господин полковник, господин полковник», — вдруг доносится до него. Семён Филатович вздрагивает и оглядывается. Но вокруг — никого. «Мать пречистая, — пугается он, — до голосов небесных дожил. Это знак мне старому, что от трудов отходить пора». Однако не показалось ему. В соседней дорожке над заботливо подстриженными кустами барбариса плывёт-качается кокетливая дамская шляпка. И через мгновение, некрасиво подволакивая ногу, к нему устремляется по виду курсистка. В руке у ней что-то похожее на свиток.

— Вот, велено передать вам, — протягивает она бумагу Богоявленскому.

Семён Филатыч, не сбавляя шаг, рычит:

— Я запрещаю вам отнимать у меня время. Прощение снесите в канцелярию, там разберутся.

Но барышня бледна и настойчива:

— Вам это нужно прочитать. Здесь. Непременно. Сейчас.

Богоявленский останавливается. Недоверчиво берёт бумагу, разворачивает. Что это? «...боевая организация социалистов-революционеров... сатрап... приговаривает...»

Соображал полковник по-военному быстро: «Сегодня у него важный день. Губернатор официально должен сообщить ему о новой должности с повышением, которой он долго дождался. Сегодня же к Кате, старшей дочери, придет свататься надворный советник Чехонин — событие для семьи важнейшее. А вечером... вечером его обещала навестить баронесса Оберташ. И тут вдруг какие-то социалисты. По какому такому праву они хотят лишить его будущего?»

Он бросил бумагу и...побежал. Рывками. Бросая тело из стороны в сторону, как если бы сдавал экзерциции по тактике тоненьким юнкером в далёком уже теперь военном училище. И ведь ушёл бы, потому как барышня даже не стала доставать своё оружие из сумочки, поняв, что в такую пляшущую мишень ей попросту не попасть.

Но выстрелы всё же затыкали. И совсем не оттуда, откуда их ожидал Богоявленский. Какой-то господин в форменном сюртуке Горного ведомства, стоявший дотоле безучастно неподалёку у афишной тумбы, бросился ему наперерез и ловкой подножкой опрокинул на спину. Пули вырвали из шинели полковника кровавый подбой. И шляпка, невесомо-эфирная шляпка, снова поплыла над барбарисами. Мираж, да и только.

* * *

Богоявленского, наверное, могли бы спасти. Ранения, как потом вскрылось, смертельными, в общем-то, не были. Что помешало? А не это ли гаденькое — «как бы чего не вышло» да милый расейский бардак, к чему в народе нашем относятся плохо, но считают чем-то неизбежным и неискоренимым? Не станем гадать. Заглянем лучше в тихий весенний тобольский скверик сразу после прогремевших там выстрелов.

Вот стоит в сторонке обыватель и любопытствует, разинув рот, как набежавшие к месту трагедии взрослые здоровые дядьки, стражники, ахают, охают, топчутся растерянно, кроют кого-то по матушке, но к раненому чтоб прикоснуться — ни-ни. Начальство ждёт. Полковник корчится от боли на холодной мостовой, молит о помощи. Время идёт. Наконец, радость на лицах подчинённых — появляется полицмейстер. Даёт указание: послать за доктором. А тот — надо же! — в это самое время принимает тяжёлые роды у собственной жены и просит не беспокоить его часок-другой, мол, «вот закончу и приеду. И ничего с вашим тюремщиком не случится». Полицмейстер с досады повелевает тогда самого раненого везти в больницу. Ищут и подгоняют телегу, грузят на неё тело без должного бережения, отправляют по тряской дороге. Словом, истёк кровью Семён Филатыч. И пули для экспертизы доктор-вивисектор извлекал из него уже бездыханного.

Когда губернатору Гондатти доложили о покушении на зрителя тюрем, он вызвал на ковёр начальника жандармского управления Устинова. Налимьи глаза «его превосходительства» поплыли по лицу полковника.

— Не стойте истуканом и говорите мне прямо: что происходит в городе? Террористы устраивают под моими окнами совершенно дикий самосуд. Средневековье какое-то, бесовский шабаш. Вы что мне обещали после ужасного убийства купца Маругина? Категорическое недопущение подобного! Если вы думаете, что я, как мой предшественник Лаппа-Старженецкий, буду покрывать ваши всякие фишки-филимишки, то ошибаетесь. И сегодня же доложу в Петербург о наглой вылазке уже трижды, трижды — повторяю! — уничтоженной вами шайки бандитов!

Устинов вежливо процедил, что охрана Богоявленского не входит в сферу служебных обязанностей его ведомства, но они принимают все меры к открытию виновных в преступлении. Полиция поднята на ноги. Все табельные дороги уже перекрыты казачьими разъездами, проверяются подозрительные лица и предполагаемые места сходов партийных активистов и ссыльных как в самом городе, так и в

уездах.

— Но обстановка неожиданно осложнилась, — поглядел в окно Устинов. — На улицы вышли группы подстрекателей, которые открыто призывают обывателей чинить препятствия дознанию, выражают радость по поводу убийства и грозятся начать погромы. Нужно срочно принимать меры.

— Так принимайте! — побежал по кабинету Гондатти. — Почему я должен указывать вам на то, что вы сами обязаны делать согласно своим внутренним циркулярам. Немедленно разогнать толпу и зачинщиков арестовать! А если хотите спросить меня, поменять ли в сторону бунтовщиков оружие, то и насчёт этого у вас есть указания своего департамента. Извольте их выполнять. Вечером жду вас с докладом, а сейчас мне пора на завтрак, посему я вас больше не задерживаю.

Оскорблённый грубой неучтивостью чинуши, Устинов отпустил по его адресу (про себя, конечно) несколько «элегантных» словечек. Но, приехав в управление, срочно созвал совещание. Тяжело переводя взгляд с одного подчинённого на другого, догадался: ничего утешительного они ему не сообщат. Убийца — или сколько их там было? — благополучно скрылся. Боявленский скончался, а свидетелей преступления полиция до сих пор не обнаружила. Найденные гильзы и листок с эсеровским приговором — единственное, чем пока располагает следствие. Означает это одно — дело затянется. На сколько?

— Ротмистр, — угрожающе тихо обратился полковник к сидящему с опущенной головой Мазепе, — ваши заверения насчёт ликвидации группы боевиков, как явило случившееся, преждевременны. Более того: семья это оказалось не только живучим, но и ядовитым. Почему так случилось, будем разбираться позже, а сегодня вам надлежит употребить все силы и средства для того, чтобы в кратчайшие сроки вопрос закрыть бесповоротно, иначе мы рискуем дать возможность господам либералам спустить на нас всех собак в округе. Что там у вас? — раздражённо поглядел на вошедшего начальника канцелярии и, прочитав принесённую тем бумагу, уже мягче снова обратился к Мазепе: — Кажется, работа ваша облегчится, Иринарх Гаврилович, нашлась очевидица убийства. Дедюхин скоро доставит её сюда. Считаю излишним напоминать вам, что показания свидетеля, за неимением или слабостью других улик, могут быть определяющими при вынесении решения в суде, поэтому подойдите к делу ответственно.

Устинов нервно встал и попросил всех, кроме Мазепы, покинуть кабинет. Когда подчинённые вышли, подошёл к ротмистру и покрутил на его мундире пуговицу.

— Иринарх Гаврилович, голубчик, прошу вас: в случае возникновения малейших затруднений с установкой и поимкой преступников, без чистоплюйства прибегнуть к материалам своей картотеки. Я не сомневаюсь, что в ней наверняка сыщутся те, по ком уже давно плачет виселица. Убийцы во что бы то ни стало должны быть явлены обществу, изобличены и повешены. И не важно, являются ли они таковыми на самом деле. Поймите, город взбудоражен, утренние газеты вышли с чудовищными нападками на нас. Хотя то, что мусолят писаки, — полбеды. Нам надо к вечеру хоть чем-то успокоить губернатора, иначе он завалит Петербург доносами. А мне, простите за откровенность, пенсионера из-за этого индюка лишаться не хочется. Подключайте к розыску Дедюхина и всех, кого считаете нужным.

Мазепа согласно кивнул. Как начальник охранного отделения он тоже был крайне заинтересован в скорейшей поимке убийц. В конце концов, дело громкое, на нём можно неплохо заработать. «Однако, — размышлял он, идя в свой кабинет, — Устинов, хоть и сволочь, но прав: раз убийц не схватили сразу, значит, разыскать их будет трудно, если вообще возможно. Особых надежд на свидетельские показания возлагать нельзя, ибо в метком определении — «никто так не врёт, как очевидец», — он многожды раз убеждался лично. И уповать на случайность, которая иногда помогает выйти на след преступника, — тоже смешно. Тем не менее, начать с чего-то надо, и в первую голову — соблюдая порядок, — решил ротмистр. — А там видно будет».

Войдя в свою приёмную, он нервно вздрогнул: непринуждённо беседуя с Дедюхиным, в кресле для посетителей восседала собственной персоной не кто иная, как госпожа Жирмунская! В платье с оборками, губы — фарафорочкой. «Что она здесь

делает?» — растерянно посмотрел на заведующего «наружкой» и, ещё не веря в такие выверты фортуны, сухо кивнув обоим, прошёл в кабинет. Тут же вызвал Дедюхина.

— Эта дама и есть свидетель преступления, Тихон Макарыч? Вы ничего не перепутали?

— Как можно-с, Иринарх Гаврилович. Жирмунская она, Вера Феокистовна. Утверждает, что видела всё собственными глазами и готова ничего от нас не утаить. Прикажете пригласить её для беседы?

— Нет, не прикажу. Мне что-то не по себе. Расспросить её я доверю вам. Если же дамочка вдруг станет настаивать на встрече со мной, наврите ей про мой срочный вызов к начальству или что-нибудь в этом роде. И знаете что, Тихон Макарыч, — немного подумав, сощурился ротмистр, — раз уж представилась такая возможность, где-нибудь в конце беседы прикиньтесь отчаянным любителем шапито и восторженно заговорите с Жирмунской о цирке, выспросите её: знакома ли она с Алымовым или другими его актёрками? Что вообще слышала или знает о внутренней жизни труппы? Записывать это не надо. Просто внимательно понаблюдайте, как она будет реагировать на вопросы, что отвечать. Мне нужно проверить кое-какие сведения. Ведите мадам к себе и принесите ей извинения за мою непомерную занятость. Служба, мол, такая. Да, чуть не забыл. Надо бы, Тихон Макарыч, к свидетельнице человека приставить для охраны, а ей самой строго внушить вести себя осмотрительно и держать язык за зубами.

Через пару часов Дедюхин принёс протокол допроса Жирмунской. «Я шла по улице, в бока впился корсет», — недоумённо начал читать Мазепа и, кивнув на листочки, весело осведомился у Дедюхина:

— Интересное начало. И много здесь таких пикантностей?

— Так я же слово в слово записывал, господин ротмистр. Ничего от себя. Как она, значит, говорила, так и писал. Можно сказать, что неудобство сей интимной детали и привело мадам к месту убийства. Там подробно всё изложено.

— Успокойтесь, ради бога. Вера Феокистовна известна в городе своими замашками базарной торговки. Любит нравственниц наших и скромников подобным фраппировать, — но по мере дальнейшего чтения лицо ротмистра всё больше мрачнело. Перевернув последнюю страницу, он тяжело посмотрел на Тихона Макаровича: — Что ж, корсет мадам Жирмунской плохо зашнурованным оказался весьма кстати. Благодаря ему мы теперь, по крайней мере, точно знаем, что убийц было двое — хромая молодая особа и выше среднего роста, чернявый горный инженер. Давайте подытожим. Очевидица показывает, что направлялась в этот утренний час к своей модистке, живущей неподалёку от торговых рядов, для срочной починки своего туалета. И случайно увидела спешащего куда-то зрителя тюрем. Жирмунская уверяет, что была, хоть и шапочно, лично знакома с полковником и хотела было поздороваться с ним. Но к тому неожиданно приблизилась молодая дама, после чего полковник вдруг бросился бежать. Вера Феокистовна точно видела, что стрелял в Богоявленского выскочивший откуда-то горный инженер, так как хорошо разглядела форму, бывшую на нём. Дальнейшее помнит плохо из-за помутившегося сознания. Когда пришла в себя, вокруг уже никого не было. Всё это похоже на правду. Поэтому, Тихон Макарыч, немедленно готовь словесные портреты, вооружай ими всех околоточных и городских. А твои орлы пусть на время оставят другие дела и сосредоточатся исключительно на розыске этой парочки. Лично инструктируй, награду денежную обещай. Размер премии с Устиновым согласуем. Я же свяжусь с приставами, чтоб те дворников и общественность привлекли.

Мазепа достал папиросы и предложил Дедюхину:

— А ты чего, Тихон Макарыч, ссутулился? Не веришь Жирмунской? Или добавить что-то хочешь?

Дедюхин помялся:

— Да барышня эта хромая в сумнении меня держит, Иринарх Гаврилович. По описанию Жирмунской уж очень она похожа на ту, что попадалась нам месяца полтора тому. Докладывать вам тогда не стали. Дело-то неявным было.

— Что за дело? Изложите подробней.

— В марте, в середине, кажется, квартальный Чернолобов сборище боевиков, как думаем, спугнул. За племянником Корякова филёр мой тогда ходил с заданием проверить, с кем тот встречается. Ну и привёл его как-то парень к одному из домов на Леонтьевском ручье. Племянник — в дверь, а топтун — под окно. И подслушал, как люди, бывшие в доме, обсуждают план чьего-то убийства. Побежал мой дурак по неопытности не мне, а квартальному докладывать. А Чернолобов — что ему в голову ударило? — с командой туда нагрянул. Но в доме ничего не нашёл и схватить никого не смог. Двое — хозяин дома Акулов и парень живописец — по прокопу в лес убежали, а барышню, что вроде тоже с ними была, один из команды — урядник фамилией Громыхайло, — жалеючи, отпустил. Калекой оказалась. Так я и думаю: не та ли самая и есть?

— Удивительные у нас дела творятся, — недовольно протянул Мазепа и внутренне напрягся. — Громыхайло, говоришь, по фамилии? Лично отпустил? Прекрасно. А признать сегодня он её сможет?

— Мы тогда его допрашивали, но, — Дедюхин развёл руками, — темно, говорит, было, хорошо девуку не разглядел.

— Ладно, Тихон Макарович, иди работай. Я с этим сам разберусь.

Проводив Дедюхина, приказал секретарю никого в кабинет не впускать. Бормоча: «А ведь она это сделала, тихоня, ох, чую, она», — достал из несгораемого шкафа папки с делами своих секретных агентов и «штучников». Лихорадочно перебрал их. Но нужной не нашёл. «Я что же, — обругал себя мысленно, — не завёл на «Трапедию» дело? Как такое могло случиться? Забыл? Откладывал? — он тяжело опустился в кресло и сам себе ответил: — Да нет. Всё я помнил, ничего не откладывал. Просто серьёзно не относился к этой покалеченной циркачке, да и решил из любви к искусству не заставлять её приносить какие-то клятвы верности и унижать расписками в получении денег от охранного отделения. И уж тем более не оскорблять обязательной процедурой съёмки анфас и в профиль, замера роста и прочих формальностей. Я даже адреса её не записал. И вот оказалось: зря либеральничал. А ведь имейся сегодня фотографический снимок Татьяны Андреевны, мы бы уже наверное знали: она вручила эсеровский приговор Богоявленскому перед смертью или кто другой. Но верно и третьё. Если «Трапедия» на самом деле является соучастницей убийства и мы схватим её, не исключено, что в суде она может предать огласке свои связи со мной и, следовательно, охранным отделением. Представить, что тогда начнётся — не трудно. Значит, думай Мазепа, думай».

Скоро его попросили срочно явиться к Устинову. Выслушав доклад о ходе розыска и похвалив ротмистра за первые результаты, полковник, как-то зло ухмыльнувшись, предложил ему почитать только что доставленное донесение одного из агентов. Из него явствовало: сегодня полиция, не слишком афишируя, приступила к проверке заявления мадам Дюшон об обнаружении в одном из номеров её заведения боевого пистолета. Нашла оружие горничная. Случайно. Но это ещё не всё. Осведомитель сообщал и о последовавшей затем странной находке на лестничной площадке чёрного хода. Полиция наткнулась там на дорогое пальто, оставленное неизвестно кем и в каких целях.

— Вы поезжайте туда лично, Иринарх Гаврилович, и разберитесь. Следователей судебной палаты я предупрежу. Может оказаться, что в этом тихом уютном гнездышке, которое опекает Троицкий, не только голубки воркуют, но и падальщики яйца несут. Оружие безотлагательно отдать на экспертизу. И к шести вечера я хотел бы получить пусть пока и предварительную, но главное — вашу оценку инцидента. И закрывайте, к чёрту, эту богадельню! Благо момент представился.

В назначенное время Мазепа дал разъяснения Устинову о находках в «жёлтом доме»:

— А ведь пистолет, Павел Александрович, что найден у Дюшон, той же системы и калибра, из какого стреляли в Богоявленского. А именно — дамский браунинг образца 1906 года. Оружие для наших мест пока редкое. И, заметьте, дорогое. Это первое. Далее — ещё интереснее. Оставленное на лестнице пальто. Дворник показал, что точно в таком же к нему недавно с просьбой открыть двери с чёрного хода обратился господин, назвавшийся доверенным лицом вице-губернатора. Вёл он себя

странно, выспрашивал о посетителях заведения, выпить и повеселиться ему предлагал. Но потом испугался чего-то и бегом удалился. Я думаю, господин полковник, что было бы уместно задать по этому поводу несколько вопросов самому коллежскому советнику.

— Иринарх Гаврилович, голубчик, ваша озабоченность мне понятна и предложение ваше не лишено смысла. Тем более что всё произошедшее в интимном заведении к нашей выгоде. Но я считаю преждевременным беспокоить Тройницкого: сильные позиции вице-губернатора мы таким образом пошатнуть не сможем. Поэтому материалы следствия, бросающие тень на этого надушенного сутенёра, стоит представить лично Его превосходительству. Что я сегодня же и сделаю. Кабинетные шаркуны в своё время наверняка доложили ему, как «любили» друг друга Богоявленский и Тройницкий. Вражда их была очевидной, и кто знает, насколько далеко она зашла? Пусть губернатор подумает и в своём окружении разберётся сначала, а уж потом Петербургом меня пугает. Вижу, что у вас ещё не всё.

— Да, господин полковник, я хочу испросить у вас дозволения взять в разработку бывшего штабс-капитана Алымова.

— Кто таков? — удивился Устинов, но потом протестующе воскликнул: — Пойдите, пойдите, Алымов — это же владелец шапито! Вы что, ротмистр, в своём уме? Какие основания? Я не разрешаю!

— Основания есть, Павел Александрович. Агентурные сведения прямо указывают: управляющий цирком — лицо неблагонадёжное.

— Что ваши сыщики имеют против него? Конкретнее.

— Доказать его прямое участие в противоправительственных организациях, к сожалению, не удаётся, но многие факты заставляют нас допустить, что такое возможно.

— Что значит «допустить», что значит «возможно»? — раздражённо перебил Устинов. — Вам не кажется, ротмистр, что вы ищёте врагов престола не там, где их следовало бы искать. Алымов, насколько мне известно, боевой офицер, орденами высочайше пожалован. А может, у вас личная неприязнь к нему? — спросил неожиданно и подошёл к столику, на котором стояли бутылки с «сельтерской водой». Налил два стакана, один подал Мазепе:

— Остудитесь. Даже если здесь замешана женщина, сводить счёты я вам сегодня не позволю. Займитесь лучше этой шляхой Дюшон. Как к ней попало оружие, из которого стреляли в Богоявленского? Кто его ей подбросил или хранил у неё? Вот на чем извольте сосредоточиться. А серьёзно полагать, что Алымов откроет вам эту тайну, я считаю шагом в тупик.

— И, тем не менее, господин полковник, я настаиваю если не на официальном допросе, то хотя бы на приватной беседе с ним. У нас есть многие основания считать, что Алымов может содействовать укрытию преступников, — Мазепа положил на зелёное сукно перед начальником несколько листков бумаги. — Прошу вас ознакомиться с этими документами.

Устинов прочёл и неопределённо хмыкнул:

— Оглушающая новость — нынешняя подозреваемая когда-то в цирке лошадям хвосты крутила! Ну и что? А у нас в полиции едино лишь херувимы да агнцы божии служили? Вспоминать стыдно, сколько разного охвостья перебивало. Их прикажете тоже в разряд смутьянов и бунтовщиков определять? Встретиться с Алымовым я вам разрешаю. Но прошу не забывать: он — дворянин, присягал государю и честь его не должна пострадать.

* * *

Летний дремотный вечер. Безглагольность покоя. За сквозными проёмами засиженных птицами колоколен у самого горизонта распластались рдяные крылья заката. В белесоватом небе бесшумно скользят ласточки. И только соловьиная «лешева дудка», то затихающая, то вновь наплывающая от близкой окраины Завального кладбища, пугает неизъяснимой надмирностью и какой-то щемящей всепроникающей печалью.

Фарфоровые цветы. Ползущие змеи траурных лент. Над чугунной тяжестью ог-

рад и холодной торжественностью надгробий бесстрастно парят, постукивая жестяными перьями, рукотворные небожители — ангелы и крылатые девы.

На свежеструганной скамеечке рядом с недавно выросшим могильным холмиком сидит неподвижно — сколько уже часов? — Григорий Платонович Калетин, холёное лицо которого своей прозрачной бледностью схоже с алебастром посмертной маски. У него болит голова. Но он безотрывно смотрит на овальный портрет молодого офицера, вделанный в позолоченную накладку гранитного креста, и его руки заметно подрагивают на резном набалдашнике костяной массивной трости. Близится ночь. Пора идти. Калетин достаёт из кармана коробку серных спичек и зажигает свечу, оставленную кем-то на медной площадке в изголовье могилы. Стеарин плавится и жёлтыми слезами скатывается на дно избуро-красной посудинки. «Прости меня, Цезарь», — горько шепчет Григорий Платонович и просит кого-то невидимого:

— Миша, помоги подняться.

«Рыжий» отвозит хозяина домой. Людмила заботливо укладывает дядю на диван, укрывает пледом, поит успокоительным отваром из трав и сама располагается — на дежурство — тут же за столиком в углу кабинета. Но Калетина сон не берёт. Он лежит с открытыми глазами и силится восстановить частности и подробности последних дней.

О гибели Алымова он узнал из вольной газеты «Сибирский листок». Скандальный хроникёр Колыхалов, известный своими громкими разоблачениями, сообщал, что накануне в своей квартире полицией застрелен герой японской войны и содержатель конного и прочих аттракционов господин Алымов Ц.А. Мотивы и обстоятельства трагедии газетчик обещал читателям представить наутро.

Признаться, Калетин не поверил в эту чудовищную новость и тут же послал Северьяна разузнать всё обстоятельнее. Но тот, вернувшись, подтвердил достоверность публикации. Тогда Григорий Платонович в тихой ярости приказал «Боярину» собрать всех, кто окажется поблизости, вооружиться и немедленно выехать к дому друга. Он решительно был готов перестрелять пусть даже не тех, кто учинил эту кровавую расправу. Однако с полдороги дружина завернула обратно. Людмила вдруг встала перед глазами Калетина, и дом, который непременно растащат, погибни он в перестрелке с полицией. И Палестин. Алымову уже ничем не поможешь, а вот мальчика, прячущегося сейчас у него, от петли уберечь надо. «Убийца Цезаря мы всё единым сыщем. И покараем», — решил он, остыв, и дал отбой нападению.

Колыхалов слово своё не сдержал. Вернее, ему не позволили писать что-либо о случившемся в квартире управляющего цирком. Более того, наряду с молчанием властей, по городу (надо думать, с умыслом) стали во множестве распространяться слухи — один нелепее другого. Пересказывать их противно. Ибо вертелись они всё больше вокруг невесты откуда взявшихся баснословных богатств Алымова, на которые решили покуситься заезжие гастролёры, но мужественный офицер дал геройский отпор налётчикам. И погиб... на сундуке с золотом...

Что же на самом деле произошло, из нескольких десятков тысяч горожан знали, пожалуй, лишь двое. И одним из них был ротмистр Мазепа — жандарм и знаток политического сыска, человек основательный и семейный.

Через несколько дней после памятного разговора с полковником Устиновым он, получив заключение экспертизы о том, что оружие «от мадам Дюшон» к делу о покушении на тюремного начальника не «пришьётся», безрадостно заключил: «Полное фиаско. Разыграть карту Тройницкого, пусть даже слабую, — не вышло. И «Трапедия» со своим дружкой забились, как тузы в новой колоде: когда в руки попадут — неизвестно. Значит, надо серьёзно взяться за Алымова. Чую: знает этот сибарит многое. Да и надоел он мне, если честно, путается под ногами. Деятель чёртов!»

План действий у Мазепы созрел быстро. Не откладывая, он связался с приставом Чернолобовым и попросил его прислать к нему бывшего городского, да-да, того самого — Громыхайло.

— Ты, урядник, гляжу, обносился и отощал на штрафных-то хлебах, — неласково встретил он плохо выглядевшего полицейского. — А ведь участь тебе уготована ещё слаще.

Громыхайло поднял на ротмистра глаза страдальца.

— Всплыла тут история занятая, в которой ты, уж не знаю из каких соображений, снова повёл себя преступно, — продолжил Мазепа. — Девицу, что отпустил в Леонтьевском ручье, помнишь?

Ларион Ульяныч тяжело дыша, молчал.

— Значит, не забыл. А что потом содеяла та девица, тебе рассказать?

— Ваше высокоблагородие, — всхлипнул урядник, — искуплю. Вы только прикажите!

— Для того и призвал, чтоб искупил, — ротмистр взял с подноса заранее приготовленную рюмку с водкой, поднёс Громыхайло. — На-ка выпей и успокойся. Если сделаешь всё так, как я сейчас укажу, прощу тебе и похищенные деньги, и про убийцу, тобой отпущенную, тоже забуду.

— Мне бы в городские оборотиться, ваше высокоблагородие, погибая, — выпив, опять всхлипнул Ларион Ульяныч.

— Унтером через полгода сделаю. Слово офицера. А пока надбавку к жалованью выхлопочу. Человеком себя почувствуешь.

Громыхайло недоверчиво переспросил:

— Как унтером? За что?

— Слушай внимательно, дурак, и не сомневайся в моём расположении. Завтра пойдём с тобой к одному очень опасному господину. Я буду с ним разговаривать, а ты при мне охраной состоять. Да не просто состоять, а быть готовым при малейшем его подозрительном движении стрелять в него. Оружие при нём может оказаться. Вот полезет он якобы за часами, к примеру, а сам пистолет выхватит. Для того и идёшь со мной, чтобы верно опередить преступника. Ясно излагаю?

— Так может, его сразу убить? — прямодушно предложил урядник.

Мазепа покачал головой:

— Не бывать тебе унтером, Громыхайло. Начальство понимать не умеешь. Ещё раз повторю: будет сидеть господин смиренно, значит, пусть и сидит себе. А вдруг руками баловать начнёт, тогда и стреляй без задержки.

— Мне бы покушать чего, ваше высокоблагородие, руки трясутся кой день. А так всё в лучшем виде исполню. Согласные мы.

— Подойди сюда. Вспомоществление тебе в десять рублей выдам. Грамотный? Тогда ставь вот здесь свою подпись и ступай домой. Завтра чтоб с утра у меня был. Искушаем кофию и отправимся. Но гляди: наберёшься водки, упеку в рудники на веки вечные.

Тут мне хотелось бы, следуя истине, поправить самого себя. Был ещё один человек, невольно посвящённый в тайну гибели Алымова. Это жена урядника — Глафира. Громыхайло, как только получил деньги, тут же завёлся в лавку и, потратив аж целых два рубля с полтиною, накупил баранок, селёдки, сахару и много ещё чего. Вывалив свёртки со снедью перед удивлённой супругой, похвастался:

— Готовь ужин, Петровна. Теперь кажин день так стомах свой ублажать будем.

Глафира, крупная и видная — под стать мужу — бабёнка, с посеревшей, однако, от постоянной нужды кожей, засуетилась у стола.

— Ларион Ульяныч, — освобождая от икры селёдку, спросила вкрадчиво, — а что рыба, она откуда? День-то выдачи жалованья рази сегодня?

— Вот завтрава ротмистр поручил мне важного подпольщика напужать, а то и пристрелить, тогда, говорит, в унтеры выйдешь. И денег дал. А те, что сын пропил, обещал списать без претензий. Благодарю господа нашего, заживём вдвое лучше против прежнего, — хлопнул её по чреслам Громыхайло.

Счастливая женщина не удивилась словам мужа. Сам службу такую выбрал: он стреляет, в него стреляют. Ни вздохом, ни упреком не огорчила благоверного. И унтером спокойно проводила его, наказав купить, как домой возвращаться станет, фунта два семечек подсолнечных. Истосковалась душа, мол, по жареным. Громыхайло крякнул досадливо: эх, деревенщина! Но разве откажешь?

Мазепа, оглядев чисто выбритого, помолодевшего как будто за ночь урядника, остался доволен:

— Только винтовку свою оставь, налегке пойдём, — и сам перекинул через пле-

чо городского оранжевый шнурок с кобурой. — Надеюсь, не забыл, как с наганом управляться?

Они подъехали к дому недалеко от площади Ермака аккуратно в обеденное время. Алымов пил чай. Граммофон голосом Саша Давыдова кручинился об увядших розах, и в глазах гувернантки Стеши таились слезы. Услышав звонок в передней, она пошла узнать, кого принесло в столь неудобный час, и вернулась встревоженной.

— Цезарь Юльевич, там полиция.

— Полиция? — отставил чашку Алымов. — Что они хотят?

Барышня указала на дверь.

— Вас требуют.

— Ну что ж, проси господ. Пусть прямо сюда проходят, а сама иди, пожалуй. На сегодня ты мне больше не нужна.

Стеша попрощалась и покинула дом. А в столовой завязалась короткая и нервная беседа.

— Ротмистр Мазепа, охранное отделение, — войдя, представился Иринарх Гаврилович. — Вы Алымов Цезарь Юльевич? Тогда имею задать вам несколько вопросов.

Алымов, даже не привстав со стула, усмехнулся:

— Извините, господин жандарм, но предложить вам сесть у меня нет ни малейшего желания, как нет такового и откровенничать с вами. Хотя! Очень любопытно: зачем я вам понадобился и почему вы пожаловали именно сюда, а не пригласили меня для разговора в своё учреждение? Случилось что-то серьёзное?

— Случилось. Но для начала перемените тон, штабс-капитан, — угрожающе потребовал Мазепа. — В вашем положении следует быть более учтивым.

— Каком положении?

— Любопытно, — Мазепа помолчал и пошёл напролом. — Укажите нам, милейший, сегодняшнее местонахождение известной вам мешчанки Денисовой, и мы мирно расстанемся. В противном случае я вынужден буду привлечь вас к ответственности за укрывательство особо опасной государственной преступницы. И что ещё хуже — за помощь ей в совершении злостного убийства.

— Помилуйте, ротмистр, но какое же убийство могла совершить Татьяна Андреевна? Она же совсем ещё девочка и калека притом!

— Да бросьте вы эти сопли: девочка, калека. Эсерка она, член боевой организации. И не говорите мне, что вы не знали об этом. Я бы на вашем месте застрелился, Алымов, чтобы в дальнейшем избежать позора разоблачения и постыдного наказания.

Цезарь Юльевич внимательно посмотрел в глаза жандарму:

— Нет уж, стреляйтесь сами, Мазепа, — и сделал роковой жест — потянулся рукой в карман за платком.

Громыхайло, стоявший за спиной ротмистра, тут же выстрелил.

Дальше — пунктирно.

Алымова при большом стечении народа похоронили со всеми возможными почестями. Отпевание. Речи над могилой. Золотые трубы оркестра и чёрная вуаль Оленьки Угрюмовой.

Громыхайло от греха подальше тихо отправили на пенсию, посоветовав реже показываться на людях.

Убийц Богоявленского так и не нашли. И следствием этого стала скорая отставка полковника Устинова, а следом и любителя ночных развлечений — вице-губернатора Тройницкого.

Выслали из города и Люсьен Дюшон, которая, поговаривали, скоро объявилась под именем Софи Монтаньяри уже в Новониколаевске, где обольстила и разорила дряхлого миллионщика Сажина.

Цирковых лошадей спешно и как-будто втридешеве продал приехавший из Москвы брат Цезаря Юльевича. Он же, рассчитавшись с трупшой, распустил её за ненадобностью.

Часть вторая следует

Виктор ЗАЙКОВ

СТРЕЛЯЙТЕСЬ САМИ, МАЗЕПА

Роман из подполья¹

Часть II. ПРОВАЛ²

Глава 1. НА ЗОВ КУКУШКИ

Бегут с каторги обычно весной, когда закукует кукушка. Жизнь тому научила. И смерть. Хотя хватало среди арестантской братии и тех, кто от полного душевного омертвления или единственно ради «отбывательства от казённых работ» решался на отчаянное предприятие осенью и даже в скляклые морозы. Но таких, как правило, даже не искали. А зачем? Живым из этих погибельных мест, да в такие лихие погоды мало кто выходил. Поэтому так, для вида — ради службы и начальства — посылали обычно пару стражников пройтись вокруг тюрьмы, а потом решительно вычеркивали имена безумцев из списков каторжан. Сгинул человек, ну и сгинул. Эка печаль плакучая. Разве что караульные солдатики в каморке своей стылой казённой погадают ввечеру, равнодушно позёывая: интересно, а как жиган этот нынешний смертушку к себе призвал? В силки угодил? Замёрз, задремавши, али пулю получил от такого же шатуна разбойного?

Иное дело варнаки сибирские, чаддоны каторжные. О таких речи замогильные по углам острожным вы не услышите, потому как «лишь бы воздуха свободы глотнуть, а там хоть помирай» — цель для них презренная. Им до Расеи добраться надо. И непременно живыми. И постараться назад в покинутый ад не возвращаться. Поэтому готовятся они крепко, без суеты и огласки. Бывает — годами. Знают верно, что Акатуй с Кутомарою, Горный Зерентуй и зловещие Карийские промыслы просто так не отпустят. Заводы Нерчинского Горного округа, его казённые золотые прииски, шахты, рудники оловянные и серебряные копи раскинулись на многие вёрсты даже не в медвежьем, а каком-то дьявольском углу: на восток подашься — лютое и дикое безлюдье встретишь, выводящее в каменные мешки, пади гиблые и непроходимые буреломы. На юго-западе — петля китайской границы дороги и тропы перехлестнула: сунешься в неё — ханьцы с улыбчивым радушием выдадут тебя российским властям. И поклонятся ещё на прощание: прости, мол, уруса-брат, договор дорожке денег. Вот и выходит, что одна дорога кандалному — на Читу, к Байкалу. Но и этот путь не менее тяжёл и опасен. К тому же, в отличие от ссыльной «мелкоты», за тюремным сидельцем «бессрочником» и особенно преступником государственным политическим немедленно высылалась пешая и конная погоня.

¹ В основе романа лежат исторические факты и события.

² Часть I «Казнь» опубликована в №1 «Невского проспекта».

К облате, кроме охранных команд, привлекались жители приписанных к рудникам поселений, казаки Забайкальского войска и таёжные следопыты — буряты охотники. Последние со своими звериными и подчас вероломными повадками были для беглецов особенно опасны. Люд бродяжий, водивший дружбу с такой же, как они, бурятской голюю, хорошо знал, что эти «дети природы», нанимаемые властью для участия в розыскных мероприятиях, охотятся за арестантами хоть и законно, но цели при этом имеют свои, зачастую преступные. «Бачка-начальник», он что? Выдаст за пойманного арестанта установленное жалкое вознаграждение и всё. На него китайский тёплый халат с цветными драконами себе не купишь и связкою нефритовых бусин бабу свою не украсишь. А вот у чалдона стриженного (коли повезёт), лежащего подстреленным под упавшей лесиной, если каждую складочку одежды прощупать, бывает, денег найти можно столько, что от радости даже пожалеешь мертвеца — сдёрнешь с него обувку добротную, а самого спихнёшь в яму медвежью и лапником заботливо прикидаешь. Зачем на растерзание росомахам человека божьего оставлять? Грех это. Пусть покоится с миром раб каторжный хоть и в такой, но всё же могилке. Никто его там не потревожит. И власть русская ничего не дознается — в свидетелях-то только ели вековые да вон тот сыч желтоглазый, из дуплины зыркающий. А они тайны хранить умеют.

А ещё дебри Приаргунья от Маньчжурии до Сретенска, злоещее горнолесье Нерчинской Даурии и урманы вдоль реки Шилки переплела паучья сеть вьючных троп контрабандистов карымов¹. С этим народцем тоже не приведи господь повстречаться. Таская мимо казны государевой «кирпичный» чай из Поднебесной империи и дешёвую шелковую китайскую материю чунчу, поставляя в бандитские притоны опий, рисовую водку и много какого ещё «колониального товару», сии «негоцианты», ни в каких гильдиях не состоящие, глазам чужим за собой следить не позволяли и поэтому верным выстрелом безжалостно закрывали их навеки. Некоторые, правда, жалели бродяг и жизни не лишали. Но раздевали бездушно, отнимали у них котомки с припасами и оставляли в чащобах радоваться мощи таёжной и неласковому сибирскому солнцу.

Но и это ещё не всё. Любого арестанта в горной тайге кроме гнуса, комарья и гадов ползучих, неизменно подстерегали каменные провалы с их острыми зубьями, рвуцими и калечащими тело, силки-западни для крупного зверя, хитрые охотничьи ловушки да самострелы. И пусть люди, угодившие в них, погибшие от ран и переломов в ущельях и тёмных распадках, не упоминались (по причине необнаружения) в сводках уездных полицейских властей — это совершенно не означало, что таковых не было.

Однако самое трудное испытание ждало «горбачей»² тогда, когда они выходили на обжитые места — к Чите, берегам Байкала или в южные волости Иркутской губернии. И с бедствием этим, посланным Провидением в виде искушений, совладал далеко не каждый. Можно только догадываться, что творилось в душах оголодавших колодников, обозревающих богатые уголья, а значит, и сытую жизнь добротных селений, к которым вывела их госпожа удача. «Вы только гляньте, братцы разлюбезные, эва кони пасутся вольно, и нет вокруг никого!» — начинали дёргать кадыками некоторые те, у кого долгая неволя не переиначила характер и чужое благополучие ничего кроме злобы не вызывало. Им бы идти себе и идти вдоль коммерческих трактов до намеченного места под видом нищих или богомольцев, как делали это более хваткие умом. Благо хлебушек им деревенские жители, в большинстве своём дети, внуки и правнуки таких же ссыльных, давали охотно и молитву ещё сотворяли за то, что «несчастненькие» приняли их дар с благодарностью. Ан нет. Душе воровской хотелось большего. И потому христианская заповедь «не укради» задвигалась за ненадобностью в самые тёмные закоулки сущности. Откормившись немного и отдохнув, такие начинали шалить. Где корову ненастной ночью из хлева уведут и продадут в соседней деревне. Где амбар подломят и вынесут из него всё, что имеет ценность. А то, всучив доверчивому крестьянину фальшивый паспорт, наймутся к нему на сезонную работу и, получив хороший задаток, растворятся с ним в людском безбрежье. Но более всего крали лошадей. Конокрадов ловили, линчевали, выдавали властям. Не помогало. И удивляться тут нечему. Лошадь для варнака — это не только средство, помогающее сократить время и расстояние до заветной цели, но сам дух свободы. И неизбежная петля на шее рискованной головушки — это разве беда, если впереди тебя ждут простор и воля, разбойничий посвист ветра в ушах и возможность, пусть и ненадолго, почувствовать себя хозяином собственной слепой судьбы.

¹ Карымы - т.н. забайкальские креолы, помесь русских с бурятами, монголами, тунгусами.

² Горбач - беглец с котомкой на плечах.

Глава 2. ДВА ЭСЕРА

Слушал Палестин Георгиевич, слушал почтительно все эти рассказы и научения своего сокамерника, эсера-боевика, сумевшего сделать за два года своей каторжной «эпопеей» уже четыре неудачных побега, и как-то, не выдержав, спросил:

— А скажите мне, пожалуйста, Карп Елизарыч, вы для чего мне все эти подробности излагаете? Бежать я покуда не замышляю. Да и уйти отсюда, сами знаете, невозможно. В цепях оба сидим. Вот через пару годиков, когда выпустят на поселение, тогда и будем о том толковать.

Карп Матюков, мужчина уже немолодой, старше Палестина лет, наверное, на двадцать, загремев кандалами, спустил ноги с нар и, укоризненно покачав головой, ответил:

— А для того рассказываю, собрат мой по несчастью, что наука о побегах есть одна из древнейших. И законы её писались исключительно кровью и лишениями тех, для кого свобода была выше жизни. И вам, если, конечно, вы собираетесь продолжить нашу борьбу, знания сии будут весьма полезны. Должны же вы, наконец-то, понять, что ученье избавления от неволи в основе своей необходимо содержит определённый набор навыков, без которых человеку, вступающему на путь сопротивления угнетающему классу, никак нельзя. Это и правила конспирации, и приёмы ухода от слежки и погони, умение защитить себя при неожиданной встрече с врагом. Наконец, оно учит способам выживания в опасных обстоятельствах и ещё много чему другому. А вы иронизируете: ерунду ему тут, видите ли, излагают. Насколько я извещён, именно небрежение к этим самым подробностям и привело вас сюда.

Палестин, хотя и знал, что может разозлить собеседника, всё же съязвил:

— Ну ладно я, наивный мечтатель. Но вы то как, тёртый калач, здесь очутились? На этих грязных нарах, в темнице сырой?

— Ишь ты, как повернул. Согласен. Результат моих побегов — грошовый. Но даже наторелый в чём-то человек всегда может споткнуться о случайность или столкнуться с явлением, прежде ему неизвестным. Провокаторством, например. Как я здесь очутился! Мы, Палестин Георгиевич, тюремной охранке должны в пояс поклониться за её собачью способность вынюхивать среди нашей братии перекатных людишек — оборотней и подлецов продажных. Хотите, я расскажу вам о своём первом побеге? Он был, наверное, не самым драматичным, но весьма поучительным.

— Что ж, расскажите. А то мы уже около года копаемся с вами в могильной тоске Уголовного уложения да пытаемся крестьянский социализм Герцена на зуб попробовать, но вот правды личного опыта как-то избегаем. Я послушаю и с интересом даже.

Однако Карп Елизарович, болезненно сморщившись, потёр виски, помассировал шею; виновато глянув на сокамерника, извинился:

— Голова как-то сверляще болит. К непогоде, должно быть. Сейчас бы бокал «Шар-треза» да побродить в липовых аллеях милого сердцу Касимова. Осенью там как-то по-особенному дышится. Родина, она, знаете, лечит, да-с. Но вместо чудной прогулки — смертный дух камеры, а ночами продажные морды доносчиков снятся.

— А что по этому поводу говорит ваша наука? — спросил с иронией Палестин.

— О чём вы?

— По вашим злым замечаниям я догадался, что именно провокаторы перекрыли вам путь на волю.

Матюков ничего не ответил. Закашлялся. Качнулся к столу, на котором стояла кружка с водой, сделал несколько глотков. Долго сидел, прислушиваясь к себе. Потом прилёг и с усилием стал выталкивать из себя тяжёлые, как бульжник, слова:

— Слаб человек и груб в своих притязаниях. А ещё иногда не сразу или вообще не поймёшь, что движет его поступками. Нравственная слепота? Грех себялюбия? Я вот всё вспоминаю случай с милой девочкой Анисьей Шукиной. Она дерзко застрелила в десятом году начальника Нерчинской тюрьмы Метуса. Выследила этого самодура с античным именем Юлий, ловко проникла в читинские «Новоцентральные номера» и всадила ему пулю, говорят, прямо в ярёмную вену. Что её толкнуло на столь отчаянный шаг, известно — желание отомстить за поруганную честь сидельцев однопартийцев, которых истязали в узилищах. Но скажите мне, зачем ловить убийцу бросился не шпик какой-нибудь, каковых вокруг гостиницы достаточно всегда крутилось, а Федька коридорный из «номеров», пролетарий бесправный? Он ведь, подлец, догнал тогда Анисью на улице, стал ей руки выкручивать, людей призывать, чтоб помогли преступницу в участок доставить. Хорошо, обыватели возмутились таким грубым обращением с приличной барышней и отбили её. Шукина благополучно скрылась. И до сих пор, слава богу, по-моему, не найдена.

— Карп Елизарыч, — удивился Палестин, — разве не вы как-то утверждали, что для добра человек создан. Откуда же тогда злость в нём берётся и соблазны появляются?

Федька тот, может, был добрым малым, однако выгоду свою корыстную из случая с террористкой упускать не захотел. А те, кто всякий раз писал на вас доносы перед побегам? Я почему-то думаю, что преследовали они совсем не политические цели.

— Да правы вы, правы, — шевельнулся на нарах Матюков и сплюнул в несвежий платок. — Плоть с её пороками встала над духом. Ненавижу таких. Простите, друг, мне что-то нездоровится. Я, пожалуй, посплю.

Карп Елизарович отвернулся к стене и после нескольких минут болезненного постанывания затих. Палестин подошёл к нему, набросил на плечи товарища своё одеяльце. Подумав, присел к столу. Взял из стопки «свежих» газет, принесённых сегодня утром надзирателем, номер «Читинских ведомостей», глянул на дату выпуска. Распоряжение военного губернатора Забайкальского края о дозволении политическим заключённым читать газеты только годичной давности он знал и поэтому «четвёртого сентября 1912 года» его не удивило. Подумалось только, что генерал этот есть отменный дурак, раз не знает о существовании на каторге своего «министерства почт». Здесь нужную информацию сидельцы давно научились добывать даже из стрекота сороки, но чаще всего применяя примитивно грубый приём, а именно подкуп: давали на руку и чёрту надзирателю, и — если нужно — самому последнему замузганному служивому из тюремной охраны. Начальство, конечно, пыталось со злом мздоимства бороться, да разве выведешь вошь микстурой от поноса? Палестин со злостью бросил газету. Перебрался на своё место. Долго лежал, глядя на тоскливое серенькое небо за решетчатым окном. Мысли, которые он пытался вызвать к жизни, — о Людмиле, Калетине, вообще о Тобольске, — не шли.

Вчерашний разговор на прогулке с меньшевиком из социал-демократов тревожил. Тот сидел в соседней камере, и они были заочно знакомы благодаря тюремной азбуке перестукивания. Вчера этот эсдек, лишь только их немногочисленную группу вывели во внутренний дворик, вдруг решительно подошёл к Палестину. И когда они отделились от охранника, стал торопливо шептать, что получил сведения, пока ещё не совсем проверенные, о скором переводе особо неблагонадёжных политических в Зерентуйскую тюрьму. Поступило-де требование Главного тюремного управления к администрации каторги не содержать подолгу арестантов в одном месте, «дабы каторжане, подвергаясь постоянной смене обстановки, не могли совершать побег».

— Мы ведь с вами на Кутомару попали по тяжкой статье, значит, быть нам в числе отправленных. А там, в Зерентуе, на двухместные палаты, как здесь, — торопливо выкладывал сосед, — рассчитывать не придётся. Посадят вместе с уголовными. Так что готовьтесь, товарищ, к весёлым временам.

Договорить им не дали. Солдат из бурят крикнул:

— Замолчать разговаривать! — и клацнул затвором винтовки.

Будить Матюкова Палестину не хотелось. И он стал вспоминать, что тот рассказывал про Зерентуй, где уже сживал и, кажется, имел даже приятеля — фельдшера из тюремного лазарета. Первое, что пришло на ум, — саркастический рассказ Карпа Елизарыча к стене. Каменной, внушительной, непреодолимой. Возвести её вокруг острога было для начальства тогда сущей необходимостью. После событий революции пятого года, убийства Метуса, начальника Алгачинской тюрьмы Бородулина и нескольких служивых помельче во многих чиновных кабинетах каторги поселился страх. А состояние, когда над тобой висит меч расправы, делает людей более покладистыми. Тюремщики под напором требований заключённых, что называется, ослабили вожжи. И жизнь для кандалников наступила — хоть «камаринского» пляши. Камеры теперь не закрывались. Арестантов, даже особо опасных, расковали, и они свободно передвигались внутри крепости, заходили на «цифирь» друг к другу, сами себя освободили от работ. Ну и бегали — чуть не партиями — кто куда мог.

Государство, конечно, долго продолжаться такому не позволило. Карательные сибирские экспедиции Ренненкамппа и Меллер-Закомельского с их массовыми бессудными расстрелами бунтовщиков, скоротечные военно-полевые суды, битвьё шомполами и другие репрессивные меры скоро всё расставили по своим местам. В Зерентуй прислали нового начальника, который бесстрашно стал бить морды распоясавшимся уголовникам, а тех, кого переловили в окрестных лесах, велел высечь без изъятия розгами и снова заковать в железа. Приказы его были коротки, как боксёрские удары: камеры — на замок, бунтовщиков и горлопанов — в карцер. У политических изъяли книги, табак, собственную одежду, на день стали выносить из камер матрасы. Небывалые доселе облавы и «шмоны» прокатились по «шалманам» и притонам прилегающих к тюрьмам посёлков. Симулянтов и членовредителей стали вместо лазарета отправлять на излечение в рудники. Ну и ради успокоения администрации, но более для подавления психики заключённых, было решено возвести вокруг тюрьмы вместо седого от старости частокола стену каменную. И чтоб по крепости не уступала кремлёвской. С выш-

ками по углам для часовых и воротами чугунными.

Каторжан изнурили работами, но к маю десятого года стройку закончили. Случайно или нет, но аккурат в это время с глубокой инспекцией сюда пожаловал атаман третьего отдела Забайкальского казачьего войска генерал Путилов. Бравому старику всё пришлось по душе. И стена — эка мощь! И тишина в тюрьме: каждый занят своим делом — солдаты стерегут, уголовные в штольнях вагонетки катают, а «политики» под замком пролистывают прошлогодние газетёнки. «Благодарю за службу, господа начальство!» — поднял руку к фуражке Его превосходительство и, отяжелённый подарками и лестью, укатил в другие остроги.

— Вы не спите? — будто ржавая воротная петля скрипнул вдруг голос Матюкова.

— Нет, — отозвался Палестин. — Над вашими рассказами про Зерентуй раздумываю. Слышал, что погонят нас скоро туда. Вы не извещены?

— Ну, погонят и погонят. Хрен редьки не слаще, — не удивившись вопросу, равнодушно изрёк Карп Елизарович и после паузы спросил: — А вы что, боитесь?

— Ну что вы. Но думаю, если слухи о нашем водворении в Зерентуй верны, то подготавливаться к переходу не мешало бы. Сколько дней туда топать, кстати? На дворе-то октябрь, а одёжонка, что у вас, что у меня, скверная.

— Если дорогу прибило морозами, за дня три-четыре управимся. Но ежели в колдобинах грязница плещется да к партии больных пристегнут, тогда, — вздохнул Матюков, — многие могут и не дойти. Только я думаю, что будет всё наоборот: не нас в Зерентуй погонят, а оттуда сюда кой-какой элемент переселят. По мне бы, конечно, лучше там очутиться. Фельдшер Игнат Ильич в лазарете подкормил бы меня, подлечил. Здешний же врач, видимо, настолько начальством запуган, что разве только трупы в симуляции не подозревает. А во мне, брат, чуя, чахотка поселилась. Плохо.

— Так давайте дадим эскулапу денег. Сколько годовых он имеет, тысячи две со столовыми?

— Думаю, около того, если Игнат Ильич хвастал, помнится, что за своё фельдшерство шестьсот вместе со столовыми от казны получает.

— Ну вот. Значит, лекарю надо сразу «катеньку» предложить. Не откажется от «сотенной», как думаете?

Матюков недоверчиво посмотрел на товарища:

— «Катеньку»? Хм-м. А откуда мы возьмём такие деньги? Разве что нарисуем? Но я не наделён талантом живописца, да и вы, кажется, лишены таких способностей.

— Это как сказать. Только марасть своё имя подделкой казначейских билетов я не собираюсь. Хочется помочь вам, не посягая на прописи Уголовного уложения. Я честно скажу: ваши настроения в последнее время мне не нравятся. И о причинах вашей скорби я как будто догадываюсь. Вас ведь, признайтесь, больше угнетают мысли не о собственном здоровье и предстоящих мучительных годах бесплодного заточения. Невозможность быть полезным товарищам, самому приближать грядущую революцию — вот что вам тяжело осознать. И главное, выхода из этого положения пока не видно. Даже ваши сбережения, которые сегодня были бы очень кстати, давно потрачены подлецами, которые устроили вам серию побегов из одной тюрьмы в другую.

— Вы ещё молод, но похвалю вас: рассуждения ваши, в общем-то, верны, — шевельнулся под одеялом сокамерник. — Однако уточню. О здоровье я тоже думаю, ибо понимаю: без него, увы, будущего нет.

Палестин слез с нар и стал прохаживаться по камере.

— Так вот, Карп Елизарыч. Если вы возьмётесь за лечение со всей добросовестностью нынче же, чахотка, которая и не таких бойцов в труху превращала, может, и пощадит вас. О деньгах не беспокойтесь. Лучше подумайте, как найти подход к нашему доктору.

Матюков сел. Неохотно стянул с себя одеяло, перебрал его товарищу. Кивнул в знак благодарности. Зябко повёл плечами. Скрестил на груди руки и опустил голову. Долго глядел на пол. Думал. Наконец, заговорил:

— Сегодня, кажется, дежурит надзиратель Завальев из бывших ссыльных. Забитое и угрюмое существо. Но расчётлив: деньги берёт исправно и поручения исполняет без докладов начальству. Надо попросить его принести бумагу. Тогда можно будет написать цидулку. Есть тут одна знаменитость, — Матюков усмехнулся и сделал рукой какой-то неопределённый жест. — Редкостный, говорят, пройдоха, но ума министерского. На воле будто бы адвокатом при Тобольской судебной палате состоял в чине — ни много ни мало — десятого класса. Так вот, случилось ему когда-то крупно помочь одному из «ванек» тутошних по кличке Пекло. Явную казнь через повешение сумел тому душегубу на бессрочную каторгу выслезить. Некоторые присяжные на том процессе, если не врут газеты, даже платочки к глазам прикладывали, так пробрала их защитительная речь нашего златоуста. И вот представьте себе, какой фортель злодейка судьба

выкинула: через несколько лет адвокат, не знаю уж за что, сам сюда, в Кутомару, на нары угодил. А Пекло к тому времени в большой авторитет среди уголовных вошёл и своего спасителя приветил как родного. Лекаря, я думаю, хотя тот и труслив, эта шайка давно под себя подмяла. С волей-то, всякий арестант вам скажет, сношения в основном через лазарет идут. Послабления режима там, прогулки частые. Но главное, что посещать с досмотрами чахоточный барак сами тюремщики лишний раз опасаются. Он для них вроде сладкой тараканьей приманки: есть чем поживиться, да нутро может выжечь. А вот Пекло со своими мазуриками не боятся, — Матюков замолчал. Вынул платок, промокнул им капельки пота на лбу. Притронулся зачем-то к стопке газет на столе. Спросил глухо: — Вы, кстати, никогда не задумывались над вопросом, что общего между собой могут иметь такие разные по сути люди, как революционеры и воры? — Палестин пожал плечами. — А ответ ядовитый, но точный: и те, и другие не признают частную собственность. То есть не могут терпеть у других наличие чего-то, что хотелось бы иметь самому. Поэтому и методы достижения некоторых целей у них во многом схожи. Чем, например, отличается экспроприация от обычного грабежа и банальной кражи, я, хоть режьте меня, понять не могу. Так вот. Всё, что попадает с воли в лазарет, ну, посылки там от родственников или еда и одежда от друзей поселенцев, неумолимо расхищается либо вымогается дельцами и перепродаётся уже в тюрьме за немалые, надо думать, деньги. И, уверяю вас, через какое-то время люди эти, скопив барыш, окажутся вдруг в разряде вольнокомандцев, а далее и в Россию уйдут.

— Да, делишки там обстряпывают важно. Это я знаю. И история с адвокатом очень уж знакома. Только вот фамилия его не вспоминается, — поморщился Палестин.

Карп Елизарович, скривив губы, процедил:

— Гравиатов их фамилия. Глеб Самойлович Гравиатов.

Заставив обоих вздрогнуть, неожиданно громко щёлкнула щеколда на входной двери. Открылось окно.

— Принимай хлёбово, — крикнули из коридора. — Вечор ужо.

— Это Завальев, его голос, — шепнул Матюков. — Давайте рубль. Я сейчас всё устрою.

Под негромкое постукивание чашек о железную приоконную полку с обеих сторон двери прошелестели еле слышимые слова. Мелькнуло и исчезло седоусое лицо надзирателя. Снова щёлкнул засов. Карп Елизарович, поставив миски с кашей на стол, потёр руки и весело продекламировал:

— Ладно, ладно, детки, дайте только срок, будет вам и белка, будет и свисток, — и на вопросительный взгляд товарища поспешно ответил: — Послезавтра обещал принести. Режьте сало, юноша. Поужинаем и станем думать над посланием адвокату.

Через день в обеденное время из поданного служителем сырого ломтя хлеба они извлекли три серые — не толще спичечной головки — волглые трубочки. Матюков с бережением разгладил их и зло выругался:

— Вот каналья! Вы только поглядите, что он нам подсунил! И за это мы выложили целый рубль! Какое скотство!

Палестин посмотрел и захохотал. Перед ними лежали бог весть какой давности листочки настольного перекидного календаря, с одной из сторон сплошь исписанные и заляпанные чернильными кляксами. Отверстия для держателя — похожие на замочную скважину — явно указывали на то, что были странички наспех выдраны из численника ещё тогда, когда тот находился на письменном бюро пользователя. И изъял их оттуда, скорее всего без ведома чиновника, какой-нибудь ловкий испытанный уборщик из доверенных арестантов. На самокрутку, может. Или для переписки тюремной. Да мало ли ещё для чего?

Полуобняв товарища, Палестин заставил его присесть на нары:

— Будет вам, успокойтесь. Человек исполнил просьбу. Бумагу принёс. Рисковал при этом. А то, что она такая, ну и бог с ней. Записку написать хватит. Не станете же вы сочинять судебному витии нудный романус в духе Боборыкина.

Глава 3. ЗА КРАСНЫМИ ФЛАЖКАМИ

Пароходная пристань уездной купеческой Тары, что прилепилась к холодному телу своенравного Иртыша, в утренние часы обычно пустовала. Но сегодня на лиственничном, крепко сработанном и похвальных размеров помосте на сваях, предназначенном для причаливания речных пассажирских судов, прогуливались несколько человек. Шивиотовые пиджачные костюмы на мужчинах, котелки на их головах, дорогие платья, горжетки из песка и соболя на плечах женщин выдавали людей с достатком и положением. От воды несло сыростью, и дамы, наверное, пожалели, что в стремлении выглядеть не хуже губернских модниц, не оделись потеплее. К счастью, вскоре на гори-

зонте завиднелся дым. И минут через двадцать, радостно приветствуя ещё спящий город, над рекой проплыл натужный голос паровой сирены.

— Я так разумею, Анфиса Васильевна, только вам и никому более надобно первой встретить гостя, — обратился к статной особе, одиноко стоящей почти у самого края платформы, старшина пристани Дубов.

Дама в знак согласия слегка кивнула головой. На шляпе качнулись перья «эспри».

— Только распорядитесь, Демьян Захарыч, не затягивать церемониал. Я продрогла, — попросила женщина, — А вообще-то предложение ваше показалось мне странным. Если приглашение человеку делала я, то кто же тогда первым должен его встретить?

— Да-да, конечно, — смутился Дубов. — Пойду, сообщу господам ваше пожелание.

Пароход тем временем, шумно хлюпая шлицами гребного колеса, на защитном кожухе которого полукружьем краснело название судна — «Ростислав», подвалил к причалу. Матросы сноровисто спустили и закрепили сходни. Минуту спустя на них появился он. Один. Больше в этот день пассажиров до Тары не оказалось. Дойдя примерно до середины трапа, приезжий артистично освободил свою голову от канотье и подвесил на лицо улыбку. С ней он и ступил на тарскую землю. Дорожный саквояж свой жёлтой кожи, стянутый ремешками замками-застёжками, поставил к ногам, сверху бросив на него зонт и шляпу. И лишь после этого поклонился, безошибочно угадав в подошедшей к нему ширококостной сибирской красавице вдову здешнего заводчика и хлеботорговца Пяткова.

— Коллежский ассессор Гравиатов. Весьма рад познакомиться с вами, Анфиса Васильевна, — представился кратко.

Дама с любопытством оглядела гостя. Отметила его бледное безусое лицо, глаза с еле заметной косинкой, значок присяжного поверенного на пиджаке и протянула руку в ажурной летней перчатке без пальцев «митенке».

— Пяткова. А мы рады вдвойне, Глеб Самойлович. Знаменитости не очень жалуют Тару своим вниманием: далеко до нас, добираться хлопотно. Да и развлечений здесь, кроме кинематографа, почти никаких. Но мы попробуем не дать вам заскучать в нашем захолустье. Знакомьтесь с моими друзьями и едем ко мне. Завтракать. Как раз вчера из Омска нами получены несколько фунтов отменного какао от фирмы Корфа. А ещё редкость — шоколад «миньон» с фотографическими снимками на обёртке, угадайте кого? Самой Лины Кавальери! Такого, господин адвокат, говорят, в вашем Тобольске ещё не пробовали.

Присутствующие при встрече дамы и господа, среди которых своим светлым кителем выделялся уездный исправник, выслушав речь купчихи, переглянулись. Что же такое случилось с известной в городе скопидомкой, дочерью уважаемого всеми коммерсанта и филантропа Серебренникова? Ужели к ним и впрямь такая важная персона пожаловала, что Пяткова на такие траты решилась? Да нет, скорее всего, смотрины сама себе решила устроить. Приличия-то траурные давно соблюдены, пора и снова под венец. Позорит фамилию, вертихвостка! Гравиатов тоже удивлённо хмыкнул и, галантно подхватив узкую ладонь вдовы, поцеловал холодные ухоженные пальцы. Затем несколько манерно отдельно поздоровался с каждым встречающим. Через полчаса экипажи доставили всю компанию к полукаменному особняку на Никольской улице.

Столовая, куда владелица дома сама провела гостей, была декорирована в русском стиле. Обе российские столицы уже почти отказались от этой «патриархальщины» в пользу эклектики новомодного модерна. Но вот провинциальное и особенно сибирское купечество корней своих простонародных не стыдилось и не забывало. И барскими штучками — драпировкой окон, обилием картин, статуэток и разными там вазами на тумбах — жилища свои не засоряло. Изысканность — в подчёркнутой простоте, считали местные богатеи. И твёрдо тому следовали.

Вкус хозяйки Глеб Самойлович оценил сразу, как только вошёл в обеденную залу и осмотрелся. Особенно восхитила его мебель, несущая печать индивидуальности и рукотворности. Одно кресло «Дуга, топор и рукавицы» известного мастера Шугова чего стоило. А резьба по мотивам крестьянских вышивок на массивном буфете, низком столике для самовара, ножках узкого дивана, темнеющего благородным деревом у входной двери, — загляденье и только.

— Какая изумительная работа! — воскликнул Гравиатов. — Я любовался подобным только в петербургском магазине при фабрике Мельцера. Признайтесь, Анфиса Васильевна, не оттуда ли сии романтические шедевры?

— Ну что вы, наш дорогой, — смутилась Пяткова. — У нас своих искусников по этой части хватает. Присаживайтесь вот сюда рядом со мной. После утомительной дороги бокал «Жульена» должен согреть и успокоить вас. О делах пока ни слова. Всё обсудим после дневного отдыха и прогулки по нашим достопримечательностям. Договорились?

К бокалу «Жульена» подали: жаркое из индейки, стерлядь копчёную с дымком, ку-

ринные котлеты по-пожарски, печёного поросёнка с гречневой кашей. Ну, а серебряный жбан с ачуевской паусной икрой, вареная буженина, моченые яблоки и прочие селёдки да солёные грузочки в сметане уже находились на столе.

— Пейте вино и перекусывайте пока тем, что есть, друзья любезные, — предложила хозяйка, оглядев сидящих в немотном оцепенении именитых горожан. — Скоро в печи доспеют пироги с вязигой и нельмой. Их отвеживать надо непременно горячими. Ну и в завершение, конечно же, нас ждёт десерт. Приступайте, господа, с богом и без церемоний. Тосты не обязательны. Но если кто-то уж очень захочет выступить, прошу высокопарных здравниц в честь нашего уважаемого гостя избегать. Он человек деликатный и этого не любит. Я права, Глеб Самойлович?

Гравиатов с трудом оторвал тяжёлый взгляд от румяной поросычей тушки и как-то обречённо опустил голову. Чувствовал он себя. Скверно чувствовал. Будучи язвенником, зримо представил себе последствия предстоящего пиршества: желудочные боли, рвота, пугающее дыхание смерти — словом, вычеркнутая из жизни неделя. Как минимум. А ведь он знал к кому едет и часы обильных застолий у богатой купчихи, несмотря на не очень любезные слухи о её скупости, должен был предвидеть. «Да, влипли вы, присяжный, что называется, не успев надеть галош, — обрутал себя адвокат. — И откататься от угощения нельзя — бог знает что подумают, и предаться пороку обжорства — тоже не можно».

— Извините, дамы и господа, — всё же решился он. Осторожно наклонился к уху миллионерши и зашептал: — Анфиса Васильевна, голубушка, радушие ваше широко известно и вы его ещё раз доказали. Но я хочу просить у вас прощения за то, что загодя не предупредил о некоторых особенностях и тонкостях своего физического устройства. Сфера, знаете ли, весьма деликатная. Дело в том, что застарелая болезнь Magengeschwul¹ и мой семейный доктор категорически запрещают мне всякие гастрономические изыски. Помогите же мне выбраться из этой пикантной ситуации. Буду вам очень признателен.

Умная дочь и вдова пароходовладельцев мягко коснулась руки присяжного:

— Не беспокойтесь, наш дорогой, мы сейчас всё устроим, — она жестом подозвала к себе девушку служанку и попросила её: — Устинья, сходи-ка, родимая, на кухню, узнай, готовы ли пироги. И напомни ещё раз Даниле Иванычу, он дежурит в гостиной у аппарата, чтобы тотчас оповестил нас о междугороднем звонке. Глебу Самойловичу должно телефонировать из Тобольска важное лицо.

Домработница вышла. Но буквально сразу же вернулась и отчего-то шёпотом испуганно сообщила, что Данила Иваныч просят поторопиться. К аппарату вызывают какого-то господина Гравиатова. Но, кажется, звонок из... Петербурга! Пяткова удивлённо подняла брови, взглянула на гостя и встала.

— Василий Трофимович, — обратилась к гласному городской думы Мещерякову, — мы вас ненадолго покинем. Оставайтесь, пожалуйста, за распорядителя, проследите, чтобы все остались довольны.

Звонка из Петербурга, конечно же, не было. Данила Иванович, кучер и сторож в одном лице, благополучно посапывал у телефонного аппарата. Хозяйка не стала будить старика и провела коллежского асессора на второй этаж, где ему приготовили комнату.

— Я прикажу, чтобы чай и обещанный шоколад принесли вам прямо сюда. Отдыхайте.

Гравиатов с какой-то горечью посмотрел в глаза женщины и чуть заметно вздохнул:

— «Миньон» с Кавальери на фантиках. Да. Вот что значит слава. А вы знаете, мне ведь посчастливилось как-то видеть и слышать эту оперную диву в петербургском ресторане Хабибуллы Ялышева. Публика была очарована ею. Редкая красавица. Чудесный голос. Говорят, она пела с самим Карузо! Но столичный высший свет пустил её имя по кругу, гневно осудив за связь с князем Барятинским. Хотя, помилуйте, при чём здесь она? Это их сиятельство, наплевав на все приличия, совершенно потерял голову от любви и бросил к ногам пусть и знаменитой, но всё же простолюдинки целое состояние. Вы представляете, каково было нашим Марьяваннам смотреть на Кавальери, когда та в образе Виолетты из «Травиаты» выходила на сцену Харьковского театра, с ног до головы увитая драгоценностями на сумму свыше трёх миллионов?! Подобное на Руси позволялось только небожителям. Государь самолично запретил князю жениться на кафешантанной певичке, имеющей к тому же незаконнорожденного сына, дабы не дискредитировал знатнейшую русскую фамилию. Лина уехала из России богатой, но с покалеченной душой.

¹ Magengeschwul - язва желудка.

Анфиса Васильевна ахнула и сложила на груди руки:

— Боже, как интересно. Обещайте, что подробности этой амурной драмы вы непременно расскажете вечером. А пока мне надо исполнить свой долг перед гостями. Когда они разъедутся, домработница вам сообщит. И прошу вас: ни о чём плохом не думайте. Разговоры за нашими спинами имею в виду. Серебренниковы всегда делом славились, а не собиранием кислых да глухих слухов.

Гравиатов благодарно поцеловал ей руку. Подождал, пока за хозяйкой закроется дверь, и тут же прилёг на постель. Приснился ему почему-то князь Кропоткин — барин от революции с крестьянской бородой, что лопата. Едут они будто со знаменитым сотрясателем общественных устоев в открытом ландо среди людского моря по весеннему Парижу. Каштаны. Монмартр. Изумрудная зелень Елисейских полей. Французская публика блестяща и восторженна: мсье улыбочиво кланяются, дамы бросают цветы. И вдруг — выстрелы! Откуда? В кого? Небо смешалось с землёю. Крики. Искривлённые от ужаса рты. Глеб Самойлович испуганно вздрогнул и резко сел на кровати. Перекрестился. Мрачно отметил, что кровь слишком часто стала литься в его сновидениях.

— А всё потому, — признался себе вслух, — что господя анархисты загнали меня, как волка, за красивые флажки. И оттуда уже не выпустят.

Он встал. Подошёл к окну. Отдёрнул бледно-жёлтую занавеску. Распахнул одну из створок. Скользнул взглядом по близким (протяни руку — достанешь) яблоням, ещё цветущим и источающим какой-то дразнящий конфетный аромат. Но ничто не шевельнулось в душе. Не откликнулось, не отозвалось. И ему стало по-настоящему страшно. За себя, своё будущее. «Куда, действительно, ведёт меня или уже завела моя двойная жизнь, иссушившая чувства, подчинившая рассудок фантомным целям?»

Да, официально, для публики, Гравиатов приехал в Тару по приглашению купчихи Пятковой, попросившей известного адвоката помочь ей разобраться с наследством отца и провести юридическое сопровождение сделок по продаже и закрытию нескольких производств, которые достались ей после смерти мужа. Особенно беспокоила её возня некоторых компаньонов покойного супруга вокруг очень прибыльных лесозаготовок. Но всё это — спасибо Анфисе Васильевне за нечаянное содействие — лишь удачный флёр, завеса для сокрытия истинных намерений его появления в городе. О них знали немногие. И немудрено, когда речь шла о принудительном и, следовательно, бесправном отчуждении части активов Тарского уездного казначейства в пользу лиц, не имеющих к ним никакого отношения. Глебу Самойловичу в предстоящем, скажем прямо, грабеже отводилась роль составителя детального плана налёта на кредитное учреждение. Он же должен был наметить безопасные пути отхода непосредственных участников экспроприации.

...Неожиданно получив с полмесяца назад письмо и некоторые документы от богатой вдовы, Гравиатов бегом просмотрел их и, несмотря на приличный обещанный гонорар, решил отказаться. Копаться в скучных закладных векселях и купчих, разгребать хлам наследственных притязаний нечистоплотных родственников ему показалось, как бы это сказать, не по чину. Через неделю, выдержав положенную приличиями паузу, поручил помощнику составить вежливое уведомление Пятковой о невозможности его взяться за её дело. Однако следующей ночью, уже под утро — испугав до смерти, — к нему вдруг пожаловал друг молодости Коленка Донник. Они когда-то вместе учились в Казанском университете и тайно посещали студенческие сходки, где читались труды идеологов анархизма — Штирнера, Прудона и прочих. Тогда же оба поклялись посвятить свои жизни борьбе со всякой властью. Идеальный стихийник и циник по призванию Николаша жил нынче, бедствуя, на окраине Тобольска под надзором полиции. Гравиатов знал, что после учёбы тот осел в Москве. Но вскоре был арестован и приговорён закрытым судом к длительной ссылке как участник преступного сообщества, распространявшего злобную (по заключению властей) клевету на членов Императорского дома. Кого именно поносили хулители — суд установил не явно. И, скорее всего, из соображений этических и охранительных, к тому не стремился. Ибо к фамилии «хозяина земли русской» принадлежали не только собственно семья самодержца, но и мать его, брат и сёстры, дяди и тётки с детьми и их семьями — всего около семидесяти душ. Плюнь в любого из этой оравы ядовитой слюной — и всё. Ты — преступник. А засим пожалуй на каторгу или ссылку, в зависимости от того, на кого и сколько брызг попало. Но Донник тогда, в отличие от других обвиняемых, подозрительно легко отделался. Гравиатова, следящего из сибирской глуши за процессом, это удивило и насторожило. Некоторые же товарищи по партии открыто обвинили Николашу в сотрудничестве с охранкой и требовали суда над ним. Прямых улик, однако, представить никто не смог. Но подозрение. Оно осталось. И люди, отвечающие за безопасность организации, решили отстранить человека с запятнанной репутацией от каких бы то ни было партийных дел. Проще говоря, прекратить с ним всяческие сношения. Тот оскорбился и на-

долго затаился. И вот этот неожиданный визит.

Донник выглядел плохо. Жёлтые с проседью, перхотные жидкие волосы неряшливо спадали на лоб и плечи. Крупнорубленное серое лицо, будто пеня на старой просеке, облепил грязноватый мох неухоженной бороды. И глаза. Вылинявшие, голодные, хищные. Одет был странно — под лавочника: тёмно-синий картуз, того же цвета суконная поддёвка, на ногах праздничные «гамбургские» сапоги с бураками и набором. Одну руку, как сразу подметил Гравиатов, он держал в кармане брюк. Не вынул её даже тогда, когда, неловко поворачиваясь, сам прикрывал за собой входную дверь. Не спрашивая разрешения хозяина, молча прошёл в комнату. Огляделся. Задержался взглядом на хорошей копии картины «Бурлаки на Волге» в массивной золочёной раме. Прощедей с иронией:

— Не знал, что у тебя такие вкусы, Глебушка. А почему ты так бледен? Болен? Или испугался чего?

Гравиатов растерянно тронул атласный борт халата. Попытался улыбнуться:

— Устаю очень. Много работы. А что это у тебя... с рукой? И зачем ты пришёл?

Донник нехотя вытащил руку. Была она, стянутая бинтом в бурых пятнах, похожа на куколь. И пахло от неё чем-то тяжёлым, больничным.

— Предложи для начала мне сесть и накорми с присовокуплением к ужину чарочки «Лафита». Не откажи бывшему другу в такой малости. А руку доктор велел в тепле держать, чтоб обрубки лучше заживали. Отпластал вот недавно два пальца себе, дрова-то колоть нынче самому приходится.

Глеб Самойлович деланно посочувствовал, но в ужине пришельцу отказал. Объяснил это тем, что прислуга будет нескоро, а сам он готовить не умеет.

— Впрочем, — посмотрел холодно, — «Жульена» я тебе налью, оставляя за собой право от выпивки с тобой отказаться. По причине, обоим нам известной.

Он сходил в обеденную залу, принёс вино и бокалы. Потом, подумав, сходил ещё раз и поставил на стол вазу с яблоками и виноградом. Донник удивлённо шевельнул бровью. Здоровой рукой, будто половой в ресторации, ловко подхватил бутылку — указательный палец, как и положено, на горлышке, — налил и жадно выпил. Отщипнул от грозди несколько виноградин, вяло пожевал. Затем осушил ещё два бокала подряд и зло поднял глаза на так и не присевшего хозяина. Глядел долго, изучающе, не мигая. Гравиатов выдержал взгляд и кивком головы дал понять гостю, что он его слушает. Ни-колаша не стал тянуть.

— Поведение ваше нервическое, господин коллежский асессор, — заговорил глухо, переходя (видимо, умышленно) с вежливой формы обращения на простецкую. — Выдает вас с потрохами. Тебе не терпится узнать, что же привело сюда этого скомороха, грязного и опустившегося, да ещё в столь поздний час? Не буду вас томить. И скажу прямо: мне стало невыносимо наблюдать из своей лачуги за вашими успехами. Я живо гнию от зависти, Глебушка, и решил придти тебя пошантажировать. Ты ведь, законник праведный, грехами облеплен словно собачья скидка мухами. Садись, поговорим, — Гравиатов, побледнев ещё больше, молча указал на дверь. Однако Донник как будто не заметил этого жеста. — Садись, Глебушка, садись, — тихо, но твёрдо сказал он. — Выслушай мои притязания, а потом решай, как жить тебе дальше, — он откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу. Посмотрел в угол комнаты, где темнел громоздкий пенал часов и недобро усмехнулся: — Не жалеешь ты меня, друг любезный. Мне ведь, сиротинушке поднадзорной, ещё вёрсты три да в темень этакую к себе на сенной рынок тащиться предстоит. До утреннего прихода господ полицейских непременно успеть надо, не то накажут. И пальцы отрубленные вот болят, а ты... Эх, барин, барин.

Тошнотворно пах бинт на покалеченной руке Донника. Вызывающе глядели его глаза. И нога эта в смазном крестьянском сапоге, будто кто её за верёвочку дёргает, качается, качается. Непереносимо. Глеб Самойлович поколебался. Но всё же присел. С отвращением выдавил:

— Ну.

Ушёл Николаша часов в пять пополуночи с бутылкой «Лафита» за пазухой. А Гравиатов так и просидел за столом до утра, раздавленный нежданно свалившейся на него бедой. Да, именно бедой. В этом не было никакого сомнения. Из первых же и достаточно откровенных высказываний гостя выяснилось, например, что однокашник его, сидя где-то на окраине города, не просто пристально следил из своей, как он выразился, лачуги за успехами бывшего друга, но и был неплохо осведомлён о служебных тайнах присяжного поверенного. В частности, удивился необдуманному, на его взгляд, решению господина адвоката отказать госпоже Пятковой. И посоветовал ему не обижать вдову.

— И вот почему, — нервно дёрнул забинтованной рукой и скривился от боли. — Эта богатая бабёнка, как вам должно быть известно, уже продала часть доставшейся ей

недвижимости, но вот с домом отцовским расставаться не захотела. А чтоб тот не только не пустовал, но ещё и прибыль приносил, умно сдала его в аренду уездному казначейству. А заведение это очень интересует некоторых моих товарищей.

Глеб Самойлович похолодел. Он догадался, что таится за словами Николаши, и сделал попытку разубедить его:

— Но какие деньги могут храниться в Тарской кассе, если весь бюджет уезда, по моим сведениям, составляет чуть больше десяти тысяч рублей? И каких таких, скажи мне, товарищей это вдруг заинтересовало? Ты что, вопреки известным решениям комитета, создал свою боёвку?

— Эх, Глебушка, Глебушка, голова твоя бриллиантовая, — поморщился Донник. — Во-первых, ты забыл о тамошних купчихах и заводчиках и своре разных именитых хапуг да спекулянтов. Кто знает размеры их выручки только от продажи, скажем, шкур горностая и выделки замши из кож оленей и прочей живности? А сколько они имеют с питейной торговли, можешь сказать? Правильно, и никто не знает. Но я думаю, сотни тысяч по карманам рассовывают. А чтоб снились богатеям нашим на перинках атласных сны без кошмаров, убеждён: поместили они своё золотишко в месте единственно надёжном — несгораемых шкафах казначейства под охраной власти. Отвечу и на вопрос о новых друзьях. Да, я нашёл их в вашем городе. Только уже среди социалистов-революционеров, которые, в отличие от вас, приверженцев хаоса, поверили мне. И успокойся, пожалуйста. Я не предлагаю тебе самому участвовать в экспроприации, ибо знаю, что для такого дела ты трусоват. Хочу просить лишь оказать нам небольшую услугу. Знать об этом будем только мы с тобой.

Гравиатов решительно поднялся.

— До свидания, Николай.

Донник тоже встал. Перегнувшись через стол, похлопал хозяина по плечу.

— Молодец! Истинный слуга царю и отечеству.

— Не ёрничайте, господин Донник, — отшатнулся Гравиатов, — И освободите меня от общения с вами. Прошу следовать за мной к выходу.

Гость невозмутимо уселся снова. Взял из вазы яблоко, несколько раз подкинул его и сунул в карман. Потянулся было снова, но остановился, услышав тяжёлое дыхание адвоката. Ещё раз посмотрел на часы и с какой-то плаксиво тягучей издёвкой изрёк:

— А вы, Глеб Самойлович, оказывается, не только меня не жалеете, но и себя тоже. Я ведь подобный исход нашего разговора предвидел и хочу предупредить вас: если вы не будете благоразумны, то дверь при моём уходе хлопнет так, что шум этот услышат в полиции.

— Что тебе от меня надо, подлец? — задохнулся Гравиатов.

— Да сущий пустяк. Я хочу, чтобы ты спокойно вспомнил убитого тобой казанского ювелира Яценко. Василь Василича, кажется. А если забыл о таком, то хотя бы выхватил из памяти январь девятьсот шестого года. Казань. Улицу Тихвинскую. Как снежок тогда поскрипывал под ногами. И вошли мы с тобой голодные, промёрзшие в один дом. И как тряс ты перед носом обмочившегося от страха хозяина самодельной «адской машинкой». И грозился бросить её ему под ноги, если тот немедленно не поделится с нами своими золотыми побрякушками. Знаю, что ты возразишь: коробкой с фальшивой бомбой тогда на самом деле я размахивал. И старик, когда мы покинули дом, был полу-, однако, живой. Но это вины твоей не умаляет. Яценко умер от апоплексического удара дня через два после налёта. Читал, наверное, хронику? Стало быть, смерть его есть прямое следствие нашего визита к нему. Не так ли, господин коллежский асессор? Ну, и как блестящий юрист, ты знаешь, что такого рода преступления срока давности не имеют. И если при каких-то совершенно случайных обстоятельствах полиция вдруг вскроет это злодеяние, то я потеряю не так уж много, а вот ты, дорогуша мой Глебушка, за грехи юности расплатишься всем — и карьерой, и положением, и прочими жизненными удовольствиями.

Николаша замолк и злорадно пронаблюдал, как хозяин, обмякший и растерянный, ухватился за край стола, не в силах что-либо произнести. А затем как-то боком, неловко осел на стул. До Глеба Самойловича, видимо, дошло: пришли к нему не породистую кобылу выторговывать. И самое ужасное и неправдоподобное в рассказанной истории было то, что это правда. Они действительно в январе девятьсот шестого года трягнули ювелира. Но тогда, под шумок революционных событий, таких ограблений в городе произошло немало. И смерть Яценко списали на каких-то погромщиков. Они же с Донником благоразумно продолжали жизнь полунищих студентов, ни единым словом и поступком не выдав своей тяжкой тайны. Хотя душевные борения Николаши были заметны. Он сразу предупредил, что жертвовать на нужды будущей революции всем, что они сейчас имеют, он не намерен. И от катания уже сегодня на тройках с шампанским и цыганами его останавливает только и исключительно опасность разоблачения. Гра-

виатов вспомнил, как тот говорил ему:

— Созданные в результате стихийного бунта масс мелкие автономные ассоциации производителей освободят народ от эксплуатации и неравенства. Править обществом будут согласие и доверительные отношения между собой всех участников свободного рынка. Значит, деньги и золото как составной элемент закрепощения и угнетения исчезнут. Что вы смотрите на меня как на полоумного, Глебушка? Я всего лишь излагаю некоторые тезисы трудов господина Бакунина. Они дерзновенны по своей сути, но должен признать, весьма размыты. Вот действительность с её насущным хлебом, её куда девать? Для мощения дороги в страну благоденствия необходимы средства. И немалые. Человек же, постоянно думающий о своих нуждах, не способен всецело отдать себя борьбе за счастье других. Поэтому будет справедливо, если кое-что от ювелира мы оставим себе. Но пока о жемчуге и алмазках предлагаю забыть и... весело пропить то, что прислала мне сегодня душа моя маменька.

Половину драгоценностей они передали в кассу одной анархической группы только спустя два года, учась на последнем курсе университета. Остальное разделили между собой уже перед отъездом из Казани. Как распорядился своим богатством Донник, Гравиатов не знал. Свою же долю он предпочёл спрятать. И дал себе зарок воспользоваться ею лишь «в минуты жизни роковые». И вот, кажется, они наступили.

— Какая бы сумма устроила тебя, Николай, чтобы ты навсегда оставил меня в покое? — после некоторого молчания осторожно спросил он. — Тебе должно быть известно, что с некоторых пор я прилично зарабатываю и поэтому мог бы помочь тебе. И потом. Я не отступник, но в последние годы мои отношения с господами анархистами как-то сошли на нет. Не потому, что я стал считать их убеждения ошибочными. Просто окончательно выбрал для себя другую стезю. Другую! Не менее, на мой взгляд, благородную, чем ваша. Я хочу и буду, по примеру великих наших Плевако, Урусова, Карабчевского, представлять интересы сирых и обездоленных в суде, строя при этом защиту на обличении пороков современного общества. Законными, то есть, способами. В этом вижу своё призвание и долг перед людьми.

— Красиво говоришь, заслушаешься. Но деньги зачем предлагаешь? Откупиться хочешь? — осадил его Донник и красноречиво постучал пальцем по голенищу сапога. — Для личных нужд я, может, и принял бы твою помощь. Сам видишь, бедствую. Но мои товарищи. Они, как впрочем, и власть наша, слышат взрывы твоих политических бомб в судах. Только проку в них видят мало. Соратники мои требуют действий решительных и бескомпромиссных. И я их понимаю. Как не понимаешь меня ты. Давай договоримся так. Ты примешь предложение из Тары и поедешь туда заниматься делами купчихи. Я почему-то уверен, что Пяткова не позволит уважаемому адвокату корпеть над бумагами от зари до зари. Она будет беречь тебя. А какой отдых можно предложить в том городишке? Только виды богатырского Иртыша и умильная благодать патриархальных уголков могут отвлечь обременённого безустанным трудом человека от тягучей и нескончаемой суеты. Вот ты и покатайся. Изучи Тару, особенно улицы, прилегающие к казначейству, а потом кальку с этих улиц передашь нам. А ещё, и это главное, выясни в подробностях внутреннее устройство казначейства, расположение комнат, где сегодня стоят нескороаемые шкафы, и у кого, естественно, находятся ключи от них. Не забудь, Глебушка, и об охране: где и сколько кого стоит, чем вооружены стражники, как часто меняются. Каким образом сообщаются с полицией в тревожных ситуациях. Вот, собственно, и всё. Твои способности и доверительные отношения с владельцем дома, я думаю, без труда позволят тебе исполнить это не очень трудное и совершенно безопасное предприятие. Выбирай: либо светлая и сытая жизнь впереди, либо... — недоговорив, гость встал и направился к выходу. У двери неожиданно остановился и попросил Гравиатова принести ему бутылку «Лафита». — Приду к себе, вышью за нашу молодость и, эх, хе-хе... собачью старость... — и, уже надев картуз, недобро вымолвил: — А слова свои насчёт полиции я сдержу, если узнаю, что ты попробуешь спихнуть меня в какую-нибудь канаву. Присмотреть за тобой люди уже наряжены. Ну и с решением не затягивай. Шепнёшь его своему помощнику, а он известит меня. Ты удивлён? Не надо. Сподручник твой тот ещё удалец. Он тоже плохо кончит. Но пока глядит куда как далече и мыслит практично. От него же получишь адрес, куда надо будет принести то, что я тебя просил.

В адвокатскую контору в тот день Глеб Самойлович не пошёл. Остался дома. Решил хорошо обдумать всё, что случилось. Дождался прихода гувернантки и наказал приносить ему чай сегодня каждые полчаса. В кабинете придвинул кресло ближе к окну, набил сразу несколько трубок табаком, разложил их на подоконнике, туда же поставил пепельницу. Уселся поудобнее. Закурил.

Итак. Донник. Казанский ювелир. Тарское казначейство. А ещё растерянность. Малодушие. И собственная ничтожность.

— Что будем делать, господин Гравиатов? — спросил себя.

Глава 4. ВЗРЫВНАЯ КАРЬЕРА

История петербургского Аптекарского острова седа и неотделима от столичного града. Много чего на клочке земли этой наслучалось, удивило, порадовало. Тон здесь когда-то задавали строго зашнурованные ландшафтные поместья петербургской знати — князя Вяземского, Петра Лопухина, графа Лавалья. Жили и строили они по-русски — с размахом. Но к началу двадцатого столетия от бывшего величия их усадеб мало что осталось. В моду вошли пейзажные сады и лаконичные дачи. Ну и предприимчивая рука новых производственных отношений неотвратимо дотянулась сюда. Набережная реки Карповки обросла доходными домами и особняками деловых людей. На улицах появились весёлые стайки молодёжи в студенческих тужурках с контр-погонами и жёлтыми кантами в петлицах. То открылся институт — Электротехнический, лекции в котором читали изобретатель радио Попов и другие научные светила. Приезжали на остров во множестве и столичные жуиры, чтобы не только испить густого настоя из тишины и прохлады, но и ради целебных променадов (спасибо князю Кочубею) по дорожкам дива дивного — Императорского ботанического сада. Однако не только любители беззаботно провести время были частыми гостями острова. Сюда, в погоду, непогоду, утром ли, за полночь, спешили курьеры, сановники, чиновный люд, военные и статские чины. Ибо казённая резиденция председателя Совета министров Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина располагалась тоже здесь. И вершились в апартаментах её дела государственные.

В тот день, двадцать пятого августа (двенадцатого, по старому стилю) одна тысяча девятьсот шестого года, несмотря на субботу, ровно в два часа пополудни глава правительства начал приём посетителей. А где-то в половине третьего к даче подкатил ландо. Два жандармских офицера, подхватив увесистые портфели, решительно прошествовали в здание. Но в приёмной зале дорогу к кабинету премьера им преградил генерал-адъютант Замятнин, ведший учёт и запись посетителей. Что-то в облике бравых охранителей насторожило бывалого служаку. Ах, да. Вот этот головной убор на одном из офицеров. Он явно не соответствовал недавно изменённому регламенту ношения одежды для чинов Корпуса жандармов. Мелочь? Но такого не могло быть по определению. Тем более если ты являешься на аудиенцию к высшему чиновнику империи. Террористы? Генерал не успел что-либо предпринять. Офицеры, перехватив мятущийся взгляд адъютанта, видимо, поняли, что «сфотографированы», и не стали дожидаться, пока их схватят. Портфели, что они принесли с собой, тяжело ударились о доски паркета. Взрывные устройства сработали. И в то же мгновение на собравшихся здесь государственных мужей и министерскую челядь, неумолимо давя их и калеча, обрушились стены и потолок. Взрывная волна докатилась до пристани финляндского пароходства у Аптекарской набережной, попутно превратив ждущее боевиков ландо в лакированный гроб для ещё одного — третьего члена преступной группы.

Погибли: пензенский губернатор Хвостов, верный адъютант Замятнин, фактически спасший своего патрона, князя Шаховской и Накашидзе, несколько полицейских и жандармских служащих, лакеи и кучер министра. Особенно жаль вдову действительного статского советника княгиню Кантакузен. Она, иссушённая годами и хворостями, нашла в себе силы приехать и записаться на приём, чтоб поблагодарить министра за память о муже. Какое трогательное движение души. Не успела. Её тело, говорят, так и не нашли. Нанёс увечья взрыв и одной из дочерей премьера. А вот тот, кто нужен нам для дальнейшего повествования, остался невредим. И это не Пётр Аркадьевич Столыпин, судьба которого на сей раз тоже пощадила.

Речь идёт о незначительном чиновнике Александре Ковалёве, приглашённом на Аптекарскую дачу в составе комиссии по делу о ревизии Амурской колёсной дороги. Сей молодой ещё тогда ловкач и рукоусый (в чём вы скоро убедитесь) первый бросился помогать хозяину кабинета привести себя в порядок после того, как содержимое подброшенной взрывом чернильницы заляпало безупречный китель оставшегося невозмутимым сановника. Это запомнилось. Вскоре «бесстрашный ревизор», поговаривали, по прямому указанию главы правительства (так ли это на самом деле?) получил пусть и незначительное, но всё же повышение по службе. В тюремном ведомстве, где он нынче обретался, не решились перечить начальству. И сочли за благо утаить от него запись в формуляре своего чиновника о том, что пять лет назад выпускник Чугуевского пехотного юнкерского училища, потомственный дворянин поручик Ковалёв был с позором выставлен из армии за растрату казённых денег. Наверху виднее, кого в «дамки» двигать. Не правда ли? Да и вообще, пусть поднимет руку тот, кто в этой жизни не поддичал.

Глава 5. ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ПРОТИВУИСТИННЫЙ ПУТЬ

Как быстро, однако, летит время! Вот уже и новый — 1914 год у порога. К всеобщему удовлетворению, ртуть в Реомюре, как тогда называли градусник, декабрьскими предпраздничными днями несколько опустилась. И из окрестных деревень к Тобольску потянулись обозы с битой птицей, рыбой, грибами белыми и солёными, прочей святочной провизией. На улицах города базарная крикливая сутолока. Всюду ёлки, гирлянды, запах пирогов, ругань извозчиков. Здесь — за углом — тёмные бабы гадают по телячьей печени и селезёнке, какую выдастся зима. А там — гололицы ещё ремесленники выносят из мастерской и навязчиво предлагают прохожим вертепы, а к ним и деревянные звёзды Вифлеемские, обтянутые оловянной фольгой. Бойкая и по цене, и по спросу продажа радует не только меховщиков и торговцев хризантемами из папиросной бумаги. Хвалебную осанну предстоящим торжествам поют карманники и живописные «кадры» попрошаек, профессионально работающие у магазинов и внутри оных, на торговых площадях и церковных папертях. А на стылых окраинах составляют «спевки», на которых разучивают «Рождество твоё, Христе Боже наш, воссия мирови» и другие молитвенные песнопения малолетние «славильщики» из «недостаточных» классов населения. Для них святки — вестимый заработок: авось, и подаст загулявшая душа милосердная православная какую-никакую копейку. Аминь!

В кабинете Григория Платоновича Калетина тоже уже наряжена ёлка. Стоит она — а как же! — на заводной подставке с музыкой. И вместо парафиновых свечей на ней нынче горят «электрические огни». Хозяин, в расшитой цветами душегрейке и тёплых чуньках на ногах, увлечён просмотром газет. Шелестит страницами, изредка посмеивается. Не замечает неслышно вошедшую племянницу Людмилу. Та подошла к Калетину сзади, поцеловала его седеющую голову.

— Над чем потешается сегодня мой умный дядя?

— А, это ты? Присоединяйся. Я тут телеграфные сплетни сортирую. Забавные попадают. Послушай, как развлекаются в Москве перед праздниками. Ну, ей-богу, будто у Аверченки списано, — он весело читает: — «Артисты, изображающие клопов, которых Хлестаков давит в своём «номере под лестницей», забастовали в канун Рождества. Глубоко возмущённый К.С. Станиславский сказал им горячую речь о любви к театру и искусству. Лицедей ответили ему, что они, как клопы, больше любят «щели», чем театр и искусство», — Григорий Платонович снимает очки и резюмирует: — Во дают, черти! Сказали бы сразу, что без денег на сцену не выйдут. Нет. Надо чего-нибудь такое извернуть, чтоб обязательно в хронику попасть.

Людмила присаживается рядом, прикасается своей ладонью к руке Калетина.

— Да сдались они тебе эти насекомые, дядя Гриша, неужели их мелкая возня может кого-то интересовать? Ты лучше сюда посмотри, — она достаёт из рукава блузы сложенный лист бумаги и несколько торжественно объявляет: — Вот он настоящий подарок к новому году. Для всех нас, — Григорий Платонович непонимающе смотрит на девушку. — Это опасная крамола, дядя, — газета «Социал-демократ». Не спрашивай только, откуда она у меня. В ней смелые люди опубликовали разоблачительную биографию вора, который начальствует сегодня в Кутомарской тюрьме. Помнишь, как год назад тебе писал о нём оттуда приятель твой Гравиятов?

Калетин, изменившись в лице, протянул руку:

— Дай-ка сюда. А сама иди. Я просмотрю после ужина.

Людмила встала, кокетливо сделала книксен.

— Спасибо, мой всё понимающий дядя. Я почему-то уверена: ты правильно угадаешь мысли своей уже взрослой племянницы.

— Ладно, ладно, иди, плутовка. Хотя постой. Не знаешь ли, Михаил с Северьяном дома сейчас или шалманы свои обходят? Поищи их, будь добра, пусть они зайдут ко мне.

Вскоре появился Михаил. В романовской шубе, у которой гусарская спинка из трёх частей выкроена, отложной ворот, края карманов и рукавов оторочены мехом. Поздоровался. Кинул шляпу на стоящий у дверей стул, потер ладонью красное от мороза лицо.

— Почему один? Где сын боярский? — недовольно спросил Калетин.

— Так с Толстомсясхой он, Григорий Платонович, у ей в лавке уху водочкой усугубили. Восседают подле самовара с крендельками. Песни поют. Амурничают. Ежели для серьёзного разговору — нет, не годные.

— Ты передай ему. Будет у меня под носом охальничать, выгоню без всякого расчёта на улицу вместе с кралей своей. Мне он нужен, чтоб прибыль делать, а не девкам подолы задирать. Теперь к тебе вопрос. До каких мест в Сибири ты добрался тогда, Миша, когда власть наша после твоих грабежей в кандалы тебя нарядила? До Нерчин-

ска или Акагуя?

— Какой Нерчинск, Григорий Платонович! Что вы. В такую пропасть мне гордость моя запретила попадать. Я сразу после Александровского централа с этапа ноги сделал. А вот Северьян — да. Тот до Нижне-Карийских сопок прогулялся. И только оттуда они с Зейдулой вместе убёгли. Месяца три, рассказывал, в тайге до Иркутска кашу берёзовую водичкой болотной запивали.

— Тогда возьми почитай. Что красным карандашом подчёркнуто.

Калетин протянул ему газету. Миша, шевеля губами, прочёл. Поднял глаза на хозяйина:

— А чего? Был в центре такой Ковалёв. Его потом главным над Иркутской тюрьмой поставили. Всё правильно. Свой человек, без совести. В такого, что богом не вложено, дубиной не вобьёшь. Тюремные закрома он, как крыса, вычистил проворно, ажно зависть берёт. Тут сказано, что четырнадцать тысяч присвоил. Чего ж не присвоить? Казённые-то да арестантские деньги у него же в сейфе хранились. Как устоять да не взять? А то, что хлебушек при нём сидельцы почти перестали видеть да многие дальше по этапу без одёжи и грошей потащились, того Ковалёва поганца душа поганая видеть не хотела. Прокурору жалобы на него вкруговую подавали. Куда там. Он же — херой. Самого Столыпина когда-то спас. Будто бы. Сейчас вон, ишь ты, уже майор! Кутомару ему на кормёжку отдали. Где справедливость, Григорий Платоныч?

— Значит, правду написали социалисты? — выслушав «сوراتника», спросил Калетин.

Михаил перекрестился:

— Они люди ярые, идейные. Зря напраслину на человека возводить не будут. Иначе, кто им потом поверит? Один из ихних мне на этапе, помню, такое порассказывал про царя нашего надёжу государя и дружка его — то ли попа, то ли беса — Гришку Распутина, что я в сомнение вошёл. А может, и взаправду время настало поменяться с ними местами — их всех в Туруханск да на Сахалин, а нам чтоб в Москве другую жизнь налаживать. Вот и племянница ваша Людмила Борисовна о том же говорит.

— Там без тебя обойдутся, налаживальщик. На портрете твоём клейма негде ставить. А туда же. И Людмилу меньше слушай. Молода она ещё. Расскажи-ка лучше, друг сердешный, кто помог тебе на этапе цепи спилить и через конвойную стражу провёл? И до Тобольска потом под чьей личиной и какими путями добирался?

Миша попросил папиросу. И чайку, если можно, с морозцу согреться. Калетин протянул ему пачку «Посольских».

— Благодарствую, Григорий Платонович, давненько табак господина Стамболи не куривал. А на ваш вопрос что сказать? Денежки если есть, то и жизнь колесом катится. Ежели нету их — не приведи господь и думать про такое. Меня же в каземат Александровский, аки дитяtko розовое новорожденное, доставили. Голого, как коленка бабья. Навёл кто-то «фараонов» на лежбище моё, где мы с марухой о светлом будущем на постелях мечтали. Насовали мне в полицию сколько влезло зуботычин да в суд. Там речь прокурорская. И вот уже цепи на ногах. А Катерина моя — дочь уважаемого сапожника. Плачу по ней. Ей более меня не повезло. На Сахалин её корабликом, молодуху, свезли. На веки вечные. И не поможешь ничем.

— Катерину-то за что на каторгу?

— Краденое скупала да воров у себя кормила и грела. Созналась сама по неопытности, дура тёмная.

Миша в сердцах скомкал папиросу. Снова перекрестился.

— Сознаюсь, Григорий Платонович, очень уж не хотелось мне восемь годиков тачку катать, и поэтому сотворил я дело окаянное. Приметил в камере одну «кобылку» замухлявую. Он всё больше под нары норовил забиться и рукой всё этак себя ощупывал по правому боку. Лежит, спит вроде, а потом вдруг подхватится и сразу за бок хватя себя, хватя. Успокоится и опять сопит в своём углу.

— Дальше можешь не продолжать, — перебил его Калетин.

— А чего так? Зачем тогда спрашивать затеяли, Григорий Платонович? Ущербу телесного я тому фогану не принёс. Выбрал только случай подходящий. Тогда как раз из Тифлиса, из замка Метехского, партию пригнали. По камерам стали распахивать. «Кобылку» из-под нар вытащили на свет божий для производства счёту голов арестантских. Шум, толкотня. Ну, я и прижался к нему на секунду самую с «пёрышком». Он, убогонький, рылом-то пока на надзирателей вертел, моя светлость уже в другом конце камеры была. В жисть на меня не подумали бы. Даже если б дознание учинили. А триста рубликов я потом у себя в исподнем под самым «прибором» зашил. Голодал в тюрьме, но сберёг их для побегу. Одну «катыку», как только узнал, что погонят нас скоро через Байкал, сразу кузнецу тюремному отдал, чтоб тот на хлебный мякиш клёпки в кандалах посадил. Сколько-то, уж точно не помню, солдатикам конвойным уже по до-

роге сунул. Они ночью из барака этапного разрешили выйти. А там я лесом вдоль того же тракта назад к Иркутску побежал. Паспорт с печатями на имя немца фельдшера мне на одной подловке¹ в слободке у московской переправы через Ангару спроворили. Там же за десять копеек для будущей важности купил книгу господина Салтыкова о том, как Ванька Таньку полюбил, как родители их полагали этой любви препятствия и какая из этого вышла кутерьма. Надо же, запомнил, — Миша, довольный, погладил себя по голове и продолжил: — Две недели средь тряпья краденого я в чулане каком-то мышской попискивал. Бородку клинышком, как доктора носят, выстриг себе. Ну, одежду господскую за червонец знакомые хипесники раздобыли. Я в ней походил по городу день, поозирался. Никого вроде не интересую. Тогда билет в зелёный вагон третьего класса, значит, купил и чугушкой на паровозе до Омска и отбыл. А вот там чуть не попался. Ещё на иркутском перроне взгляд на себе нехороший приметил. Клейкий такой, опытный, — Калетин придвинул к рассказчику вазочку с вареньем, предложил кушать, но так, чтобы капли на стол не падали. — С политесом я знаком, Григорий Платонович, — хотнул Михаил. — Вилку от котлеты отличаю, будь здоров. Ну, так вот. Едем мы, значит, едем, Колёсики тук-тук. Дорога длинная. В вагоне содом и гемморой полный. Ребёнки пузыри пускают и орут до муки сердешной. Дымища табачная под потолком болтается. И народишко целый день жуёт чего-то и жуёт. Запах стоит, будто в прачечной свинопасы порты свои полощут в лоханях помойных. На какой день, уже не помню, кажется, станцию Тайга проехали, вдруг останавливается около нас господин, что в Иркутске меня глазами обшаривал. А со мной в отсеке дамочка с сыном кадетом располагаются, да старуха параличная, с виду — гриб сушённый, лежит, и мужичонка ещё егозливый. Я его к себе посадил, чтоб он мне на станциях за кипятком бегал. И спрашивает тот подошедший человек разрешения позволить ему в нашем обществе скоротать дорожное время. Улыбается. Ножкой эдак шаркает. В руке держит бутылку чего-то там и кулёк, из которого хвост рыбий свисает. Молчание среди нас образовалось. Я на дамочку поглядел. Она на меня. Умоляюще так поглядела. Дело ясное. Кивнул я ей. Встал. И вспомня, что немец по паспорту, заорал на пассажирника с воблой: «Вы ест негодник такой сякой! Пармезан без совести в голове. У вас нет воспитаний. Сюда пасматреть, пожалуйста. Тут бабушка нездоровый болеет. Иди отсюдаофф. Дышать, в натуре, итак нечем. Гребни к себе, мил-человек, откудава приходите. Не то я на вас полицей позвать». И мужичонка мой ему фикса железную во рту своём показывает, смеётся, давай, мол, давай, фрайер, не задерживайся. А тут и старуха ещё неожиданно голос подала, из могилы будто: «Меня в Омске сын — Пётр Исаич, вахмистр жандармский, — встречать будет. Вот уж я ему поведение ваше распишу». Это она господину тому с рыбьим хвостом. Выпучил гость глаза, попятился. Сказать чего-то хочет. И пуговица на рубахе под кадыком ему мешать вдруг стала — рвёт её свободной рукой и шеей крутит. Больше мы его до самого Омска не видели. Ну, а я, как слова старушеницы о сыне жандарме услышал, стал её в остатние дни всячески обхаживать. И когда прибыли мы, из вагона чуть не на руках вынес. На перроне толпа встречающих-провожающих — прямо праздник для нашего брата карманника. Сын вскоре жандарм подошёл. Здоровущий, что бык по пятой траве. На меня с подозрением глянул. Обнял мать. Она ему: «Петруша, познакомься. Это доктор, который в дороге, абсолютно не проша денег, поил твою матушку каплями датского короля. Нужно его как-то отблагодарить». Только она так сказала, как подкатывается к нам юлой знакомец наш вагонный и Пете на ухо что-то шепчет. И на меня глазами поводит. А мамаша на чемодане сидит. Я ей платочек на плечи пристраиваю, чтоб не озябла, значит, родимая. Ну и жду, чего же далее будет. А далее: хватается вдруг вахмистр за свисток, щёки надул — трель выпустил. Народ шарахнулся в стороны. Бабка от неожиданности с чемодана повалилась. Петя к ней. А я к господину тому. Приобнял стукачка, тихо пообещал придушить и картишки краплёные в карман клифта его пристроил знакомо. В дороге как-то не пригодились они, так, может, сейчас, думаю, службу сослужат. Петруша родительницу поднял и ко мне подступил, просит паспорт предъявить, потому как вот этот человек утверждает, будто вора во мне важного признал. С самой Читы, мол, за мной разбойником следит. Я, Григорий Платонович, оледеневший поначалу, смекнул, что у «пармезана» от тряски дорожной кила вместо мозгов образовалась. И быть ему с ней битым в тигулёвке, пока не признается в том, о чём и знать не слыхивал. «Изольда Марковна, — кидаясь я к старухе, — Вы говорите очень пожалуйста свой сын, где моя светлость в вагон приходил. Иркутск садился. Какой такой Чита? Вот», — и сую билет вахмистру. Петя компостер на свет глянул, сдвинул брови. «Мама, — спросил, — что вы скажете?» — «Оглобля ты, сынок, — вздохнула та. — Порядочного человека от проходимца отличить не можешь. Доктор мне компрессы на голову ставил. Ночами от меня не отходил. А этот тип для

¹ Подловка (с ударением на первом слоге) - бандитский притон.

чего знакомство своё набивал? А ну, прикажи арестовать его». — «На шулера он похожий ест — вставил я. — Пусть карманы нам показывать. Если честный, зачем бояться?» — «Во-во, — поддерживает меня Изольда Марковна. — Карты хмель любят. То он с бутылкой к нам и заявился тогда». «Пармезану», вижу, плохо стало. Опять пуговицу на горле крутит. Задыхается. Но под тяжёлым Петиным взглядом выворачивает всё же сначала один карман, потом лезет рукой в другой. И замирает. Вахмистр ждёт. Мы тоже»...

— Ладно, доктор Боткин, всё как будто ясно, — поднялся из кресла Калетин. — Из Омска ты, скорее всего, по Иртышу до Тобольска сплавился. Так?

— Удивляюсь я вашему ясновидению, Григорий Платонович, будто вы, а не Пётр Исаич, на пролётке тогда меня на станцию водную доставили и устроили со всеми удобствами на парходик. И тремя рублями ещё одарили за ласковое обхождение с больной мамашей.

— Не лсти, кадило елейное. Догадался, для чего попросил тебя похождения свои вспомнить?

Михаил сказал, что пока в недоумении:

— Ежели замышляете побег Палестину Георгиевичу устроить, то чем же моя светлость услужить вам может, а тем более этот — из газеты?

— Воры вы оба, — рассердился на непонятливость Миши Калетин. — Родственные души. Хотя и разного полёта. Полюбовно договориться между собой у вас всегда получится. Ковалёв, ты же читал только что, по ниве тюремной с серпом так прошёлся, лишь осталась «не сжатой полоска одна». Это кого-то, видать, сильно съёжило. Отослали его за синие горы и указали деньги присвоенные возместить из собственного жалованья. Худо ему сейчас, бедняге, наверное. Вот я и подумал, а не послать ли тебя в Кутомару помочь ему с долгами рассчитаться?

— Шутите, Григорий Платонович? Такие, как Коваль, чтоб угостить кого-то, пряник из своего кармана не потащат. В чужой залезут. Зачем к нему ехать, задницей рисковать? Он без нас вывернется. Крест на том кладу.

— Не шуми. Он вывернется, да. А мальчик наш? Я Людмиле, ну и себе тоже, обещал его вытащить. И слово сдержу. Тем более, случай такой представился. Ты вот тут сочинителя Салтыкова смешком помянул. И зря. Он, брат, умные вещи писал. Подожди-ка, — Калетин прошёл к книжному шкафу, быстро отыскал нужную книгу. Открыл заложённую закладкой страницу. — Сейчас, сейчас, Миша, дай очки нацепить. Слушай: «Взятка уничтожает преграды и сокращает расстояния, она делает сердце чиновника доступным для обывательских невзгод». Каково правильно схвачено, а! В бровь самую. Надо, друг мой, невзгоды тюремщика в радость ему обернуть. Да так, чтоб забыл он навсегда про арестанта под нужной нам фамилией. Не было такого никогда в его конторе. Проверьте, если желаете, — Григорий Платонович поставил книгу на место. Постоял у шкафа, обернулся: — Ехать, конечно, надо не завтра. В лютые места живописца нашего умотали. Морозы там, сам знаешь, долгие стоят. А вот после Антипа-повода, думаю, в самый раз будет. Ну и, чтоб не скучал ты в дороге, Боярина к тебе сосватаю. Теперь ступай. Завтра обоих ко мне прошу. Иннокентия, кстати, тоже пригласите. Помозгуем сообща, как нам парня домой вернуть и Ковалёва на кисельном берегу у молочной речки похоронить. Без почестей.

Утром радостная Людмила приготовила расстегаи, накрыла в кабинете дяди стол. Когда все были в сборе, Калетин сам разлил «казёнку» по стопочкам, вытянулся по военному, одёрнул на себе френч и с прищуром оглядел «соратников»:

— Головы, господа, прошу чрез меры зельем не дурманить, ибо разговор предстоит важный. Суть его вам известна. Ты, Людочка, тоже садись, пожалуйста. Тебе когда-то довелось прокатиться по великому Сибирскому пути. Твои заметы могут пригодиться.

Глава 6. КАТОРГА В КОРМЛЕНИЕ

А Ковалёв Сан Саныч, ассессор коллежский, поживал себе на новом месте службы, судя по обозначившемуся под кителем животу, сытно и весьма. И не догадывался, конечно, что где-то там за тысячи вёрст от занесённых снегами отпетых краёв на него уже точится нож за голенище. А в довесок к нему любовно мастерятся убойные-разбойные лихие кистеньки. Вылетит такой «гвоздырь» из рукава, придёт время, и закажывай родня у попа панихиду по убиенному. Воистину — сладок сон грешника, не ведающего судьбы своей.

Знакомиться с делами вверенного ему тюремного учреждения майор Ковалёв начал с установленной для себя практики — изучения досье на своих штатных помощников. А именно двух Фёдоровичей — поручика Петра Шестакова и не имеющего чина надзирателя Михаила Щербакова. Ибо с ними в первую голову придётся работать, и

особые вопросы, если сойдутся характерами, тоже с ними решать. Оба занимали свои должности ещё при прежнем острожном «воеводе» Илларионе Высотском, которого из соображений безопасности (его пытался зарезать эсер Логунов) поспешно перевели во Владивосток. Туда же, уже самочинно, отплёвываясь от врагов и завистников по всему каторжному околотку, Высотский — «хорош, пригож, на лиху болеть¹ похож», как отзывались о нём сидельцы, — без лишних переживаний переправил уникальную коллекцию резной мебели, сработанную заключёнными и поселенцами. И хотя этот субъект является лишь проходной фигурой в нашем повествовании, уделить ему некоторое внимание всё же стоит, чтобы читатель мог полюбоваться на вора, — волею каких светлых голов? — поставленного стеречь себе подобных. Да и нам будет интересно узнать о причудливых извивах судьбы бывшего харьковского околоточного надзирателя, а нынче — поди ж ты! — обладателя инкрустированных бюро и шкафов, изящных кресел с львиными головами на подлокотниках и райскими птицами Сиринов, шитых золотом по бархату удобно выгнутых спинок. Завидного, в общем, состояния.

Оправившись после неудачного покушения, Высотский ещё пять лет благополучно отщипывал, откусывал, отламывал от щедрот государственных, восседая в кресле смотрителя Владивостокской тюрьмы. По праздникам чинно выводил детей на прогулки, а жену в церковь, посещал благотворительные концерты, тайно почитывал модного тогда вольнодумца Леонида Андреева. Но во время известных потрясений семнадцатого года еле уцелел — благодаря не чуду, но единственно цепкому и изворотливому уму. Вовремя залёг «на дно», затаился. Ибо заметил, что разыскание и убиение лиц, проходящих по полицейскому и тюремному ведомствам, приняло среди взбунтовавшейся черни какой-то маниакальный размах. Улицы кричали: «Чем больше городских и жандармов повиснет на фонарях, тем быстрее жизнь обернётся для нас сытостью и всеобщим счастьем!»

Бывшего чиновника системы наказаний всё же находят и в числе прочей буржуазной слякоти арестовывают. Но почему-то не передают суду на месте, а этапируют в Петроград. Однако и в столичных «Крестах» он тоже, к удивлению, не задерживается и уже вскоре демонстрирует свои администраторские способности в самом известном гнездилище пролетариев — Путиловском заводе. В скромной, правда, должности — десятника. Но более изумляет другое. Спустя какое-то время этот пролаза в революционном огне и дыму всеобщего хаоса умудряется выхлопотать для себя наряд на вагон, позволяющий ему вывезти семейство и, главное, редкую по отделке мебель из Владивостока! Как он в те безумные дни добрался до Приморья? Ответ гадательный. Только в портовом городе лицо без улыбки и почти белесые глаза бывшего тюремного сатрапа были многим памятны и ненавистны. На знаменитой Миллионке в подворотне у склада торгового дома «Кунста и Альберса» его хватают и тащат в район Семёновского ковша. А там, рядом со скотобойней, основательный и родимый дом заключения стоит, в котором Высотский ещё недавно был полновластным хозяином. И где так любил посидеть в тиши кабинета, перебирая любовно ассигнации на многие тысячи, а ещё предаваться мечтаньям о покупке именища где-нибудь под Калугой, в коем видел себя за столиком садовой ротонды обдумывающим на вечерней зорьке мемуар — обязательно под жалобные переливы деревенской гармоник. И вот, надо же, как обернулось всё несправедливо: дверь камеры за его спиной — клац на замок, и мысли полезли всякие пугающие, расстрельные.

Маятник событий, однако, через несколько недель качнулся в другую сторону. В одичалой от страха душонке арестанта затеплилась надежда. Обыватели, фланирующие по берегу моря, всё чаще стали замечать у горизонта серые тени крейсеров-стационаров «Ивами» (русского, кстати, корабля «Орёл», поднятого японцами со дна океана после Цусимской катастрофы) и американского «Бруклина». По городу поползли слухи о неминуемой высадке десанта «союзников» в бухте Золотой Рог. Что приведёт — побыстрее бы, Господи! — к падению страшной мужицкой власти. Но увы. Большевики засуетились и стали готовить в горах партизанские базы, а весь антисоциальный и контрреволюционный элемент из застенков постановили отправить на запад — до Иркутска. Вот где-то там на одном из перегонов — уже за Читой — и закончил свои дни Высотский. Его повесили в холодном тамбуре вагона на ремне от собственных штанов. И отблагодарили его так, поговаривали, простые русские люди, одинаково помнящие и добро, и чёрное волчьё лихо. Под руинами сменяющих друг друга скороспелых и скоропостижных государственных образований охваченного гражданского Дальнего Востока, среди пепелищ и кровищи, бед, страданий и помутнённого человеческого разума оказались погребёнными и «благородных кровей» мебельные гарнитуры.

Высотского не жаль. А вот мастеров. Безымянных кудесников. Где их могилы, кто

¹ «Лиха болеть» — сифилис.

скажет?

Но вернёмся в четырнадцатый год. Пролстав формуляры чиновников, Ковалёв ничего такого в послужных списках тюремных служаек, к огорчению своему, не обнаружил. В воровстве не замечены. Обязанности исполняют ревностно. И уголовники с политическими жалобами на них не пишут. «Подозрительно это», — подумал. И решил по случаю вступления в должность устроить небольшую посиделочку — погладить коллег по шерсти и против неё. К удивлению начальника, подчинённые пить с ним не стали. Один сказался больным, другой — тоже. Что ж. Посидели, поговорили просто так. Очень содержательно.

Ковалёв:

— Рад с вами познакомиться, господа.

Они:

— Так точно!

Ковалёв:

— Давайте без церемоний, право слово.

Они:

— Не сомневайтесь, ваше высокоблагородие.

Ковалёв:

— Так давайте же поднимем бокалы в знак будущей...

Они:

— Счастливой минуты вам.

Тыфу! Сан Саныч разозлился, хватил «косушку» водки, зажевал кислой капустой, и... приказал несостоявшимся заединщикам готовить рейд по приписанным к руднику поселениям:

— По сведениям, до меня доходящим, жульё в своих теребиловках¹ совсем распоясалось. Грабят и жгут друг друга безжалостно, жизнь честных людей без вины прекращают. Кто отвечает за наведение там порядка, вы, поручик?

Шестаков с готовностью поднялся:

— Я, так точно.

— Вот и извольте приготовить сани, лошадей, подобрать команду из опытных охотников. И немедленно приступайте к серьёзной зачистке всех внушающих подозрение чадонских обиталищ.

Пётр Фёдорович повёл глазами в сторону окна:

— Мороз жуткий, господин коллежский асессор. Не страшно? Может, переждём?

— Речь идёт о жизни зависимых от нас людей, а вы такой чепухой прикрыться хотите. Нам эта стужа на руку. Отребье нынче по норам носы спрятали и нас к себе в гости не ждёт. Вот мы их за делами злодейскими и накроём, голубчиков. Вы, поручик, составьте лично для меня список известных вам барыг и варнаков, что торгуют краденым и зелье сивушное возгоняют. Лавочников, сбывающих китайскую араку, контрабандные товары и, особенно, меха, туда тоже внесите.

Ковалёв знал, о чём говорил. «Селений много: печально лепятся они по окольным горам, теснятся в падах, распадках и оврагах. Несчастье и бедность — неизбежные соседи этих жилищ. Для людей, осевших здесь, дорога в лучшие места давно заросла, но к преступлениям осталась. Потому как селились тут те, кому незнаком честный труд, прошедшие этапы и тюрьмы бродяги, арестанты, выпущенные на пропитание», — писал очевидец в конце девятнадцатого столетия. С тех пор здесь ничего не изменилось. Да и разве могло?

Перед тем как отправить отряд в рискованный при такой погоде, но очень необходимый (прежде всего для себя) набег, начальник строго внушил Шестакову:

— К обыскам отнестись с возможной тщательностью. Вам, надеюсь, хорошо известен перечень того, что подлежит первоочередному изъятию у ссыльнокаторжных? Всё конфискованное имущество до мелочей описать и доставить сюда без всяких бандитских штучек — «и твоё моё, и моё моё». Лично проверю каждого по возвращении. К преступникам, оказывающим сопротивление, не раздумывая, применять силу. И учтите: результат нынешнего поиска отразится на всей вашей дальнейшей службе.

Эх, господин Ковалёв. И зачем такое словомножие? Без вас люди знают, что в пятницу наступает пятница. И Кутомара — не Иркутск. Здесь другие законы и песни сложены. И потом. Эта отвратная, как плевок, схема личного обогащения под видом борьбы со всякими злоумышлениями: она ведь не вами придумана, майор, — десятки дельцов до вас ею пользовались. Разве сие для кого-то секрет? Все здесь одинаково в аду живут. Поэтому.

¹ Теребиловка (по названию слободы в Александровском заводе) — место, знаменитое своими жуткими преступлениями.

— Никуда не отклоняясь, сразу к Шулепе отправимся, — через несколько дней приказал поручик сидящему с ним в санях унтеру Кривошееву, как только они выехали за тюремные ворота. — Махни Усольцеву, чтоб сам и за ним которые не отставали.

Верстах в пяти от острога у выгоревшего прошлым летом амбарника¹ остановились. Где-то здесь вдоль подошвы горной развилки должны бы стоять избёнки. Но где же они? Снег кругом. Ни дыма из труб печных не видно. И вообще никаких признаков жизни.

— Неужели замело болезных? — тревожно поглядел на унтера Шестаков. — Вот сибирщина проклятая. Ты когда здесь последний раз бывал?

— Осенью по листопаду. А несколько дней тому надзиратель Завальев с двумя стражниками послышался сюда ревизию каторжным произвести. В расположенье он не возвратился, и где пропадает сейчас, даже гадать боязно. Всякое могло случиться. Тут так и говорят: «Авось» веревку вьёт, «небось» петлю накидывает.

— Окстись, без тебя вижу — дело дрянь. Но искать и откапывать Шулепу резона не вижу. Околеем. Да, может, и нет его здесь совсем. Снялся, должно быть, ещё до метелей. Не сявка же он безмозглая оставаться зимовать в такой пустыне безлесой. Что у нас тут ещё поблизости есть? Куда Завальев мог податься, а?

— Оловянка за распадком. Но там гольтьбища смертная обитает. У их ни сараев, ни хлева для скотины. Помёрзнут лошади ночью, ваше благородие. К характернику² Евласу надоть податься. Евойное жильё недалеко отсюда. Засветло должны поспеть.

— Показывай дорогу.

А дороги не было. Лишь рваные местами выбоины в насте проглядывали, будто прополз тут недавно кто-то. Кривошеев всмотрелся и горестно мотнул бородой. От сухих морозов снег спрессовался в острые льдистые иглы. Идти по такому лошадям — мука кровавая. Пошёл к саням Усольцева и приказал, чтоб солдатики, меняясь, перед повозками шли. Так хоть какая-то помога животинам будет.

Добирались тяжело и долго. Недалеко от спрятанных в овраге домишек ожесточённым лаем их встретили собаки. Унтер уверенно направил лошадь к самой большой рублёной избе. У крыльца, в тулупе наопашь, уже поджидал кто-то. Поручик шагнул к встречающему, поднёс фонарь к его лицу. Человек в адамовых летах, косматый, с мозолью³ на левом глазу решительно отвёл руку Шестакова и, не здороваясь, пошёл в дом. Бросил на ходу:

— Проходите, ваше благородие, аккурат к самой беде пожаловали.

Через сени, сплошь завешенные пучками трав и кореньев, уставленные туесами с клюквой, сушёным гонобобелем и сараной, прошли в светлицу. Печь по правую сторону, красный угол напротив с иконами и столом — обычная русская изба. Хозяин, не снимая тулупа, прошаркал к бабьему закуту. Там, на лавке, укрытый чистой рябенькой пестрядью, лежал человек.

— Ваш? — откинув затрапезину, спросил Евлас.

Поручик не сразу узнал Завальева. Обмороженное до черноты лицо надзирателя в тепле потекло, расслоилось. На лбу глубокий рубец от удара чем-то тяжелым. Рванный рот и пустая глазная впадина. Ну и дела!

Знахарь повременил и прикрыл покойника. Пригласил Шестакова садиться за стол. Сел сам. Зло двинул в сторону гостя кружку:

— Лексей, внук мой, вчера силки ходил проверять к Убиенной горе и наткнулся вот. Привезли, дышал ещё. А утром отошёл. Так ваш, што ли, иль нет? А то он в избе мне не нужен. Накажу людям, чтоб на дровенник его пока снесли. Мороз усядется, тогда халтуру⁴ по-христиански и справим. Ежели при исполнении служивый был, везите с собой. Мне мороки меньше. И вопросы не задавайте. Ничего не знаю. Мы тут своим миром толкёмся, чужих у себя не приваживаем. Пей вон настой, благородие, из мангира и козьего зверобоя, согрей душу. А что вы просили, Иван Данилыч, — повернулся к стоящему у входа унтеру, — давно заготовлено. Поутру осмотрите и выберете, какое вам приглянется. Рухлядь пушная есть, мёду собрали. В общем, завтра всё, завтра. Выносите покойника и спать на печь забирайтесь. Солдатиков и лошадок Алёшка в тепло пристроит, он у меня хозяйственной.

О поездке куда-то ещё после неожиданного «подарка» в доме Евласа не могло быть и речи. Происшествие случилось хотя и не из ряда вон, но громкое. Надо немедленно доложить по начальству. А чего оно далее решит делать, то и исполняться будет. Рано утром, когда стражники ещё спали, поручик с Кривошеевым разыскали знахаря и ве-

¹ Амбарник - редкий лес.

² Характерник - колдун, знахарь.

³ Мозоль (здесь) - бельмо.

⁴ Халтура - похороны.

тели тому спрятать в их санях приготовленный для них ясак. Подношение же господину майору отдельным мешком положить на видное место. Чтоб солдаты хорошо видели, а особенно «гнида» среди них, наверняка подсаженная для наблюдения и доклада — чьего следует кому следует.

Затем подняли людей. Наскоро перекусили, закатали в дерюгу Завальева, бросили на задние пошевни. И затемно ещё покинули зловещее урочище. К острогу, проклиная Ковалёва, мороз и службу свою смертную, добрались, когда уже свечерело. У тюремных ворот, кроме окоченевших стражников, их никто не встречал. Не мешкая, проехали к конюшне, где быстро выгрузили и пригребли сеном в казенниках привезённое добро. Ночью всё на квартиры переправится. Не впервой. А сейчас к законнику этому надо поспешить, не то услышит шум, сам сюда зайвится.

В административном здании тюрьмы свет уже был погашен, только по замёрзшему оконцу сторожевой каморки плясало неверное пламя от свечи. Левое крыло жилого дома, где квартировал майор, тоже не светилось огнями. Где же он? Не в комнатухе ли тюремного врача, откуда доносится чей-то голос, выводящий под гитарный стон: «Эх, и щёки твои да румяные не дают мне спать по ночам». Поручик постучал в двери. Из-за них донеслось:

— Входите, не заперто.

Шестаков шагнул в тепло, осмотрелся и откинул башлык с каракулевой шапки. Ковалёв, сидящий в расстёгнутом форменном сюртуке между двумя незнакомыми девушками, отложил инструмент и, качнувшись, поднялся из-за стола. Растягивая слова и хмельно подкатывая глаза, стал извиняться, что поскольку, возвращения поручика сегодня никак не ждали, то и доклад его переносится на утро.

— Сейчас, как вы понимаете, Пётр Фёдорович, я не могу оставить дам, проделавших оч-чень длинный путь для встречи со мной. Идите отдыхать. А то, м-может, к нам присоединитесь? Софочка с Ираидой, надеюсь, воз-зражать не будут.

Поручик вежливо поблагодарил и удалился. На конюшню. Там они с Кривошеевым, соответственно чину и положению, справедливо разделили между собой мёд, беличь и собольи шкурки. А вот топлёный барсучий жир и медвежью печень Шестаков — леченья для — безоговорочно забрал себе. Лёгочной вялостью страдал и был оттого худ и бледен.

— Вид у вас неважный, господин поручик, — пожалел его утром начальник тюрьмы. — И немудрено после случившегося. Я уже всё знаю, поэтому подробности вытаскивать из вас не буду. Они никому не интересны. Составьте рапорт и забудем это дело. Меня более интересует другое. Вы человек бывалый, много лет уже в здешних краях лямку тянете. Оцените, не сочтите за труд, доставленную вами вчера пушнину своим опытным взглядом. Не отмахнулся ли от вас пройдошливый старикан залежалым охвостом, мол, возьми, убоже, что нам нежное.

Ковалёв вытянул из-за шкафа знакомый Шестакову мешок. И вытряхнул прямо на пол его содержимое. Пётр Фёдорович усмехнулся про себя, отметив прыть начальничьих холуёв, что успели уже и доложить обо всём, и рухлядь аккуратно в кабинет — пожалуйста. Недовольно наклонился, захватил связку соболей, подул на мех и бросил обратно.

— Зря вы так, Александр Александрович, займку мы обшарили с пристрастием. Из того, что нашли, каждую шкурку со тщанием отобрали. В этой партии только самый ценный соболь — одинец. Не мех, а золото. Поглядите: чёрная мочка и голубой подшерсток. За каждого такого китайцы вам по сорок рублей выложат. И лисы, заметьте, едино крестовки да огнёвки с сизым брюшком. На тыщу, не меньше, кучка сия потянет.

У Ковалёва от удовольствия разгладилось лицо:

— Ну что ж. Будем считать нашу первую с вами противобандитскую вылазку успешной. Хотя загадочная гибель надзирателя меня огорчила. И то, что вы его сюда привезли, простите за прямоту, тоже не обрадовало. Надо было до весны тело на зимовье оставить, потом бы разобрались. Теперь же придётся в управление каторгой сообщать. А это, знаете ли, удар по моей репутации, плюс непредусмотренные расходы на содержание понаедущих расследователей. Где деньги брать прикажете?

— Я думаю, господин коллежский ассессор, две пары собольков помогут рассеять ваши огорчения. Раздадим по пяти рублей каждому, кто участвовал в вылазке, — и тишина будет стоять гробовая. Уверяю вас.

Ковалёв не согласился:

— По пять много будет. Раздайте по два. А Завальева скрытно отвезите на погост, какой поближе. Кстати, семейством убиенный был отягощён?

— Да нет, бобылём проживал, кажется.

— Это нам на руку. Никто, значит, не хватится. Оставьте его пока в штатном распи-

сании. Пусть до весны исполняет свои обязанности и жалованье, как положено, получает. По сходу снега проведём розыск и тогда в Нерчинск отпрапортуем. Вы уж, Пётр Фёдорович, проследите, чтоб эта — понимаю, понимаю — не совсем благовидная тайна за стены тюрьмы не вышла. И об этом, — Ковалёв указал на пушнину, — тоже просил бы разговоры ни с кем не заводить. Вы за молчание свой процент получите. Готовьте следующий выезд. И не забудьте сегодня же представить список, о котором я говорил вам наперед.

В течение следующих двух месяцев Шестаков попеременно с Щербаковым ещё несколько раз посетили Евласа. Знахарь теперь сам, по приказу майора, объезжал каких возможно зверовщиков и собирал у них «откупное». Посланцам начальника оставалось лишь доставлять его в острог. Колдун на увеличивающийся с каждым разом «оброк» не роптал. Всё равно эта ненасытная в граблении власть не получала и никогда не получит даже малости того, что действительно добывалось и благополучно перемещалось по таёжным тропам в поместительных торбах тех же карымов к всевозможным скупщикам или напрямик уходило за кордон — в Маньчжурию. По лесам своя правда меж людьми хороводится, поэтому — чёрта вам в ступе, робяты. Берите то, что дают, а на чужое рты не разевайте.

Но Ковалёв был рад и такому раскладу. Главное — источник поступления денег найден. Надобно теперь подумать, как его углубить и расширить. И вот на исходе зимнего охотничьего промысла, он вдруг неожиданно объявил поручику, что желает лично посетить места сбора ясака. И взять с собой при этом только тех солдат, которые в предыдущих поездках не бывали. А проводником с ним пойдёт не унтер Кривошеев, а шатун известный бурят Ермишка, «мокрая губа»¹, изгнанный соплеменниками из родного стойбища за кражу оленей, воровство женских украшений и хищения съестных припасов.

— Вам, наверное, доводилось видеть звериное логовище недалеко от гауптвахты? — спросил Петра Фёдоровича. — В нем эта плутовская рожа и прячется. И ещё. Дабы пресечь какие-либо упреждающие действия с вашей стороны, вы, поручик, наряжаетесь в недельное начальство над тюремными караулами, а Щербаков будет вас подменять. Выход за пределы тюрьмы, соответственно, вам обоим на это время запрещен.

Шестаков растерялся. По его соображениям, у Евласа сейчас скопилась приличная партия товара. Причём хранится она в самой избе колдуна вольно, без опаски — по стеночкам развешена. Неожиданно нагрянув туда, майор, без сомнения, изымет её как единственно ему принадлежащую. И смекнёт, конечно, какое на самом деле добро мимо носа его проплывало. Хорошего тогда не жди. Что же делать?

Выход подсказал сам начальник.

— Ермишку, — приказал он помощнику, — изымите из норы и поместите куда-нибудь для отогрева. И кормите два дня до поездки за счёт казны. Ещё в тулуп его, оборванца, оденьте. Найдите у каптенармуса что-нибудь не шибко драное. Юфтевые чирки на валенки поменяйте. И берданку старую с одним патроном уже перед самой отправкой прикажите выдать. И стеречь его, чтоб не сбежал, голодранец.

Этим же вечером, как стемнело, кто-то, ловко вспоров истончившийся от времени войлок на жалком жилище инородца, ухватил спящего бурята за горло и потащил в крепостную кучумку². Там его со всею ласковостью встретил известный нам душегуб «Пекло». Он обнял сомлевшего от страха воришку и что-то долго ему втолковывал. Потом прошёл к двери и постучал. А через час поручик Шестаков сам открыл ворота тюрьмы и выпустил в ночь всадника.

— Постарайся к утру обернуться, — негромко напутствовал его.

Характерник, выслушав внезапно появившегося на заимке Кривошеева, испугался:

— Может, не надо эдак-то, Иван Данилыч? Дело вы шибко страшное удумали. Осерчают власти в Нерчинске, прикажут под шомпола нас разложить. Я-то ладно, битый вдоль и поперек, слова не оброню, а вот другие — сдюжат ли? Кому охота в каторгу возврататься?

— Не трясись, спина забубённая, братский³ их не прямо сюда, а мимо Шумихи к Чёрному пролomu поведёт. Для сокращения пути, якобы.

А там, сам знаешь, расщелины да водомоины под снегом кругом прячутся, разве их все упомнишь. Твоё дело мужиков туда послать, чтоб они деревин штку несколько повалили на пути. Ну, верно чтоб сани в ямину какую направить. Помнишь, два года тому сгнули там трое стражников, что в облаве за «политиком» шли? Покряхтело, пошуме-

¹ «Мокрая губа» - пьяница.

² Кучумка - карьер.

³ Братский - бурят.

ло начальство да махнуло рукой.

Колдун ничего не ответил. Снял со стен шкуры, рассовал по мешкам. Отнёс к порогу. Потом сходил за печь и протянул унтеру аккуратный узелок:

— На-ка, возьми лучше это вот. Тут снадобье — тайна-трава, жабья-костка. Найди ход, с чаем завари начальнику. У него — ирода ненасытного — и отпадёт охота на чужое взглядывать. А это лично тебе, Данилыч, — полез за пазуху и вытянул что-то матово-зеленое. — Игрушка-дергунец из нефрита камня. Принёс недавно бродяжка один, я ему соболька хорошего за неё отдал. Спрячь, штука оборотистая. У тебя же девица растёт. Вот и сохрани ей на приданое. И не упрашивай, не поднять мне людишек на смертоубийство. Запуганы оне. Забиты страхом. Забирай рухлядь и уходи. А начальник твой пожалуйет, скажем, что попрятался зверь от мороза, нейдёт в обмёт. Так бывает, пушай любого ловчего спытает. Ехай без осерчания. Лёшка тебя с собаками до Куржумской стены сопроводит.

Унтер подумал и согласно кивнул:

— Кажись, ладно говоришь, сыч болотный. Солдатиков жалко будет, если погинут. Так. Но я бы на твоём месте ушёл на недельку подальше куда. Разъярится майор, душу из тебя вынет.

— Ехай, говорю. Для твоего гнобителя тоже припас имеется. Уедет довольный.

Успел к утру в крепость унтер. Гнал лошаадь, не жалел. И спас тем самым Ковалёва от уготованной ему гибели. Ермошке был поднесён стакан сивухи и дан другой — затрешиной подкреплённый — приказ: везти бачку-начальника мимо Оловянки напрямиком к знахарю, никуда не сворачивая. И молчать, иначе за башку его бестолковую никто не поручится.

Побывал в тайге Ковалёв, погостевал у Евласа два дня. Умаслил тот его и медвежатиной жареной, и сохатиной сушёной, и крылышками куропадок в брусничном соку. Залил глаза начальничьи настойками крепчайшими, после которых голова поутру почему-то не болела. А при расставании, уже у саней, плотно набитых мороженым мясом, бочагами с ягодой и мёдом, накинул на плечи ассессора лёгкую бекешку из речного бобра. Вперив бельмо в переносицу обиралы, сказал твёрдо, чтоб тот сюда более никого не присылал, потому как уходят они с семейством по весне ближе к Шилке. Право имеют умереть там, где жить им, повреждённым в правах, не запрещено законом.

Чин тюремный воскликнул удивлённо:

— Чем же тебе такие богатющие места не по нраву, дурень? Живи себе без опаски. Что возьму тебя, преступника каторжного, под свою защиту, я слово офицерское, конечно, дать не могу, но послабления кой-какие сделаю. А если укажешь ещё, кто из знакомцев твоих серебро да золото тишком промышляет, сословие твоё поменяю и в Россию поспособствую выбратся. Власть тут моя. Ты подумай. Скоро навещу тебя снова.

Вот тут и пожалел бывший кандальник, что не послушал Данилыча, не отъехал на время в тайгу. За ужином спросил внука:

— Чего делать будем, Лексей? Хомут на нашей шее, чую, затягивается. Злодейской породы человек объявился. Супротив церкви люди добрые рази кабак ставят?

Ушли они к Шилке, не дожидаясь тепла. И унтер, посланный вскорости к характернику с наказом представить того пред ясные очи начальника для разговора, вернулся удручённый. Еле скрывая раздражение, доложил его высокоблагородию, что снялся знахарь с места. Следов, и тех не осталось.

Сан Саныч, отпустив Кривошеева, матерно выругался. Понял, что утащился нежить лесная в чащобы, сохраняя не столько шкуру свою, сколько душу воровскую. Кодекс бродяжий не велит ему перед властью стелиться, а уж чужие тайны раскрыть — приговорить, значит, себя к смерти. Позорной. И скорее всего лютой. «Что ж. На дерево влезть и зад не ободрать только у обезьян получается, — подумал о перехитрившем его Евласе. — Разыщем мы тебя, рожа косматая, и на Шилке, а пока за господ политиков придемся».

Он перебрал на столе бумаги и отыскал нужную. Перечитал её ещё раз. Доктор Стасич-Вечер входил к начальнику тюрьмы с прошением поместить в инфекционный барак ссыльнокаторжного первого разряда К.Е. Матюкова, состояние которого при общем осмотре признано не вполне благополучным, а именно — обнаружены неоспоримые признаки туберкулёзного процесса в лёгких. Ведомственные инструкции требуют изоляции такого арестанта. Однако в случае с Матюковым, отмечал лекарь, есть определённые трудности — оный преступник имеет опасную склонность к побегам, которых попыток уже совершил четыре.

Ковалёв подчеркнул последнюю строку, брезгливо обругав доктора: «Как он людей лечит, коновал чёртов, так и документы составляет. Шесть покойников только в этом месяце на погост вывезли». Хотел было наложить разрешительную резолюцию, но удер-

жался. Вызвал письмоводителя и велел тому пригласить врача.

Евгений Донатович Стасич-Вечер в аккуратном отутюженном чиновничьем мундире со старомодными бакенбардами а-ля Ермолов на щеках, войдя, склонил крупную голову, показав хозяину кабинета идеальный бегущий влево пробор. Затем вскинул руку с платком к вислему носу, иссиня-красному от лопнувших сосудов. Стеснялся он этой части своего лица, рефлексировал, неизменно припоминая удивлённые взгляды женщин, ввергающих молодого ещё человека в тоску и уныние. Узнав от писаря о скверном настроении майора, доктор внутренне приготовился к разносу. Но Ковалёв был сама учтивость. Заученным жестом указал подчинённому на кресло, предложил без стеснения курить и, немного выждав, любезно осведомился:

— А что, господин губернский секретарь, хорошо ли у вас нынче идёт торговля с поднадзорными клеветами?

Стасич привстал со стула и выгнул тело в сторону Ковалёва:

— Простите, что вы сказали?

— Я спрашиваю: сколько рубликов передал вам бандит Матюков за будущее помещение своё в лазарет? Не конфузьтесь, говорите прямо. Зная вашу постоянную стеснённость в средствах, я попробую понять вас.

— Кто вам рассказал такую, извиняюсь, противуистину? — смутился эскулап. — Ничего мною не бралось. Но если вы об этом, то да, мне посулили некую сумму. Только не сам Матюков, а некто хлопочущий за него Гравиатов — личность в каторге известная. Этого дворянина, кстати, присяжного поверенного и бывшего когда-то в ваших чинах, ещё господин Высотский жаловал и запросто позволял ему покидать острог для давань уроков детям офицеров казачьего Аргунского полка, хотя анархист этот должен бы сидеть в строгости, ибо осуждён за покушение на ограбление какого-то банка.

— Вот как? — в свою очередь удивился Ковалёв, — Оч-чень полезная информация. А как вы думаете, почему?

— Что почему?

— Ну откуда вдруг у Иллариона Ивановича такая симпатия возникла к этому разбойнику?

— Не имею ничего знать. Ваш предшественник был строг с подчинёнными и, стало быть, никого в соображения свои не посвящал. Но думаю, что без взаимных интересов здесь не обошлось.

Александр Александрович с видом явного неудовольствия почесал висок. Ему не понравилась рыба холодность и ускользающая правда ответов тюремного старожилы. Подавив раздражение, строго спросил:

— Вы не ответили на мой вопрос, коллега, взяли вы деньги за будущую услугу от преступника?

— Видите ли, господин коллежский ассессор, — уже спокойнее ответил Вечер, — арестанты политические в большинстве своём головы на плечах носят трезвые. Для них наше честное слово при заключении соглашения не является чем-то священным. К тому же из многолетней здешней практики я знаю, что, скорее всего, не упомянутый Гравиатов выступил инициатором водворения Матюкова в лазарет, а кто-то другой. Господа конспираторы свой источник финансов никогда не откроют.

— Это для меня не новость. А скажите мне ещё, любезнейший Евгений Донатович, были ли на вашей памяти случаи, когда преступники выходили на волю, подкупив тюремных чиновников?

Доктор, хорошо понимая, куда клонит визави, попросил:

— Разложите мне свой вопрос, господин начальник. Если, к примеру, перевести кандальника раньше положенного срока во внетюремный разряд — это одно, а вот позволить ему совершенно покинуть каторгу, — Стасич перешёл на шепот и оглянулся на дверь, — это уже, извините, государственная измена. И таких случаев я не припомню. Могу подтвердить под присягой.

— Мы не в суде. И разговор наш носит доверительный характер, — мрачно выдавил Ковалёв. — Вот что. Своё решение по вашему ходатайству я приму в ближайшие дни. Но врачебную инструкцию исполним уже сегодня. Распорядитесь поместить бывшего адвоката в камеру, где сидел ваш протеже, а самого больного к «ваньке» Пекло переведите. Может, убивец этот сумеет отшатнуть смутьяна от его губительных замыслов.

— Позвольте не согласиться с вами, — вежливо, но как-то испуганно воскликнул врач. — Возможно ли таких отъявленных преступников вместе содержать? Они же немедленно примутся побег готовить! И не усмотришь за ними. А подсаживать информатора, человека только губить — двое уже в той камере с апреля на тот свет отправились. Самоудушились якобы от тоски смертной. Но мы то с вами понимаем, что это не так.

Ковалёв вспыхнул:

— Это вы плохо понимаете или не желаете разобраться в нравах, царящих среди всей этой сволочи. Да будет вам известно, что политик с уголовным никогда одну партию не составят. И уж тем более в побег вместе не пойдут. Сожрут друг друга, как только возможность представится. Исполняйте указание. А этому, как его там, сообщите: если он гордыню уймёт и согласится на некоторые наши предложения, то помереть ему не дадим. Ну, а станет упорствовать, что ж, на жизни своей может крест поставить.

Стасич-Вечер встал и откланялся.

Когда на следующий день Матюкова попросили на выход с вещами, он, предчувствуя недоброе, обнял сокамерника:

— Прощайте, Палестин Георгиевич, прощайте, славный товарищ. Если вырветесь отсюда, то поклонитесь при случае моему дорожному Касимову. Его цветущим липам и домику на Затинной улице, где я когда-то был счастлив.

Через несколько месяцев Карп Елизарович тихо угас, подписав себе смертный приговор отказом от сотрудничества с тюремными властями. Во время единственной личной встречи с ассессором, уже исхудавший, сдерживающий изнуряющий кашель узник, поигрывая желваками, выслушал наставительно суконную речь начальника и брезгливо сказал:

— Я бы плонул вам в лицо, неуважаемый, да матушка моя Ирина Васильевна воспитала меня в строгости. Говорила, помнится: «Не пачкай, сынок, того, что давно замарано. И снизойдёт на тебя свет вечерний».

Мир праху твоему, бунтарь касимовский. Приняла твоё тело великая земля сибирская, а панихиду по душе неподкупной отпели голосистые рязанские соловьи.

Глава 7. МАЗЕПА ПЛЕТЕТ ПАУТИНУ

Плетёт паутину паук, как правило, ночью. Темно. Прохладно. Никто не мешает. Выбирает место, выпускает нить и ждёт, пока она в свободном парении зацепится за опору. Затем переползает на другую сторону, закрепляет нить. Возвращается. Под наклоном протягивает к опоре прядку, по которой ползёт вверх, выпуская новое волокно. Так тенетник строит раму, а в ней протягивает внутренние радиусы. После чего соединяет сеть по кругу временными перемычками. Потом начинает плести уже постоянную ловчую спираль, перекусывая временные нити и скатывая их в комочки. Движение происходит по сужающейся спирали от краёв к центру. Закончив, паук протягивает от сети сигнальную нить. И, держась за неё, в сторонке поджидает жертву.

Мы, конечно же, не будем сравнивать ротмистра Мазепу с отвратительным чуланым мизгирём. Слишком грубо получится и даже оскорбительно. Однако разительное сходство охотничьей снасти, применяемой обоими в целях разных, но одинаково подлых, — отметим. Иринарх Гаврилович ведь тоже для ловли свихнувшихся на демократии «козьяков-курсисток», «мотыльков-семинаристов» и «красных тараканов-интеллигентов» оплёл липкой куделью весь Тобольск. Или почти весь. А будь начальство поумнее, выделяя на устройство охранительной сети средств гораздо поболее, то он бы, Мазепа, всех несогласных с его пониманием мироустройства давно бы в тёмных углах передавил.

Хотя давить нынче, кажется, некого. Эсеров, после тяжкого разгрома их самого крупного гнезда под Тюменью, откуда ротмистр лично вывез на нескольких санях типографию весом аж в шестнадцать пудов, оружие, кучу нелегальной литературы и десяток схваченных бандитов, не слышно стало и не видно. Кто-то из них любитесь теперь закатами над могилой светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова в славном своей суровой недостижимостью Берёзове. Кого-то военно-окружной суд отправил на виселицу за убийства и ограбления, составление и осуществление планов поджогов, грабежей и аграрного террора. Третьи же, видя, что «русская революция разрешается постепенно в сторону ужаснейшего компромисса трудового населения с правящими классами», предпочли оставить всякие толки о вооружённом восстании, партизанских выступлениях и отгородиться от анархо-максималистского течения, перейдя к более разумной коллективистской тактике работы с крестьянством. Социал-демократы и анархисты тоже себя никак не проявляли. То есть на театре революционно-военных действий наступило некое затишье. Обе стороны «чистили перья» и осматривались вокруг.

Но погодите. Кажется, одна из сигнальных нитей паутины чуть заметно натянулась. Ротмистр ощутил еле уловимое колебание волокон где-то на дальних витках своей ловчей конструкции. Опавший листочек осинового случайно занесло или всё же добыча какая запуталась?

...Сегодня утром, просматривая сводку данных наблюдения по городу за лицами, состоящими в разных противоправных организациях, Мазепа обратил внимание на

донесение одного из филёров. Тот сообщал, что его «объект» — ссыльный преступник фамилией Донник — нынешним числом, ночью неожиданно посетил дом адвоката Гравиатова, пребыв в том доме до четырёх с четвертью часов пополуночи. «Ранее, — писал соглядатай, — Донник сей жил как будто затворник и встреч ни с кем не искал. Маршрут его передвижений по городу раз от раза был хорошо изучен, ибо не проистекал далее околотка — продуктовая лавка, аптека, иногда рыбные ряды у Иртыша».

«А с чего это отшельника нашего вдруг к известному господину понесло, да ещё в такую глухую пору? — удивился Иринарх Гаврилович. — Причём пробирался ссыльный к означенному лицу, как отметил «топгун», профессионально петляя по улочкам, будто следы заметал, и умело избегал ночных сторожей и городских. Стало быть, визит свой старался охранить от глаз любопытствующих». Мазепа немедленно вызвал заведующего отделом наружного наблюдения Дедюхина. Сунул ему открытый на нужной странице отчёт.

— Что можешь сказать про нынешнюю вылазку Донника, Тихон Макарыч? — спросил многозначительно. — Смотрю, на донесении филёра твоей пометки нет, и думаю: неужели не заинтересовала такого сыщика, как ты, эта информация? А вот я очень даже заинтригован. Спать теперь не буду, пока не узнаю, что связывает нашего подопечного с присяжным.

— А что тут такого из ряда вон, Иринарх Гаврилович? Гравиатов якшается и не с такими отбросами. И препятствовать ему в том по закону мы не вольны, — обидчиво ответил Дедюхин.

— Да, но встречается он с отбросами, как вы очень правильно выразились, во-первых, не у себя дома, а во-вторых, не ночами. Вот вы бы впустили к себе за полночь какого-нибудь неизвестного с улицы? И никто бы не впустил. Из соображений той же безопасности. Стало быть, Донник с Гравиатовым, как минимум, знакомы. Откуда, с каких пор? Что их может связывать? Надо поручить кому-то головоломку сию разрешить. Не спугнув при этом обе жертвы.

Дедюхин сконфуженно молчал.

— Излагайте свои соображения, милейший, — потребовал Мазепа. — Неужели вы не угадываете, что кто-то начал разыгрывать оч-чень мудрёную партию — белые выигрывают, но у чёрных проходная пешка.

— Я, Иринарх Гаврилович, каюсь: о возможном близком знакомстве этих господ даже мысли у меня не возникло, — протянул Дедюхин. — Как можно сие допустить? Но если правда ваша, тогда и разговор другой. Вот, однако, есть одно предложение — прощупать адвоката надо попробовать через его помощника. Хлыщ тот напوماженный, я слышал, уже попадался полиции в одном карточном притоне. Любитель поиграть, говорят, и болтлив без меры. Причём ставки кой-когда делает крупные.

— Да? И насколько крупные? Две, пять тысяч?

— Нет, конечно. Но по пятьсот, бывает, выкладывает. Ежели вы позволите, то известный вам «Валет» со своими дружками снимут с него не только форменный сюртук и модную манишку, но и исподнее бельё. А должника к стенке потом прижать — затруднительное ли дело?

— Грязновато-с. И неочевидно. Но на что не пойдёшь ради раскрытия истины. С богом, Тихон Макарыч. Так и сделаем. А Донника, пока возитесь с картёжником, приказываю держать на коротком поводке. И предоставьте мне «послужной список» этого скверноподданного для ознакомления.

— Но у нас дела Донника, кажется, нет. Надо Москву запрашивать, — извинился Дедюхин. — Нами получен лишь сопроводительный документ с приговором суда и рекомендацией на полугодичный усиленный присмотр за ним.

— Отправляйте запрос. А «Валета» пригласите сегодня вечером на мою явочную квартиру часам к десяти. Я хочу поговорить с ним лично.

...Ветеран карточной игры Дмитрий Куржавинский — он же «Мотя Красно Солнышко», он же «Валет», он же много ещё кто — годы на своих плечах тащил уже почтенные. Но старался украшать (редкие теперь) выходы на публику молодостью сопровождающих его барышень. А то, что девки те были случайные и взяты «напрокат», так Мотю это не смущало — кому какое дело, с кем он дружбу водит и какие деньги на полюбовниц спускает. Не зря причём спускает. Потому как Зинули все эти и Маруси ублажали старого шулера не только в постели, но — прежде всего — были его верными и безотказными информаторами. Что бы он без них, востроглазых оболстительниц, делал?

Когда «Валету» передали просьбу Мазепы о встрече, он приказал полулежащей на оттоманке в неглиже растрёпанной скучающей расхлёбе:

— Одевайся, как тебя там, воронья ягодка, губы подправь и причешись. Пойдём прогуляемся. Будешь за улицей смотреть, чтоб никто за нами не увязался. Шевелись, к

десяти надо на месте быть.

Встретил Иринарх Гаврилович старика с улыбкой, пожал ему руку, однако не удержался, прошёл к окну, отдернул край занавески и попенял:

— Мы же уговаривались с тобой, Дмитрий Сергеевич, что не будешь на наши встречи никаких шлюх таскать. Ей-богу, под нож чей-нибудь и себя, и меня подставишь.

«Валет» обиделся:

— У вас в охранной конторе своя скрытность применяется, а у меня своя. Людишки в городе уже давно привыкли, что Мотя без женщин — это подозрительно. Говорите лучше: зачем я вам понадобился?

Ротмистр, не углубляясь в тёмные политические дебри, рассказал шулеру, что тот должен сделать, и назвал сумму гонорара. Красно Солнышко подумал и твёрдо отрезал, что для залучения фраерка на нужную для игры «фатеру» понадобится ещё пара сотен:

— А как вы хотели? Я лично господина, о котором вы просите, не имею чести знать, а вот Боря Шпигель с ним играл и возьмётся снова его выпотрошить — как раз за эти две «Катеньки».

— Так ты, Дмитрий Сергеич, сам играть, значит, не собираешься? — недовольно спросил Иринарх Гаврилович. — Со стороны наблюдаешь? Тогда за что же я тебе заплачу? А?

Мотя ответил предельно честно:

— За то и заплатите, что Боря «шестёрку» адвокатскую вам на блюдечке выложит, готовую ответить на любые ваши вопросы. Ну, а если господин ротмистр возражает, то убедить Бореньку организовать отъём денег у порядочного человека да ещё из Судебной палаты будет почти невозможно.

Ротмистр повысил голос:

— Дмитрий Сергеич, но Шпигель же будущий выигрыш целиком себе в карман положит. Для чего ещё две сотни? Остановитесь. Нельзя же так государство разорять!

Куржавинский нагловаго усмехнулся:

— Вы же не собственные денежки на кон мечете. Охота вам чужое считать?

Мазепа к средствам казённым всегда относился ответственно. Но отказать сейчас этому жулику...

— Хорошо, — согласился он. — Только и у меня есть неукоснительное условие — с делом не тянуть. То, что сверх вознаграждения, получите после окончания работы. Примите конвертик. И распишитесь вот здесь.

Мотя аккуратно пересчитал купюры, выпил рюмку коньяка и с достоинством попрощался.

Уже через три дня жандарму передали записку, в которой сообщалось, что известную господину ротмистру особу, совершенно того не желая, отяготили карточным долгом в полторы тысячи целковых. Срок возврата проигрыша особе той назначили несообразный с её возможностями. Поэтому господин ротмистр может хватать рыбу за хвост. Или за жабры. Как ему будет ловчее. «Валета» снова пригласили на randevu с начальником губернской охраны. Встревоженный старый ловелас не очень учтиво обратился к жующей что-то на кухне полуодетой румяной белотелице:

— Чулки полосатые сими, боярыня тютюшная, пляски в шалмане переносятся на завтра, а сегодня вечером тебе надо скромно постоять у одного дома, семечки полугатать. И калитку пышностью своей задней подпереть, чтоб не вломился кто чужой. Чего глядишь комом, душа краплёная? К девяти чтоб готова была!

О чём шептались на этот раз союзники по временной коалиции — осталось неизвестным. Только скоро «Валет» устроил в своём логове на Архангельской улице роскошный «ужин-парадиз», на который пригласил людей достойных и нужных. К семи вечера на колясочках подъехали Мазепа с Дедюхиным, за ними Щекутьев подкатил. Все они были затянuty в выходные костюмы-визитки. Белели накрахмаленные пристяжные «гаврилки»¹. Безупречно повязаны галстуки-пластроны. Смотрели приезжие холодно, поигрывали тростями. Мотя представил гостей дамам, описывать которых из эстетических соображений не станем. Отметим только неприличное обилие на их запястьях, шеях и пальцах изумрудов с жемчугами да сапфирами. И голые плечи ещё, и волнительное воздымание груди в разрезах вечерних платьев. Никаких стыдливых шелковых накидок. «Красно Солнышко» почему-то приказал об этой обязательной детали туалета любой приличной женщины сегодня забыть. Вскоре на извозчике прибыл и тот, ради кого, собственно, два дня из дома выносился мусор, мылись полы, чистились канделябры, а нынче накрывался стол и застилалась свежим бельём в задней комнате (на всякий случай) кровать с витым чугунным изголовьем.

¹ «Гаврилка» - манишка (простореч.).

Молодой человек рассчитался с извозчиком и несколько смущённо представился подошедшим к нему господам:

— Раскольников Родион Михайлович, помощник присяжного поверенного, губернский секретарь.

Жандармы переглянулись. Мотя не читал Достоевского, но, увидев странную реакцию своих «благодетелей», поспешил их успокоить, чуть не сорвав намеченную спектаклю:

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь, это тот самый. Ошибки нет. Прошу всех следовать за мной. Знакомиться ближе будете за откушиванием блюд.

Раскольников был оскорблён. Это его-то — восходящее светило адвокатуры — пренебрежительно назвали здесь «тот самый»?! Однако! Изменившись в лице и нервно дёргая головой, он с угрозой выдал:

— Господа, если меня пригласили сюда только за тем, чтобы как-то унижить, то я имею честь откланяться.

Спасла ситуацию одна из дам, премилая шатенка с родинкой над верхней губой. Она подошла к «Валету», подмигнула ему и неожиданно закатила пощёчину. После чего объяснила гостям:

— Наш скотина дворецкий, видимо, приложился уже где-то на кухне, раз несёт такое. Он будет наказан.

Мотя ничего не понял, но Мотя удалился в дом. Все трое жандармов, придя в себя, по очереди выразили Родиону Михайловичу своё совершеннейшее почтение. И Раскольников успокоился. Ну, а потом. Потом стряпчего поили вином, заставляя закусывать жареными телячьими мозгами на чёрном хлебе, вежливо смеялись над его пошлыми остротами и переглядывались, переглядывались, переглядывались. Наконец, где-то уже за полночь, знакомая нам шатенка с пикантной родинкой над верхней губой предложила Раскольникову уединиться в садовой беседке, где нескромно прижалась к нему и полупшепотом спросила:

— А вы, Родион Михайлович, так и не догадались, зачем вас пригласили сюда?

Хмельной «светило адвокатуры» посмотрел укоризненно: потом, дорогая, сейчас. Сноровисто облапил податливые плечи красавицы и покрыв поцелуями — именно жаркими — её уста и очи, и чело. Его руки постепенно спустились к некоей границе на теле женщины, за которой начиналось... удушье. Раскольников чувствовал, что сейчас задохнётся от страсти — почему-то именно цыганской (какой же ещё). Но дама решительно отстранилась.

— Вы так нетерпеливы, сударь, — прошептала смятённо. — И можете всё испортить. Слышите, сюда, кажется, идут. Молчите же, я прошу вас.

По дорожке к беседке, действительно, кто-то шёл. Отчётливо был слышен разговор.

— Николай Васильевич, — спрашивал кто-то голосом, очень похожим на Мазепинский. — Что вы можете сказать о нашем молодом госте? По-моему, его знания и умение держать себя вполне укладываются в моё представление, каким должен быть юрист нашего пароходства. Надеюсь, что Совет директоров и акционеры будут довольны нашим выбором.

— Я полностью разделяю ваше мнение. Господин Раскольников показался мне именно тем человеком, который нам нужен, — ответил невидимый собеседник.

— Тогда завтра же сообщите ему наше предложение. Пока общее, предварительное, без каких-либо твёрдых обязательств. Оно будет неожиданным и потребует от него определённого обдумывания. Но мы согласны подождать, не так ли?

Тёмные тени проплыли мимо притихших любовников и пропали за деревьями.

— Как вы думаете, Николай Васильевич, услышал стряпчий наши искренние откровения? — поинтересовался Мазепа у Щекутьева, как только они, сделав круг по ночному саду, вошли в дом.

— Без сомнения, услышал, Иринарх Гаврилович, мы прошли достаточно близко, — улыбнулся секретарь охранного отделения.

— Тогда, — обратился ротмистр уже к «Валету», — сворачиваем гулянье и разъезжаемся. Не надо, чтоб Раскольников по возвращении нас здесь застал. У меня почему-то не пропадает жгучее желание съездить ему по самодовольной роже. Боюсь, не сдержусь. Извинись перед ним за то, что мы уехали не попрощавшись. Возраст, усталость. Наври что-нибудь.

— А Вальке чего передать? Чего дальше ей делать с этим-то? — спросил Мотя.

— Она знает. Ты к ней не лезь, не то снова мордотрещину получишь. Подай трость. И прощай до времени.

Остаться в опустевшем и вызывающим у него какую-то неясную тревогу доме, не смотря на настойчивые уговоры малознакомой, но такой манкой женщины, губернс-

кий секретарь категорически отказался. И «куртизанке» пришлось отвезти его под утро на представительскую секретную квартиру жандармского управления. Оттуда она не выпустила жертву, пока не выжала её как лимон. Мазепа вскоре узнал о помощнике адвоката если не всё, то очень многое, что позволяло ухватить болтливого и похотливого игрока за цугундер и не оставить ему шансов вывернуться. Ротмистр посоветовался с Щекутьевым, и они решили «дожать» попавшегося в сети «мотылька» уже в открытую на ещё одной спектакле.

Мотю снова попросили уведомить Раскольников, что известные ему господа из буксирного пароходства желают с ним поведаться, для чего просят уважаемого Родиона Михайловича почтить их своим присутствием для серьёзного разговора. Раскольников все эти дни был подавлен мыслями о неотвратимо приближающемся дне возврата карточного долга. И потому, помня, хотя и смутно, обрывки разговора о себе неких господ в ночном саду, решил ухватиться за спасительную ниточку — кто его знает, может, и ссудят ему богатые знакомцы в счёт будущих услуг нужную сумму? Он с лёгким сердцем согласился и приехал в назначенное место. Но увидев, кто его там ожидает, потерял сознание. Очнувшись, обвёл глазами комнату. И ему снова стало плохо. Перед ним на специально расставленных полукругом стульях сидели вчерашние «акционеры и владельцы пароходов» — Мазепа в центре, Щекутьев с Дедюхиным по обе стороны от него. Все трое в ладных жандармских мундирах: аксельбанты, ордена — всё как положено.

— Поднимайтесь, любезный, — холодно попросил ротмистр. — Вот испейте водички и начнём, пожалуй, — Раскольников сел на указанный ему стул. От воды отказался. Иринарх Гаврилович поставил стакан на низенький столик, закурил и вполне дружелюбно спросил: — А вы знаете, за что я получил свою первую «Анну» на шею? — и, не дожидаясь ответа, менторски заговорил: — А за то получил, что в девятьсот шестом раскрыл и отправил на виселицу нескольких господ, очень похожих на вас. Они тоже вели себя на публике подобающим образом, а между тем злоумышляли и творили дела, противные обществу. Нет, сами они не убивали и не жгли усадьбы благонамеренных граждан, они кукловодили и наблюдали. И ждали: авось и выпадет им фарт за счёт других зажить вволю, а то и разбогатеть. Николай Васильич, — обратился он к Щекутьеву, — почитайте-ка нам для доказательства моей правоты несколько признаний девицы Прудниковой, с которой сидящий перед нами был недавно излишне откровенен.

Помощник присяжного послушал, нервно сглотнул и криво усмехнулся:

— Рассказням этой проститутки никто не поверит. Свидетелей нет. Вам не удастся ничего доказать в суде.

Ротмистр развеселился. Хлопнул себя по ляжкам.

— А почему вы решили, что суд — это то, что нам нужно? Мы поступим по-другому, менее для нас затратно. Не хотите узнать — как? Жаль. Очень жаль. Но сказать вам это придётся. Мы, господин чиновник, поместим в Губернских ведомостях пару статеек анонимного автора о ваших непотребных похождениях. Пусть обыватель узнает, как прожигает жизнь известный в городе поборник чистоты общественных нравов Раскольников Родион Михайлович. Как тысячи бандитам в притонах проигрывает; как для утех заманивает к себе девиц известного круга, обещая щедро отблагодарить их за сохранение тайны визита. При этом автор поделится с читателями своими догадками о происхождении денег, которыми скромный служащий расшвыривается, яко ненужными бумажицами. Ответьте честно: вам нужна такая слава?

Раскольников жестом показал, что хочет пить. Потёр виски. Затравленно посмотрел на Мазепу.

— Я прошу, — произнёс еле слышно, — объяснить мне цель того, что здесь происходит?

— А что здесь происходит? — подал ему стакан ротмистр. — Мы всего лишь пытаемся убедить одного неглупого, в общем-то, человека помочь самому себе. Не нам, заметьте, а себе. Он пока ещё не осознал, что вляпался в очень скверную историю, выбраться из которой ему позволит честность и только она, — Иринарх Гаврилович встал, прошёл к столу и протянул Щекутьеву папку. Снова закурил и неторопливо зашагал по комнате. — Я не стану мучить вас вопросами, сударь, — остановился напротив помощника адвоката. — На них, собственно, сегодня уже ответил ваш арестованный знакомый, он же государственный преступник, Николай Донник.

У Раскольникова непроизвольно вырвалось:

— Как?

Ротмистр будто не услышал этого и продолжил:

— Но он упорно отрицает свою связь с вашим патроном господином Гравиатовым. Кто же из вас лжёт?

Раскольников расплакался. Потом долго икал. Пил воду. Его успокаивали. Клятвен-

но обещали уладить вопрос с карточным долгом, оградить имя честного человека от будущих инсинуаций в прессе. И главное — никто и никогда не узнает об услуге, оказанной им следствию. Более того, за предоставленную информацию господин губернский секретарь получит ещё и вознаграждение — государство наше всегда поощряет тех, кто ему верно служит. К вечеру окончательно сломленного Родиона Михайловича покормили и отправили в одиночную камеру, снабдив бумагой и прибором для письма. Ручку, правда, со стальным пером, подумав, заменили карандашом — вскроет ещё себе вены, идиот малахольный. Мазепа был доволен. В обмен на лояльность властей Раскольников согласился написать всё, что знает о подпольной эсеровской группе и готовится налёте на Тарское казначейство.

На следующий день в Тару ушла телеграфная шифровка. Тамошний исправник, прочитав её, одновременно и опечалился, и вздохнул злорадно:

— Что теперь будет с бедной Анфисой Васильевной? Ведь она, кажется, положила глаз на лощёного адвоката. А с другой стороны, поделом ей, расфуфыренной дуре: божественный «Аи» не запивают киселём из овса.

Глава уездной полиции велел разыскать урядника и сделал ему соответствующие распоряжения.

Гравиатова взяли в одном из тихих уголков Чекрушанской рощи во время передачи приехавшему из Тобольска «посланцу» Донника пакета бумаг, куда входили — развёрнутый план центральных улиц города, отдельный чертеж дома N с указанием постов стражи. И несколько схем ухода от возможного преследования, с указанием мест, где можно временно укрыться, а затем на специально нанятой шняве незаметно уйти по Иртышу. Моросил мелкий дождь. Заговорщики молча попрощались. И тут неожиданно вышли из кустов трое: ну-ка, ну-ка, чем это вы тут занимаетесь, господа? Молча, бесцеремонно вывернули у обоих карманы. Выдернули из рук портфели и, подталкивая острыми овершиями зонтов, повели экспроприаторов к укрытым за кустами фаэтонам.

Finita la commedia!

Продолжение следует

Виктор ЗАЙКОВ

СТРЕЛЯЙТЕСЬ САМИ, МАЗЕПА

Роман из подполья

Часть III. ЗАСАДА¹

Глава 1. ИСТРЕБЛЕНЦЫ

Изводчик тараканов с книжным именем Истома и обидной фамилией Слюняев ютился со своим беспортошным семейством в обтёрханном домишке на Солдатской улице Тобольска: кривенькой, полусонной, малолюдной днём, а вечерами и совсем пустеющей из-за нередких гульбищ с мордобоем и поножовщиной. Ничего, кроме уныния, виды этой околицы не вызвали. А чего на неё смотреть? Не господа, чай, живут — проезжай мимо, коли не нравится, нос зажми и головой по сторонам не крути. Ужели жалкие крестьянские огороды за мосластыми жердинами зреть никогда не доводилось? Или обляпанный грязью курослеп вперемежку с татарником и крапивой под заборами не видывал? Здесь усада для глаз и ушей только хозяйственному селянину можется: ишь, как на самом просторе проезжей полосы — в колеях её и колдобинах — с утра самого жизнерадостно плещутся гусиные да утиные выводки, и по-барски возлежат (попробуй сгони их) многого веса свиньи. И петухи ещё орут — соловьи простуженные. Да иволга — слышите? — в недалёком березняке влюблённым чего-то выплакивает...

В народе истари говорили знающе: «Была бы изба, будут и тараканы». Поэтому Истома без работы не сидел. Только платил ему обыватель за избавленье от «пруссак» и прочей запечной нечисти безрадостно мало. А ещё за эти годы Слюняев пропах дустом и скипидарно-керосиновым настоем настолько, что супружница его, когда он лез к ней с ночными претензиями, чихала слёзно и желала ему окочуриться вместе со своими «хрущатыми кровососами». Обидно, конечно. Но где одеколонов этих дорогуших наберёшься, чтобы эфир избяной довести до приятствия? Детям на прокорм не всегда хватает, а тут... Вот завтра идти ему надо к очередному заказчику, а сотоварищ его по артели пропил общую деньгу, что нужна была для выкупа из аптеки «персидского порошка»² и ещё «парижской» смеси мышьяка белого. Чтобы клиента не лишиться, придётся теперь самому садиться отраву готовить — дурман окаянный с цветами бузины тереть или терпентинное масло³ мешать да толочь с конопляным семенем. А хотелось бы баньку истопить и после неё, духмяной, оздоровиться припрятанным «мерзавчиком». Тишком, конечно. А как же иначе. «Эх, да, сволочь он, энтот Савватей, — думает Истома о помощнике. — Мозгу⁴ из носу его пуцать уже надоело, надоть из-

¹ Часть I «Казнь» и часть II «Провал» романа Виктора Зайкова «Стреляйтесь сами, Мазепа» опубликованы в №1 и №2 «Невского проспекта», соответственно

² Персидский порошок («слюногон») — смесь из высушенных цветов и листьев далматской или кавказской ромашки

³ Терпентинное масло — очищенный скипидар

⁴ Мозга — кровь

гонять баклушника в шею». Но тут из-за сарайчика испуганный голос жены донёсся:

— Эй, истомитель тараканий, бросай своё безделье, давай сюдыть по-скорому. Кто-то из городских приехал, тебя требуют!

Слюняев оправил рубаху из мухояра, увалистым шагом обошёл избу. И сразу увидел стоящий за хлипеньким палисадом, аккуратно против калитки, на расстоянии, едва достаточном, чтоб только открыть её, не шарaban какой-нибудь издрызганный, а празднично сверкающий кабриолет. Истома обмер в недоумении: это кто же им с бабой такую честь оказал?! Вроде не заслужили они. А у колясочки, поочерёдно ставя ноги на подножку, смахивал пыль с модных замшевых штиблет хорошо знакомый нам калетинский клевет — Михаил. Закончив, он удовлетворённо крякнул и небрежно — через плечо — бросил тряпицу под забор. После чего неспешно повернулся, нашёл глазами того, кто был ему нужен, и начальственно велел:

— Выходи из крепости своей, трудящийся человек, потолкуем.

Истома несмело выступил на улицу, на всякий случай поклонился. Приезжий недовольно скривил губы — фи, какие учтивости. Но всё же приподнял свою шляпу и... вдруг расплылся в улыбке: заметил за изгородью Слюняиху — мучительных форм сибирячку.

— Это что, твоя твистатуари? — спросил удивлённо.

— Кака ещё така прости, господи, тагуари? — не понял, оглянувшись, мужик. — Это баба моя Аграфена, исконь русачка, в церкви крещённая по обряду нашему.

— Не сердчай, мил человек. Тёщу свою бывшую я так для форсу величал. На манер английской, — успокоил Истома «Рыжий». — А коли баба твоя, чего же она при молодости своей такой необходимой стала?

— Это как это? — обиделся хозяин. — Пошто необходимой?

Гость снова игриво оглядел Аграфену:

— А так. Пока её всю вокруг обойдёшь, от счастья забудешь, куда и путь держал. Но это я шутейно, конечно. Ничего плохого не подумай. Наше дело в добре людям содействовать, а не то чтобы жён чужих посрамлять. Ты кадык свой зажмури, муженёк, и слушай сюда. Узнали мы, мил человек, что мастер ты золотой по части изгоненья насекомых из «фатер», — и, заметив, что последнее слово собрало на лбу крестьянина морщины, с ухмылкой пояснил: — Модно сейчас дома господские так называть. Для важности. Так вот, родимый, у нас к тебе предложенье имеется. Тут барина одного очень важного клопы одолевают — мочь его на исходе. Чего он только не испробовал, а оно всё едино кровососы не унимаются. Сыплются на него ночами с потолка и сыплются, поганые. Может, возьмёшься друга нашего из беды вызволить?

Истома облизал пересохшие губы, потеревил подол рубахи и стал с каким-то надрывом отнекиваться:

— Так ить это, таперь не имею возможностей. Опростался. Деньги-то артельщик мой спустил без моего изволения, а где сегодня хорошей потравы взять без грошей, я не горазд сказать. Пушай под кровать польнь суёт господин ваш знакомый, от неё клопу смерть. Но ишо вернее: надоть зимы дожждаться, тараканов-то для истребленья сподручнее всего морозить. Да. По деревням испокон так рублили.

Михаил округлил глаза:

— Ты чего мелешь, голубь облезлый? К зиме из бедного человека всю кровушку высосут.

— Так сказал же я, германску «парижску» смесь токмо в аптеках отпускають. Яд ведь чистый она. Недели три силу имеет, до того пробориста. Потом, правдыть, снова надо мазать ею щели и углы. Однако облегченье какое-никакое скоро образуется. Но опять же, денежков-то на неё кто мне наперёд одолжит? И вот нету у меня ишо сподручников знающшых, с кем бы я согласие имел. Был один — соседко вон через дорогу — дак с круга спился. Другого взял, так и он в стакане тонет. Инда извиняй, барин, помощи тебе не окажу.

— Слыхала, — обратился «Рыжий» к Аграфене, — как пентюх твой от верной деньги отказывается? А скажи, — посмотрел уже на Истома, — когда в последний раз ты семейство своё мясцом потчевал или пельмешками с солёным маслицем, к примеру?

— Не слушайте вы его, ирода, — ринулась к ним от калитки баба. — Ён порченый на язык сызмальства. И как та стрекоза — коромыслом всё лежал бы себе да мечтал досыта. Сама пойду, коли нужно. Мне хитрости евойного промысла знакомы. Управлюсь. У-у! — замахнула на мужа.

Миша потянул за гопу¹ брегет из кармашка жилетки, щёлкнул крышкой — зазвучала мелодия. Подкатив глаза, послушал, сунул часы обратно.

— Эх, мил человек, — укорил Слюняева, — мало тебя жизнь трепала. Ну да ладно. Возьми, да не ты, — отведя руку мужика, протянул десятирублёвый билет Аграфене.

¹ Гона — цепочка для карманных часов

— Проследи, чтобы купил твой лапоть в аптеке всё нужное и ждал меня. Два рубля сверх того, так и быть, разрешаю на гостинцы детишкам использовать. Что же останется, попрошу вернуть, будто маме родной, без обыска. Ну а когда с работой управитесь, гонорарий тройной поднесём. Мы не фармазонщики, не обидим. И помощников я тебе найду смыслёных, — «городской» сунул мужику ладонь лодочкой, прощаясь. — В любую щель залезут не хуже твоих тараканов.

Аграфена, пустив слезу по щеке, попыталась поймать Мишину руку. Для лобзанья, наверное.

— Храни вас господь, ваше сиятельство, — бормотала заискивающе.

Но гость, отключив зад, попятился. Усмехнулся при этом в душе: «Ну, если Северьян у нас «боярин», то почему бы и мне «сиятельством» не быть». Забрался в коляску и укатил. Вечером следующего дня снова приехал. Проверил, все ли пожелания его исполнены, пересчитал деньги, что передала ему с поклоном баба, ласково глянул на неё и отвёл в сторону Истому.

— Не передумал, мил человек? Тогда в четверг надень с утра рубаху повеселее, — приказал негромко. — Отраву в этот саквояж уложи. И пусть жёнущка бородищу твою от колтунов освободит. Не то рожа у тебя — ребёнок господский увидит часом, под себя наделает. Мы за тобой заедем. Жди.

Пошёл к коляске, но неожиданно вернулся. Брезгливо пригнувшись, спросил:

— А чего это от тебя разит таким едким? Махорку, поди, садишь прелую да прощлогоднюю? — клопомор виновато развёл руки. — Ты тошнотину эту не вздумай с собою брать, — указал «ваше сиятельство». — Никаких кисетов и «козых ножек» со слюнями чтоб я не видел. Тот, к кому поедем, запаху табака низкого боится вровень с тараканами. Я тебе папиросок «Тары-бары» на время работы презентую, чтоб видел клиент всю нашу серьёзность. На, — вытащил из кармана пачку, — смоли и не кашляй.

Четверговым утром, когда город ещё только просыпался, артель «истребленцев» в составе Истомы, Михаила и Кукиша (Зейдулла был за кучера) направилась к особняку в нагорной части города, в котором проживал Иринарх Гаврилович Мазепа — человек основательный и семейный, кавалер орденов российских и ротмистр Отдельного корпуса жандармов. И ехала компания его... убивать.

...После похорон Алымова прошло уже несколько месяцев, а Калетин всё никак не мог дознаться: кто же всё-таки тогда стрелял в однокашника? Северьян, Зейдулла и другие «помощники» Григория Платоновича, верно зная, что обнаружен был Цезарь мёртвым сразу после визита к нему неких полицейских чинов, всё это время острожно расспрашивали соседей и знакомцев покойного: не признали ли они часом кого-нибудь, кто заходил в тот день к Алымову? А ещё искали его пропавшую гувернантку. Увы. Соседи лишь пугливо озирались и пожимали плечами, бывшие же сослуживцы только плакали.

Выяснилось, как об этом часто — не без интриги — пишут в романах, всё совершенно случайно, но необходимо к месту. Зашли как-то Миша с «Боярином» погреться в одно заведение «законченных страстей», спрятанное у подошвы Троицкого мыса среди неприглядно серых соляных амбаров, где половой не успевал разносить за столы полуштофы с «беленькой», где девиантные дамочки¹ с фиолетовыми букетами рож качались, будто дети малые, на коленях местных громил, а за прилавком бритый наголо — мясник мясником — орудовал в грязно-красных налокотниках бывший конокрад «Румын», в миру Пётру Демитрэску, попавший в Тобольск путём только полиции известным. И сразу у входа кабацкий вышибала по прозвищу «Карамелька» шепнул Северьяну неожиданно, что всего-то за пару шкаликов «анисовой» будет рад сообщить друзьям ба-альшого человека Григория Платоновича очень чувствительную новость. Ну, уважили бандита. Выпил тот поднесённую ему чарку, покряхтел, выпрашивая, видимо, ещё, но, споткнувшись о взгляд «Боярина», всё так же шепотом проинёс:

— Гляньте-ко на дядю вон того, што за столом у окна морду поклат в рассольник. «Фараон» то переодетый. Мамой покойной клянусь. Видел я его не раз у «Ямской» с револьвером на казённой шкуре. Сюда уже с неделю как ходит. Может, это, выташшь да свалить его в Курдюмку², пока он тут нам бед не понаделал?

— Погоди, не суетись, — Михаил жестом показал дверному сторожу, чтобы он налил себе ещё. Подождал, пока тот выпьет. — А теперь, приятель, давай выкладывай, чем таким весёлым хотел нас порадовать.

«Цербер» удивился:

— Рази ж это не новость, что я вас о паскуде предупредил?

— Он здесь уже несколько дней морды ваши и разговоры списывает, а ты нам толь-

¹ Девиантные дамы — проститутки

² Курдюмка — небольшая речка, впадающая в Иртыш

ко сегодня о том выкатываешь, — усмехнулся и поиграл ножом в руке Северьян. — Зови сюда дружка своего плешивого.

«Карамелька» послушно протолкался меж пьяного люда, отшвырнул от прилавка изнурённых в пагубе питух, перегнулся через стойку. Его чёрные космы коснулись жёлтого черепа приказчика. Слушая своего халдея, Демитрэску как-то зло оглядывал зал, кивал согласно, потом крикнул мальчишке половому, чтобы приглядел за кассой, и, чертыхаясь, протиснулся к нужному столику. Играя желваками, услужливо склонился перед опасными — принесла же их нелёгкая! — посетителями. И тут же, не дожидаясь вопросов к нему, с ловкостью циркового фокусника вытянул откуда-то из-за уха «красненькую»¹:

— Вот, это вам, осудари, за то, что не забываете нашу корчму. Да-с. Прошу принять от самого сердца. А этот валух², — чуть заметно кивнул в сторону спящего посетителя, — рогов своих бодливых уже лишился. Из полиции, верно знаю, его, дурака, изгнали. Да-с. Кажется, после того шухера, помните, когда циркача пристрелили.

«Рыжий» насторожился, бросил быстрый взгляд на Северьяна. Привстав, с показной брезгливостью — двумя пальцами за фаргук — притянул к себе «мясника» и с угрозой процедил:

— Запахни рот и слушай сюда, любитель лошадок. Взнуздай-ка нам нашего спящего жеребчика по-тихому. Пора его на свет божий вывести да поглядеть, какой он масти в натуре. И лохмоту из-за соседних столов на улицу выбрось, нечего ей на чужие разговоры уши топырить.

Но Северьян остановил заединщика:

— Ша! Ты, Михайло Ксенофонович, разве не помнишь нашу правду, что убирать после себя должен тот, кто нагадил? Вот пусть Пётру со своим швейцаром и выметут отсюда легавого. Но прежде вытрясут его, как грушу. Чего ему на харчах городского не сиделось? За какие такие делишки попёрли его из полиции? Очень мы интересуемся про это знать. Усекаешь?

Миша сказал, что не возражает, но хочет добавить слово.

— Говори, — сунул нож за голенище «Боярин».

— Червонец предлагаю гололобому вернуть, — «Рыжий» поднял глаза на приказчика. — Ежели выяснится, что мент в мокрухе³ замешан был, ты денежки тогда вдове его переправь — на похороны, понял? Ну, а коли чистый он, тогда «красненькой» нас в другом разе обогреешь. Утром Зейдулла к тебе чайку зайдёт попить. Норов у него — слышал, поди? — не по-нашенски горячий. Ты уж не строжи дружка нашего без надобности. А мы пошли пока. Оставайся во здравии.

На следующий день горец доложил Калетину:

— Весть добрую ветром принесло, Григорья Плаытоныч. Румын бессарабский, который питейную у Прошки Додонышка недавно как три месяца тому в карты выиграл, узнал об убийцах Цезарь Юлича. Урядник Громышайло стрелял по нём, а команду подавал Мазепа из охраны.

Сидящий в кресле у камина Григорий Платонович обхватил голову. Замер надолго. Потом поднялся, провёл ладонями по тёплым изразцам, сунул в открытое устье огнища полено и раздумчиво произнёс:

— Всё-таки он, стервец. Так мне почему-то и думалось. Ну что ж, «будет буря, мы поспорим и помужествуем с ней». Ступай, Зейдулла, спасибо, — тот, нахлобучив папаху, направился к выходу, но хозяин остановил его: — Погоди. Забыл спросить тебя, а где сейчас урядник? Я надеюсь, с ним ничего плохого не случилось?

— Утоп ночью, — повернулся Зейдулла и вздохнул, — Вино шибко пил, кушал мало-мало. И ноги плохо стоял. Гаварили ему: ночь за дверью, дорогой, не ходи, а! Не слушал. Ходил. А утром без сапог нашли у Курдюмки. Савсем холодный лежал.

— А не вы ли его ошеломили до смерти, колодники?! — закричал вдруг Калетин. — Кто вам поручал кончать городского? Вы, души воровские, Мазепу мне спугнули. Что, думаете, он не догадается, кого следующего с камнем на шее найдут?!

Зейдулла гордо вскинул голову:

— Зачем несправедливо гаваришь, Григорья Плаытоныч? Мы людей без оружия, даже шакалов, как баран, не режем. Сам подохнул. Суда божьего испугался, э, шайтан грязный.

Калетин — умный человек — счёл нужным разговор не продолжать. Махнул в сердцах: ладно, иди уж, праведник. А сам прошёл в оружейную комнату, где поделился новостью с Иннокентием. Хранитель калетинского «арсенала», холодно выслушав хозяина, сразу предупредил его:

¹ «Красненькая» — банкнота в 10 рублей

² Валух — баран

³ Мокруха — убийство

— Намеренья ваши слишком прозрачны. Но о Мазепе могу сказать, что это не шүшваль подзаборная. Много наслышан о его иезуитской изворотливости, и, думаю, хлопот он нам доставит — не обрадуемся.

— Вы не преувеличиваете способности нашего Пинкертона? — усомнился Калетин.

— Может, и преувеличиваю. Но на него, как вы знаете, работают сыскная машина, надзорная и прочие. Перехватить его где-то на улице без пальбы и трупов вряд ли будет возможно. Узнав о смерти урядника, он, конечно же, усилит свою охрану. А слежку за ним, которую мы, допустим, организуем, топтуны из «наружки» через пару дней обязательно обнаружат. Уверен, что вскоре ротмистр будет вытягивать жилы из «пасущих» его лиц в каком-нибудь неуютном подвале. И мы не сможем этому помешать. Думаю, что нужные ему сведения Мазепа, скорее всего, заполучит. Поэтому возможность пожалования сюда господ жандармов исключительно высока.

— У тебя, отставной капитан, сам как-то рассказывал, в послужном списке числятся не только годы учёбы и окончание академии по первому разряду, но и ювелирная работёнка против японских лазутчиков в Маньчжурии. Так? Неужели после того ночного налёта в Харбинé, когда неизвестные проломил твою светлую голову, ты превратился в худую развалину? Я не верю этому, Иннокентий Палыч. Ты же природный охотник и знаешь, что на всякую гадину есть рогатина. К тому же случай какой подходящий мои оболтусы образовали, прикончив урядника. Теперь у Мазепы ганглии¹ в комок должны собраться. Занервничает он. Засуетится. Значит, и ошибки скоро последуют. Вот на одной из них и надо его поймать. Если предстоящее дело тебя не пугает, тогда по рукам?

Седые усы на бледном лице офицера чуть дрогнули. Он с заметным сожалением протянул:

— Но поспешно убрав ротмистра, мы никогда не узнаем о мотивах убийства Цезаря.

— Боже мой! Ваше высокородие! О чём вы думаете?! — простонал Болдырь. — Мы что, жандарма под суд собираемся отдавать, где побудительные причины преступления влияют на окончательный вердикт?! Я знаю, что друг мой убит, и посодействовал тому, как оказалось, Мазепа. Этого достаточно. Разве знание того, ради чего негодай во власти лишил жизни дорогого мне человека, облегчит душу? — попенял собеседнику.

Тот по-военному вытянулся.

— Я вас понял. В какой мере, если понадобится, я могу рассчитывать на ваших «орлов»? — осведомился почтительно. — И второе. Денежное покрытие предстоящего предприятия... Вы готовы на значительные траты?

— Разумность должна быть во всём, даже если вы совершаете глупость, — устало опустившись в кресло, наставительно изрёк Калетин. — Денег я дам столько, сколько потребуется. А вот «гвардейцев» моих разрешаю... не трогать. Они только в карманах лавочников умеют шарить да платки, краденные у воровок, им же раздаривать. Хотя, советую привлечь Михаила с Северьяном. Этим в полиции как будто ещё не все мозги вышибли.

...«Боярин» над предложением отставного офицера поучаствовать в праведной акции долго не думал. Ответил усмешливо, что сделать кунштюк² с отправкой на тот свет начальника охраны — это именно то, о чём он мечтал всю жизнь.

— Но осмелюсь поинтересоваться, — спросил уже серьёзно, — что вы будете иметь против, если мы дельце обстряпаем чужими руками?

Иннокентий откинул со лба прядь волос.

— Возражать не стану, когда буду знать, чьими именно и как, — колючим взглядом смерил ладную фигуру Северьяна. — А ты, я вижу, увёртлив, аки гад болотный. Согласен вроде рубаху снять, да боишься, что потом и штаны попрут.

«Боярина» колкость офицера развеселила:

— Вам бы, господин профессор, по этапу до Туруханска прогуляться. Быть мне кляту, вернулись бы богатым человеком. Уж больно ловко словеса заплетаете. Колодники за денежку в тухлых бараках слушали вас не переслушали, а ещё письма домой писать просили. Майданщик бы подле себя держал для ночных разговоров, вином задарма опаивал, а то и в пайщики к себе сосватал. Эх, малина ягода! — потом самонадеянно объявил: — А Мазепа ваш хоть и с погонами дядька, но мозгляк кромешный. Он уголовных за макуху³ держит или за босоту какую. На него, слух имею, чахоточные социалисты больше страху нагоняют, потому не тряситесь. Пока он за ними по улицам

¹ Ганглии — нервы

² Кунштюк — фокус, трюк

³ Макуха — выжимки семян после выгонки масла

бегает, мы его дом окружим вниманием. Аккуратно, без дырочек. И когда десяточка ляжет к тузу, там и пришьём, голубу.

И обложили. Как берлогу бирючью. Забористо, с выдумкой. Каждый день теперь у особняка мазепинского замухряй калеченный стал останавливаться и милостыню канючить — заунывно, слезу вышибающе, пока стражник у входа не погонит его, недоедного. Или колясочку лёгкую кучер вдруг, чертыхаясь, у подъезда попридержит, потому как с плеч прелестницы, восседающей в ней, аккуратно под крыльцо господское шарфик газовый сдухло, и надо бы поднять дорогую материю. Или очкарику (вточь гимназисту) очень уж приспичило именно здесь искушать приготовленный любящей маманькой обед — бутерброд с севрюжьей спинкой на грибной прокладке. И стоит тот школяр, жуя, скользит рассеянным взглядом по окнам. Долго стоит. И ничего ты ему не сделаешь. Ну, проголодался бедняга, с кем не бывает. А потом тот калека и мамзель прибагряненная, следом и прогульщик с пустым ранцем собираются в снятой Иннокентием комнате на Андреевской. Балагурия, пьют чай с мармеладками, выбирают из кучи тряпья одежду, переодеваются. Примеряют со смехом парики, клеят бороды и усы. И скоро тот же служивый у подъезда снова провожает взглядом спешащую куда-то курсистку и пристающего к ней оборванца, который тянет её за шляпный бант и нахально требует купить у него — за рубль-то всего — пару красавцев турманов¹. «А это что ещё за страхолюдина появилась?» — удивляется постовой, когда какой-то мужик-призёмок в латанной-перелатанной сермяге толкает перед собой подобие тачки, на которой шевелится и повизгивает заляпанный грязью мешок. «Свинью, видать, прёт куда-то лапотник. И кто таких суды пушает? Подвесить бы ему зуботычину, чтоб не шатался, где господа променаду себе устрояют, да строго велено пост не оставлять». А крестьянин зорко оглядывается, лупит мешок сапожным шпандырем, чтоб животное, значит, успокоить. И акации вокруг желтеют. А вон и хорошенькая горничная в окне второго этажа улыбается. Кому? Да бандиту нашему из слободки «Боярину свет Северьянушке». Его в чиновничьем мундире, ох, не узнать — высок, чернобров, усы нафабрены. Он уже третьего дня как высмотрел в доме Мазепы эту девицу. И сразу смекнул, что именно она поможет ему приблизиться к жертве. Последив пару вечеров, на третий возник перед ней в одном из тихих переулков и, напросившись в провожатые, смугил её кисейное сердце словами, которых та доселе никогда не слыживала. Осведомившись любезно, как звать-величать красавицу, представился Зиновием Ивановичем, чиновником Земельного комитета, но притязающим на место куда более высокое:

— Ибо я, Мария Елисеевна, принадлежу к слоям энергических людей, для которых уютное семейное счастье есть самая ступень к деланью карьеры.

Запылали девичьи щёки. Согласилась простушка с предложением интересного господина о продолжении, так сказать, знакомства к взаимному удовольствию. И вот ждёт теперь «друга милого» каждый день, занавесочки поминутно на окнах отдёргивает, и глаза её затягиваются поволокой, когда видит подбористую фигуру Зиновия Ивановича, появляющуюся иногда на дорожке перед особняком. Сегодня, например, они уговорились ввечеру сходить в кофейню при магазине Голева откусать сладостей, после чего Зиновий Иванович обещали покатать в экипаже по городу. Но Иннокентий Павлович пришедшему утром за деньгами ловеласу вдруг отказал, потому что:

— Негодными способами действуюешь, босомыжник. Зачем девку охмуряешь? О будущем её подумал? Ну, покончим мы с Мазепой, а дальше что? Ведь она скоро под венец с тобой засобирается. Ты же, подлец, исчезнешь. Ей, обманутой, что делать тогда прикажешь, в петлю полезать?

Не ожидавший такой выволочки Северьян сначала обомлел: ничего себе поворотец с опрокидыванием! Закадрить «деревню» сам Калетин вроде согласился, так какого беса этот «ушибленный» церемонии разводит? Ну до чего же они, столбовые да потомственные, любят сопли чужие подтирать. «А может, я чего-то не так делаю»? — испугался потом и стал неуклюже оправдываться, что его ухаживания за домработницей имеют только один расчёт — выудить из неё полезные для дела сведения. Других планов в голове он не держит. А если фифочка из знакомства с ним собирается построить какие-то удобства для себя, то оставаться ей душой до конца жизни.

— Пару дней всего и надо ещё полюбезничать с «маковкой», Иннокентий Палыч, — стал убеждать офицера, — а потом я сделаю уплывание, как стерлядь в Иртыше. Даже круги не образую. Мамзель-то наша особа, ей-богу, податливая и на язычок звонкая. Мы же с ней не о каких-то счастьях под луной про меж себя беседуем. Я её всё больше о жизни в господском доме выспрашиваю. Не тяжело ли ей, экой молоденькой, такому серьёзному человеку услужать? Как сам ротмистр с ней обращается, не пристаёт ли в тёмных углах? Она конфузится от моих вниманий, но кой-чего рас-

¹ Турман — порода голубей

сказывает. К примеру, вчера пожаловалась, что детки господские ночами ревмя режут от укусов клоповых, а несчастный родитель никак не может найти проверенных людей для деланья этой, как её там, амбулации госпитальной. Вот я и сообразил: а может, воспользоваться нам семейным горем для того, чтоб в дом пролезть? Изобразим из себя инфекцион-экспедицию, разбрёдемся по комнатам якобы для раскладки отравы, высмотрим, где опочивальня господская, и сунем под кровать «адскую механизму». Ну, а случаем если на самого ротмистра попадём, то ножичком его к стеночке приколем или ба-бах из пистолетика! Пальбу на улице не слышать будет. Дом, я разглядывал, из кирпича монастырского сложен, и кладка та ещё — метровая. Как вам такое?

Иннокентий хмыкнул:

— Подумаем. Иди.

— А как же пирожное «а ля рошель» с мороженым и медовые ламаньцы, ваше высокородие? Марья Елисеевна ждать будут и беспокоиться.

— Ты, ухват бабий, слежку за собой не проморгай, — отсчитав деньги, раздражённо выдал капитан. — Провалишь задуманное, пеняй на себя.

И уже Калетину, отыскав того за чтением бумаг почему-то на кухне, высказал недовольно:

— Простите, Григорий Платонович, но мне кажется, что шуры-муры нашего греховодника со служанкой вы зря одобрили. Сдаётся мне, Мазепа нам эту девицу умышленно подсунул.

Калетин, не отрываясь от чтения, поинтересовался:

— Чем вы подопрёте свои подозрения?

— Личным опытом. Я ведь во время ляоянского и муқденского позора под командой полковника Ухач-Огоровича состоял, будущего генерала и недавнего фигуранта по делу о миллионных хищениях в армии.

— Да-да. Я, кажется, читал в газетах про эти шумные разбирательства, — рассеянно отозвался Григорий Платонович. — И что же?

— А то, что сей делец в штабе Куропаткина сидел сразу на двух стульях — был начальником управления транспорта, которое доставляло в армию всё необходимое, начиная с продовольствия и кончая ослами, плюс ведало ремонтёрской и ветеринарной службами. Но вскоре в дополнение к этому Ухача назначили руководить ещё и спешно созданным разведуправлением, приказав безотлагательно упорядочить сбор данных о дислокации и намерениях противника, а также заняться созданием агентурной сети, которая поспособствовала бы выявлению вражеских лазутчиков не только в расположении наших войск, но и зафронтовой зоне. Вам это, может быть, неинтересно, но я скажу, что на места главных добытчиков вражеских тайн Огорович пригласил, за некоторым исключением, сплошь жандармских офицеров. На мой взгляд — откровенных проходимцев. Какие это были личности, Григорий Платонович! Учили меня во время карточных баталий делать карьеру, не делая при этом ничего. Но главное моё удивление состояло в том, как эти Пинкертоны в условиях нехватки буквально всего и тяжёлой обстановке на военном театре исхитрились устроить для себя безопасный быт и некоторый даже комфорт. В Харбине, где я иногда бывал, мой знакомый поручик Хомятинский рассказывал, что русские агенты здесь представляют из себя некое подобие худородных остзейских рыцарей с гонором польских шляхтичей — каждый обзавёлся не только денщиком-оруженосцем, но и обязательно девкой прислужницей, а то и двумя. Причём для замещения вакансии личной кухарки или кого другого из челяди одной протекции оказывалось недостаточно. Допускались особы только проверенные, с задатками воинственных амазонок, если так можно выразиться. Что для города, напичканного шпионскими гнёздами, в общем-то, было обоснованно. Но господа жандармы, кроме требований к домашнему хозяйствованию, научали своих «гейш» отличать китайца от японца, давали им уроки по обращению с оружием и ведению тайнописи, принуждали подслушивать и подвергать анализу разговоры гостей и соседей. То есть оберегали себя от любых возможных случайностей. Поголовная подозрительность и желание видеть в любом встречном врага — есть общая черта наших охранителей. Так почему вы думаете, что Мазепа чем-то лучше их?

— Интересно-интересно. И как же барышни распознавали, кто перед ними — япощка или маньчжур? — спросил Калетин.

— Мне не хотелось бы говорить сейчас об этом, — ответил капитан. — Поймите, это скучная физиогномика и только.

— И всё же.

Иннокентий молчал. Растирал побагровевший рубец на щеке. Болдырь, заметив недовольство визави, примирительно сказал:

— Ладно, в другой раз расскажешь. А сейчас меня послушай. И поправь, если чего не так скажу. Заметил я, любезнейший, что дворянская гордыня возносит тебя куда-то за облака. Никак не хочешь признать «птенцов гнезда моего». Нос воротишь от них,

как от прокажённых. Не нравится мне это, очень не нравится. Спустись на землю. Не время сейчас происхождением кичиться, когда топор по нашим шеям одинаково сучает. Пора бы тебе заметить и согласиться, что у этих босяков поучиться тоже есть чему. Вот ты думаешь, что Северьян «румяный сарафан» потащил в кофейню единственно ради куража, — смотрите, мол, каков гусь заявился: и дамочка вся из себя при нём, и денег у него — захочет, лавчонку купленным шоколадом по самую крышу измажет. Ошибаешься! «Боярин» кралю в незнакомой для неё обстановке проверить захотел. Руки её «намозоленные» поближе рассмотреть пожелал. Как она ими с мороженым управляться будет, кофию откусивать. Потому что не хуже тебя полицейские каверзы знает и вполне допускает игру давки на две стороны. Он же эту твою физиогномию в каторгах постигал и распознавать стукачков среди сидельцев на этапах учился. Подождём результата его проверки до завтра. Чаю, кстати, хочешь? Ну, как знаешь. А я, пожалуй, согреюсь. Ты располагайся пока вон в том креслице и не спеша, подробно изложи, что вы там с Северьяном надумали.

Тикали настенные часы. Потрескивали дрова в камине. Григорий Платонович присел к стоящему у окна столу и, подёрнув рукава халата, сосредоточенно занялся чаепитием: наклоня голову и прикрывая глаз, будто прицеливаясь, наливал нужную порцию заварки в расписанную розами чашку, придвигал её под носик самовара, средним пальцем толкал узкую ручку краника, ждал, когда посудина наполнится кипятком. Потом доставал из вазочки кусок сахара, щипцами раскалывал его и, обмакнув в горячий напиток, откусывал. Затем аккуратно переливал чай в блюдечко, бережно — двумя руками — брал его и, дуя, шумно пил глотками. Заметив удивлённый взгляд Иннокентия, пояснил, что так любила чаёвничать его покойная матушка из мелкопоместных дворян. Исключительно, конечно, только дома, в кругу семьи. И чтоб обязательно были шанежки с вишнёвым вареньем. Именно. Закончив согреваться, Григорий Платонович закурил. Поигрывая спичечным коробком, задумался. После нескольких минут молчания посмотрел на собеседника. Плохо скрывая досаду, заговорил:

— А что. Вроде дельную мысль подал «Боярин» — организовать Мазепе мертвецкий сон на потолке собственной спальни. Лазейка в дом как будто найдена. Только вот динамит... где его взять? А ещё изловчиться под кроватью да именно ночью подорвать. Есть какие-нибудь соображения?

— Не советовал бы связываться с такими игрушками, — подал голос офицер. — Я не очень сведущ по части сапёрных материй, но попробую просветить вас. Для изготовления той же ударно-взрывной бомбы понадобится много всякой бяки. Но в первую голову нужно разыскать опытного «химика», наученного работать с кислотами и нитратами. Этот же умелец должен начинить снаряд и разместить в его оболочке им же сработанный пироксилиновый запал. Не взлетев при этом, заметьте, на воздух. Вы ведь наверняка слышали или знаете из газет про нередкие случаи гибели боевиков в своих подпольных лабораториях. Помните, какого шума наделали одни только киевские взрывы? — офицер придвинул к себе стоящую на столе бонбоньерку, покрутил её, откинул крышку, скользнул взглядом по россыпи разноцветных монпансье и неуверенно предложил: — Можно, конечно, заказать мины за границей. Там их научились делать прилично. Но тащить такой груз через всю страну?! Я бы не рискнул — опасно и долго. И дорого, наконец.

Калетину возразить было нечем:

— Пожалуй, ты прав, Иннокентий Палыч. За границу отменяем сразу. Со здешним «химиком» из ссыльных, чую, тоже может закавыка выйти. Положим, достанем мы снаряжение к бомбе и самого «динамитчика» сыщем. Но гарантий опять же никаких, что снаряд он благополучно смастерит. Где выход? Стрелять?

— Стрелять, — утвердительно кивнул Иннокентий Павлович. — Кто за сие возьмётся?

Когда этот же вопрос был задан собравшимся вскоре заговорщикам, три шага вперёд никто из них не сделал. Молчали. Северьян опустил голову. Миша закашлялся как-то болезненно. На побледневшее лицо Палестина Калетин даже не посмотрел. Но именно юноша, помедив, поднялся и срывающимся голосом стал убеждать всё понимающих господ ликвидаторов, что лучше его эту акцию никто не проведёт. Во-первых, за ним числится удачный опыт — покушение на Богоявленского, во-вторых, идейная злость не позволит его руке дрогнуть. Никто ему — каждый по своей причине — не возразил. Наоборот, согласно и радостно загомонили. Затем послушали успокоительно ироничный отчёт «Боярина» о посещении им сладной «обжираловки», где он, наблюдая за мазепинской горничной, убедился в совершенно безобидной природе опекаемого им «существа». После чего Болдырь (посоветовавшись с Иннокентием), дал указание готовиться к самой ликвидации. «Рыжему» поручили отыскать людей, промышляющих изводом насекомых. Северьяну вменялось, не откладывая, — ненавязчиво только и деликатно, чёрт побери, — предложить Мазепе через домработницу свои

услуги: дескать, и лучших специалистов в городе он подберёт, и успех дела гарантирует. Ну и денег за работу, конечно, совершенно не потребует — лишь бы Марии Елисеевне, голубушке, при господах легко здравствовало и детки чтоб ночами не плакали.

...Мише найти специалиста по образованию чёрной немочи у клопов не составило большого труда. В том же кабаке за рыбными складами ему сразу указали на Солдатскую улицу, где этих самых морителей в избытке проживало. Но по-дружески посоветовали обговорить дело с почти непьющим Истомкой Слюняевым, потому как соузники его по ремеслу очень уж знатно водочку приемлют и обжуливают нетвёрдых клиентов в десяти случаях из восьми. «Рыжий», как нам уже известно, к слову знающих людей прислушался, съездил на окраину. Истомой остался доволен и Аграфеной... особенно. Хотя, что Аграфена! Есть желание помять её прелести где-нибудь на сеновале, да опасно как-то — прийдёт ведь мужлан ейный обоих, случись чего. Ну их всех, к лихоманке. Не до того.

А Северьян — благоухающий «кёльнской водой» писанный проходимец — на следующую день при свидании взял под локоток свою пассию и между прочих любезностей попросил её обрадовать господина Мазепу о возможно скором разрешении мучительного для него вопроса. Заминка осталась за малым — надо всего лишь назначить день, когда сбитая уже артель сможет приступить к работе.

Горничная слова «милого» передала адресату в точности. Но добавила от себя, приняв из рук ротмистра чашечку «мокко»:

— Кажется, они пока ни о чём не догадываются.

Иринарх Гаврилович, усмехнувшись, заметил, что по-другому и быть не могло, потому как увлеклись ребята, заигрались. А самонадеянность — она что игрушка в руках дурака: тешит только да пузыри на губах образует.

— Пора заканчивать с этим цирком, — сказал сам себе, а служанке приказал: — Передайте своему ухажеру, если работнички его готовы, то пусть в субботу прямо с утра и приезжают, — и зловеще добавил: — Встречу им мы организуем по чину их.

— А что с ними, ну, этими людьми, потом сделают? — опустив глаза, осмелилась спросить Мария Елисеевна. И тревога в её голосе не укрылась от хозяина. Он, приподняв пальцем подбородок осведомительницы, с интересом посмотрел ей в глаза:

— Да вы никак серьёзно увлеклись нашим франтом, та *petite chevre*¹? Переживаете за него? Не ожидал, никак не ожидал, — налив ещё кофе, передал чашку барышне. — Повесят их, — сказал буднично. — Если, конечно, мои опасения подтвердятся и наши скорые гости окажутся именно теми, кто недавно отправил на тот свет одного несчастного урядника, а теперь попытается расправиться со мной.

Вечером, придя в свой флигелёк, снимаемый у купца Хворова на Предтеченской улице, девушка расплакалась: «Что будет? Что будет? Какая же я дура, дура, дура. Позволила втянуть себя в эту гадкую и страшную, как теперь выясняется, историю. Сопротивлялась ведь поначалу, отказывалась. Но разве он — с ненавистью подумала о Мазепе — оставил мне выбор? Так и сказал, будто плёткой хлестанул: «Или будете исполнять то, что я прикажу, или мне придётся самым серьёзным образом взяться за вашего родителя. Он, оказывается, во времена недавней смуты подозревался в крамольных разговорах и посягательстве на чужую собственность. Сколько он тогда десятин господских пожелал себе прирезать, не помните? Можете не отвечать. В допросных листах сообщников аппетиты вашего папá сохранились. Мы пока дело производством прекратили. Пока. Но ваши, э-э, неумные взбрыки могут подвинуть нас ходатайствовать о его пересмотре. И тогда, как говорят господа бандиты, танцовать вашему папаше в обнимку с тачкой придётся всю оставшуюся жизнь». Эх, папенька, папенька, — представила больного отца, — не выбраться нам из нужды, родненький. Не выбраться никогда. Что же делать?»

Она вспомнила, как уже после знакомства с Зиновием Ивановичем, оправдывая свой потаённые чувства исключительно служебным рвением, стала чаще и дольше оставаться в комнате над парадным подъездом, откуда так удобно было наблюдать за улицей и обмениваться тайными знаками со своим обожателем. Она совершенно забыла, в чьём доме вытирает пыль с этажерок и из рук кого получает жалованье. И когда в один из дней за её спиной раздался тихий голос барина, от неожиданности присела. Обернулась: на бледном лице — испуганные глаза.

— Простите, — извинился тогда ротмистр, — право, не хотел вас конфузить. Но в последнее время вы подолгу простаиваете у этого окна, и мне сделалось интересным — отчего? Пойдёмте-ка в мой кабинет, там нам будет удобнее обсудить кое-какие обстоятельства, — спустились в нижний этаж, где за столовой залой находилась комната, заходить в которую прислуге категорически запрещалось. Мазепа, звякнув ключами, открыл дверь, пригласил девушку пройти. Жестом показал, чтоб она остановилась. И

¹ *Ma petite chevre* (франц.) — моя маленькая козочка

тут же вежливо спросил: — Ну те-с, уважаемая, как давно наблюдаемый вами субъект стал появляться у моего дома? Кто таков? Где вы с ним познакомились?

Мария Елисеевна растерялась. Стала сбивчиво объяснять, что Зиновий Иванович порядочный человек, и если господин офицер имеет желание что-то узнать о нём, то пусть пригласит его к себе в полицию и там допрашивает. Она же явно может указать лишь место, где служит её знакомец.

— Сударыня, я не нуждаюсь в ваших советах, кого и куда мне приглашать. Имя этого хлыща и род его занятий. Быстро!

Девушка заплакала, но сказала то, что от неё требовали. После ужина Мазепа снова пригласил её в кабинет. Улыбаясь, курил тонкую сигару, что-то довольно мурлыкал и с прищуром поглядывал на домработницу. Наконец, то ли с издёвкой, то ли злорадством, но, скорее, с раздавливающей беззащитного человека прямоотой объявил:

— А вы знаете, я перед вами в неоплатном долгу. И как только вся эта история разрешится, непременно отблагодарю вас. У меня сейчас хорошее философическое настроение. И думаю, что вызвано оно трещиной в фундаменте моих логических построений, приведшей, однако, к результату, скорее, положительному, чем наоборот. Ну не вписывались никак в цепочку моих рассуждений ваши молодость и красота. И надо же! Именно на них — вопреки и ах — клюнула нужная нам рыба. Вам, наверное, будет интересно узнать, что установили мои люди, пока вы тут пили кофий? Извольте. В Земельном комитете означенный вами чиновник никогда не служил. Да и в других губернских учреждениях человека, именуемого себя Зиновием Ивановичем, отыскать не удалось. Как вы думаете, почему?

Ротмистр прошёл к стоящему в углу кабинета бюро. Выдвинул из него ящик с письменными принадлежностями, разложил их на столешнице. Попросил служанку подойти. Молча придвинул к ней чистый лист бумаги, откинул крышку на бронзовой чернильнице. С нарочитой сосредоточенностью — то приближая к глазам, то отдаляя — рассмотрел на свет перо и только тогда объяснил свои приготовления:

— Вы, дорогая, сами того не желая, напугали меня своим интересом к дальнейшей участи готовых преступить закон мерзавцев. И одновременно выдали себя. Да-да. Поэтому я, пожалуй, не разрешу вам больше встречаться с этим мнимым землемером. Боюсь, что ваши чувства могут взять верх над долгом и вы из женской жалости попытаетесь предупредить разбойника, — Мария Елисеевна отступила от бюро и попробовала что-то возразить. Но Мазепа, обернувшись на дверь, зло прикрикнул: — Берите перо! Пишите! — продиктовав нужный текст, сам промокнул чернила пресс-папье и довольно осклабился: — Так будет лучше для нас обоих. Уверю вас. И ещё. В дни, предшествующие будущей субботе, прошу вас дом мой не покидать. Вам отведут комнату, где вы посидите за рукоделием или почитаете Аверченко. Очень занятно пишет, шельмец. Дамы, говорят, от него в восторге. Я вам пришлю его сочинения.

...Вытряхнув из гувернантки, где и когда должно состояться очередное свидание «влюблённых», Иринарх Гаврилович решил не хватать до времени лжечинovníка, а послать на встречу с ним сторожа Силантия (под присмотром, конечно же, одного из «наружников»). Старика было велено передать ожидающему барышню молодому человеку её извинения за внезапную хворь, а ещё записку, в которой значилось, что ротмистр заранее согласен со всеми условиями господ «потравщиков» и просит их приступить к работе непременно в ближайшую субботу.

Всё как будто правильно просчитал жандарм. Верно уловил ситуацию. Только не разглядел спрятанного в глазах Силантия душевного движения, затаённого отеческого сострадания к молоденькой работнице, так похожей на его рано умершую дочь. Вечером, идя полутёмным уже коридором к себе в каморку, старик столкнулся с Марией, выносящей мусор на задворки. По лицу девицы догадался, что пребывает та в расстроенных чувствах: слёзы вон на щеках поблескивают, губы от сдерживаемых рыданий подрагивают. Пошёл проводить её до отхожего места и расспросил со вниманием. О поручении, данном ему Мазепой (хотя и сильно его подмывало), признаться побоялся, но решил помочь «касаютке» из всех своих возможностей. И помог. Шепнул при встрече Северьяну, передавая записку, чтобы поостерёлся тот соваться с дружками в мазепинские хоромы, або сегодня Митькой конюхом получено указание от хозяина: пятничной ночью секретно открыть ворота за каретным сараем и впустить на подворье стражников числом с дюжину, а то и поболее.

— Как думаешь, милоч, для какого резона тако войско в доме собирают? — спросил озабоченно у стоящего напротив щеголя.

«Боярин» сделал вид, что не идут ему в толк речения словоохотливого караульщика, и несколько раз — на публику? — похлопал его по плечу. Потом невозмутимо прочитал цидулку, покивал одобрительно и сунул смущённому Силантию гриверник:

— Не побрезгуй, папаша. Это за тшанья твои. Поклонись за меня Марии Елисеевне и пожелай ей скорого выздоровления. Ступай с Богом, может, и свидимся ещё.

«Жених» снял свой котелок с подхватом, да как-то неловко вдруг выронил его. Оба собеседника — разом, не сговариваясь, — нагнулись за ним, а разгибаясь, встретились глазами. И увидел старик, что понял его «франт» как надо, хотя и ломает из себя протачка. И можно с облегчением шепнуть о том Марье Елисеевне.

Лже-Зиновий Иванович отряхнул шляпу, ещё раз поблагодарил сторожа и невелико село как-то пошагал к сереющему невдалеке деревянному настилу шумной улицы. Прямо держа спину, не оглядываясь, медленно шёл, старательно обходил подгнившие участки на дощатом помосте и тревожно гадал: случайно или нет потащился за ним от места встречи неказистый с виду субчик в засаленной плисовой поддёвке и кучерской покрывке на голове, что вроде как непреднамеренно скользко взглядывал на них со стариком во время их короткой беседы? Гадай не гадай, а приволочь «хвост» к Калетину — хуже беды. Придётся провериться. Дойдя до очередного переулочка, Северьян неожиданно резко свернул в него и метнулся к калитке ближнего дома. Не очень чтоб очень торкнулся в неё и радостно закричал в тенистую прохладу пустого дворика:

— Здравсьте, Дарья Лукинишна, Назар Семёныч дома ли нынче? Мы с ним давеча уговаривались о встрече. Ах, какая досада. Прощайте тогда до скорого.

Поддёрнул калитку на место, снова вывернул на улицу. И тут же заметил «плисового» мужчинку, побитым кочетом стоящего неподалеку у самой дороги, и отъезжающую в этот момент от него «эгоистку» — одноконную колясочку, которой правил явно гильдийный купец. «Тьфу, как дохает от вас говёной, господа легавые, — мгновенно отметил неправдоподобность ситуации «Боярин». — Это где ж такое видано, чтоб человек при фасоне да с личным выездом и вдруг запросто с ямским ошмётком любезничал?»

Немного выждав, решительно подошёл к «топтуну».

— Ты чего это, рожа гневая, перед секретарём табельным лоб не оголяешь? — спросил сурово и, заметив наговатую ухмылку на лице невежи, сбил с него шапчонку, а через мгновение ловким ударом в подбородок повалил на землю. Однако кучерок, или кто он там на самом деле, видать, не из робких попался — сперва окарач встал, а затем и совсем поднялся и потянул к окровавленным губам... свисток.

— Не замай, фуфлыга! — разозлился Северьян. И ударил упряма ещё раз. Тот, охнув, переломился в пояснице. «Боярин» вырвал из его руки пищик и с размаху впечатал ребро своей ладони в оголившуюся — теперь уже точнее точного — шею шпика. Потом криками и жестами остановил вывернувший из-за поворота экипаж. И явно обрадовался знакомому «живейному»¹ извозчику: — А-а, это ты, Подошва, вожжа тебе в руку! Слезай, образина, поможешь пьяного дворового загрузить. Тяжёл больно сволочь. Послали его с утра в верхний город по серьёзной надобности, а он плевать хотел на господские заботы. В кабаке-то, тебе ли рассказывать, жизнь по бороде слаще течёт. Али не так? — Северьян нагнулся, вывернул карманы в штанах и жилете лежащего. Затем обошёл лошадь и заглянул в темнеющие под волосами очеса возницы. — У соляных амбаров на Курдюмке доводилось бывать? — осведомился хамовато, — Как так не помнишь, мы же с тобой на прошлой неделе около мучных лабазов встречались. Если забыл, пьянчуга, тогда радуйся, к тому околотку сейчас и двинем. Я там гуляке своему головёнку быстро к пяткам прикручу. Смотрю, окаменел ты, братец, испугался чего? Нет? Ну, тогда шевелись, пока морда цела. Я другой шарабан дождусь и за тобой нацелюсь, чтоб не заплутал где-нибудь. А ещё вот что. Ты отсюда, хоть и кряк лишней намотаешь, не к Прямяскому, а Казачьему взвозу правь. А с него, когда съедешь, сразу на Болотную сворачивай, где народу поменьше. Да не торопясь гони, без гонору деревенского, и за седоком приглядывай. Он во хмелю — дурак с замочкой. Может из колясочки и вышагнуть на ходу. Всё дошло до тебя, образина? Тогда объявляй таксу, расплачусь, как приедем, по полной.

— Не впервой с тобой знаюсь, слободский, зажёшь денежку-то, — хмуро глянул мужик. — Оплачивай наперёд, тогда повезу.

— Ишь ты, сволочь памятливая, — протягивая деньги, матюгнулся «Боярин», — Планида твоя, что некогда мне сейчас с тобой царапаться.

Вдвоём они быстро затолкали обмякшее тело в двуколку, примостили на лавке. И возница сразу огрел лошадь плёткой. Перехватив другую пролётку, которой правил тоже известный ему извозчик Данила, Северьян отправился следом. По дороге поминутно нервно оглядывался, но скоро успокоился — никто их как будто не преследовал.

...Уже нависали над колясками тени соляных хранилищ, в тёмную воровскую нору самого дальнего из которых «Боярин» решил сунуть до времени шпика, когда из-за угла одного из амбаров навстречу вылетела на телеге хмельная компания: хохот, свист, гармошка взвизгивает. А дорожка меж лабазами здесь узкая, вдвоём не разъехаться. Рванули кучера вожжи на себя, заорав истошно, да поздно. Наскочили повозки одна

¹ «Живейный» — извозчик из крестьян, сумевший накопить на приличную лошадь и неплохой экипаж

на другую. Ржанье лошадей, хряск ломаемых оглобелей. Северьян прикрыл глаза рукой, увидев, как из коляски, управляемой Подошвой, выбросило филёра и вмяло в землю дугой опрокинувшегося кузова. Ноги несчастного заелозили по пыльной траве, задёрнулись.

— Чё деется, чё деется, господи, — заскулил от ужаса Данила. — Глянь-ко, ёж ити, пришибло человека, как есть пришибло, а эти дьяволы, вона, впрыск ударились, — показал на уползающих за склады парней и девок.

— Охолонь, тарантило, — перекрестился Северьян. — Сбегай к дружкам своим, узнай, чего там с бедолагой.

— Да конченный он, не видно рази, как заломило его, — заупрямился возница. — Не помочь ему ужо, только в кровнице измажемся.

Тут к ним, успокоив напуганных лошадей и поставив на колёса придавившую «топтуна» двуколку, подскочили кучера разбитых повозок. Подошва — бледный от волнения — подступил к Северьяну, зашипел ненавидяще:

— Ишь, сколь горшков намолотили, слободский. Ты у нас тут самый ушлой, говори, как собирать их станем? Мы на пролётке моей и телеге Ермилкиной побитые дроги и порчу в упряжи выправим. Ладно. А вот с шаньгой твоим чего делать? А ну как помрёт людишко. Пусть Ермолашка его к фершалскому заведению везёт, небось, не я же таку беду учинил. Свадьбой он управлял, ему и ответ держать.

— Ты чего тут рассупонился, — пьяно задёрнулся Ермил. — Мы регламенту ездому, хучь и выпимши, строго следоваем. Понял? Это тебя в задницу петух вечной клюёт — летаешь, будты на поминки свои опоздать боишься. Твоя кобыла на мою налетела! Накось, — показал неприличный жест, — не поеду!

Северьян встал между спорящими. Тихо, но с угрозой в голосе попросил их поберечь глотки. И ещё сказал:

— Не тряситесь, постоялые, легавые сами сюда не заявятся, пока их гнида какая не призовёт. Стало быть, время убраться отсюда поздорову у нас имеется. Клепайте свои «шарабаны» на ход и уматывайте кто куда подальше. Я вас не видел, и вы друг дружку тоже. Но Подошва верно бакланит: прежде разбегу условиться надо, как с пострадавшим поступить. Или в больницу его доставлять, или скоренько, как я предлагаю, к кабаку снести вон за тем амбаром. Там никто над его разбитой рожей не заплачет. Не помрёт если, сам домой приползёт.

Извозчики, понимая, что за смерть или искалечение седока, случившиеся по их вине, придётся отвечать (и серьёзно), переглянулись.

— Неча тут думать, дело говорит слободский, — ответил за всех Подошва, — у трактира коли найдут беднягу, виноватых потом ищи не сыскать. А мы молчать приучены, так, робяты? Ну, тогда чего раззявились, айда, что ли?

Двинулись к повозкам. А когда подошли, замерли в испуге — филёра на месте, где его оставили лежать, не оказалось! Северьян первым пришёл в себя:

— Сбёг, падла!

— А ведь, кажись, и не шевелился уже, — подавленно протянул Ермошка.

— Ай, в участке сгноят, ай, замордуют! — сокрушился Подошва и засуетился: — А ну каждый разом по своим сторонам нацелься. След кровяной высматривай. Кто достигнет паршивца, ломай его без жалости и кричать не давай.

— Чего загоношились, лошадные? А ну, тихо! — вдруг подал голос Данила и показал на заросли заматерелой крапивы, сквозь которые еле просматривалось черноватое серебро сбитой внакладку стены склада. — Слышите, тесина на гвоздях стонет? Надо пойти глянуть, чего там. Можя, пропажа наша лаз себе в амбар мастерит? Вона-вона, опять доска взвизгнула. Давай за мной, не то заползёт глуздырь в щель и схоронится промеж мешков, а ночью сторожам в ноги кинется.

Подошва присмотрелся:

— А ить точно. Семенью-то жгучка¹ аккурат к лабазам напластана. Стало мне, братцы, отсюда её заминали, от дороги. Прикрывай рожу картузами, родимья, и пошли весело!

Высекая крапиву плётками, подобрались к хранилищу. И решительно увидели «топтунка». Он, кривясь от боли, не обращая внимания на возникших рядом преследователей, продолжал раскачивать никак не отстающую от стены доску. И в углах его губ от тяжёлого и частого дыхания набухали и лопались кровавые пузыри.

...Уже ночью в пустом и затихшем трактире у «Румына» сидели за поздним ужином трое: сам Демитрэску и гости его, что хуже татарина, — Михаил с Северьяном. Пили «казёнку», закусывали вяленой строганиной из стерляди. Конокрад лично прислуживал калетинским опричникам и настороженно помакивал, понимая, что появились они здесь не случайно и уж совершенно не затем, чтобы задарма отведать подаваемый

¹ Жгучка — крапива

во всём городе только у него обжаренный фарш из ягнячьей требухи, именуемый в Закарпатье «Дробом». Семилинейная керосиновая лампа с подкрученным для экономии фитилём скудно освещала лишь островок стола да лица собутельников. Но когда сидящий спиной к выходу «Румын» наклонялся за чем-нибудь или отходил к прилавку, полоска света падала на припольное чернотемье, и тогда становились видны пугающего размера избура-жёлтые сапоги — то возле дверей полулёжа, надвинув на глаза картуз, посапывал дитятко сладкое — «Карамелька». Утомился за день бедняга, вытянул натруженные ноженьки. Не приведи, господь, иметь такую работёнку, как у него!

А за столом дзенькала посуда и завязывалась вполне светская беседа.

— Здравствуй, стаканчик, прощай, винцо! — скалился «Рыжий» и косо поглядывал на «Боярина». — Однако никак не думал я, Северьян Мокеич, что окажется ваша милость деревянным до пояса. Расскажи-ка нам по секрету, чего это ты такого сегодня с одним шиёном накопырил? Раз уж он так изнемог тебя, нешто нельзя было со спины к нему зайти где-нибудь в междомовье и кистеньком успокоить? Или замотать в Алафеевские закоулки. Там Клязьма со братвой в квашню бы его изладили, чтоб зарёкся по чужим местам шастать. А ты в открытую на него попёр да ещё лишние глаза «ванек» к делу привесил. И вообще, где ты этот репей себе на огузок подцепил?

— Худо, ай-я-яй, много худо делал, — начиная понимать, о чём идёт речь, гладил голый череп «Румын». — Теперь тебе, червень, в тайгу бежать надо и от полиции, и Григория Платоныча.

— А вы на моём месте чего делать стали? — спасал себя «Боярин». — Ну не выдержал я, стреножил «подмётку», каюсь. Но касательно до «ванек», точно приплёл я их, чтоб дело расстроить, ты, Михайло Ксенофонович, слова свои назад забери. Как думаешь, насмелились бы эти хомуты — Подошва с Данилкой — за ноги да мордой по грязи тащить к кабаку человека, если б знали, что он из охранки? Вот и оно! Мной им в дурьи их бóшки наперёд было втёсано, мол, наёмника после загула домой повезут. На том они и в участке стоять будут. Если, конечно, дознается кто.

Михаил уже мягче, но язвительно утвердил:

— Смотрю я на тебя, гусар в помочах, а ведь на лице твоём шухер нарисован: чего-то ты испугался. Что ж, не хочешь нам говорить, придётся перед Калетиным распоясываться. Думай, как после того, что наворотил, ловчее и быстрее, — покосился на «Румына», — с известным нам господином покончить, тогда, может, и простится тебе.

— А со мною, осудари, в молодости конфузии хуже ваших случались, — явно сочувствуя Северьяну, придвинул к нему стопочку Демитрэску. — Слушайте, что я вам расскажу. Вот сговорились мы однажды с кровником моим у одного ясновельможного пана под Яссами без спросу его кобылу царскую за Прут увести и там продать цыганам. А он...

— Да погоди ты, Пётру, потом о своих саврасках расскажешь, — перебил его «Рыжий». — По теплу мимо нас тоже таборы таскаются, но шалить им здесь, как у вас, шибко не дозволяют. Скажи лучше, чтоб ты делал, узнав, что завтра придут сажать тебя на пики?

— На какие пики? За что?! — удивился бывший конокрад. — А-а! Эх, гоп-гоп, дразнит смерть холоп. Ну, это смотря кто приходит собирается. Если как в молодости моей, стражники из королевского регименту, тогда без долгого прощанья сразу на ко́ня и к гуцулам в Карпаты подался бы. Там в пещерах много всякого люда от власти всегда спасалось. Озираючи жили, но иногда даже свадьбы гуляли. Приняли бы меня, чего ж не принять. А вот если один какой злодезь против меня бы насмелился, я ему ни за что жизни не оставил. Лучше уж грехом свою шею обмотать, чем верёвкой. Так говорю, осудари?

— Так, Петруша, так. Ты бы прислушался, Северьян Мокеич, к тому, что бывалый варнак итожит, — поддакнул Михаил. — А то у тебя одни забавы на уме. Любишь только себя по головке гладить, а опасность на других примеряешь...

В спорах просидели до утра. Не один раз будили и посылали «Карамельку» в погреб то за огурцами, то за солёными опятами. Пили в меру, знали, что во хмелю да при таких нервных напряжениях случиться может всякое. В предрассветных сумерках втроём сходили к дальнему складу проведать филёра. В яму к нему, откидав ящики от проныры¹, спустился только Северьян. Убедившись, что пленник жив, и вода у него есть, и кусок хлеба — ещё вчерашний — не съеден, пообещал:

— Сиди мышью, коли жить охота. Скоро выпущу тебя и к доктору свезу.

Выбрался из узилища наверх и вытянул за собой лестницу.

Вернулись в шинок и отпустив «Румына» готовить заведение к приёму уже томящихся у дверей охотников поправить здоровье, продолжили разговор — один напал, другой защищался. Но тут в кабак — словно какое облегчение после болезни — вло-

¹ Проныра — вход в подземелье

мился Кукиш. Огляделся и радостно забасил:

— Вона вы где схоронились, чертяки, а я Толстомясиху чуть не прибил. Думал, вы у ней бражничаете, а она вас выдавать не хочет. Пошли, Григорий Платонович велел пожаловать к нему. Зачем — не знаю.

Северьян побледнел. Но Миша ободряюще кивнул ему и шепнул что-то громиле. Тот согласно приложил руку к груди — замётано! Пошарил взглядом по столу, выплеснул в стакан остатки водки. Выпив, утёрся рукавом, пошагал к выходу.

...Калетину нездоровилось. Сидел у камина в стёганом шлафроке, курил. На приветствие вошедших не ответил. Лишь повернул голову и жестом показал Кукишу, чтобы тот удалился. Затем приказал «Рыжему» разыскать Иннокентия Павловича — и «если он спит ещё, значит, разбудить немедленно».

— Да я уже здесь, Григорий Платонович, — раздался бодрый голос от двери. — Людмила мне сообщила, что наши конспираторы уже прибыли.

Офицер прошёл через комнату, поздоровался за руку с хозяином, что-то негромко сказал ему и пальцем поманил к себе Северьяна. Как-то недобро посмотрев на него, неожиданно потребовал предъявить ему записку, которую тот накануне получил от старика, а ещё чтоб указал место, где заточил побитого филёра. После некоторого замешательства, напоминающего знаменитую сцену из последнего акта «Ревизора», «Боярин» спокойно, как будто речь шла о каком-то незначительном пустяке и ничего такого всякого не случилось, молча достал из кармана скомканную бумажку. Но выдавать схрон отказался, отрезав, что поперёк воровского закона ему в жизнь не стоять: секрет, мол, он и есть секрет, чтоб знали о нём только те, кому положено. И вообще, его сейчас на «раскоряку» поставили. Удивительно ему, каким таким вывертом господин профессор разнюхал о «прилипале», вроде все следы они подмели за собой. Капитан ничего не ответил. Мельком глянув в цидулку, передал её Калетину. И пока тот читал, достал и тщательно разгладил на столе принесённую с собой карту города. Оглядел её, что-то обвёл на ней пальцем и, не скрывая раздражения, громко — чтобы слышали все — процедил:

— На раскоряку его поставили... А надо бы в курятник да на нижний шесток загнать и баланду тюремную под нос сунуть. Говорят, верное лекарство от пустоты в голове...

Но Григорий Платонович, видимо угадывая, что творится в душах любимцев, недовольно произнёс:

— Иннокентий, не ломай карандаши, на наших бравых помощников и так смотреть жалко. Я думаю, что ночью они уже высекли себя, а теперь другим интересом мучаются — знать хотят, кто насекал на них. Расскажи им про этих злодеев, я разрешаю. Но позже. Мне же прямо сейчас растолкуй, будь вежлив, что означает сия бумажка? — он, как веером, обмахнулся помятым листком. — Или она — обычная в подобных случаях учтивость господ нанимателей, или всё же приглашение в мышеловку?

Капитан попросил прощения за резкость, подошёл к Калетину, протянул руку:

— Позвольте-ка эпистолу, экселенци. Я попробую сделать её краткий анализ, а результаты наложу на донесения людей из второго кольца наблюдения, которое третьего дня я с вашего разрешения установил не только за ротмистром, но и за нашими друзьями. Последнее уточнение, кстати, будет частичным ответом на вашу просьбу открыть моих информаторов.

Михаил с Северьяном переглянулись: у обоих в глазах читалось оскорбление — «видал, брат, чего офицерик выделывает? Он, оказывается, и нас уже несколько дней пасёт! Ну-ну». А отставной генштабист невозмутимо уселся в кресло и, уже внимательнее перечитав, повертев так и эдак, понюхав брезгливо, принялся вслух препарировать документ. Сразу объявил, что все основные атрибуты, а именно — чем написано послание, на чём и как, не просто настораживают, но прямо указывают на фабрику одного господином жандармом.

— Взгляните для начала на бумагу и чернила, — пригласил следовать за своей мыслью офицер. — Небрежение к их выбору явно свидетельствует о ложном предикативе Мазепы, что на такую мелочь «сиволапы» не обратят внимания. Каково сомнение, а! А я вот спрашиваю вас и себя тоже: ну откуда у нашей тихони в белом фартучке, по моим сведениям, уже два дня не покидавшей господский дом, вдруг оказались под рукой не какая-нибудь дешёвая «соломенная» обёртка, а машинного производства писчая бумага и железо-галловые чернила, коими обыкновенно пользуются господа канцелярские черви, да и то не все? Далее. Ещё больше удивляет высокая степень грамотности писавшего. Ни одной грубой ошибки ни в орфографии, ни в выборе слов или построении предложений я не обнаружил! Разве может низкого происхождения малообразованная девка превзойти учёностью пусть даже не самого прилежного гимназиста? Ответ очевиден. Я думаю: сия высокопись была достигнута нашей боярышней посредством чужой помощи, скорее всего, под диктовку и с последующими правками.

— То, что записка составлялась при прямом участии Мазепы, нам и без твоих учё-

ных завитушек понятно, — остановил оратора Калетин. — Галловые чернила, ализириновые — да пусть хоть золотыми будут, бес их побрал! Я так и не получил ответ на свой вопрос: представляет ли содержание «малявы» какую-нибудь угрозу для нас?

— Так в ней одна подлянка и содержится, — решительно вклинился в разговор «Боярин». — Старик вчера мне сразу шепнул, чтоб плюнул я на царапалки Марьи Елисеевны, а доверился ему. По его словам, эфта тля в мундире только для виду домовых людишек к изгоненью клопов готовится, а сам тайно приказал конюху стражников по комнатам рассадить. Утречком чтоб субботним все уже по местам сидели и ждали команды. Какой команды, папа двоюродный? Нас в тигулёвку тащить? Свадьба там козла с петухом намечается, чтоб мне зажмуриться!

— Что думаешь об этом? — обратился к капитану Калетин.

Иннокентий Павлович, недовольный тем, что его перебили, нервно передёрнул плечами и не удержался, сдержал:

— О происходящем в его доме господин Мазепа мне лично не докладывал. Но, кажется, как вы и предполагали, он занервничал. Почуял или узнал что-то. Если наш герой-любовник не врёт, значит, девку ротмистр на свидание умышленно не отпустил. Я думаю, из опаски, чтоб не сболтнула лишнего. Прошу обратить внимание и на ещё одну жирную деталь: вчера поздним вечером двумя телегами его высокоблагородие отправил своё семейство со скарбом на Преображенскую к соратнику Щекутьеву. Но, помилуйте, до субботы ещё четыре дня впереди! К чему такая спешка? И самое занятное — охранник у его подъезда пропал. Стоял себе бедняга, стоял месяцами, и вдруг... пост сняли. А с какой целью? Денежки охранного отделения сэкономить? Совершенно. На самом деле, фёртель этот не нов — обычный усыпляющий ход, долженствующий показать обывателю, что спокойствие в городе утвердилось, тучи грозные рассеялись и бед ни с какой стороны не ожидается. Поэтому, Григорий Платонович, план наш пока срабатывает. Созданная нами хоть и корявая, но недвусмысленная суета вокруг особняка убеждает или уже убедила Мазепу, что нападение на него мы готовим именно в доме, ну, или где-то рядом с ним, Палестин же займёт позицию в месте, где его меньше всего ожидают. Вот только филёр...

Калетин неожиданно закашлялся, подошёл к столу, на котором лежала карта, смахнул с неё невидимые соринки и попросил Иннокентия ещё раз показать место будущей акции. Искося проследив за карандашом капитана, спросил:

— Ребятунки твои вчера во время стычки с «топтуном» и после того ничего подозрительного не заметили? Мазепа ведь тоже тот ещё мудрован — мог кого-то и для подстраховки нарядить. Опасенье, как говорится, половина спасенья.

— Заметили. Был купец ряженный, но появился он до эксцесса, шепнул что-то «подошве» и отъехал. Его сопровождали до дома галантерейщика Мехоношина, где он колясочку оставил, а сам в кабаке за углом до ночи просидел. Затемно уже снова на той же колясочке к Щекутьеву съездил. Ну, а чего они там решали? — капитан развёл руками.

— Вот что, дорогие мои, — Калетин обвёл взглядом присутствующих. — Послушал я вас и, честно говоря, огорчился, если не сказать обиднее. Общими стараниями дело мы подвели к опасному повороту, ещё один неверный шаг, и... поэтому мешкать не станем, ликвидацию проведём в четверг. Ни днём позже. Ты, Северьян, как только выйдешь отсюда, сразу испарись для всех, но сначала найди возможность сегодня же заверить ротмистра — через девицу, конечно, что артельщики твои не подведут: раз надо в субботу, значит, в субботу и будут. Только предупреди знакомицу строго, припугни даже: работу без хозяина они не начнут, по причине нежелания вешать на себя ответственность за возможные последствия от применения химикалий, из каких часто происходят вредные выделения. В доме-то, кроме взрослых, ещё и барчуки обитают. Так? Организмы у них, известно, нежные. Поэтому папаша самолично должен распорядиться, куда, чего и сколько раскладывать. Отвечать потом за чьи-то воспалённые горла и образование кожных гноищ никому не желается. Понял? А ты, Михаил сын Ксенофонтов, с клопоморами условия утряси. Кого-то из них для пущей правдивости на дело прихватить всё же придётся. Кто знает, может, мазепинские легавые и Солдатскую улицу негласно обнюхали. Ну, а сам якобы налёт обставим так, как договорились ранее. И прости, Иннокентий Палыч, но филёра, раз уж так вышло, несколько дней опекай придётся тебе. В сложившейся обстановке подержать его пару дней во временной могиле, считаю, к нашей же выгоде. Дедюхин наверняка отвлечёт на поиск своего «человечка» какие-то силы, которых, думаю, у него и так не хватает, тем самым образует дыры в охранении начальника. А это увеличит шансы Палестина остаться живым и скрыться после акта.

На этом совещание закончилось.

...Но! «Оскудели в уме» господа ликвидаторы, отмахнулись от Мазепы, как от докучливой осенней мухи, или, если быть ближе к правде — непростительно недооце-

нили врага. А ведь ещё до принятия рокового решения предупреждал их — да и себя тоже — Генерального штаба капитан о чудище, которое «обло, озорно, огромно, сто-зевно и лайя» — то есть тяжёлой государственной машине, ворочающейся за спиной жандарма и способной размолоть своими жерновами любого, кто мешает её ходу. Да и к самой намеченной жертве офицер призывал отнестись более чем серьёзно. Опыт и чутьё подвигали к тому. И действительно, Иринарха Гавриловича воспитание и обстоя-тельства слепили человеком многослойным — и пороки, и достоинства управляли им на равных. Многим он казался скучным карьеристом и не умеющим дружить снобом. Кто-то считал его картонным Жиголо в мундире, занимающимся исключительно по-иском успеха у состоятельных женщин. Но вот хватку ротмистра, его рассудочность и цепкость ума, небрежение к любым опасностям видели и отмечали тоже многие. Так во времена безжалостного эсеровского террора, когда разного толка российские газеты, начиная с многотиражных варшавских проправительственных и кончая ка-ким-нибудь задрипанным анархистским «листочком свободы» где-то в Чите, с пугающей частотой смаковали подробности убийств и покушений на высокородных и не очень царёвых слуг, он продолжал ездить по улицам в открытом экипаже, манкировал пред-упреждениями коллег, а на умоляющие просьбы жены подумать о детях, неизменно отвечал ей, что происходят безобразия где-то далеко, а в Тобольске это не пройдёт, потому как город у него вот где — показывал затянутый в перчатку кулак. Однако по-сле неожиданно дерзкого — среди бела дня, да ещё в двух шагах от губернаторских покоев — нападения на полковника Богоявленского и особенно скандальной реакции общества на последовавшую вскоре гибель Алымова у нашего героя появилось неве-домое ранее чувство если не страха, то какого-то непроходящего беспокойства. Он се-рьёзно задумался о собственной безопасности. Стал практиковать при поездках куда бы то ни было обязательную смену колясок, чаще переодевался в партикулярное пла-тье, испросил у начальника губернского управления разрешения выставить караул к подъезду своего дома, нередко заночёвывал на конспиративных квартирах и окружил себя колоритными проходимцами доносчиками вроде Моти Куржавинского. И как, жеманно поджав губы, недовольно заметила супруга, потерял аппетит, а следом и ин-терес к участию во всевозможных светских устройствах. Права оказалась жёнушка, не до них ему стало. Ротмистр просыпался теперь и засыпал с неотвязной мыслью о том, что на плечи его вряд ли лягут столь желанные полковничьи погоны, покуда по улицам города расхаживают или прячутся где-то (господи, пусть это будет не так!) лица, же-лающие его смерти. Сортировал он их — потенциальных покусителей — по собствен-норучно вычерченной шкале опасности. Так, до сих пор не схваченных боевиков-э-серов, что отправили на тот свет сибарита Богоявленского, он почему-то в расчёт не брал. Эти душегубы из идейных, не заматерелые ещё в жизни, но тяжело поражённые вирусом крамолы, по многолетним наблюдениям ротмистра, были в основе своей всё же людьми порядочными, и если казнили кого, то за дело. Он даже внутренне иногда соглашался со своими *contra*, имея в виду показательную казнь самодура тюремщика: только не просчитывающему вероятия идиоту могла тогда прийти в голову дичайшая мысль устроить кровавую расправу над бунтующими арестантами. В практике испол-нения судебных наказаний есть достаточно других способов заставить недовольных соблюдать законы. Так что поделом дураку. «А вот его — начальника охранного отде-ления, — не без подступающего к сердцу холодка, спрашивал себя Мазепа, — за какие деяния господу карбонарии могут приговорить к смерти? Неужели за злостное нару-шение инструкций по применению табельного оружия недоумком Громыхайло, кото-рый, кстати, никогда не являлся его прямым подчинённым? Но тогда проповедуемые ими высокие принципы справедливости вершители нового миропорядка должны вы-бросить в выгребную яму и туда же поместить не менее страстные призывы к вяжию революции только чистыми руками! Ведь служебное расследование инцидента в доме антрепренёра без двойного толкования установило, что произошла роковая ошибка. О чём товарищам бомбистам должно быть известно. Никто от подобных вывертов фортуны не застрахован. Никто! При этом виновника произошедшего всё же сочли нужным показательно наказать, отрешив от службы. А чтобы не возбуждать в публике лишней ажитации, специальным вердиктом Судебной палаты дело Алымова оставили условно открытым. Сию сотрясательную либеральную «милость» властей, нарушив устоявшийся порядок публикаций, жирным шрифтом на первых полосах сообщили читателям все губернские газеты! Словом... применить в отношении его — Мазепы — «последнее известное средство» у социалистов нет ни формальных, ни, тем более, моральных оснований. Не каратель же он, в конце концов, с руками по локоть в крови. Разве что сыщется в потрёпанных рядах нелегалов какой-нибудь отчаянный максима-лист-одиночка, продолжающий следовать тактике острых углов. Бывали такие случаи, чего уж там. Но очень сомнительно, что, обладая ничтожеством средств, он отважится на какую-то шумную вылазку».

...Куда более серьёзной занимала ротмистра другая категория людей. Военная косточка, побратимы Алымова — покойного местечкового кумира и любимца женщин — вот кто, действительно, сможет отомстить за своего друга и боевого товарища. Жандарм не только прекрасно знал, но и чувствовал на собственной шкуре стойкую корпоративную неприязнь армейского сообщества к «голубым фазанам». А уж, случайно — не случайно, получив информацию о том, что именно Мазепа приложил руку к подлому убийству члена их ордена, господа офицеры непременно изыщут способ наказать мерзавца. Уподобляться уголовникам и стрелять из-за угла они, согласно дворянскому воспитанию и никем не отменённым прописям кодекса чести, конечно, не будут. Но могут разрешить вопрос более приемлемым для них способом, например, вот так: найдут в своей среде записного бретёра, попадающего с завязанными глазами за пятьдесят шагов «в яблочко», который и вызовет ротмистра на дуэль. Все знают: поединки нынче запрещены. Все знают: наказываются подобные шалости в лучшем случае заключением в крепость. Ну и что? Тех, кто потребует сатисфакции, строгости сии не останвят. И отмахнуться от «брошенной перчатки» — не удастся! А уж предугадать исход схождения к барьеру... проще застрелиться самому... Как минимизировать, а ещё лучше совсем свести на «нет» исходящую с этой стороны угрозу? Есть единственный способ — прекратить всяческие сношения, даже случайные, даже касаемые службы, со всей, абсолютно всей гарнизонной сволочью. Пусть чиновники, облечённые властью в городе — градоначальник, полицмейстер, губернатор, гласные думы, наконец, принимают у себя в салонах «овейных славой героев Мукдена и Порт-Артура». И позволяют им фразёрствовать, бренчать медальками, бить посуду и волочиться за чужими дамами. А его — начальника губернского политического сыска — увольте. Он занят делами более неотложными.

В такой же мере тревожила Мазепу и ещё одна прослойка городских обитателей. Не пришепётывающие по всякому поводу и без «charmant — merci» разнообразные ничтожества — Чичиковы да господа Головлёвы, а ревнители и почитатели Алымова из словёв неимущих, откуда, собственно, время от времени и вышолзают, на радость полиции, гидра непослушания о семи головах. Кто скажет, например, чьими стараниями недавно в зловонной луже у Курдюмки очутилось бездыханное тело несчастного служаки Громыхайло, именно его, а не кого-то другого? А следом за как будто обыденной в том бандитском углу смертью, уже вокруг самого ротмистра (или показалось ему), стали кружить какие-то сомнительные личности? Случайность? Хм... То, что бывшего урядника наказали утоплением за его бывшую «сучью» должность или просто пришибли в пьяной ссоре, Мазепе представлялось малоубедительным. Вон их сколько — не просто городских, но отставных квартальных надзирателей да околоточных, за коими тянутся следы куда кровавее — до сих пор продолжает жить в городе, и ничего, никто их не трогает. Хотя...

Пригласив к себе на товарищеский ужин Дедюхина и Щекутёва, поделился с ними своими сомнениями. Долго судили и рядили, чего да как. Но решили пока экстренных мер не принимать, а тихо и без суеты, силами единственно «наружки» прощупать обстановку. Может, Иринаруху Гавриловичу — по причине многолетнего хронического переутомления — почудились какие-то излишние страхи.

— Я бы на вашем месте испросил себе вполне заслуженные вакации, — попытался подбодрить начальника секретарь охранного отделения. — Поезжайте на кавказские Минеральные воды и непременно в сентябре, без семейной обузы и портфеля с деловыми бумагами. Горные виды, утончённое вино! И при этом, как поговаривают, очень приманчивая дешевизна южных базаров.

Дедюхин же, наполнив бокалы золотистым «Мадам Клико», грубовато доверительно посоветовал коллеге переключиться с роковых женщин на парфорсную охоту, ибо страсть страсти рознь:

— Главное, что новая — истинно мужская забава — позволит вам послать к чёрту некоторых известных кокоток, которые издеваются над вашими чувствами и, извиняйте, совершенно вас недостойны...

Ротмистр стушевался, поблагодарил и обещал подумать. Но к оговорённым мероприятиям приказал приступить немедленно.

...Опытным ищейкам, специально отобранным для ответственного дела, понадобилось, как в своё время и предвидел Иннокентий Павлович, всего два дня, чтобы установить факт непрерывной слежки за Мазепой. Однако как они ни старались, выяснить, кто же «висит на хвосте» у Иринаруха Гавриловича и наблюдает за его домом, им не удалось. Фискалы потерянно докладывали о прямо-таки мистической способности их подопечных появляться из ниоткуда и исчезать в никуда. Стало ясно, что за ротмистра взялись серьёзно. Но кто? Заведующий отделом наружного наблюдения, оправдывая беспомощность своих «штатников», пытался убедить начальника, что все сколько-нибудь видные тобольские подпольщики давно увязаны, аки снопы в поле, а в город, ско-

рее всего, прибыли опытные боевики из уральского эсеровского центра, что косвенно подтверждают донесения о недавнем негласном посещении их краёв сестры самого Бориса Савинкова.

— А чего бы ей тогда из-за кордонов в нашу глухомань тащиться? Ясно же, что приезжала какую-то пакость готовить! — уверял Дедюхин.

— Полноте, голубчик, — раздражённо одёрнул его ротмистр, — являлась она не по мою душу.

И пояснил, что сегодня получил сообщение о побеге из тюменской пересылки известного эсера Дробышевского. Благодаря ротозейству надзирателей или посредством их прямого подкупа эта дамочка (или её сообщники) сумела передать преступнику дорожные документы, с которыми он благополучно и скрылся. Подпоручику Жгутову телеграфированы розыскные указания, и есть уверенность, что беглеца сумеют перехватить по пути в Екатеринбург либо Омск.

— Что же касается ваших предположений о гостях с Урала, уважаемый коллега, — продолжил Мазепа, — то притягивать осла за уши к морковке не стоит. Скажите лучше честно: не справляются мои охломоны, потеряли нюх, в связи с чем необходимо изыскать дополнительные силы. Какие и сколько? Давайте думать.

Дедюхин разгладил на коленях полы сюртука, вкрадчиво предложил:

— Может, пришла надобность вытащить из своих курятников и сеновалов нашу старую гвардию? На время, конечно. А чего, — ища поддержки, посмотрел на секретаря, — пусть пособят ребятки, проветрятся. Навозный да козлийный дух, поди, совсем извел им мозги. Ну и от свар семейных отдохнут, сердешные. А где ещё брать людей? У меня брови нависли — дума на мысли.

— А мне, — закурив, поморщился Щекутьев, — воленс-ноленс представляется сейчас разумным и возможным, хоть это, простите, ваше высокоблагородие, и вызывает некоторую брезгливость, снова прибегнуть к талантам проверенного нами «Валета». Разумеется, сохраняя полную секретность контактов с ним.

— Так этот потаскун ещё жив? — возрился на помощника ротмистр и сделал пометку в отрывном календаре. — А я думал, что безбилетные шлюхи своей неумной страстью уже извели его со свету. Ай да Мотя! Ай да сукин сын! — и после паузы объявил: — Касательно старой гвардии, Тихон Макарыч, я, пожалуй, соглашусь с вами. Отставников надо привлечь. И Куржавинский в этой комбинации, вы правы, Николай Васильевич, тоже не будет лишним. Есть смысл попросить его кое о чём. Что я лично и сделаю. Только не догадался бы кобель облезлый, что на сей раз дело для него может оказаться фатальным. Ну да не нам его жалеть...

Дедюхин, не отлагая, истребовал в ведомственном архиве адреса тех агентов, которые, по его мнению, смогут ещё поработать. И самолично на пролётке поехал беседовать с ними. Однако попытка уговорить «акул» тобольского сыска преподать урок настоящей охоты нынешним «карасям», обернулась конфузом. После почти дружеских встреч с вышивкой и воспоминаниями, сладких посулов, уговоров и увещаний, а в некоторых случаях даже угроз, охотников пособить властям набралось, увы, общим количеством всего... три. Многие из «бывших» сослались на нездоровье, кого-то не устроила обещанная сумма вознаграждения, а кому-то — пропади она пропадом — даже вспоминать о былой службе не захотелось. Мазепа, узнав о результате вербовки, обругал отказавшихся мшелоимцами, а приглашённой к нему бравой троице ветеранов поставил задачу вцепиться, пока не поступит сигнал отбоя, в господина, фотографические фабрикация которого им будут сейчас показаны...

— Представляется он публике обычно Куржавинским Дмитрием Сергеевичем, дворянином Курской губернии, — ротмистр убрал после просмотра карточки в стол, — но кем на самом деле является этот почтенный жулик, установить не удалось, поскольку церквушка в селе, где он якобы родился, сгорела при обстоятельствах весьма загадочных вместе со всеми приходскими списками. В нашем же городе сей деятель больше известен своими «погремушками, которые навесили на него дружки-приятели. Самые звонкие из них — Мотя, «Валет», «Красно солнышко». Ещё мы знаем, что Куржавинский записной холостяк, коллекционер женских слабостей, хитёр, осторожен и, как все подлецы, продажен и трусоват. В молодости за карточное шулерство был лишён прав состояния и отбыл три года на каторге. Потому, братцы, прошу ухо держать остро и помнить, в каких клоаках и с кем этот склизень жизнь проматывал и на что способен, почуяв опасность, — ротмистр подошёл к одному из вытянувшихся перед ним филёров, оглядел его сухонькую фигуру, одобрительно кивнул: — Хвалю, Петров, блюдёшь себя. А правду говорят, что, состоя ещё штатно в полиции, ты не раз услужал Куржавинскому, когда тот, пользуясь проверенные карты «Императорского воспитательного дома» в азартных играх, — Иринарх Гаврилович поднял палец вверх, — поощряемых самим правительством, то есть вполне законно, лишал достойный многие семейства и при этом ни разу не попался на плутовстве?

— Не припоминаю такого, ваше высокоблагородие! Злобы всё и наветы!

— Врёшь, поди, каналья? Так уж никогда и не садился «винтить» с ним? А на какие деньги лошаде́нку себе в хозяйство прикупил? Ладно, — сжалился над побледневшим «гвардейцем», — не затем зван был. Тебе, Петров, как самому опытному поручается прямо сегодня принять для сопровождения нашего общего знакомца. Поведёшь его от дома Ланщикова, что на Спасской улице. Прибудет Мотя туда по моей просьбе к десяти вечера. Ты уж расстарайся, любезнейший, узнай, с кем после беседы со мной пожелает повидаться клиент. Ну, а не пожелает, тогда действуй, как принято у этой публики, их же подлой манерой. Очень на тебя рассчитываю, — ротмистр отошёл к двум другим сыщикам и, к их удивлению, пожал каждому руку. — Особое усердие, братцы, попрошу проявить ночью. Не спать, кабаки без надобности обходить стороной, смотреть в оба. И ещё. Нам доподлинно известно, что «Валет» безотлучно держит возле себя дрессированных девиц, коих при нужде употребляет для тайных сношений со своими подельщиками. Так вот, пригляд за «бабочками в боа и шиншилях» тоже ложится на вас, за что плюсом получите ещё по рублю. Круглосуточное наблюдение, знаю, втроём вам не осилить, поэтому помошь двумя агентами окажу. Договаривайтесь, где и как будете менять друг друга, и за дело.

Отдав ещё несколько распоряжений, Мазепа отправился на конспиративную квартиру охранного отделения, где убрал со стола в общей зале и отнёс на кухню приготовленные прислугой фрукты и коньяк, оставив лишь папиросы и пепельницу. Потом бродил по комнатам и внимательно, как будто видел их впервые, долго разглядывал картины на стенах, зло думал, что жизнь проходит, а ему, вместо того чтобы почаще радоваться этой красоте, приходится заниматься человеческими отбросами.

В точно назначенный час звякнул колокольчик у входной двери. Явился «Валет» — впалые щёки, синюшные круги под глазами, но на голове безупречный, лоснящийся от бриллиантина пробор. Видно было, подъём на второй этаж дался шулеру тяжело: его извинительное приветствие, — «простите, ваше высокоблагородие, старость не радость, а горб не корысть», — утонувшее в болезненных присви́стах и выхрипах, ротмистр еле разобрал. Дав гостю отдышаться, рассказал ему о цели вызова. Куржавинский, внимательно изучая свои штиблеты, выслушал и попросил воды. Достав из кармашка жилетки облатку, морщась, выпил лекарство. А потом заявил, что при всём, так сказать, уважении и расположении, никак не сможет исполнить просьбу Иринарха Гавриловича. По причине основательным. Немоощен он уже — это раз. Во-вторых, Борю — дружка его Шпигеля — зарезали недавно, как подозревает Мотя, урки из Затона, чтоб не отдавать проигранные деньги. «А ведь только Боренька (пусть ему видится оттуда, с небес, как Мотя до сих пор его любит) знал всю босоту в округе и помог бы сейчас господину ротмистру. А что сегодня Мотя без Бори? Так, раздёрганная ватная кукла без глаз и ушей»...

Мазепа, предполагая такой исход разговора, упорствовать не стал и отпустил старика. Спросил только едко, почему Дмитрий Сергеевич сегодня один пожаловал, без обычной «охраны»? На что «Красно солнышко» с обидой ответил, что жриц любви он отослал за ненадобностью, когда под окнами своего убежища приметил серую тень:

— Богиням-то моим неуёмным, ваше высокоблагородие, за каждый вызов платить надобно, а вы подле меня, аки будочного пса, дармового караульщика привязали. Я к вечеру даже кашлять реже стал от такой заботы.

Выйдя из подъезда дома Ланщикова, «Валет» отдышался, дерзко, будто близкому другу, помахал торчащему недалеко «топтуну» и отправился к себе — думать. В квартире выпил несколько порошков какой-то дряни и прилёг на софу. Но тут раздался стук в двери. Пошёл открывать.

— А-а... мёрзнешь, волчий хвост? — не удивился стоящему на площадке в лёгком сером пальто с поднятым воротником Петрову. — Заходи, мадеры налью.

— Я из любопытства, Димитрий Сергеич. Ненадолго я. Захотелось вашего мнения услышать. По давнему знакомству, если позволите.

— А на кой тебе моё мнение? Садись вон туда, инфузорий жандармский, и выкладывай всё как на исповеди.

Филёр опрокинул поднесённую чарку, утёр усы:

— Ты уж прости, Димитрий Сергеич, посулили нам аж по десяти целковых серебром, если установим, кто на их благородие Мазепу охоту повёл. Сомлел я от такого предложенья, не смог отказать. У меня же хозяйство экое и внуков чертова прорва. Дай совет, где этих загонщиков искать? Ты ведь первый человек в городе после губернатора.

«Валет» от такой бесстыдной лести поперхнулся. Трясущейся рукой накапал несколько капель вина в рюмку, взболтнул её, но отодвинул недовольно, сказал, впрочем, без злобы:

— Словами, будто флагом каким, размахиваешь, — и глянул исподлобья. — Скажи

лучше, голова осиновая, к моей-то особе зачем тебя приставили?

— А кто его знает? Люди мы казённые, Дмитрий Сергеевич, чего скажут, то и работаем. А не станешь исполнять, так сразу в морду.

«Красно солнышко», помолчав, вздохнул огорчительно:

— Это мне известно. Но всё равно дурак ты, Петров. Не зная прикупа, в карты играть садишься. Слышал, поди, про Громыхайлу урядника? Неизлечимый тупица был вроде тебя. Он, люди шепчут, тоже когда-то деньгами соблазнился. И вот наступила для него ночь тёмная — волчке солнце на небе, а на шее удавка. Тебя, думаю, та же участь поджидает. А я после смерти Бори в политику лезть себе заказал, азарт пропал, знаешь ли. Ты шепни там кому надо, чтобы сжалились над стариком, отстали от меня. Сухотка, мол, съедает доброго к людям Мотю, умирать он готовится. Да и тебе, размяк, гляжу, нечего тут засиживаться, забирай бутылку, и прощай, любезный.

— Но, Дмитрий Сергеевич...

— Иди-иди. А завтра, когда сюда дежурить отправишься, на Спасскую как бы ненароком заверни и погляди: не топчет ли там божий человек в рубище с жёлтой опояской. Костылём себя подпирает и волосом седым оброс, но глаза у него... Не надо бы их ему на людей подымать, ан бесовские они...

Забив пробку в горлышко бутылки, Куржавинский сунул её филёру и вытолкнул его за дверь.

Утром, никому ничего не докладывая, Петров решил проверить скинутую ему «Валетом» краплёную карту и в коляске с крытым верхом отправился на указанную улицу. Начинаясь обычный день. Открывались лавки, появлялись разносчики газет, слышались протяжные «завлекалки» продавцов сбитня и пирогов. Угрюмо спешили на службу чиновники. Вглядываясь в прохожих, Петров, действительно, вскоре увидел бредущего прямо по мостовой косматого богомольца. Отличительным был субъект, такого ни с кем не спутаешь. Только кушак, стягивающий на нём лохмотья, был не жёлтого, как обрисовал Мотя, а грязно-зелёного цвета. И вместо костыля подпирала сегодня «богатыря во смирении» нищенка в неопрятном платке и спадающем до пят чёрном балахоне. И — верить ли глазам своим?! — Петров поспешно откинулся на сиденье коляски и перекрестился: баба та явно прихрамывала. «Неужели она, которую назад три года, вывалив языки, разыскивали по всему городу?» — вытер он выступивший на лбу пот и велел вознице остановить экипаж у новомодной кофейни сразу за домом Ланщикова. Там, мучимый ароматами недоступных ему заморских «апробаций», постоянно дежурил осведомитель. Петров велел ему немедленно бежать к Дедюхину, чтобы тот, в свою очередь, не отлагая, прибыл сюда с командой.

— Так и скажешь Тихон Макарычу: для задержания как есть выявленных Петровым преступников, проходящих по особому розыскному циркуляру.

Филёр послушно выскользнул за дверь, а Петров через кухню прошёл на соседнюю улицу, чёрным ходом поднялся на второй этаж дома Ланщикова и в окно лестничного пролёта, не подставляя лицо близко к стеклу, стал разглядывать, что происходит внизу на Спасской. «Ага, вот они где христарадничать устроились, — удовлетворённо отметил искомую парочку. — Удобный пост заняли, голуби, ничего не скажешь: и подъезд оттуда им хорошо виден, и за спиной проход меж домами имеется, а в двух шагах питейная лавка, в которой наверняка потайной выход оборудован. Щас мы вам милостыньку подадим, православные!»

— Что тут у тебя случилось, Павлуша? — раздался вскоре у него за спиной голос Дедюхина.

— Гляньте, ваше благородие, кажется, попалась нам та калека, что в начальника тюрьмы стреляла, только в годе каком, запамätывал.

Дедюхин недоверчиво всмотрелся:

— Которая калека? Откуда ей быть здесь? Кто это рядом с ней?

— Подручник её, вестимо. Схватим, так не отвергнется. И вон ещё правее такой же псалмопевец устраивается. Не иначе как одна шайка они, Тихон Макарыч! Мне бы это... знак на грудь за беспорочную службу...

— Отлыгни! — дико зыркнул Дедюхин и сплюнул. — Эх, куда дело повёл, козьявец. А ну спускайся живо на улицу и в проходе за спиной у попрошаек встань, мы тут без тебя призы поделим.

Дедюхин, зло засопев, достал папиросу, чиркнул спичкой. Потом, кряхтя, поднялся на следующий этаж, открыл ключом конспиративную квартиру, в которой имелся телефон, и позвонил Мазепе. Выйдя на лестницу, приказал полицейскому уряднику:

— Ошибиться в этот раз никак не велено, братец, поэтому будем ждать. Сейчас ротмистр самолично прибывает. Если признает преступницу, подаст знак. Кто к тебе из «штучников» наряжен? Сметанин? Накажи ему потолкаться возле убогих, отвлечь их. На, — сунул служивому несколько медяков, — пусть он кинет их в шапочку железным для пушного отводу глаз. А пока Сметанин высматривает, что за личности такие

из народа слезу да копейку вышибают или следят за кем, улицу запечатать. Наглухо! Исполнять и живо!

В это же самое время негласно понаблюдать за действиями «калетинских орлов» приехал на Спасскую Иннокентий Павлович. Чуть не столкнувшись на входе в кофейню с выскочившим оттуда филёром, прошёл к столику у окна, огляделся и попросил полового, чтобы ему приготовили чёрный «агабиса» с флердоранжем. Пока на кухне варили напиток, капитан просмотрел свежую газету и нарочито громко посмеялся над изрядно глупым фельетоном известного остроуслова господина N, успев при этом отметить, что в улице нужные люди находятся на означенных диспозицией местах, а условный, зелёного окраса «перехват» лохмотьев Палестина и того же цвета подвесной карман на балахоне «Трапеции» сигнализируют о полной готовности группы к акции.

...Процедура приготовления «восточной амброзии¹» затянулась. Наконец, «эй, человек» принёс заказ, поставил прибор на ловко расстеленную салфетку и протянул капитану розовый с серебряным тиснением листок.

— Это ваш счёт, сударь, — пояснил учтиво и с поклоном удалился.

Иннокентий Павлович с интересом рассмотрел красивую атрибуцию, хмыкнул, не спеша свернул газету. Сделал несколько глотков и... отставил чашку — тёмно-бурая жидкость с непривычным амбрэ ему не понравилась. «Дурят народ заграничной пакостью!» — обругал про себя держателей кафетерия, встал и направился к выходу. Но снаружи у дверей неожиданно появился дюжий полицейский. Он бесцеремонно заступил дорогу офицеру:

— Приказано никого не выпускать, ваше-ство. До поры обождите в заведении, испейте ещё кофею.

Капитан, побледнев от догадки, резко распахнул шинель (блеснули ордена), показывая городовому, кто перед ним стоит, но тот угрожающе выдернул шашку из ножен. И тут улица вдруг огласилась криками и обвальным грохотом колёс — по мостовой забегали городовые, подкатывали и отъезжали экипажи. Прозвучало несколько выстрелов. Через несколько минут всё так же неожиданно смолкло. Улица опустела. На месте, где ещё недавно стояли Палестин с Татьяной Андреевной, привычно ругались номерные дворники в жилетах и холщовых фартуках. Они брезгливо подбирали с мостовой и распахивали по мешкам разбросанные пожитки пропавших калик переходящих. Над крышей дома Ланщикова появилось солнце.

Случилось это в среду...

* * *

Минуло два месяца. Проявляя личный интерес к следствию и пользуясь служебным положением, Иринарх Гаврилович иногда навещался в городскую тюрьму, где шло дознание по делу подготовки покушения на сей раз лично на него — Мазепу. Во время одного из допросов попросил знакомого следователя ненадолго прерваться. Подошёл к арестанту:

— Всё хочу спросить вас, наше молодое революционное дарование, вот о чём. Что думали ваши родители, нарекая сына режущим русский слух именем Палестин? Такого в наших святцах мне встречать не доводилось. Ваши отчичи что — были нигилистами, плюющими на исконные традиции, или большими оригиналами?

Юноша удивился:

— А разве в вашей почтенной конторе не завели досье на мою семью? Странно. Позвольте тогда огорчить вас. Мой батюшка, одесский грек, когда-то участвовал в экспедиции казачьего атамана Ашинова в район Африканского рога. Красное море, пески Аравии, Абиссиния, раскрашенные туземцы с копьями. А ещё воды Иордана и оазисы Палестины. Имя оттуда. И ничего оскорбительного для себя, да и других тоже, я в нём не нахожу.

— Ну, теперь мне понятна ваша тяга к авантюрам. Отец в «казаков-разбойников» играл, отпрыск — на «финки-ножички» перешёл. Но должен сказать вам, что папаша всё же был умнее вас. Он хотя бы в тёплые страны стремился, где благодатное солнце и... авантажные женщины. А вы? За проданную дьяволу молодость купили себе путешествие «во глубину сибирских руд»? Однако-однако. Впрочем, пожелаю вам скорой и приятной прогулки туда... потомок элинов.

¹ Амброзия — пища богов

Глава 2. ЗЛОПОЛУЧИЕ

Миссию в Сибирь с целью вызволения Палестина из кандалов пришлось отложить из-за внезапной болезни Калетина. Скорбь телесная оказалась тяжёлой и затяжной. Приезжали эскулапы, шептались, меняли диагнозы, назначали лекарства, мало облегчающие состояние пациента. Людмила извелась от отчаяния. Только к концу лета 1914 года, по совету знающих людей, сумела отыскать у подошвы Троицкого мыса на берегу речки Курдюмки жалкую хатёнку столетней травницы. Слепая ведьма из-за общей дряхлости пользоваться хворого отказалась. Но дала совет: не пойдёт болезный на поправку, пока не полежит два часа у восточной стены Знаменского монастыря. «Рыжий» с «Боярином» отвезли Калетина в означенное место. Полежал он. И что бы вы думали? Действительно стал выздоравливать. Но тут подкралась новая напасть. Августейший монарх неожиданно для большинства своих подданных ударил в колокола — объявлялась всеобщая мобилизация. В городе запели:

*...Началась война буржуазная.
Раза-ашёлся рабочий народ.
И па камушку, па кирпичику
Расташ-шыли кирпична-ай завод...*

Призыву подлежали представители всех сословий возрастом с 21 до 43 лет, кроме казачества и духовенства. Стало быть, Калетин и его клеветры совсем уже скоро могли оказаться в списках уездного Присутствия по воинской повинности, наблюдающего за ходом рекрутирования. Зарёванная племянница тоскливо вопрошала дядю:

— Миленкий, но ведь ты же властями каторгой был награждён, неужели и таких воевать собирают?

Григорий Платонович успокаивал её с усмешкой:

— По закону российскому, душа моя, в приёмный формуляр новобранца заносится много чего — и рост его, и вероисповедание, и телесные изъяны, объём груди и прочие обмеры. Даже пометка о политической благонадёжности должна иметься. А вот графу о бывших преступных деяниях будущего защитника престола не предусмотрено. Варнак ты каторжный или ворюга без совести — извольте молчать и вставать под знамёна. Так что, придётся нам, Людочка, пока лихо вокруг, тихо «залечь на дно».

К концу года на церковных папертях появились первые «самовары»¹, а в далёкой столице, именуемой нынче Петроградом, мало тогда кому известный поэт дерзил:

*Как вам не стыдно о представленных к «Георгию»
Вычитывать из столбцов газет?*

Но одним — уже декабрьским и тоскливым — вечером Григорий Платонович объявил Михаилу:

— Собирайся. Надоела мне эта полуподвальная, полупаскудная жизнь. В Нерчинск поедем. Я письма получил от нужных людей. В Чите нас будут ждать и проводят до каторжных заводов. Назад мы должны вернуться с мальчиком.

Поехали. Калетин — под видом держателя крупного пакета акций Нижегородского коммерческого банка коллежского советника Демонтовича, следующего в Забайкалье для составления подрядов с тамошними поставщиками продовольствия для нужд армии, а Михаил (по старой памяти) натянул личину ветеринара Швальца, уполномоченного волжскими же деловыми кругами произвести оценку сибирских территорий на предмет потенциального закупа у населения конского строевого и тяглого состава. В дороге Калетин тяжело пил, но не мешал соседу по купе «конскому лекарю» Швальцу изучать предосторожно прихваченные с собой «Лечебник» магистра ветеринарных наук Алтухова и брошюру «Практическое определение возраста лошади по зубам» господина Березовского.

— Молодец! Не спускай с себя, Михайло Ксенофонтыч, — одобрительно посмеивался «акционер», — постигай доходное ремесло. Времена, они, пишут, подвигаются спиралью, может, и вывезет тебя кривая к какому хлебному корыту.

Через две недели в отдельном кабинете читинского вокзального ресторана благополучно прибывшим гостям было вежливо сказано, что им здесь рады и готовы всемерно помочь.

— Но хочу предупредить вас, Григорий Платонович, — испытующе посмотрел на Калетина господин, разительно похожий на императора Александра Второго, — тот путь, который вы проделали, был, хотя и утомительным, однако безоблачным, а вот от

¹ «Самовар» (жарг.) — калекка без обеих рук и ног

нас до места полагания начальства Нерчинской каторги почти пятьсот вёрст по глухим и, прямо скажем, опасным пространствам — бедствие, которое способен выдержать не всякий.

— Да не страшайте вы раньше времени нашего друга, Зот Фадеич, — не согласился сидящий напротив «Рыжего» чиновник в мундире инженера путей сообщения с погонами коллежского асессора, — тащиться по такому страху в каторжные пределы, похоже, уже нет надобности.

Калетин-Демонтович удивлённо отложил вилку и попросил разъяснений.

— Пока вы к нам добирались, господа хорошие, случилось нечто, чего мы не могли предвидеть, — инженер достал из внутреннего кармана кителя конверт и протянул его Калетину. — Вот письмо от известного вам бывшего адвоката Гравиатова из Кутомары. Я получил его буквально за час до отъезда на вокзал и даже не успел показать Зоту Фадеичу, да простит он меня. Наш общий знакомый с прискорбием сообщает, что в интересующей нас тюрьме сменилась власть. А это означает, что всё нами задуманное осуществиться теперь будет крайне затруднительно. Если вообще возможно.

— «Мне неизвестны причины, подвигшие Ковалёва сделать такой шаг, как не поддаются определению мотивы решения горнозаводского правления, давшего ход прошению мздоимца и казнокрада об отставке. Ковалёв выказал себя в о кругу записным патриотом, сдал дела и отправился в действующую армию», — вслух прочёл Григорий Платонович и растерянно обвёл взглядом собеседников. — Вот подлец! Что же нам теперь делать?

Продолжили обсуждать неприятную новость уже перед камином в доме Зота Фадеевича. Хозяин предложил раньше времени не отчаиваться. Завтра его знакомые из Читинской казённой палаты обскажут подробный «портрет» присланного в Кутомару чиновника:

— Человек же, он, господа, не орясина болотная. Значит, и слабостей не лишен. Будем давить на них.

Вечером следующего дня Зот Фадеич мрачно доложил:

— Похоже, не имеет слабостей новый воевода. Чином он титулярный. Сам старик, но заточен на службу, как штык. Педант лютый. «Анну четвёртой степени», говорят, не снимает, даже идучи в баню. Прислан из Ковно, где был помощником смотрителя тамошней тюрьмы. Сюда напросился для выслуги повышенного пенсионера. Но, подозревают, просто сбежал от ползущей в те края войны. С таким держимордой не сговориться.

— Однако попробовать надо, — зло отрезал Демонтович и посмотрел на путейца. — Как вы собирались вытащить мальчика?

— Да схема старая. По ней и вас, Григорий Платонович, в своё время из Туруханска вызволяли. Мы подразумевали улещить Ковалёва внушительной акциденцией¹, чтобы он в обход Свода законов сменил фамилию нужного нам бессрочного арестанта и переместил его в разряд исправляющихся, тем самым позволив ему проживать вне тюрьмы. А с вольных хлебов уйти при хороших документах в Читку и далее — было бы только желание...

— Ну так пошлите к этому ковенскому «кавалеру» человека с нашими предложениями. Сколько на это потребуется времени?

Инженер, пожав плечами, предположил, что если почта в те места летом раньше четырёх суток редко когда поспевает, то зимой, разумеется, добираться придётся и того дольше.

— Однако есть опаска общей бесполезности такой поездки. Новый начальник вряд ли примет незнакомых ему лично людей, да ещё с такою противоправной просьбой. Он просто испугается, заподозрив, что таким образом на новом месте ему устраивают проверку. Более того, после разговора с нами, прикрывая свой зад, служака может связаться со штабом атамана аргунских казаков, и нас наверняка перехватят где-то в дороге, после чего последует серьёзная полицейская проверка.

— Простите, я незнаком со здешней спецификой, но ваши доводы убеждают. Да, с вором Ковалёвым взятка бы сработала. А вот полицейский розыск нам, конечно, не нужен. В переписке мы из осторожности не обсуждали то, о чём сейчас спрошу: а из самой тюрьмы побег возможен? Вы такой вариант рассматривали?

Зот Фадеевич сокрушённо покачал головой:

— А как же. И не только обсуждали. Минувшим летом я почти два месяца жил в посёлке близ острога. Выспрашивал и солдатиков из стражи, и девок-поселянок, что в тюремной прачечной спину гнут. Двух надзирателей у себя в домишке принимал и поил меж разговорами. Со старожилками беседовал. Сам наблюдал. Да и много из кого ещё секреты устройства жизни кандалников вытягивал. Все в один голос твердили:

¹ Акциденция — взятка

ход за стену крепости особо опасным преступникам замурован так, что кайлом не вышибешь. Ковалёв постарался. Только в седьмом году, кажется, какому-то матросику с «Потёмкина» удалось сделать подкоп в тюремной церкви и уйти от погони. Более удачных случаев не было. Побег, конечно готовились, но их — где случайно, где благодаря стукачам упреждали.

— Скверно. Выходит, господа любезные, прикатили мы сюда с Михайло Ксенофонтычем пустые щи похлебать. Прошу не принимать сие как упрёк. Кто, действительно, мог предполагать, что пружина судьбы вдруг разожмётся и больно ударит? Мы со Швальцем пойдём поплачем.

Плакали они неделю... вчетвером. «Александр Второй» с инженером путейцем, наливая мадеру себе и гостям, убеждали их, что сегодня сделать ничего нельзя. Система государственная непрошибаема. А лезть напролом неразумно и опасно. Скорее всего, к вопросу побега придётся возвратиться, увы, только тогда, когда по Уставу о ссыльных сидельцам разрешат жить на вольных квартирах вне крепости. Правда, случится это нескоро. При условии, что узники будут подавать надежду на исправление, Гравитов может выйти за «стену» только через два года, а Палестин — через три-пять лет, в зависимости от решения начальства, потому как бессрочник он и к тому же политический.

В конце января после скупых, по-мужски, прощаний визитёры безрадостно покинули Читу. Калетин в дороге пил, тоскливо представляя встречу с Людмилой. А Михаил, забросив «господ Алтухова и Березовского» с их бруцеллёзом и ложным бешенством в саквояж, молчал и часами смотрел в окно.

* * *

Третьего марта 1917 года вышел Указ Временного правительства об амнистии политическим заключённым. Партийные скороходы довольно быстро донесли эту ошеломляющую весть до Акатуя и Кутомары, Смирновской, Зерентуевской и других каменных тюрем. Заработали кузнецы, сбивая с сидельцев кандалы. Палестин с Гравитовым стали собираться в дорогу...

Продолжение следует

Виктор ЗАЙКОВ

СТРЕЛЯЙТЕСЬ САМИ, МАЗЕПА

Роман из подполья¹

Часть IV. СТИХИЯ

Глава 1. «АЛЬБАТРОСЫ РЕВОЛЮЦИИ»

На столичном Ваганьковском кладбище недалеко от могилы неустрашимого комдива Васо Киквидзе, отдавшего жизнь за идеи светоносные и справедливые, упокоился такой же отчаянный романтик и сорвиголова, только рангом пониже — матрос, партизан Железняк. Это о нём сложили душевную, но путаную песню — «...он шёл на Одессу, а вышел к Херсону». И рассказывали, посмеиваясь, байку о том, что именно этот дерзкий анархист, будучи начальником внутренней охраны Таврического дворца, вышел на сцену перед собравшимися депутатами нового парламента свободной России и бесцеремонно объявил: «Господа Учредительное собрание, караул устал, прошу разойтись по домам». Тем самым показал, какие силы тогда в Петрограде были истинными хозяевами положения. Разошлись избранники в тот день мирно, но унесли с собой обиду — унижительную, смертельную. Вот почему пришлось Железняку со товарищи вскоре разговаривать с ними уже всерьёз. На сей раз для увещевания «контры» молодому, но яростному «анархо-коммунисту» доверили для начала командовать конной батареей, а затем и стрелковым полком. Потом он председательствовал в революционном штабе Дунайской речной флотилии. Но вскоре был переброшен в Одессу для подпольной работы. Там, ведя агитацию среди докеров и рыбаков, он умело избежал встреч с костоломами из контрразведок князя Кочубея, капитана фон Кубе и других контор подобного профиля, коих тогда в приморском городе насчитывалось более дюжины. После освобождения «жемчужины у моря» от французской и прочей зарубежной (и не только) враждебной публики, назначен командовать бронепоездом. Летом девятнадцатого, прорываясь из ловушки, устроенной казаками атамана Шкуры у станции Верховцево, Анатолий Железняков (его настоящая фамилия) погиб. По мнению очевидцев, безрассудно, ибо стрелять «по-македонски» из двух маузеров сразу, возвышаясь над откинутым бронеколпаком командирской рубки, большой необходимости не было. Команда сумела тогда вывести свою передвижную крепость за пределы убийственного огня, но уже без командира. Тело героя, по личному указанию наркомвоенмора Троцкого, отправили в столицу, чтобы предать земле со всеми воз-

¹ «Невский проспект» продолжает публикацию историко-документально-художественного романа Виктора Зайкова «Стреляйтесь сами, Мазепа» с сюжетом на документальной основе и с историческими прототипами. Часть I «Казнь», часть II «Провал» и часть III «Засада» опубликованы в №1, №2 и №13 НП, соответственно.

можными почестями. Лев Давидович, кстати, дал ёмкое определение таким, как Железняков — «альбатросы революции», подразумевая в первую очередь их невероятную способность к долгой, непрерывной борьбе с любой стихией.

Давайте вспомним ещё одного «матроса-бунтаря» — члена Центробалта Николая Маркова. Этот «дьявол в чёрном бушлате» служил некоторое время в отряде охраны Ленина. Но вошёл в историю благодаря тому, что, исполняя обязанности контролёра Наркоминдела, опубликовал ряд секретных документов царского и Временного правительств. Во время образования южного фронта с деникинцами возглавил политотдел Волжской флотилии. На канонерской лодке с говорящим названием «Ваня — коммунист» где-то в низовьях реки, воспетой поэтами, угодил под огонь береговых батарей и цел вместе со всем экипажем не остался.

А вот, прошу познакомиться — гальванер Владимир Полухин. Тянул лямку службы на крейсере «Адмирал Макаров» и линкоре «Гангут». Списан с флота за противоправную деятельность, разжалован из унтер-офицеров и переведён с Балтики на Белое море в береговую команду. Во времена «керенщины» руководил отрядами революционных матросов. В начале восемнадцатого года направлен в Азербайджан, где успешно провёл слияние Астраханской и Каспийской флотилий. После падения Бакинской коммуны арестован и по приказу Диктатуры Центрокаспия (а возможно, гадившей и там «англичанки») расстрелян в числе других 26-ти бакинских комиссаров в песках Балканского велаята Туркмении.

Встречайте следом дважды Героя Советского Союза Ивана Дмитриевича Папанина. Он ведь тоже из бывших «братишек», побивающих в составе Крымской повстанческой армии оперативные тылы генералов Барбовича и Врангеля. Доставлял с помощью контрабандистов, бывало, через Турцию оружие и подкрепления партизанским «летучим отрядам». По окончании гражданской междоусобицы недолго занимал пост коменданта таврической «чрезвычайки». Почему недолго? А слабонервным оказался — адова работа в этой самой комиссии уложила молодого человека на больничную койку. В дальнейшем Папанин — известный полярник: возглавлял первую в мире дрейфующую станцию «Северный полюс-1». А во времена Отечественной войны был начальником Главсевморпути. Ушёл из жизни контр-адмиралом, Почётным академиком, кавалером девяти (!) орденов Ленина.

Ещё одна колоритная фигура из этого ряда — левый эсер Дмитрий Попов. Избирался членом ВЦИК! Стоял во главе отряда матросов при ВЧК. После провала восстания однопартийцев в июле восемнадцатого года бежал из Петрограда на Украину к Махно. Есть упоминания, что оказывал влияние на «батюшку» (?). Но кончил скверно — схвачен и расстрелян чекистами.

Ну и невозможно пройти мимо чемпиона Черноморского флота по боксу и французской борьбе, щеголявшего поверх тельняшки в гусарском доломане, расшитом бранденбурами, Феодосия Юстиновича Щуся. Этот самородок после февральской революции присоединился к действовавшему на стратегическом просторе Екатеринославщины отряду Чёрной гвардии знаменитой Маруси Никифоровой, костяк которого составляли стихийники в бескозырках. Однако скоро собрал уже под своё знамя фронтовиков, селян, рабочих, чтобы бить немцев, гетманцев, буржуев и тех, «которые из керенских», тоже. Среди других подобных формирований атаманов Куриленко, Максюты, Дерменджи и других ватага Щуся отличалась особой дерзостью, что было замечено Махно. В разношерстной армии Нестора Ивановича «гусар с вождистским апломбом» занимал должности начальника кавалерии, потом командовал бригадой, возглавлял штаб второй войсковой группы. И... писал стихи. Бесхитростные. Но до чего они были любы крестьянской вольнице:

*Чёрные знамёна впереди полков.
Берегись, Будённый, батькиных клинков.*

После разгрома соединения лихого «партизанского гусара» и гибели его самого в одной из сабельных схваток с опытными рубаками 8-й кавалерийской дивизии Червоного казачества махновцы окончательно потеряли инициативу, начали отступать, а вскоре и совсем уходить за границу.

Не забудем мы и вот эту колоритную пару из великого числом отряда «застрельщиков революции» — Андрея Полупанова и Фёдора Раскольников. Первый командовал на Восточном фронте именованным бронепоездом «Свобода или смерть», а второй, по приказу Совнаркома, руководил затоплением кораблей Черноморского флота, потому как, при полном отсутствии опыта, носил всё же когда-то мичманские погоны. В боях за Симбирск полупановский «крейсер на колёсах» попал в руки каппелевцев, а Раскольников, решив на двух миноносцах совершить рейд на Ревель, угодил вместе с кораблями в плен. Полупанову чудом удалось спастись, когда пароход, на котором он со своей командой и отрядом красных мадяр уходил по Волге к Казани, был захвачен

флотилией Комуча. А Раскольников только в мае девятнадцатого года большевики обменяли на семнадцать английских офицеров, схваченных во время высадки ими агентуры на острова Невской дельты и выведивших из строя объекты военного значения в Финском заливе и на рейде Кронштадта. Полупанов благополучно дождал до седин. Бывший же заместитель Наркомвоенмора после написания (в конце 30-х годов) «Открытого письма Сталину», в котором повесил на будущего генералиссимуса много «дохлых собак», был объявлен Верховным судом СССР вне закона. По этой причине или какой другой, впал в реактивный психоз. И, как утверждала небезызвестная Нина Берберова в своей книге «Железная женщина», в состоянии безумия выбросился из окна пятого этажа психушки, где лечился. Ходили слухи и о якобы причастности к этому делу «карающей десницы» НКВД. Только насколько это соответствовало истине?

Правда тяжела и порою жестока. Её не оседлаешь, как объезженного скакуна — вырвется, скинет, растопчет. Тёмными пятнами крови и пота — не отстирать! — проступает она на одеждах эпохи: белых, красных, зелёных... Юнкера, матросня, малиновые «разговоры» на солдатских шинелях. Погоны и просверк сабель в тревожной Кулундинской степи. Лунные тени обречённых у края дымящейся проруби на реке Ушаковке¹ под Иркутском. И смертный храп загнанных коней, над крупами которых шевелит ветерок пепельную мертвенность казацких чубов. Это был или небыль? Думай, сомневающийся.

...События после октябрьского переворота развивались стремительно. Атаман Ка-ледин разгоняет в Области Войска Донского все советы. Недавний начальник штаба Ставки верховного командования Алексеев призывает вступать в Добровольческую армию. Откликаются, вопреки ожиданиям, немногие. Эти жалкие пока силы отправляются из Ростова в первый «Ледяной поход» на Кубань, который закончился гибелью «надёжи России» генерала Корнилова. Вскоре по обжитым ещё сечевиками степям с «огнём и мечом» проходит отряд большевика Рудольфа Сиверса: расстреливают офицеров и несогласных, насилуют, изымают хлеб. Станичники, ужаснувшись увиденному, напуганные слухами об уравнительном распределении земли и скором обобществлении женщин, восстают и очищают от красных бо льшую часть Дона. Через пару месяцев казаки держат фронт уже двумя конными и шестью пешими полками. Пожарище разгорается. В бездну вековой классовой ненависти, ни дна у которой не было ни покрывши, падают всё новые и новые жертвы.

Это юг России. А на Урале и в Сибири в мае 1918-го победную поступь советской власти на восток приостановил сорокатысячный Чехословацкий корпус — воинское формирование, составленное ещё царским правительством из пленных славян — бывших подданных «лоскутной империи Габсбургов». После Брестского мира не тронутое тленом разложения соединение организовано — при оружии — отступило в пределы России. Но, поскольку мировая война продолжалась, чехи-патриоты потребовали вернуть их на западный фронт во Францию, чтобы поучаствовать в борьбе за освобождение их родины от ига ненавистных австрийцев. Немцы же не желали усиления Антанты за счёт боевого корпуса и в свою очередь напирала на советы, чтобы те любой ценой удерживали репатриантов на своей территории. У большевиков сил для разоружения чехов не было, поэтому они ограничивались рассылкой грозных телеграмм на места и посылкой агитаторов к братьям славянам для обращения их в веру коммунистическую. Те в свою очередь никому не верили. Опасались, что, оставшись без оружия, будут выданы немцам. Захватив более шестидесяти эшелонов, чехословаки двинулись во Владивосток. Но по Транссибу в те дни на запад, согласно брестским договорённостям, первоочередно проталкивались составы с пленными немцами и их союзниками. Одноколейная железная дорога не справлялась. Составы с чешским воинством подолгу простаивали на запасных путях городов и станций, и в итоге к маю корпус растянулся почти на семь тысяч вёрст: отдельные эшелоны уже достигли Приморья, а часть застряла ещё где-то под Пензой. На экстренно собравшемся в Челябинске съезде представителей корпуса была принята резолюция: при любой задержке захватывать паровозы и силой прорываться дальше. А потом был инцидент. На станции Челябинск у нескольких чехов сдали нервы, и они побили своих врагов — венгров. Те схватились за винтовки. Произошла стрельба. Славяне стреляли лучше: один мадьяр убит, четверо ранены. Выручая своих товарищей, арестованных советскими властями, чехи захватили сначала арсенал и центр города, а после телеграммы Троцкого о немедленном разоружении — уже весь Челябинск. Эхо этого события быстро распространилось по «чугунке». Через несколько дней уже в Новониколаевске командир тамошнего чешского отряда отдаёт приказ о захвате ближайших станций и аресте совдеповцев. А дальше покатилося, заулюлюкало, загромыхало. К легионерам

¹ Место казни адмирала Колчака.

немедленно присоединились скрывающиеся в подполье правые эсеры и офицерские организации. Из тёмных квартир и потаённых притонов вылезли на свет божий монархисты и меньшевики, октябристы с кадетами и прочие поборники «единой и неделимой». А ещё велеречивые говоруны («мы за мужика чужой крови не пожалеем»), бандиты («чудак человек, отдай кошелек»), пророки («грядёт время хама и антихриста, спасайся, кто может!») и просто разная сволочь, желающая поплясать у тела ещё не остывшего покойника.

Внезапность, боевая выучка и отменная слаженность действий позволили белочехам в считанные дни выбить большевиков из Сызрани, Иркутска, Самары, Новониколаевска и других городов Поволжья и Сибири. На очереди был Омск. Узнав о мятеже, руководители здешней советской власти из-за стойкой неразберихи на Транссибе скомандовали приступить к срочной эвакуации водным путём по Иртышу с общей дирекцией на север. Первая часть судов, просевшая под тяжестью зерна, масла, муки, битого мяса и другого добра, отшвартовалась от пристаней уже через сутки после принятия решения. И — главное — в одну из ночей трюмы парохода «Комета» были в условиях строжайшей секретности загружены изъятым из хранилищ Омского казначейства золотом и серебром, а также валютой на сумму 270 миллионов рублей. Но ещё важнее: этим же транспортом, не ради собственного спасения, но исключительно для организации будущего и повсеместного рытья могил мироедам и буржуям, отплыла из обречённого города верхушка Западно-Сибирского ревкома — Усиевич, Эйдельман и прочие. Когда стало окончательно ясно, что город не удержат, пароходы «Андрей Первозванный», «Русь», «Ольга» и другие взяли на борт свыше тысячи бойцов и тех, кому явление «освободителей» ничего, кроме петли, не обещало. Покидала Омск флотилия уже под пулемётный треск на окраинах.

...Полковник Иванов — один из руководителей подпольной военной боёвки по кличке Ринов, прошлый начальник Отдельной Сибирской бригады, которую он привёл ещё при Керенском с Кавказского фронта, проводил взглядом уползающий за горизонт хвост каравана судов и обратился к одному из офицеров, стоящих рядом с ним на пристани:

— Если не ошибаюсь, штабс-капитан Казагранди? Наслышан о вас. Сколько под вашим началом сабель, Николай Николаевич?

— Полсотни, господин полковник.

— Маловато. Как командир вновь созданного Степного корпуса, я выделяю вам из своего резерва ещё эскадрон и приказываю перехватить беглецов.

— Но как?

— Берегом. Те суда, что бросили большевики, негодны или нуждаются в длительном ремонте. Организовать погоню по реке не на чем. А времени у нас нет. Прежде всего меня интересует пароход «Андрей Первозванный». Кажется, именно на него, по сведениям наших агентов, красные погрузили золото. Тащиться эти старые корыта будут медленно, поэтому опередить их и устроить где-то засаду, при известном желании, вполне возможно. Покажите же солдатскую смекалку и доблесть русского офицера. Следом за вами выйдет отряд поручика Брыкина. Исполняйте. И да хранит вас Бог.

Иванов-Ринов не знал или не хотел знать, что Усиевич предусмотрительно приказал оснастить пароходы, буксиры и баржи пулемётами и пушками. А ещё посадил на относительно ходкие катера отчаянных хлопцев, поручив им вести наблюдение за берегами и в случае опасности действовать быстро и решительно. Отряд Казагранди скоро настиг караван, но следовал за ним поодаль, стараясь не обнаруживать себя. Выжидали. Искали удобное место для нападения.

...Прошло несколько часов в пути. Никаких признаков преследования флотилии не обнаруживалось. На палубе «Оки» радостно щерился разбитной солдатик: «Эх, ты язва, жизнь подколодная! Чаво, братушки, глядите мертвяками? Живы остались, ну и что таперя, снова в петлю ползать? Пристанем вон до Тобольску, а там в кабаках да хоромах буржуйских особливо для нас перины и харчи готовят. Набъём брюхи да отоспимся на год вперёд. И графинь ишо мисьястых пощупам! Как на всех не хватит? Хватит! Они же все с Москвы-то и Петербургу за новыми женихами сюды подались. Нас дожидаются, князей лапотных, измаялись, поди, бедные. Эх, ха-ха!» Над рекой неслись хохот, матерные частушки, слышалась разноройкая переключка гармошек.

— Однако, — велел Усиевич капитану «Кометы», — на всякий случай делаем так. Пошлите-ка вестового на «Оку» с моим поручением выслать на берег конную разведку. Пусть тщательно обшарят северные и особенно южные подходы к Таре — и доложат. Не верится мне в желание господ «бывших» так просто нас отпустить.

В полночь с подошедших к противоположным берегам — насколько позволяла осадка — буксиров высадило несколько смельчаков. Они с лошадьми преодолели впады мелководные прибрежные заводи, разделились и исчезли в темноте. На судах, потушив огни и приготовив пулемёты, остались ждать. Скоро с правой южной сторо-

ны послышались выстрелы и топот копыт. К самому срезу берега подлетел верховой. Он закричал с надрывом:

— Братцы, полундра! Казачьё кругом! Уходите, братцы!

Ему в «матюгальник» прогорланили:

— Бросай коня, Ванька, шлёпай до нас, а мы щас всыпем «лампасникам» по самую задницу!

Тут же включились прожекторы, и на корме заработал «льюис». Преследователи не ожидали такой встречи, заметались, крича. Кто-то из них спешился и открыл огонь из винтовок. Но матросы уже втащили лазутчика на буксир. Капитан рывкнул в амбушюр переговорной трубы:

— Эй, там в машинном, поддать пару, полный вперёд!

...Ваньку, обогретого и накормленного, проводили в каюту Усиевича. Григорий Александрович протёр очки, внимательно посмотрел на юношу с весёлыми вихрами на голове и повёл рукой в сторону дивана:

— Садитесь и подробно расскажите всё, что видели и запомнили.

Матрос вдруг всхлипнул:

— Убили Прошку окаянные, товарищ Усиевич, кореша моего душевного.

— Он погиб за правое дело. Сотворившие зло не уйдут от кары, — холодно отозвался комиссар. — Я жду доклада.

— Сейчас-сейчас. Проехали мы, значит, версты три, наверное, как приказано было, в сторону на юг. Кустарник кругом, чепурыжник какой-то. Темнотища. Никого. Мы тогда наискось немного взяли. И тут вдруг балка открылась, а из её дымом тащит и варевом мясным. Мы назад. Под берег схоронились. Проня шепчет мне, мол, оставайся тут, а он тихо проверит, чего там. Слез с кобылы и пополз на голоса. Скоро вернулся и говорит, что по всему оврагу казаки у костров спят. Много их. А те, что не спят, вокруг котлов сидят, беседуют. О чём, он не разобрал. Ещё на выходе к реке часовые люди ходят. Ну, мы, не мешкая, назад подались. Да, видать, заметили нас. Открыли пальбу. Гляжу, дружок на землю повалился. Я было к нему. Да тут конные из балки вымахнули. Пришлось спасаться. Видится мне, товарищ Усиевич, казачки-то, ей-богу, по нашу душу наряжены.

— Вы можете быть свободны. Мы подумаем, как отметить вашу храбрость. Но настоятельно прошу: о боге чтоб я от вас последний раз слышал.

Под утро вернулись разведчики с северного направления. Сообщили, что тоже наблюдали несколько разъездов, но чьих они будут, поглядеть поближе поостереглись.

— Забрались-ка мы, товарищ комиссар, далековато, а кобылы под нами смурые, таких только в обозе держать. Не ушли бы, коли погоня случилась, — виновато пробасил дюжий матрос, мявший в руке вместо бескозырки почему-то папаху.

Усиевич приказал вызвать к нему на совещание всех ответственных товарищей флотилии и капитанов.

...Казагранди был зол: он поздно лёг, а его разбудили ни свет ни заря. Приняв рапорт о ночном инциденте от растерянного командира передового эскадрона, понял: их старания оставаться incognito до часа икс оказались напрасными. Фактор внезапности накрылся медным тазом, поэтому медлить далее — преступно. Трубочи сыграли «Общий сбор». И уже через несколько часов казацкие кони пронеслись по улицам Тары к пристаням. Там спешно были реквизированы все сколько-нибудь годные для плавания судёнышки — шивные карбасы, барки, буксиры, рыбацкие посудины с наращенными бортами. На них посажены абордажные команды. К обеим сторонам пассажирского дебаркадера подтянули металлические лихтеры, обставленные — на манер баррикадный — мешками с песком, из-за которых тоскливо глазели на реку стрелки поручика Брыкина, а в глубине прилегающих к Иртышу улиц притаилась конница.

Но в штабе беспощадного пролетарского, революционно-яростного, как тогда любили выражаться, плавучего боевого дивизиона нехитрый замысел «контриков» разгадали. По мере приближения к городу караван перестроился. Во фронт предстоящей баталии встали пароходы с пушками и солдатами по борту. Вдоль строя рыскали катера, на каждый из которых было передано по несколько пулемётов. Когда до Тары оставалось версты две, прислуга орудий вогнала в казенники стволов снаряды. Начался обстрел. Сначала из пушек, а затем и бомбомётов. Собранные Казагранди речные лохани прыснули в разные стороны. Ну а потом, подойдя поближе, армада красных принялась поливать свинцом из трёх десятков пулемётов хлипенькие причалы и береговые позиции. Казачки дрогнули и побежали. Не давая им опомниться, с судов выбросили десант в пару сотен штыков. Поддержанный артиллерией, он к вечеру очистил город от незваных гостей. И что не удалось когда-то Гравиятову с Донником, исполнили красноармейцы. Они с ходу сбили охрану Тарской сберегательной кассы и выволокли из её подвалов всю наличность, что там хранилась. Уже на пароходе под-

считали — 180 тысяч рублей. Неплохой довесок к уже имеющемуся золотому запасу. Санитарные команды свезли на судна своих раненых. «Мортусы» наскоро предали земле погибших. Флотилия двинулась дальше на север.

...Тобольску непосредственной угрозы со стороны белых ещё не было, но и защищать его, как выяснилось, сил не находилось. Усиевич свою омскую гвардию членить не собирался, а сидящие в городе пришлые разномастные, горластые, плохо вооружённые и ещё хуже обученные группы «попутчиков» и сочувствующих не столько думали о сущем моменте, сколько затравленно грызлись между собой за власть. После яростной ругани решили оставить Тобольск. Отплыли, прихватив опять же всё ценное, в том числе 200 тысяч рублей из губернского банка.

Связь с Тюменью отсутствовала. Никто не знал, какая там складывается обстановка. Члены ревкома нервничали. Совещались, разбредались по каютам, опять совещались. Наконец, договорились часть золота и денег — на всякий случай — отправить катером вверх по реке Тавде в безопасные пока места, а оттуда уже железной дорогой доставить в Екатеринбург. Основным же силам надлежало быть в постоянной боевой готовности и с предельной осторожностью следовать до Тюмени.

...В «столице деревень» хозяйничал в те дни прибывший с большими полномочиями Уралсовета Павел Данилович Хохряков — храбрец-удалец, расторопный исполнитель, для которого, собственно, и выстилалась в начале главы представительская дорожка из ярких лоскутков биографий известных «клёшников». Чтобы прошёлся по ней и он — учебного линкора славный коچهгар, ставивший когда-то на дыбы с тёзкой своим Павлом Дыбенко Балтийский флот, а теперь вот назначенный сколотить и возглавить революционную карательную экспедицию Тобольского направления.

Глава 2. ОГНЁМ, МЕЧОМ, ЗЛОДЕЙСТВОМ

Хохрякову докладывали: в городе, переполненном слухами и провокаторами, начались грабежи. Не участвовали в них разве только дети малые да отходящие ко Господу старики. Полномочный комиссар ярился, узнавая, что налёты на штабные здания и суда, куда свозились ценности, зачастую организовывали и осуществляли обычные служащие, ещё вчера лояльные советской власти. Ловить таких оборотней было трудно, но когда случалось, долго с ними не церемонились: «По законам революционной необходимости просим вас, господа, вот сюда — к стеночке!» Но ночная стрельба на улицах не прекращалась. Крики взывающих о помощи раздавались всё чаще и оставались во многих случаях неуслышанными. Обыватель был смят и напуган. Проклятья неслись в обе враждующие стороны — умирать что от пули кадетов, что от пули коммунарской никому не хотелось.

...Палестин растолкал спящего Гравиатова, радостно сообщил ему:

— Вставайте, Глеб Самойлович, кажется, наше долгое сидение в дыре под названием Тюмень заканчивается. Я только что разговаривал с Бершадским, помните такого? Мы час тому встретились случайно на улице и откровенно поговорили. Он, оказывается, хорошо знал моего дядюшку по совместной подпольной работе в Кургане. И, к нашему счастью, буквально вчера получил назначение в штаб речного отряда, который скоро отправится в Тобольск. Несмотря на некоторые идейные разногласия, большевик согласился помочь нам, — бывший адвокат смотрел непонимающе. — Ну, Бершадский, из комитета по продовольствию здешнего совдепа. Неужели запамятовали? Он ещё в феврале или марте, кажется, заверял, что с наступлением тепла нас, как людей грамотных и пострадавших от самодержавия, обязательно привлекут к созданию чрезвычайных отрядов. Они замышляются как суровая сила для изъятия хлебных излишек у сельских богатеев и кулачья. Вспомнили?

— Кажется, был такой разговор, припоминаю, но я уже никому и ни во что не верю.

— Встряхнитесь, Гравиатов, где же ваше классовое чутьё? Это наш последний шанс попасть в Тобольск. Нельзя же так раскисать. По словам комиссара, малочисленные заслоны пролетариев не смогут долго сдерживать натиск мятежников. Через несколько дней они будут здесь. Поэтому спешно и составляется экспедиция, перед которой поставили задачу не дать кадетам проникнуть в северные области вдоль Туры и закрепить там. Завтра мы должны быть на пристани. Маркел Демьянович попробует определить нас на один из пароходов.

— Делайте, как считаете нужным. — равнодушно отозвался адвокат.

Утром, сдержав слово, Бершадский прислал за ними коляску. Встретив на многолюдной пристани, дружелюбно поздоровался и пригласил следовать за ним. Показывая поминутно свои документы часовым и патрулям, провёл бывших каторжан к пароходу «Ока». По трапу поднялись на палубу, прошли в салон-каюту капитана. Плохо освещённое помещение хранило следы ночной посиделки — едкий табачный дым

смешался с запахом чего-то казарменного, болотно-кислого. На столе чашки, пепельницы, придавленная по углам пузатыми графинами большая карта со множеством пометок. Вокруг в креслах расположилась головка экспедиции (каждая фамилия, как выстрел в затылок) — Г. Дислер, В. Дуцман, И. Пейсель, И. Каганицкий, В. Кангелари. Сам Хохряков, укрытый солдатской шинелью, спал на диване за перегородкой.

— Разбудите его, — попросил новоиспечённый начальник штаба.

— Павел Данилыч приказал не тревожить его до обеда, — сказали ему. — Пусть ваши знакомцы сначала нам, военному совету, расскажут о себе. Кто такие? Чего хотят?

— Не можем же мы вот так, без дознавательной процедуры, взять на ответственное дело неизвестных людей. И тем более располагать их рядом с собой на флагманском пароходе, — мрачно посмотрев на вошедших, негодуяюще произнёс Исаак Пейсель — тощий, рыжеголовый, годов двадцати с небольшим от роду, но уже заместитель председателя губисполкома. — Я, как вы знаете, только что вернулся из Сургута. Так вот, когда мы решительно наводили там порядок, каждый второй задержанный грабитель или погромщик выдавал себя именно за сыльного или каторжанина. Бумагами вроде правильными трясли, рубахи на груди рвали, а сами что вытворяли, бандиты!

Продкомиссар, откинув защёлку, открыл иллюминатор. Неодобрительно прогудел:

— Товарищи, Исаак Гиршевич ещё молод и не может помнить давние судебные процессы над нашими героями. Но вам-то, старым большевикам, должен быть известен идейный учитель тобольских пролетариев Евгений Коряков. Этот красавец, — Бершадский указал на Палестина, — не кто иной, как его племянник, пять лет проведший на нерчинской каторге. Рядом с ним, знакомьтесь, известный судебный защитник гражданин Гравиатов. Он получил «бессрочку» за подготовку экса в Тарском казначействе. Оба уже почти год пробираются по Сибири на родину в Тобольск. Что же мы, оттолкнём их от себя? Касаемо надёжности товарищей, то скажу так: сомневаться в их преданности делу революции лично у меня нет оснований.

Из-за перегородки неожиданно вышел Хохряков. Потёр лицо ладонями, огляделся:

— Шумите? Баланду травите? Я слышал разговор и считаю мнение начальника штаба верным. Вы, Пейсель, излишне подозрительны и, как мне известно, в вынесении приговоров скоры на руку. А нам сейчас как никогда нужно единение. За каждого, кто желает вступить в наши ряды, надо бороться. Так учит нас партия и Ленин. Маркел Демьяныч, — указал Бершадскому, — устройте товарищей, но проследите, чтоб балластом на судне они не болтались. Будет надобность, привлекайте к аврамам наравне с другими. Посмотрим, на что они способны.

Дело вскоре нашлось. Прибывший с омской флотилией в Тюмень Усиевич самочинно решил возглавить оборону города и встал, что называется, в диктаторскую позу. Это многим не понравилось. Бывший прапорщик, а ныне «красный адъютант» Чувиков, особенно уязвлённый оттиранием его — одного из «столпов» обороны — на вторые роли, стал тайно склонять сослуживцев отодвинуть омичей от руководства гарнизоном. Между тюменскими и пришлыми красноармейцами начались стычки. Хохряков, узнав, приказал Бершадскому пресечь вылазки «контры» на корню: не хватало ещё в такое время перестрелять друг друга. Палестину и Гравиатову выдали вместе с мандатами револьверы, кепки со звёздами над козырьком и велели найти, арестовать и доставить зачинщиков мятежа на «Оку» живыми.

— Докладывают, офицерик там воду мутит, поэтому Пейселя или Дуцмана посылать нельзя. Да и Каганицкого тоже. Пришьют они из классовой ненависти мальчишку этого прапорщика, а нам желательно знать истинные причины и цели провокаций, — объяснил начальник штаба.

Однако, пока «речники» собирались, решали, кто куда и с кем направится, омичи, не в пример им, действовали быстро и кроваво-решительно: заперли с двух сторон улицу, где скопились выкрикивающие угрозы несогласные, и положили — по чьему приказу? — их всех из пулемётов. Таким образом уральскому посланцу дали понять, чтобы занимался он водными делами, а сухопутные оставил другим.

...Ночами в отведённой им каюте «каратели поневоле» вполголоса обсуждали перипетии последних дней, пытались осмыслить происходящее. Гравиатов, прихлёбывая испитой чай, ёдко спрашивал:

— Чем, скажите, пожалуйста, отрицатель вы мой очевидного, нынешние события отличаются от не так давно происшедших? А ничем. Не слышали, случаем, старую баутку о дарованных когда-то народу свободах? Извольте, могу развеселить. Лондонский бульдог как-то зазвал к себе на ужин московского Бобика. Тот без всяких этикетов сразу накинулся на дармовую еду. Жрёт — чавкает, ушами трясёт, слюни в разные стороны летят. Англицкий пёс морду воротит, но для поддержания светской беседы интересуется: «Ну как вам теперь живётся после обрётённых вольностей?» Безродная

псина ему: «Хорошо живётся. Цепь удлинени на два метра, миску отодвинули на три. Зато гавкай — сколько хочешь!» Не это ли самое проворачивают сейчас новые власти?

— Не торопитесь с выводами, Гравиатов. И не вздумайте делиться своими мыслями с кем-то ещё. Наша задача сейчас — попасть в Тобольск. А там будем смотреть и думать, откуда есть пошла правда и на чьей она стороне.

— Большевики сегодня, как мне кажется, походят на средневекового идиота Генриха Наваррского, мечтавшего видеть в супе каждого крестьянина курицу, — не унимался адвокат. — Но разве такое возможно?

— Глеб Самойлович, эх, Глеб Самойлович. Не об этом сейчас надо думать. Вы бы лучше больше внимания уделяли личному оружию — научились разбирать его, смазывать. Экспедиция на днях отправится, а в ходе её случиться может всякое.

— Моё оружие — слово, господин воинствующий социалист. Вы ещё на Кутомаре пытались приохотить меня к своему ужасному радикализму. Но он для меня плохой поводёр. Поэтому я просил бы вас по возможности уберечь меня от действий, сопряжённых с насилием.

— Не получится. Я дал слово Бершадскому, что мы будем исполнительными членами команды. И потом, объясните мне, каким образом ваши негодующие речи в условиях всеобщей разрухи и ненависти всех ко всем способны как-то облегчить ну хотя бы наше положение? Да ваше слюнтяйство только погубит нас.

Тем не менее, Гравиатов как будто внял словам своего молодого дискусанта и стал часами возиться с револьвером. Вызывающе добросовестно. Разберёт — соберёт, разберёт — соберёт. Сунет в кобуру. Снова достанет. Оботрёт тряпицей. Откинёт барабан, вытащит патроны. Подует в дуло, прицелится... Стук бросаемых на стол деталей, злое сопение... Надоел. Палестин, чтоб не сорваться и не приложить кулак к лицу... этого... этой... скнишы... выходил из каюты, неспешно прохаживался по палубе, смотрел на пепельно-кровавые июньские закаты. «Сломала человека жизнь. Не каторга, а то, что было до неё и после, — думал неприязненно. — А всё почему? Стержня в нём нет. Не боец он и, значит, пропадёт скоро. Зачем я вообще согласился сопровождать его после освобождения? Знал ведь, что с этой рохлей бед не оберёшься. Пожалел землячка, дал слабину. И застрял в Сибири на долгие месяцы».

Во время таких невесёлых раздумий его и застал как-то адъютант Хохрякова — здоровенный матросище с бронзовым мясистым лицом. Навис глыбой. Пальцы правой руки бьют дробь по коробке с маузером, брови сведены к переносице. Палестин невольно вжал голову в плечи: рожает же земля русская таких изрядных детинушек!

— Каторжный? Из тобольских? Азабиди фамилией? Ты мне и надобен. Чрезвычайный комиссар чрезвычайно приказали сегодня после вечерних склянок без шума ночного прибоа затралить тебя в его каюту для тонкого разговору, — откозырял богатырь. — Запомни, Павел Данилович очень не любят опозданий, так что просим его не огорчать. Оружие при себе иметь без надобности.

— Проходи, грек сибирский. Я вызвал тебя вот для чего, — шагнул навстречу вошедшему Палестину балтиец и сразу зачастил словами. — Слушай сюда внимательно. Очень, повторяю, внимательно. Завтра отряд снимается с якорей. Пойдём очищать от контры северные румбы. Там сейчас заштормило. Пять баллов пока, но кадеты собирают силы. Аэропланы, говорят, к ним на подмогу прислали. Плохо. Для нас плохо. А ты садись, садись, кофею вот испей настоящего и сахар бери, — Хохряков уселся сам, подался телом в сторону Палестина. — Вот и скажи мне, что же это такое получается? Контра, значит, крепчает, а у нас на судах языками палубы метут. На берег к девкам да в кабаки сивухи налакаться бегают. В каюты, сам видел, шантрапа какая-то при шляпах и с парасолями¹ набилась. Кудахчут, вниманья требуют. Спрашиваю: кто такие? Отвечают, мол, родственнички наших штабных Дислера, Кангелари и прочих от беляков спасаются. А ведь есть среди них, флотское моё слово, и такие, которых в гальюн если спустишь — спать крепче будешь. Теперь я открою топку, а ты держи лопату крепче. Мы тут с буржуев где только можно мзду в пользу народа собрали и свезли её на «Оку» и «Ермак». Большие, я тебе скажу, денги. Очень большие. Лучше бы их, конечно, не видеть — первостатейная головная боль они. Но надо богатства эти сберечь и хоть умри, но в целости доставить куда приказано. Это раз. Теперь ещё один панталык. Весной, следом за бывшим царём и его семейством мы подчистили ненадёжный Тобольск, арестовав там кое-какой элемент. Я ещё в Екатеринбурге, получив приказ отправляться в Тюмень, решил часть пленников вместо заградительных бонов взять с собой в экспедицию. Сейчас они на «Ермаке» под замками сидят. Так вот, верные люди доносят, что этой ночью может случиться попытка освободить их. Но я думаю, что бандитам पहले всего нужно золотишко. За ним они сюда и полезут. Этого,

¹ Парасоль — зонтик.

как ты сам понимаешь, позволить никак нельзя. Ясно тебе, браток? Отправляйся на самоход со своим краснобаем экспроприатором оборону держать.

— Вдвоём? Но ведь мы...

Хохряков рубанул рукой воздух.

— Страви пар, товарищ Азабиди. Твоя задача — никак не протабанить¹ любую вражью вылазку. Повторяю: команды судов набирались аврально. Не было у нас возможностей и времени проверить каждого. На лайбе, конечно, охрана есть и обязательно, но и шкура недобитая, чую, там тоже затаилась. Поэтому и отдал приказ начальнику штаба дополнительно послать туда инородцев из интернационала — перешедших к нам революционных мадьяр. Расставишь их на судне так, чтобы они заградили все подступы к трюмам, капитанской рубке и машинному отделению и глаз не сводили с судовой матросни. Сейчас там заканчивают погрузку орудия и ящиков со снарядами. Как только работы на якорь поставят, заменишь все караулы на свои. Пусть венгры смотрят, чтобы ни одна посуда больше к борту «Ермака» не приближалась. И за берегом тоже чтоб приглядывали. Слухи о нашем золоте по городу ползают давно. Это факт. Ты возьми обстановку за горло и при самой малой подозрительности немедля пускай кровь гадам. Разбираться потом будем. Завтра, как только выгребем на фарватер, офицерье и некоторых ещё господ переведём сюда — на «Оку» под мой присмотр. А пока стой вахту неусыпно. Слово даю: не допустишь промашки, к себе в штаб возьму. Для поручений у меня состоять будешь.

— Павел Данилович, а позвольте спросить, драгоценные головы кого нам предстоит поберечь? Может, знакомцы среди них имеются? Жандармский ротмистр Мазепа, к примеру. Я бы охотно побеседовал с ним.

— Такого нет. Успел сбежать, наверное. Кстати, вот тебе бумага, в ней фамилии их благородий, в чинах которые постарше. Лично проверь по списку, все ли они на месте. Есть, кроме них, ещё рыбёшка мелкая, но её переписывать не стали. Всё. Отправляйтесь. По левому борту вас ждёт дежурный катер с венграми. И не забудь печати на спецификах осмотреть.

...Гравиатов, выслушав Палестина, покорно нацепил кобуру с револьвером на пояс. Накинул тужурку, надел кепку. Через несколько минут на узком мостике катера перед Глебом Самойловичем, посчитав его, видимо, за старшего, вытянулся человек в кавалерийской шинели, перетянутой ремнями, чётко представился:

— Штабфельдфебель австро-венгерской армии Золтан Мештерхази, командую караульный взвод. Какой будет приказ?

— Бывший фельдфебель, бывший, — поправил Палестин. — Сколько вас и кто ещё говорит или понимает по-русски?

— Бывший я, так есть. А всех нас двадцать будет. И ваши, как это говорить, ругательские ругательства разумеют все, — прозвучал бодрый ответ. — Мы уже несколько лет в плену, и где живёт который есть конь в пальто, нам немного показывали. — мадьяр постучал себя по шее.

— Ну, тогда всё в порядке. Сейчас следуем к «Ермаку», осматриваем подступы к нему со всех сторон и только потом поднимаемся на борт. Укажите своему интернационалу оружие держать на изготовке.

Июньский день угасал, но на флотилии продолжался аврал — от берега отваливали бесчисленные лодки с тюками, ящиками, бочками. Ругань, скрип лебёдок и уключин, на палубах суета грузчиков, ржанье лошадей...

Капитан парохода — грузный, усы и виски с проседью, по виду настоящий речной ящер — велел старпому, чтобы заканчивал установку пушки без него, а он пойдёт встречать прибывшее начальство. Первой же просьбе Палестина рассказать об обстановке на корабле удивился:

— Чего это Павел Данилыч заволновались? У нас полный порядок. Готовим старушку свою к выходу. Артиллерию излаживаем к стрельбе. Провиант и конский фураж загружаем. Читаю тут в вашем документе, что для усиления охраны пожаловали. А с какого такого праздника переполох? Нас и так стерегут, как султанский гарем. Возьмите мой цейс, обозрейте пристань. Вон катера Гришки Уколова, Сашки Беспалого и буксир зятяка моего малахольного Ляксея, — капитан брезгливо сплюнул за борт, — все в помощь нам изготовлены. И сторожей по берегу ходит — полк собрать можно.

Палестин посмотрел в глаза старика.

— Комиссару виднее. Мы останемся у вас на ночь. Это приказ Хохрякова. А сейчас сопроводите нас к месту, где содержатся известные нам люди.

— А чего этим вражьи мордам поделается? Все на месте, касатики. Инструкция соблюдается. Обедаем их два раза на день. Воду в лохани льём. Как потребуют, так

¹ Не протабанить (мрск. жарг.) — не прозевать.

выводим под конвоем для справления нужды. Вот как раз, заметьте, сопровождают одного. Говорят, бывший жандармский ротмистр вроде бы. Ишь, как зыркает, сволоочь. Сидят арестанты смирно, не бузят. Часовые рядом с ними без отлучки. Чего ещё? На ящиках с деньгами печати тоже в цельности, сам два часа назад проверял. Пойдёмте лучше отужинаем, товарищи. На камбузе уху из налима обещали спроворить, тройную, как я люблю. Доводилось пробовать? Нет? Тогда прошу в мою берлогу. Буфетчик у нас каналья, конечно, порядочная, но водочкой всегда располагает. Ежели попросим, нальёт по чарочке. А воинство ваше я распоряджусь накормить отдельно и на ночлег определю.

Уверенное поведение капитана успокоило Палестина. Но, отведав в сторону Золтана, посоветовал ему лично обойти пароход и обязательно поговорить с подчинёнными. Время тревожное, смерть подстерегает всюду. Мештерхази перекрестился:

— Помогай нам русские боги — Авось и Небось!

...Уха оказалась и правда отменной. И лучок, и чесночок в ней, и на соль нет перебора. А запах какой, а рыба — налимом таял во рту. От чарки Палестин с Гравиатовым отказались. Капитан же рюмочку, затем и другую выпил. Хотел завести гостей на разговор. Но те, сославшись на предстоящее ночное бдение, попросили проводить их куда-нибудь для отдыха.

— Иди покажи товарищам боцманское жильё, оно сейчас пустует, — приказал капитан дежурному матросу. — Если я вам понадобится, ищите или здесь, или на мостике.

В каюте Гравиатов, не снимая сапог, повалился на кровать, натянул на голову одеяло, а Палестин присел к столу у иллюминатора, достал листок со списком заложников, развернул. И споткнулся о первую же строчку — епископ Тобольский и Сибирский Гермоген. Вспомнил слова Хохрякова о заградительных бонах. Задумался. Само имя священника ему ничего не говорило. Но сан! Вот как, оказывается, пекут революционные блины! «Надо сходить к «ящеру», расспросить», — решительно поднялся, вышел в коридор и направился к мостику.

— Вас, кажется, Семён Семёнычем величают? — обратился к удивлённому капитану. — Вижу, не спится вам. Мне тоже. Пытаюсь заглянуть в будущее и угадать, чем же всё-таки закончится наш поход? Помогут нам золото и те, кто под палубой?

— Туманно излагаете, молодой человек. Не верите в успех экспедиции? А чего тогда вообще здесь делаете? Я вам вот что скажу: Хохряков хоть и рубит часто с плеча, но поступает согласно моменту. Ценности, что сейчас лежат под нашими с вами ногами в трюмах, принадлежать должны народу. По справедливости. А тех, кто так не считает, того — к ногтю.

— Согласен с вами, но отчасти. Среди пленников есть настоящие враги революции — жандармские и казачьи офицеры. Однако как попал туда церковный деятель? Люди у вас в команде разные. Что они об этом говорят?

— Ничего не говорят. Не их это дело. Если хотите узнать подробности, поговорите с присланным на пароход доктором Жуховым, он как раз находился в Тобольске, когда арестовывали попа.

— Спасибо, Семён Семёнович. Вы не подозревайте меня ни в чём. Кадетов мы разобьём, причём до основания, золото кому надо доставим и построим скоро и обязательно то, о чём мечталось долгими годами в нерчинской каторге.

— Эко вас, оказывается... — крикнул капитан. Но Палестин не дал ему договорить:

— Подскажите лучше, где я могу найти эскулапа?

...Под нужды медицины на пароходе отвели три каюты. Палестин постучался в одну из них. Дверь открыла девица — чистенькая, с усталыми глазами. Пояснила, что у Спиридона Ивановича сейчас променада на палубе:

— Но он вот-вот подойдёт, так что можете подождать его. Располагайтесь здесь на кушетке. Расстёгивайте тужурку, у нас душно, а иллюминатор почему-то открывать не положено.

Жухов, действительно, скоро появился. Как-то колюче осмотрев гостя, недовольно осведомился, что означает сей поздний визит? Палестин, протянув ему свой мандат, извинился:

— Простите, я вас долго не задержу. Но мне понадобилась помощь, нет-нет, не врачебная, другого порядка.

— Вы можете идти отдыхать, Машенька. — разрешил доктор сестре милосердия.

— Но сначала сходите на камбуз, попросите там чашку каши. Нездоровый цвет лица товарища уполномоченного говорит, что в последнее время он скверно питался. А мне принесите стакан этого жуткого морковного эрзаца, — и пояснил сокрушённо: — Кофе, увы, нынче можно испить только в воспоминаниях, — девица склонила голову и вышла. Спиридон Иванович уселся рядом с Палестином на тахту. Положил руку на его колено, назидательно сказал: — Готовность следовать рекомендациям врача говорит

о вашей разумности. Только глупцы перечат нашему брату и потому рано умирают. Я готов вас выслушать.

— Мне запрещено заводить разговор на эту тему с кем бы то ни было. Но, уповая на вашу порядочность, доктор, решусь. Как давно вы видели тех людей, что заперты под палубами?

Жухов приподнял бровь:

— Я тоже давал слово соблюдать режим молчания и результаты осмотров пленников должен докладывать только Хохрякову.

— Простите, но меня интересует не общее состояние арестантов, а то, с какой целью и при каких обстоятельствах они оказались здесь?

Спиридон Иванович встал. Потёр виски.

— Наивный юноша, а вы не подумали о том, что ваше любопытство я могу расценить как попытку узнать некую тайну, в которую комиссар посвящать вас не счёл нужным? Не отвечайте. Я вижу: вы человек искательный, с холодным рассудком, пытаетесь разобраться во всём до конца. Но иногда возникают такие ситуации, когда лучше этого не делать, потому что опасно, ну и по той простой причине, что изменить-то мы ничего не в силах.

В каюту вошла Мария, поставила на стол чашку с холодной кашей. Как-то виновато сообщила:

— А вашей морковной болтушки, доктор, нет. И хлеба тоже. Пейте кипяток. Сахар и сухари в нижнем шкапчике. Я пошла к себе. Спокойной ночи.

— Ешьте, товарищ уполномоченный, — потребовал Жухов. — Даже если не хотите. И послушайте мой совет: ветры сейчас подули злые, идти против них — хребет сломаешь. И Павел Данилыч — это вам не либерал какой-нибудь или старосветский помещик, у которых для провинившихся существовало одно наказание — порка на конюшне. Увы. Нынче в моде — расстрелы. Поэтому будьте осмотрительны и исполняйте только то, что вам поручают. Время собирать камни ещё не наступило.

— Благодарю за откровенность. И всё же. Зачем Гермоген понадобился Хохрякову?

— Да не ему он понадобился. Вы что, не знакомы с декретом об отделении церкви от государства? А про то, как воспринял сей документ владыка, что-нибудь слышали? А вот мне довелось. Тогда весной в Тобольске, где я жил, но сидел без работы, ходили по храмам и среди паствы множественные листки с призывами святителя «сохранить верность вере отцов, не преклонять колена перед идолами революции, требующими от православных искажения русской народной души безбожием и скотским развратом», а сам декрет иначе как началом лютых гонений на церковь и не назывался. Потом, в апреле, кажется, после благословения патриарха Тихона, в городе провели крестный ход.

— Простите за моё невежество, — прервал врача Палестин, — но у нас, в силу известных обстоятельств, возможностей следить за всем происходящим было мало. Поэтому и спрашиваю: теперь что, избран всероссийский патриарх? Помнится, ещё недавно делами церковными ведал Святейший синод.

— Тихон принял сан ещё в сентябре прошлого года, — недовольно посмотрел Жухов и продолжил: — Так вот, на шествие тогда вышло всё духовенство города и очень много людей. Под сенью святых хоругвей, со святым крестом и иконами процессия прошла по всем главным улицам. Разумеется, власть советская восприняла это шествие как вызов себе. Святителя арестовали сразу по окончании хода на Соборной площади. Паства попыталась отбить его. Ударили в набат, но пришлые солдаты — латыши, кажется — стали стрелять по звонарям. Толпу разогнали. А вскоре епископа тишком вывезли в Екатеринбург.

— Ну вот видите, Спиридон Иванович, тайн больших вы мне не раскрыли, однако кое в чём просветили. Пойду я, надо проверить караулы.

— А каша? Вы к ней так и не притронулись. Зря я вас похвалил.

...Склянки на пароходе пробили начало «собачьей вахты». Мештерхази после обхода часовых примостился на снаряжном ящике у кормового орудия. Приказал себе не спать. Ночь выдалась ветреная, безлунная. Город, погружённый во тьму, из-под высокого берега не был виден, зато хорошо слышен — он, как исполинское животное во сне, тяжело дышал, ворочался, вздыхал. Но вот этот металлический скрежет ли, приглушённый ли стук молотка о наковальню откуда возник? Вот ещё и ещё. Золтан насторожился.

Встал и подошёл к краю палубы. Глянул вниз. «О, беззубая Босоркань!»¹ — выругался неслышно. Чёрные тени нескольких шлюпок с людьми качались у самого корпуса парохода. Ещё две огибали корму с явным намерением прилепиться к судну с

¹ Босоркань (венгр. миф.) — ведьма.

другого борта. Скользили они практически бесшумно, видимо, на вёслах сидели опытные гребцы. А звук железный? Вот он откуда происходит: две абордажные кошки уже вцепились в ограждение, а вот и третья, глухо скребнув металл, совсем рядом повисла на стенке. Мештерхази, не раздумывая, выхватил револьвер. Несколько раз выстрелил. И, кажется, попал в кого-то. Внизу раздался крик, всплеснулась и с шумом осела вода. А сверху с высоты мостика, срывая людей из постелей, ночь разорвал ревун. Пароход тут же осветился огнями. Кое-где распахнулись иллюминаторы, и из них, как из бойниц, высунулись дула винтовок. Беспорядочная, бесприцельная — в темень — стрельба, топот ног, свистки кондуктора. Встрёпанный капитан выскочил на палубу и матюгами подгонял матросов спускать шлюпки, прыгать в них, и:

— Ни одна гадина чтоб не уползла!

От берега, постанывая машиной, поспешал буксир. Зять капитанов сам стоял за пулемётом и кричал прожектористу, чтобы тот понадежнее схватил лучом за ноздрю вон ту, самую шибко убегающую лодку-шестёрку. Узкая полоса света заплесала по головам затравленного оглядывающихся людей. Ляксей, оскалившись, нажал на гашетку... А с другой стороны парохода огонь по неизвестным вели Палестин с десятком венгров и выскочившие по тревоге на палубу матросы команды. Возможности скрыться нападавшим не оставили. Кто-то из них, получив пулю, утонул, кого-то доставили к Хохрякову.

— Чего делать с ними будем, Павел Данилыч?

— Отправляйте на берег. Пусть Усиевич им языки развязывает. Ему в городе оставаться, ему и знать, кто снарядил эту сволочь пожар во время наводнения устраивать. За революционное сознание и бдительность венграм моя благодарность, а всем остальным приказ: завтра выходим, караулы удвоить, свободным от вахт спать. Думаю, что больше никто не сунется.

А Гравиатов всё это время находился в каюте. Закрылся на ключ. С колотящимся сердцем сидел в темноте, боясь, что освещённый круг иллюминатора может привлечь внимание налётчиков. Нервно вздрагивал от звуков выстрелов, сжимался. «Боже мой, боже мой, когда же кончится вся эта революция?» — думал тоскливо.

— Вы, оказывается, обычный трус, — брезгливо сказал ему вернувшийся под утро в каюту Палестин. — Люди жизнью рисковали, а вы пеклись о сохранности своей загородной плоти. стыдно! Что, действительно плохо вам? Тогда ступайте к Жухову, мудрый старик поставит правильный диагноз вашей немочи. И, думаю, догадается списать вас с парохода как негодного к военному походу. Я лично против такого решения возражать бы не стал.

— Вы правы, — не поднимая головы, выдавил Глеб Самойлович. — Я, пожалуй, останусь в городе. Пережду это безумие. Господа из чуждого теперь лагеря разве делают мне что-то плохое, а? Я же дворянин, бывший чиновник судебной палаты. А мои юношеские шалости и каторга, так кто о них здесь может знать? Простите, но мне просто страшно, — пошёл к выходу, но вернулся, поглядел просяще. — Позвольте, я возьму с собой казённое оружие. И звезду на головном уборе сниму. Мне так намного спокойнее будет.

— Может быть, всё-таки, — у Палестина дрогнул голос, — покажетесь доктору? С вашими сдавшими нервами недолго и на безрассудство решиться. Пойдёмте, я передам вас на руки Спиридону Ивановичу. О вашей слабости, помня наши каторжные узы, рассказывать ему не стану, — и, заметив, как адвокат пытается сунуть револьвер в карман тужурки, прикрикнул: — Оставьте вы его, ради бога, в покое! На пароходе вам ничего угрожать не будет.

Жухов, пошептавшись с Палестином, приказал Гравиатову снять верхнюю одежду и лечь на кушетку. Пощупал живот, посчитал пульс, долго слушал в стетоскоп дыхательные шумы за грудиной. После осмотра кожных покровов, разрешил:

— Вставайте и одевайтесь, милейший. Ваш организм взывает о помощи. Надо думать, как помочь ему. А ведь я помню вас молодым и цветущим, — объявил неожиданно. — Вы спасли от каторги дочь моего давнего друга — Любочку Колодяжную, которую привлекли к суду за фабрикацию и распространение зловердных воззваний. Я был на том шумном процессе. Запомнилось. Обвинитель требовал упечь девочку на восемь лет в рудники. Но ваша отповедь несправедливости подвигла присяжных не согласиться с ним. Вы тогда спасли не только Любочку, но и честь её отца, решившего в случае вынесения не оправдательного вердикта уйти из жизни. Мы всё порывались отблагодарить вас, но не знали как. А потом прослышали о вашей трагедии...

— Спасибо. Я храню в памяти все дела, которые вёл когда-то. Где же сегодня Любовь Константиновна? Она, кажется, проявляла способности к языкам. И рисовала, говорят, недурственно.

— Пропала где-то в Галиции наша красавица вместе с армией генерала Самсонова, — вздохнул доктор. — Слушать никого не хотела. Настояла. Окончила курсы. Служи-

ла сначала в санитарном поезде, а потом вдруг вызвалась идти санитаркой в походный лазарет. А Константин уже в семнадцатом, не дождавшись вестей от дочери, добился зачисления вольноопределяющимся в какой-то полк на Западном фронте и тоже сгинул.

Помолчали.

— Вот у вас и появилась возможность отблагодарить господина адвоката, — вымолвил Палестин. — Отвлеките его от разрушающих мыслей. Побеседуйте с ним, как говорили на каторге, за жизнь. Расскажите ему в том числе о скорби Гермогена и о том, как держится владыка, предчувствуя, что ему уготовано. И прошу вас, Спиридон Иванович, никакого морфия чтоб, никакого спирта.

— Не волнуйтесь и будьте покойны, ни того, ни другого у нас, к сожалению, нет. А Хохрякову, который безжалостен к симулянтам, скажу, если поинтересуется, что у товарища вашего такие же давние нелады с лёгкими, как и у него самого. Но эту врачебную тайну, надеюсь, вы оставите при себе.

— С комиссаром я договорюсь. Лечитесь, буду вас навещать.

...На восходе солнца флотилия по заранее намеченному плану стала выстраиваться в походный ордер. Первыми за лоцманским катером потянулись на середину реки самые крупные самоходы, за ними буксиры потащили баржи, а следом пошлёпали разнотипные «старички» — судёнышки давнишней постройки, но ходкие ещё и кое-где даже подкрашенные. Учтя опыт амбаркации¹ Усиевича из Омска, караван по берегу в этот раз сопровождало несколько кавалерийских отрядов. Вечеру подошли к Покровскому — сельцу, известному всея России как место появления на свет для кого-то «нашего Друга и божией милостью целителя», а для кого-то грязного конокрада и зловещего старца Григория Распутина. Хохряков, осматривая в бинокль берег, делился воспоминаньями со стоящими у него за спиной присными. Кривил губы:

— Был я здесь весной, когда везли царское семейство на Урал. Лошадей меняли. Стояли долго, разведку, высланную на маршрут, дожидались. Ходили слухи, что монархисты в окрестностях шляются, отбить хотят царицу. А перепряжку делали как раз напротив дома Гришки. К окнам вся родня его прилепилась, глазели на нас, пальцами тыкали. Александра Фёдоровна сошла из экипажа, смотрела на крестьянскую невидаль, убивалась слезьми. Изъявила просьбу в дом пройти, поклониться сиротам, да мы не позволили. Мало ли чего...

Тут с подошедшего разведывательного катера передали, что севернее Покровского начался бой с невесть откуда взявшимся отрядом кадетов, пока непонятно какой численности.

— А ещё, — кричал снизу смуглый молодой матрос, увешанный гранатами и указывающий чёрным кулаком с отставленным большим пальцем куда-то себе за плечо, — Хлопцы разъезд казачий побили, пленных взяли и подъесаула с ними. Так это нахальё чубатое, туды их в коромысло, чего, думаете, нам стало предлагать? А сдаться как кому-то штабс-капитану Казагранди. Тогда, дескать, жить нас оставят. Деваться мол, вам всё равно некуда — в Тобольске комендантом уже полковник Киселёв сидит, а из Тюмени все комбеды и совдепы, пограбив город, сбежали эшелонами по чугунке. «Жаль, не смогли догнать краснопузых», — так и плевались, сукины дети.

— Где пленный офицерик? — не поверил Хохряков. — Почему ко мне не доставили?

— Успокоили его в овраге, буйствовал уж очень. Но, похоже, правду говорил. «Губернский листок» при нём обнаружили, а там рассказы тюменских очевидцев. Когда вот только стряпню эту борзописцы получить успели, по телеграфу, что ли?

— Отправляйтесь к месту боя. Передайте Шарфину, что помощь скоро будет, — приказал комиссар и, повернувшись, растерянно оглядел «военный совет»: — Как Усиевичу удалось так ловко сдать город, ведь ещё утром оборона держалась?! Немедля укреплите передовые отряды мадыраами, пусть гонят чубатых назад к Тобольску! Не вижу Пейселя. Где Пейсель? Подойди ближе, красный сокол, и скажи мне, отвечающий за разведку, откуда здесь и так скоро объявились контры? Ступай на берег, и чтоб я через час знал всю обстановку в подробностях. А ты, Бершадский, наряжай конвой на «Комету». Пусть свезут куда положено заложников, нечего зря кормить гидру. Это и будет нашим ответом Казагранди.

— В действиях врага явно усматривается цель заманить нас поближе к Тобольску, а потом разом навалиться с двух сторон, — осторожно вклинился в разговор Дислер.

— Так предлагай что-нибудь, а не пугай меня тем, что я и без тебя вижу.

— Разрешите мне высказаться, — разглядел бороду Кангелари. — Экспедиция растянута уже на вёрст десять. Несколько барж село на мель. Сдёрнуть их оттуда никакой возможности нет. Ещё с дюжину посудин команды тащат бечевою — по-бурац-

¹ Амбаркация (мрск.) — эвакуация.

ки — вдоль берега. Шкурнические, собственнические интересы налицо проявляются, товарищ Хохряков. Добро своё подкулачникам бросить жалко! Надо прекратить этот мелкобуржуазный срам. Мы не просто теряем время и людей в ярость вгоняем, а рискуем потерять всё. Силы наши ограничены. Поэтому моё мнение такое: «железяки», что сидят на брюхе, подорвать, старьё затопить или привести в негодность. Выдвинуть вперёд пароходы самые надёжные и на них следовать по Тоболу к устью Тавды. Там у нас сохранится возможность отхода, если обстоятельства сыграют против нас.

— Не по-большевистски рассуждаешь, товарищ Кангелари, — нервно снял бескозырку и снова надел её балтиец. — Паникуешь раньше времени. Имуществом народным разбрасываешься. Кто ещё такого же мнения? Начальник штаба, чего молчишь?

Бершадский выдержал взгляд Хохрякова:

— Общее положение обрисовано правильно. Многие «калоши» становятся или скоро станут для нас обузой. Если противник от Тюмени и Тобольска начнёт слаженное движение навстречу друг другу, причём по реке тоже, нам не сдюжить. Для прикрытия барж придётся оставлять людей, а сумеем ли мы потом вернуться за ними? Очень жирный вопрос. И вообще, снаряжать заслоны за счёт оголения других участков непозволительно. Поэтому я считаю, что пока не прояснится обстановка, надо оставаться здесь. Не теряя времени, снять буксирами с баржей хотя бы часть груза, остальное — к чёрту! И последнее, но, пожалуй, главное. Как только подтвердятся сведения о взятии Тобольска, что заставит нас позабыть туда дорогу, я предлагаю распустить плоты, стоящие по Туре. Они надёжно закупорят низовья реки. И тогда хотя бы за северную сторону фронта мы будем спокойны.

У комиссара в глазах блеснул огонёк.

— Ну, ты, Маркел Демьяныч, голова! Видел я эти скопища брёвен, но чтоб в дело их употребить! Пошли на пароходы помощников, пусть покличут тех, кто сплавом промышлял. И вообще узнай, что для этого требуется. Сам будь наготове, упустить момент не имеешь права.

...Незадолго до полуночи к «Комете» подошёл небольшой пароходик. С него проигнали условным шифром и попросили спустить трап. На мостик капитана поднялся адъютант начальника экспедиции, протянул пакет:

— Семён Семёныч, вот тебе приказ. Исполнить надо тихо и быстро.

«Ящер» прочёл, слегка изменился в лице:

— От меня-то что требуется? Ясно же написано — выдать, расписаться. Всё.

— Отставить неудовольствия. Уполномоченный грек у тебя где-то в каютах дрыхнет, давай его сюда, бездельника. Пусть известный ему список прихватит, а ещё пять-шесть человек с собой. Верёвки у тебя для такого дела сыщутся?

— Найдём. Хотя, для чего они? Так справимся, — буркнул капитан и крикнул вахтенному матросу: — Чубарь, сбегай разбуди штабного.

Когда заспанный Палестин явился, быстро договорились о процедуре передачи заложников.

— Начнём с офицера. Выкликаем сразу по три человека, связываем, к каждому приставляем солдата, отводим к трапу и сдаём конвою. Потом таким же обухом следующих. Сколько их всего по списку, Азабиди? — обратился к Палестину хохряковский порученец, — тот развернул листок, назвал цифру. — Добро. Сегодня, значит, всех и заберём. А за церковниками отдельный катер придёт. И пошли кого-нибудь, Семён Семёныч, чтобы площадку поболее осветили. Уж больно темно тут у тебя.

Матросы отдраили трюмный люк. Спустили лестницу. Адъютант согнулся и забавил в нутро парохода:

— Слушай сюда, господа из благородий. Тех, кого сейчас назову, отвечай как положено и подымайся наверх. И без шума чтоб, по-военному! Полицмейстер Рупинский есть такой? Пошевеливайся, старая развалина. Ершов, поручик! Вылазь, родимый...

Отвели первых. Следом ещё. И ещё. Скоро прозвучало:

— Ротмистр Стрельников, бывший жандарм! Являйся на свет божий, гнида, — внизу произошла заминка. — Чего там возитесь? — закричал помощник.

Из-под палубы донеслось:

— Ослабел он, ноги у него не держат, сейчас подсадим.

— А ну, — приказал адъютант стоящему рядом солдату, — хватай его за шкуру и выволакивай.

Служивый проворно лёг на палубу, чуть не на половину свесился в трюм. И тотчас услышал шёпот:

— Узнал, Омельченко?

— Ваше...

— Руки вяжи без узлов. И сам меня к трапу тащи.

— Угу.

Солдат живо собрал на загривке ротмистра складку из воротника кителя, кряхтя,

вытянул пленника наружу. Так же споро накинул ему на запястья верёвку, подхватил за пояс и потащил к сходне. Когда уже ступили на неё, немощный узник вдруг выпрямился пружиной, головой ударил в подбородок подходящего к нему конвоира, рванул путы и прыгнул в воду. Омельченко, не удержавшись, полетел вслед за ним. Неожиданно всё произошло. Дерзко. Но за такую оплошку — статья расстрельная.

— Отставить пальбу! — истошно закричал начальник конвоя. — И глотки всем запахнуть. Смотреть и слушать!

Десятки глаз вперились в тёмную воду. Но прошла минута, другая...

— Всё. Утопи, — решительно нарушил тишину адъютант. — Семён Семёныч, заdraивай люк. На сегодня буде. А ты, Сухотин, далеко не забирайся, в ближней же балке и приканчивай дело. Как исполнишь, доложишь.

Капитан с Палестином стояли на мостике, когда из ночных приреченских лугов ветер донёс эхо ружейных залпов.

— А вон и за попами вроде катер подходит, — пробурчал «ящер». — Не дадут нам сегодня поспать. Пошли проводим владыку, дорогой ты наш свет Георгиевич.

— Неужели и их тоже? — растерянно прошептал тот.

— Пошли, говорю. Мы люди маленькие. Чего убиваться по чужим головам, когда знаешь, что и твою, как понадобится, снесут без печали.

Снова осветили площадку. Выставили до трапа охрану. Вывели Гермогена и с ним священника Карелина. Святитель был одет в рясу серого цвета, поверх — чесучовый кафтан, подпоясан широким кожаным поясом, на голове бархатная скуфейка. Изнурённое бледное лицо. Но на нём умные цепкие глаза. И губы что-то шепчут, наверное, молитву. Отвезли страдальцев на «Оку», без объяснений загнали в трюм. Ухмыляясь, приказали молиться и дожидаться дальнейших на их счёт указаний.

... Два дня вокруг Покровского шли бои. И если на севере мадярам удалось отогнать белых, то на юге Казагранди, получив подкрепления, сильно потрепал заслоны, да так, что пришлось Хохрякову отдать приказ пушкарям применить снаряды с удушающим газом. Палестин, узнав об этом, сказал Жухову:

— А он страшный человек. Побудешь с таким ещё немного и не отмоешься потом до конца жизни. Не знаю, как вы, но я твёрдо решил покинуть это общество идейных душегубов. Меня ждут в Тобольске живым. Живым, понимаете?!

Доктор усадил побледневшего уполномоченного на кушетку, поднёс стакан воды, попросил успокоиться. А сам стал молча расхаживать по каюте, коротко жестикую своим потаённым мыслям. Потом нервно замер, будто на что-то наткнулся, огляделся и быстро прошёл к двери, выглянул в коридор.

— Послушайте, — подсел к Палестину и заговорил полусшёпотом. — Я прекрасно понимаю ваше состояние. Более того — я разделяю ваши мысли. Но как вы себе думаете дезертировать с флотилии, причём незаметно?

— Пока не знаю. Но попробую уговорить Бершадского отправить меня на берег в передовой эскадрон. А оттуда ночью удалюсь в лес.

— А с лошастью, молодой человек, вы управляться умеете? Кто вас возьмёт в кавалерию? И потом, вы знаете, сколько вёрст отсюда до города? Сто пятьдесят, наверное, оврагами да болотами.

— Ничего. Как-нибудь доберусь.

Жухов с сомнением покачал головой:

— Сегодняшней ночью к нам привозили легкораненых. Мы с Машей перевязывали их и слушали. Они рассказывали страшные вещи. Казаками захвачено два наших катера и несколько барж, убито с полсотни человек, десятка два взято в плен. А которые с тяжёлыми ранами, тех велено, непонятно кем, свозить в дома обывателей. И там оставлять! Как вы собираетесь уцелеть, когда вокруг такое творится? Да вас обязательно схватят либо те, либо другие.

Палестин, испытующе посмотрев на Спиридона Ивановича, неожиданно раздражённо поинтересовался, каким же штормом прибило давнего клятву Гиппократата целителя к персоне мясника Хохрякова? Доктор невозмутимо парировал, что очутился здесь не по собственной воле, а благодаря усилиям красных рекрутёров — им был нужен врач. И они его нашли. Согласья никто не спрашивал. Всё обыденно: два часа на сборы, и — «не вздумайте скраться!»

— Что вам, в таком случае, мешает уйти вместе со мной?

— Моя помощница Маша. Я не могу оставить её. Девочка доверилась мне. Она молда и неопытна. А вокруг, вы сами видите, сальная матросня, кровь, матерщина.

— Заберём её с собой, — твёрдо отрезал Азабиди. — Готовьтесь. И очень деликатно, сглаживая опасные углы, постарайтесь уговорить Гравиатова. Вселите в него уверенность, что бывшие его дела памятливы и он нужен многим людям. Общественное внимание для философов и риториков, увы, — главное.

...Хохрякова вызвали на капитанский мостик. Снова подошёл посыльный катер. Тот же матрос, у которого бомб на поясе как будто прибавилось, обрадовал комиссара, что кадеты отступили и можно шлёпать дальше без опаски. Бершадский, находившийся тут же, кивнул старшему минёру, давай, мол, старина, действуй. Флотилия тронулась, а сзади на отмелях загрели взрывы. Десятки килограмм тротила разворотили днища и бока барж и мало что оставили от прочей речной рухляди. По взбаламученной воде понесло мешковину, обломки ящиков и бочек, разноцветную бумагу, какое-то просаленное тряпье. В радужных разливах мазута трепыхалась оглушенная рыба. «Сволочи, — ругались на пароходах, — столько добра загубили, у-у! Нешто нельзя было меж народу поделить?!»

Под постоянным обстрелом с берега флотилия протаскилась ещё вёрст двадцать. Чрезвычайный комиссар всё более мрачнел: Казагранди явно переигрывал его. Напал внезапно, как этим утром, например. Застал врасплох один из по-настоящему боевых отрядов, порубал безжалостно спящих солдатиков и увел табун лошадей — голов, доложили, с полсотни. С севера тоже победных реляций не поступало: беляки под ударами Мештерхази, которого он назначил командовать сводным отрядом этого направления вместо убитого Шарфина, пятятся, но не бегут. Хуже того — организуют жалищие вылазки, неумолимо прорезывающие ряды экспедиционного корпуса. Тут ещё Бершадский прислал с «Ольги» вестового, сообщившего, что запас выстрелов к орудиям при нынешнем расходовании снарядов может закончиться уже к завтрашнему утру.

— Пора приступать к исполнению задуманного с плотами, — передал мнение начальника штаба молодцевато подтянутый седоусый красноармеец.

— Рано. Скажи Маркел Демьянычу, чтоб со снарядами аккуратней управлялся, поберёт и кадетов, которые ещё в трюмах остались, на берег свёз, а потом ко мне явился.

Ночью в салон-каюте капитана собрался «военный совет». Павел Данилыч обвёл взглядом соратников и шлёпнул на стол лист бумаги.

— Вот. Я тут составил документ. Крепкий и верный. Это касается всех — вас, меня, всей экспедиции, — объяснил он. — Не будем тратить время на болтовню. Прошу знакомиться и принимать резолюцию, — комиссары переглянулись. Пейсель протестующе замотал головой, но Хохряков прохрипел угрожающе: — Смелее, смелее, товарищи.

Лист пошёл по кругу. Через час за то, чтобы наступление на Тобольск прекратить, сохранив тем самым людей и ценности, подняли руку все. Некоторое время сидели молча, не глядя друг на друга. Затем стоящий у двери адъютант попросил всех выйти на палубу и не расходиться. Было прохладно. Где-то у близкого берега скрипел коростель. Луна, как челнок, ныряла из тучи в тучу, отчего по реке волнами расплывались то золотистые блёстки, то тяжёлая свинцовая рябь. Двое солдат вывели священника: росту небольшого, волосы пучком собраны на затылке. Подвели к борту. Связали за спиной руки. На шею набросили верёвку, на другом конце которой — пудовый чугунный колосник. Повернулись к Хохрякову. Тот, помедлив, снял бескозырку. Исполнители легко подхватили измождённое тело жертвы и перевалили через борт. Всё. Короткий прощальный выкрик несчастного, и чёрные расходящиеся круги по воде. Снова все взоры на «чрезвычайного». После недолгого раздумья Павел Данилыч кивнул. Настала очередь Гермогена...

Начальник Тобольской сыскной полиции Иона Питухин, расследовавший обстоятельства утопления епископа, позже отмечал в своём рапорте странности поведения убийц: «Они стригли волосы у владыки, смеялись, бранились... после казни сопровождавшие Хохрякова женщины переодевались в рясу святителя и бегали «с насмешками» по пароходу»...

А утром над флотилией неожиданно появились аэропланы. На кучно идущие суда посыпались бомбы. Одна из них угодила в корму «Оки». Грохот. Пламя. Крики раненых. Бледный Бершадский в одном исподнем кинулся к боевому посту на корме, оттащил от него окровавленного, мычащего от боли матроса. Вскинул «Льюис», судорожно нажал на курок, но «железяка» молчала — заклинило. «Фарманы» тем временем зашли ещё на круг, посекали, теперь уже из пулемётов, надстройки больших пароходов и благополучно удалились в сторону поднимающегося над горизонтом солнца. Начальник штаба вне себя от ярости ворвался в каюту Хохрякова. Никого. Сунул голову за ширму. И услышал придушенное — «ой»!

— Что «ой»? Где комиссар?

На подушке размётаны русые волосы, холёная рука тянет одеяло к испуганным глазам.

— Тьфу! — выскочил в коридор.

Хохряков отыскался в рубке капитана. Он уже велел передать на суда сигнал отхо-

да. Невозмутимо, как будто ничего из ряда вон не случилось, покосился на испачканные кровью кальсоны помощника:

— Амба. Обложили гады со всех сторон. Будем пробиваться в Тавду. Иди смени «белугу»¹ и займись плотами. Постой. Разыщи эскулапа и давай его сюда. Люди кричат, слушать тошно.

...На «Комете», не пострадавшей от налёта (истерика дамочек и неопасные ушибы у нескольких членов команды не в счёт), обитатели кают высыпали на палубу и с тревогой наблюдали, как флагманская «Ока», подвывая сиреной, натужно разворачивалась на середине реки и ложилась на встречный армаде курс. «Делай как я», — кричали с мостика. «Вам взять левее, а вам — правее», — дублировали флажками. Чтобы не наскочить на идущие впереди суда, «ящер» приказал сбавить ход, а потом и совсем остановить машины. Затем, подумав, велел для облегчения манёвра другим пароходам, сколько возможно, отойти к берегу.

— Измена! — зароптали на палубе. — Они что, вздумали нас белякам на закуску оставить? Их, говорят, под Лисьей горой уже несколько тыщ видели!

— Не бойсь, — шептали посвящённые, — с такими деньжищами большевики нас не бросят.

Жухов шепнул Палестину, что, по его мнению, лучшего момента исчезнуть с корабля не представится. Они спустились в каюту.

— Мы с Машенькой, товарищ Азабиди, готовы, и Глеб Самойлович тоже собран. Что у вас? Вы нашли верный повод испросить у капитана шлюпку?

— А это я вам поручу. Охранительный билет врача должен действовать безотказно. Вы сейчас пойдёте к Семён Семёнычу и скажете, что «Тобол» сильно пострадал от бомбометания и там есть раненные. Ваш долг немедленно отправиться туда для оказания им помощи. Для чего вы берёте с собой фельдшерицу, ну а мы с Гравиатовым — на вёслах. Если спросит, откуда исходит указание, не тушуйтесь, ссылайтесь на порученца начальника штаба, который якобы подскакивал недавно на катере. Капитану сейчас не до этого. У него других забот по горло.

Жухов, собравшись с духом, поднялся в рубку. Недрогнувшим голосом сказал то, что нужно. Ответ последовал ядовитый:

— Сбегаете? Бегите. Шлюпку вам пусть с правого борта спустят, она полегче будет. Но матросов своих не дам. А «Тобол», Спиридон Иваныч, к вашему сведению, рядом с нами шёл, и его, как и нас, аэропланы пощадил.

— Выходит, соврал нарочный? — сконфузился доктор.

— Да чего ему трепаться зря? У страха глаза велики, может, корабли перепутал. Подойдите-ка сюда, уважаемый, и гляньте на реку. Видите, сейчас все лохани замерли, но скоро в кильватер за «адмиралом» начнут вытягиваться. А фарватер здесь — узкий, проходные глубины только посередке. Карусель, чую, закрутится весёлая. Слыхали, поди, что на палубе говорят? Вот именно. Желающих сделать отсюда ноги наберётся, не сомневайтесь, отменное количество. Народишко-то в поход напросился каждый со своими резонами. Вон с тех «галош», что теперь как бы случайно тащит на отмели, и побегут первые. Комиссары, знамо дело, на катерах начнут кораблики маузерами и пулемётами в строй загонять. Тут вы и попадёте. Могут в суматохе и свинцом угостить. Так что на вашем месте я бы погодил. Пусть штабные подальше отойдут, тогда и отчаливайте. А пока сидите тихо в каюте. Я вас извещу, когда время придёт.

Через пару часов Семён Семёнович вырос в дверях:

— Человек от Бершадского был, разыскивают вас. Мой старпом сказал ему, что вы на «Русь» отбыли сразу после налёта. Я вам не судья, господа эскулапы-лекари, посему давайте простимся без гадостей. Шлюпка спущена, переносите туда свой скарб. И с богом. И вот ещё что. Пойдёте когда на север, там по берегу, отсюда вёрст пятнадцать, деревушка вам встретится, забыл как называется, чёрт вы её побрал... Лаптево, Онучи... В общем, Ляксея, зятка моего малохольного, — «ящер» смачно сплюнул на пол, — мать там проживает. Лукерья Скородумова. Вы повидайтесь с ней, от меня и сыночка её, паршивца, поклонитесь. Ну и нужду свою ей излейте. Она баба вёрткая, смекнёт, какой горшок и когда в печку посадить.

Капитан «Кометы» оказался прав: выбираясь на чистую воду, шлюпке наших беглецов пришлось обогнуть несколько брошенных барж и самотопов, а впереди по реке, удаляясь, скользило не менее дюжины лодок. Виднелись в них и женские шляпы.

День разгорался.

— Вы бы повязали платок, Машенька, — предложил сидящей на корме помощнице Жухов. — Солнце сегодня ярится, у-уф, однако. Голову свою драгоценную поберегите.

Но девушка как будто не расслышала и обратилась к Гравиатову:

¹ «Белуга» (мрск. жарг.) — нижнее бельё, кальсоны.

— Глеб Самойлович, а давайте я заменю вас на вёслах. Вы грёбёте уже второй час и, конечно, устали.

Адвокат для приличия поотнекивался, но с готовностью уступил ей место. К удивлению мужчин, барышня быстро приновилась к рабочему ритму Палестина. Взмах, ещё взмах — шлюпка без резких нырков в стороны скользила по воде. Зной. Мерный всплеск вёсел. Бежит стрелка часов на руке доктора. Но...

— Стреляют! — вдруг дёрнулся Жухов. — Слышите? Впереди стреляют! Вытряхнув из лежащей рядом коробки бинокль, он вскочил на скамейку и скоро закричал: — Сущие вёсла. Кажется, там происходит что-то нехорошее.

Что именно — разглядеть не удалось. Видно было только — река опустела. Лодки либо пристали к берегу, либо затонули. А вот и эхо выстрелов послышалось уже совсем близко. Вокруг шлюпки заплясали-забулькали весёлые фонтанчики, как будто кто-то камушки по воде пускает, забавляется. Появившиеся неожиданно на берегу люди, много людей, бежали, стреляли, кричали что-то, махали руками, потрясали оружием. Намерения их были предельно понятны.

— Не подчинимся, они нас перещёлкают, — сникнув, пробормотал доктор и осел на скамью.

Палестин резко поднял весло и попросил Марию пересесть на корму:

— Пойдём к берегу. И пока есть время, уясните. Все мы одна врачебная команда. В ней, помимо доктора и фельдшера, вы, Гравиатов, санитар, и я тоже. В зависимости от того, кто нас встретит, и будем рассказывать о себе: если белые — бежим от красных, если красные — спасаемся от белых. Ведём себя вежливо, не заносимся, ни в чём никому не перечим. А вам, Глеб Самойлович, не худо бы ораторские приёмчики вспомнить, блеснуть при случае подзабытой латынью: благородный язык, как известно, на многих производит впечатление. Non est?¹

Жухов первым разглядел на суконных фуражках и меховых папахах столпившихся на берегу казённых людей красные звёзды и порывисто привстал. Замурлыкал ве-сёленький мотивчик.

— Сядьте, — бросил ему через плечо Азабиди, — рано радуется. Что вы им сейчас говорить будете? У вас есть вразумительное объяснение тому, куда мы направляемся и с какой целью? Нет. А вы понимаете, что это грозит нам расстрелом? Поэтому молчите и кивайте на меня. Попробую проверить на товарищах действие ходячей истины — чем слаще врешь, тем больше верят.

...Вытащив лодку на береговой откос, красноармейцы, больше похожие на банду мародёров, грубо вытолкали из неё пленников, приказали им сесть и держать руки на голове, а сами принялись деловито потрошить добычу — холщовые баулы и санитарные сумки с белыми крестами на клапанах карманов. Извлекаемые из них бинты, шприцы и вата, бутылки с карболкой и касторкой привели проверяющих в уныние. Один из солдатиков — в годах уже и, похоже, неграмотный — покрутив флакон со слабительным, сбил с него пробку и недоверчиво понюхал. Скривился. Снова сунул нос к горлышку и объявил, что отродясь такой вонищи не слыхивал. Но вроде как шибает отравой, какой в уезде ихнем ещё при царе крыс изводили. Под одобрительные возгласы товарищей предложил, усмехаясь, попросить господ буржуев тут же на глазах у пролетарских бойцов испробовать неведомой «лякарствы»:

— А чего! Не помрут если, значит, ладно. А скопытятся коли — правда наша — зло-рады они.

— Я тотчас тебя самого буду заставлять вату кушать, — раздался за спинами красноармейцев голос с акцентом. — А ну разойдись!

С коня спрыгнул и подошёл к толпе коренастый молодой человек в кителе австро-венгерской армии, стянутом офицерской португеей. На голове у него — полевая кепи «щучье-серого» цвета, околыш которой украшала самодельная жестяная звезда, на правом плече пришит валик, препятствующий сползанию винтовки. Лицо его показало Палестину знакомым. Не тот ли это мадьяр, что в ту памятную ночь на «Комете» бок о бок с ним стрелял в налётчиков? Кажется, того звали Иштваном. Солдаты, между тем, почтительно расступились. Подошедший оглядел пленников, жестом показал им, что они могут встать и опустить руки. Затем повернулся к подчинённым. Указав на разбросанный по берегу медицинский припас, коротко бросил:

— Собрать, — и, переведя взгляд на Палестина, извинился: — А вы... вот что... ко-лясок для вас нет, шагайте до штаба ногами.

Идти пришлось долго. Пекло солнце. Гравиатову несколько раз становилось плохо. Спиридон Иванович, пугаясь, просил кого-нибудь из сопровождающих красноармейцев принести из реки воду. Укладывал беднягу на землю, расстёгивал на груди рубаху, прикладывал на лоб компрессы. Мария тоже садилась рядом и обмахивала бледного

¹ Non est? (лат.) — не так ли?

«санитара» платком. К вечеру, измученные, вошли в деревеньку. Хилые домишки, лай собак, удушие лугов за околицей. Повсюду группы красноармейцев. У коновязей машут хвостами лошади. В глубине улицы остановились у двухэтажного особняка на высоком каменном фундаменте. Чистенькие стёкла, за ними мирно цветут герани. Вокруг окон затейливая резьба наличников. Часовой открыл прикалиток. В глубине двора на грубо сколоченном столе чистила рыбу дородная баба.

— Лукерья Васьяновна, — окликнул её вышедший из-за двери на крыльцо голый по пояс, в армейских ботинках и чикчирах¹ черноволосый красавец и осёкся, заметив Палестина. Сбежал по ступенькам, растерянно развёл руки. — Товарищ уполномоченный, вы зачем здесь оказались?

— Золтан? А вас какой чёрт сюда занёс? Я думал, что вы с флотилией отступили.

— Хохряков назначил нас держать фронт здесь и не оставлять позицию, пока не будет приказ. А почему вы сказали, что флотилия отступила?

— Мы очень устали. Можно немного отдохнуть? Потом я вам всё расскажу.

— Заходите в дом. Лукерья Васьяновна, оставляя работу и иди помогать гостей уважать.

Пока «врачебная бригада» спала, Мештерхази успел допросить несколько человек с перехваченных ранее лодок. Беглецы, по воле рока снова очутившиеся в руках тех, от кого благополучно удирали, как один нарисовали командиру заслона картину неприглядную. Особенно постаралась одна хорошенькая, надо сказать, барышня. Фамилию свою она открыть отказалась. «Всё равно расстреляете. Так пусть мой наречённый как можно дольше не узнает об этом. А Хохряков ваш — холоп, дорвавшийся до власти. Он поклялся своей пролетарской честью доставить нас в Тобольск. Но почуввав опасность, трусливо бежал с гулящими девками, запасом шампанского и огромными деньгами, а вас, дурачков, бросил здесь умирать. Пошлите людей на реку, пусть посмотрят, куда подевалась р-р-революционная бравая флотилия. Её — нет! Она, как побитая собака, потащилась туда, где можно отлежаться и зализать раны».

Красный командир в измену Хохрякова поверить не мог. Когда сели ужинать, нервно постукивая пальцами по столу, пересказал разговор с дерзкой дамочкой товарищу уполномоченному. Но, закончив, твёрдо отчеканил:

— Вас задержали на реке. Шли вы с юга. Значит, должны говорить правду.

Посвятить венгра в свои замыслы Палестин не решился. Но подробно, намеренно сгущая краски (проверить сейчас всё равно не проверить), рассказал о боях вокруг Покровского, применении газов, расстреле заложников, неожиданной атаке «Фарманов» и подрыве ставших ненужными судов. Ну и про внезапный общий разворот соединения с дирекцией на запад в устье Тавды не забыл сказать тоже, недоумённо пожимая при этом плечами.

— То ладно. Кое-что я сам знаю. Удивление моё другое: почему вы оказались в числе убегающих? Я не хочу привлекать вас к наказанию. Но начальник, посылая меня сюда, приказал с дезертирами, мародёрами и личностями, как это, тёмными поступать без жалости.

— А за что нас наказывать? Мы выполняем приказ Хохрякова, — спокойно ответил Палестин. — Ещё вчера он дал распоряжение доктору и мне следовать в ваше расположение для оказания помощи раненым. Мы уже отправились, когда вдруг появились аэропланы. Одна из бомб попала в рубку нашей посуды. Капитану оторвало ноги. Пароход загорелся. Что же нам оставалось?

— Вы должны мне показывать документ.

— Золтан, вы, ей-богу, будто первый день в армии. Я — порученец начальника экспедиции. Он приказал, я исполняю. Не будет же он на каждый мой шаг выдавать бумажку!

Мештерхази налил из стоящего на столе графина рябиновки, выпил, откусил солёный огурец и медленно встал:

— Говорите дальше. Хотя, зачем? Я, пожалуй, буду вам верить. Лукерья Васьяновна, позови сюда часового.

Палестин, услышав знакомое имя, остановил хозяйку:

— Лукерья? Не Скородумова случаем?

Баба удивлённо оглянулась.

— Я. Она и есть Скородумова, — ответила с достоинством.

— А деревенька ваша как называется?

— Так и зовётся — Подлыкровка.

— Хм. А мы вам поклон от вашего сына Алексея и Семён Семёныча привезли.

— Ой! — всплеснула Лукерья руками. — Где ж вы их встречали-то? Здоровы ли они, родненькие мои?

¹ Чикчиры — штаны венгерских гусар.

— Воюют, мать, воюют.

— А у меня ведь и старшой тоже где-то в окопах сидит. Правдыть, с пятнадцатого году весточек от него — ни одной. Лёшка говорил, что, может, раненый он в лазарете, а и буде стасось, схоронили уже. Эх, войниш-ша проклятушая. Сколь людей забрала!

— Не горевай, сударочка, сейчас вся Россия плакает, — вздохнул мадьяр. — Пойдём, уполномоченный, пленных покажу. Я, честно, не знаю, чего с ними придумывать? Вы по должности вроде как офицер, в штабе служите, вот и решайте. А ещё надо вам встретиться с комиссаром моим Лядухиным. Он сегодня лично в поиск отправился, скоро должен вернуться.

Палестин похолодел. Он мгновенно вспомнил поджарого желчного дядьку в бурых кожаных штанах, распоряжающегося избиением бузятих солдат прапорщика Чувикова на тихой улице Тюмени. Тогда на вопрос, кто позволил ему заниматься самоуправством, Лядухин с вызовом ответил, что лучше бы сопливым молокососам катиться отसेлева и более на глаза не попадаться. Иначе он пристегнёт их к толпе бунтовщиков и из пулемётика — та-та-та!

— А как этот, м-м, головорез попал сюда? — осторожно спросил Золтана.

— Прислали. Бумагу от Хохрякова показал — для поднятия сознательного духа и дисциплины. Чем он их поднимал, говорить страшно...

Но всё же рассказал, как буквально третьего дня посланец штаба самочинно, без приказа и обязательной в таких случаях разведки повёл на приступ вражеских окопов роту интернационала. Атака сразу же захлебнулась — у беляков в центре и на флангах замаскированные пулемёты оказались. Два десятка человек ни за понюх полегло — это ж сколько слёз в дунайских селеньях пролётётся! Ну не бес ли рогатый, а?

— Встретаться с ним я не буду, — отрезал Палестин. — Виделись уже. Хватит. И вам прямо заявляю: я бы, не задумываясь, постарался скорее избавиться от такого надзирателя. Для него же люди — звук пустой.

— Я с вами согласен. Такого командира не можно иметь. Но у меня нет против него полномочий.

— Они и не нужны. На войне всякое бывает — конь вдруг оступися или пуля шальная прилетела... притом что теперь вы сам себе начальник...

Золтан посмотрел искоса, но промолчал.

Прошли вдоль улицы на окраину к крепко сбитому то ли сараю, то ли овину. Каральный узнал начальство — вытянулся.

— Выводи сюда господарочку при шляпе.

Ржаво скрипнул ключ в замке, лязгнул засов. Дёрнувшись в петле, отворотилась низенькая дверь. Служивый скрылся за ней. Скоро из душной, гомонящей на разные голоса темноты, прикрыв ладонью глаза, выступила молодая женщина. Опустив руку, улыбнулась. И Палестин обомлел. Перед ними стояла... Людмила — племянница Калетина, а его, каторжанина, чистая и безответная любовь! Азабиди в смятении шагнул ей навстречу. И вовремя. Дама, издав какой-то болезненный стон, стала оседать на землю. Её подхватили. Потом Мештерхази приказал на телеге отвезти пленницу в штаб. И там спросил пришедшую в себя красавицу: не является ли уполномоченный тем наречённым, о котором она обмолвилась на допросе?

— Если это правда, то я в вашей стране ещё ничего не понимаю. Так.

Лукерья Васьяновна цыкнула на него и расставила перед Людмилой чашки с солёными груздями в сметане, жареной рыбой, дымящейся картошкой. Налила наливки.

— Ты выпей, касатушка, и поешь. Мужики-то, по глупости природной, сами накормить человека не догадаются. А потом я тебя спать провожу, не то зайвится скоро этот глист в галифе и начнёт с нашим Золтаном опять всю ночь собачиться. Вы тоже собирайтесь, — приказала сидящей на лавках врачебной команде. — Поведу вас до тихой избы в лесном скраде, тут недалечко.

Людмила от еды отказалась. Сидела прямо, простоволосая, умоляюще взглядывала на Палестина. Тот подал ей знак — потерпи, родная, потерпи.

От Мештерхази не ускользнуло внимание обоих друг к другу, и он деликатно предложил выйти покурить. Усевшись на ступеньку крыльца, достал папиросу. Прокашлялся после затяжки, спросил:

— С барышней вашей ясность определилась. Вы ведь были знакомы с ней до этой встречи, так? А вот что будем поступать с остальными рушителями присяги, товарищ Азабиди?

— Отпустить их надо. Причём до приезда Лядухина. Он ведь с утра в разведку отправился, верно? А беглецов ближе к середине дня доставили. Стало быть, того, что здесь происходило, он видеть не мог, а значит, и не было никаких дезертиров. Пришлите их в свой отряд. Винтовки выдашь. А чтоб комиссар не задавал лишних вопросов, откуда люди взялись, пошли лучше навстречу ему хорошему стрелка, у которого по вине сумасброда в недавней сшибке погиб кто-нибудь из близких. Подумай сам:

флотилия отступила. Твой дежурный катер пропал. Значит, связи со штабом не будет и вам предстоит действовать самостоятельно. Лядухин к вам — бывшим врагам и не славянам — относится, как мне кажется, с презрением и собой руководить не позволит. А офицерье где-то рядом, и надо ждать их скорого удара. Как вы станете выбираться из этой ловушки с таким мизантропом? Собачьим дерьмом — по-нашему.

— Я слышал, у вас говорят, что плетью обуха не перешибёшь. Если обух — это вы, тогда я подчиняюсь. Так и будем работать. Здесь в лесу мы ловили много бандит, которые ходят грабить деревни. Некоторых моих солдат тоже убили из кустов. Я сейчас скажу про это кому надо. А невеста ваша — очень смелый госпожа, — закончил Золтан неожиданно.

...Покончить с чужаком-комиссаром вызвался Иштван — тот самый, что утром отбил врачей от толпы возбуждённых красноармейцев и потерявший в том бездумном наскоке дорогого побратима, с которым с четырнадцатого года вместе войну ломали. Расспросив товарищей, с какой стороны стоит ждать возвращения лазутчиков, углубился в чащу и выбрал место для лёжки. Устроился и стал терпеливо ждать, отбиваясь от комарья. В лесу — прель, пичужки забавляются, прохладно. Но клонит в сон. Наконец, где-то рядом послышалось слабое позвякивание уздечек. Едут. Ложе винтовки удобно легло в ладонь. Лядухин свалился в заросли папоротника после первого выстрела. Двое его спутников, как и ожидалось, пригнулись к шеям лошадей и пропали столь быстро, что Иштван усомнился — а были ли они вообще? Выждав какое-то время, подошёл к безжизненному телу, сапогом пошевелил его, расстегнул кобуру на поясе, вытащил комиссарский наган и сплюнул. Нырнул в кущи, но пройдя несколько шагов, вернулся. Вывернул карманы на френче убитого: фотографическая карточка, бумаги какие-то... Сунул их за голенище сапога — может, что-то важное. Пусть начальство разбирается.

...По избе лилась венгерская речь. Мештерхази выслушал Иштвана, взгляделся в избура-жёлтые лица на снимке, усмехнулся:

- Разговаривал с разведчиками?
- Так точно, господин штабс-фельдфебель.
- Что они узнали?
- Сказали, что ничего.
- Как так? Они же целый день где-то пропадали!
- Комиссар оставил их тут недалеко у деревни, велел ждать, а сам уехал куда-то.

Вернулся только к вечеру. Где был, не сказал.

Золтан перевёл Палестину содержание разговора. Тот, разглаживая на колене переданные Иштваном бумаги, вдруг злорадно воскликнул:

— Ах, ты, гадючий сын! Вот к кому ездил в гости наш комиссар. Слушайте. «Подателю сего верить. Николай Николаевич, в четверг десять часов пополудни выступаем. Будьте всемерно готовы. Полковник Киселёв».

Бывший фельдфебель восхищённо прищёлкнул пальцами:

— А вы, оказывается, умеете разгадывать людей. При вашем упорстве мы избавились от самого настоящего изменника. Может, вы нам откроете и секрет, кто такой Николай Николаевич?

— Меня больше занимает другое. Знал ли его высокоблагородие, пища записку, что флотилия изменила движение? Думаю, что ещё не знал. Но когда узнает... А насчёт того, кому адресовано послание... Я не оракул, но посещал когда-то художественные классы, где нас учили подмечать детали. И отец, помню, с детства внушал мне идею познания мира через сомнение. Николай Николаевич — это, скорее всего, один из главарей южной группы кадетов. Очень хорошо, что он не получит указание Киселёва. Хотя сие обстоятельство в нашем положении мало что меняет. Ну, подготовимся мы, не дадим застать себя врасплох. А дальше что? Сколько у вас осталось людей, оружия и припасов к нему?

Мадьяр смущённо ответил, что точно сказать не может, но ни вчера, ни сегодня подвоза не было. Стало быть, с тем, что имеется, о самостоятельном броске к Тобольску, взятии его и укоренению в нём думать не приходится.

Палестин пригладил волосы, попенял беззлобно:

— Именно так. Без помощи матки-флотилии людей ваших — не сразу, но выбьют, винтовочные и пулемётные патроны, гранаты к пушке неминуемо кончатся. Что тогда ждёт тех, кто уцелеет? Так давайте, пока казачки, сами того не подозревая, дали нам передышку в два дня, уйдём тихо и организованно. И уже завтра.

Постучав, в комнату вошла хозяйка. Устало присела на лавку, сдёрнула с головы платок. Сообщила, что отвела доктора «и с ним которые» до укромного места. И про Людмилу с укором напомнила — плачет девка и просит, чтобы уполномоченный пришёл к ней, как освободится.

— Проходи сюда за стол, Лукерья Васьяновна, пошептаться надо. А вы, Золтан,

распорядитесь удвоить дозоры и сходите посмотрите, как наши дезертиры устроились. Пересчитайте людей и лошадей, уточните количество винтовок и патронов. О перехваченной записке командирам пока — молчок. Я скоро вернусь, вы же пока обсудите моё предложение.

Магьяры покинули дом, а Азабиди о чём-то долго расспрашивал хозяйку. Рассветало, когда она проводила его к избушке в глубине тёмного распадка.

— Лесничихи логово, Павлы Мироновны, сестры моей двоюродной, — пояснила негромко. — Сычом живёт. Со вчерась капканы проверяет, должна бы уже воротиться. Проходи, голубь, твоя в левой половине дожидается. Молока я тут в горшке прихватила, пейте ночью. Свечей не держим, лучину вон жгите — в заулке печном пучок лежит, и меня обязательно дождитесь, сами назад не ходите, заплутаете. Ну, а ежели в деревне чего содеется недоброе, то прибегу, сообщу.

Людмила не спала. Увидев в дверях Палестина, порывисто поднялась с деревянного лежака, кинулась к нему, прижалась.

— Миленький, — всхлипнула, — миленький...

Он гладил её волосы. Отстраняя от себя, вглядывался в дорогое лицо, целовал, улыбался уголками губ. «Встретились, вот мы и встретились», — говорили её глаза. Ветка орешника скреблась в помутневшее от времени оконце. Длилось, длилось горькое, светлое, случайным счастьем выпавшее им свидание. Но не получилось у них договорить, раскрыть друг перед другом самое сокровенное, что хранилось в запасниках душ все эти сумеречные годы разлуки, и — главное — поведать, каким провидением попал каждый на «боевые» самотопы карательного отряда, шедшего сеять смерть и горе их родному городу. Послышался шум в сенах. А потом отпахнулась дерюжка на дверном проёме, в комнатёнку ворвалась полоса света и с ней тяжёлое дыханье Лукерьи. Она запнулась о порог, охнув, облокотилась на стену и выдохнула:

— Беда, полномоченный, буржуй попёр со всех сторон. Золтан послал за тобой. Собирайся живо. По реке от Тобольска пароходов три али четыре дымят. А по оба конца деревни грохот поднялся — не при всякой грозе такое услышишь. Люди твои пушай здесь остаются. Как сестра заявится, она их при опасности ещё дальше уведёт, как мы с тобой давеча уговорились. Я ей ещё с вечера цидулку нацарапала. Пошли, — отойдя недалеко от избы Васьяновна, вдруг остановилась и, посмотрев по сторонам, сказала: — Ты теперь, паря, дорогу-то сюда запоминай, мало ли чего со мною случится, останешься тогда без своей благоверной.

...Мештерхази размахивал руками и люто ругал пушкарей, клавших снаряд за снарядом в пустоту противоположного берега, а надо бы реку утюжить, по которой, прикрываясь утренним туманом, случайно замеченные, тихо крались неизвестно чьи пароходы. Наводчик тоже матюгался, кивая на старенькую трехдюймовку:

— Этой артиллерии годов-то уж сколько? Можя, в японскую войну из её последний раз и стреляли! Глянь на прицел. Угломер в нём, видать, негодный. Что, его топором в чувство приводить?!

— А ну отойди, — не выдержал Золтан и оттолкнул наводчика. — Заряжай! Да не фугасом, гранатой! — крикнул прислуге.

Прильнул к панораме. В белесоватых космах водяной взвеси даже в визир суда не просматривались. Тогда он подкрутил механизм вертикальной наводки, поймал в перекрестье прицела дым, валивший из пароходной трубы, и опустил дуло с допущением вероятного чуточку вниз, сделал упреждение.

— Давай! — махнул рукой, отскакивая.

Ствол пушки дёрнулся и откатился по салазкам. Через мгновение где-то совсем близко рвануло. Корректировщик, смотрящий за рекой в бинокль, присел от радости:

— Кажись, попали! Вижу возгорание на хвосте передней калоши. Точно, вон она ход застопорила. Теперь добивай её, робяты.

Послали в том направлении ещё несколько снарядов. В тумане заголосила сирена.

— Хватит пока, — остановил Золтан заряжающего. — Отход сигналият. Переждём.

— А может, на испуг возьмём господ? — предложил появившийся у пушки Иштван.

— На лодках подойдём, пока туман висит, и забросаем бомбами. Верное дело может выгореть, господин штабс-фельдфебель.

Мештерхази согласился, что верное, но попросил помнить о пулемётах:

— Не повтори ошибку Лядухина, унтер. И посмотри, может, удастся пароходишко как приз захватить, у нас бы тогда вопрос об эвакуации отсюда сам собою отпал.

Бывший гусар вскинул два пальца к виску:

— Раз так, мы не посмотрим, а сделаем. Разрешите, я солдат только своих возьму.

И на всякий русский случай, прощайте, товарищ.

Они обнялись.

Лодки нырнули в утренний морок. А Мештерхази приказал сделать ещё несколько отвлекающих выстрелов, дабы там, на кораблях, думали, будто артиллерийская атака

на суда продолжается.

На дымящей головной посудине в суеде тушения пожара не заметили появления мадьяр. А когда поняли, что пособить справиться с огнём к ним пожаловали красные, было поздно. Венгры, как бестелесные дьяволы из преисподней, растеклись по кораблю, хладнокровно приканчивая всех, кто попадался навстречу. В течение получаса палубы и каюты опустели. Не тронули только кочегаров с машинистами и тех, кто находился в рубке. Иштван приказал сбивать пламя уже своими силами, а сам поднялся на мостик.

— Дайте сигнал своим, что у вас всё в порядке, — покрутил наганом у лица капитана. — И скомандуйте в машинное, чтобы малым ходом отошли отсюда на две-три версты к югу.

— Пардон, господин флибустьер, на что вы рассчитываете? — вдруг вежливо подал голос стоящий у руля франтоватый поручик с орденом Станислава на груди. — Нынешней ночью нами получено сообщение о намерении вашего комиссара оставить затею взятия Тобольска и отступить в пределы Уральского фронта. Вы, я слышу поговору, чех или мадьяр. Так вот, жалкий ваш отряд предателей и трусов будет разбит уже сегодня. Полковник Киселёв хорошо извещён о том, что воевать вам нечем. А этот корабельный реликт, дающий — сколько узлов, капитан? — не выдержит напряжения неминуемой погони и развалится быстрее, чем вы достигнете Тавды.

Гусар по-венгерски попросил ординарца, запиравшего собою дверь:

— Тодор, определи господина офицера под ватерлинию. Нашёл место, дурак, геройство показывать. Выполний, мне надо с хозяином побеседовать.

У капитана заметно подрагивали руки и выступала испарина на лбу, когда он подробно отвечал на вопросы унтера. Иштван узнал, что всего пароходов снаряжено четыре. Пушек на них нет, ибо доставленные из Омска по Иртышу два орудия переданы полевому отряду. Сколько всего войска, он не знает. А приказ полковник поставил такой: подойти скрытно и высадить десант в тылу заслона, занять деревню, а уж потом избить всех красных подчистую. В плен мадьяр брать не велено.

Унтер помолчал, спросил раздумчиво:

— Как думаешь, отец, сколько ещё туман простоит?

— Солнце вставать начнёт, развиднеется.

— Значит, уже скоро. Что замер, сигналь своим.

— Воля ваша. Только скажите: со мной-то чего сделаете?

— Доставишь нас, куда укажем, и катись яблочком. Мы же понимаем: ты хоть китель и нацепил, но под ним-то пролетарий прячется. Живёшь — ремешок подтягиваешь. Дети, поди, по лавкам рты разевают... Не тяни, подавай гудки!

«Ольгу» (так называлось судно) отогнали вверх по течению. Бросили якорь. Удостоверясь, что пожар потушен, а из кают и с палубы убраны тела погибших, Иштван на лодке отбыл на берег обрадовать Мештерхази. Тот расцеловал его, выслушал и приказал срочно разыскать уполномоченного. Но Палестин вдруг сам появился на позиции. В изнеможении опустился на траву. Попросил воды.

— Ну что там? — протягивая флягу, спросил Золтан.

— Скверно. Опять разведка проморгала. Откуда у них пушки взялись? Лупят с горы — не подняться. А казачки пешие пытаются охватить деревню. От леса отсекают. Грамотно действуют, сволочи. Думаю, надо отходить.

— Мы пароход захватили. На нём ночью и уйдём.

— Вы, Золтан, шутить изволите? Как мы до ночи выстоим?

— Слушайте приказ.

...Палестин отыскал Лукерью в погребке, где она раскладывала что-то по холщовым мешкам и сидорам.

— Провизию дорожную заготовляю, — пояснила баба. — Тебе чего? Отогнали супостатов? А-а, разговор важный. Щас подымусь.

Сели во дворе на берёзовые чурки. Азабиди спросил напрямик, доводилось ли бывать уважаемой на горушке, что красуется в двух верстах к северу от деревни, и можно ли незаметно к ней подобраться? Пушки туда гости наши затащили; если начнут бить по домам — одни головёшки останутся. Васьяновна всхлипнула неожиданно, вспомнив, как в девческие годы у ней на той горе любовь крутилась с соколом одним ясным, помершим вскоре от ран в басурманской Маньчжурии. По-мужичьи смахнув слезу кулаком, встала.

— Ты, милоч, посиди, я сейчас Гришку соседа покличу. Шустрый пострел, он вас через болотце со стороны леса проведёт под самую седловину.

Прошло минут пять. Кто-то ловко перескочил через забор, высморкался.

— Григорий Дубёнок, — протянул руку Палестину невысокий паренёк в перешитой, видимо, отцовской гимнастёрке. — Опять я понадобился. Ну куды ж вы без меня.

Чего делать надо? Если буржуйам пятки подпалить, то я всегда готовый...

— Ступай за мной, Робин Гуд поддыковский.

...Иштван отобрал из своего взвода десять проверенных боями молчаливых крестьян из Задунавья,¹ коротко поставил задачу:

— Батареею взять без выстрелов. Ты, Берталан, со своими снимешь прислугу одного орудия, ты, Ласло, другого. Пушки без замков и прицелов спихнуть в болотину. Самокрутки отставить, разговоры тоже. Пошли.

Гриша уверенно вывел группу к подножию. Предупредил, что самое опасное впереди: горушка на макушке лысая, и как незаметно подобраться к батарее, он не знает. Есть, правда, левей если взять, неглубокая узкая размоина. Можно по ней попробовать — по-пластунски.

— Эх, не догадались мы погоны на себя нацепить, сейчас бы поигрались с контрой, — прошептал Берталан.

— Чего теперь зубами скрипеть, — отозвался Ласло. — Дай-ка мне лучше, капрал, пару бомбочек, полезу я в ту канаву. План есть весёлый.

Когда товарищ уполз, Берталан догадался, что тот задумал. Ящики со снарядами обычно где-то рядом с орудиями располагают. И если... Так оно и произошло. Ловкий мадьяр ящерицей прополз почти к самой позиции, долго высматривал обстановку и промерял глазами расстояние до боеприпаса, осторожно ворочался, изговорясь к броску. Наконец, выждав момент выстрела пушки, вскочил и бросил гранаты. Рвануло так, что взлобок горушки камнем и пылью подняло в небо. Высоко подняло. Орудия, исковерканные, швырнуло в цветущий на склоне малинник. И через какое-то время на лафет одного из них шлёпнулась обгорелая офицерская фуражка. Пыль ещё оседала, а на вершине уже слышалась яростная брань. Под носом у казачков разыскивать Ласло было бессмысленно. Вернулись в деревню.

А на подступах к Поддыковке и с севера, и с юга не умолкала винтовочная трескотня. На флангах коротко вскаркивали пулемёты. Чья берёт — пока было неясно. Но вот после грохота на господствующей высотке Иштван заметил, как вдоль окопов сибирцев забегали офицеры. Стрельба с той стороны стихла. «Вот сейчас и надо навалиться на гадов, рискнуть, момент больно подходящий», — подумал зло. Повернулся к лежащему рядом Тодору и приказал передать по цепи быть готовыми к броску и схватке на истребление:

— Примкнуть штыки. Патроны беречь, — подождяв несколько минут, поднялся из травы, закричал зычно: — Вперёд, камрады, победа или смерть!

Цепь рванулась к вражеским траншеям. В полной тишине достигла их, ворвалась, а там... болотная жижа на дне, стрелянные гильзы да кое-где брошенные шинели и солдатские котелки. Иштвану это не понравилось:

— Силы сберегают, кадеты. Уходят от боя. А мы того не желаем.

Велел прочесть перспективу на расстоянии не менее двух вёрст, после чего вернуться на свои позиции. У тех, кто попадётся в лесу, изымать оружие и гнать взашей. «Золотопогонников» — в расход. Ему подвели лошадь. По-гусарски лихо запрыгнув в седло, он ускакал к реке.

А на берегу Мештерхази ломал голову над тем, как поступить с орудием. «Расстрелять снаряды да бросить? Жалко. Пусть хоть и старенькая, однако грозная штука. Её бы на «Ольгу» втащить для придания уверенности братушкам. Но опять же как?» Поделился сомнениями с подъехавшим унтером.

— Фи-и, в воду её и место запомнить, — отмахнулся тот. — Кто-нибудь из нас всё равно сюда вернётся.

— Не любишь ты артиллерию, гусар. Но будь по-твоему. Выполнил задание? Тогда выкладывай. Хотя и так всё понятно. Лошади тут при грохоте таком чуть с привязи не сорвались. Твои герои все целы?

— Ласло из Пяэтра-Намца погиб вместе с пушками. Он сам, один эту канонаду устроил. Царство ему небесное. А похоронить не смогли его, там остался. Потом мы в атаку пошли. Оказалось, на пустые окопы. Послал людей прочесать лес до горы. Скоро ординарец доложит, куда чубатые разбежалась. Тогда и подумаем, что дальше делать.

— Уходить будем. До ночи, даже после такого урона контре нам не продержаться. Васьяновна на тот берег мужиков послала. Плоты они должны разыскать. Если пригонят, лошадей переправим и сами следом двинем. Поехали со мной к уполномоченному, договориться надо о слаженной ретиреде.

Палестин сразу и жёстко объявил венграм, что пускаться в рискованный марш-марш для соединения с Хохряковым он не намерен. И вот почему. Чрезвычайный комиссар перед самой отправкой сюда поставил ему задачу — в случае опасного по-

¹ Задунавье — историческая область Венгрии.

ворота событий не искать спасенья под крылом флотилии, а постараться пробраться в Тобольск для усиления тамошнего подполья. История повторяется, и сейчас снова требуются люди, имеющие опыт нелегальной работы. Ну, а приказы партии, как должно быть известно товарищам интернационалистам, — это руководство к действию. И никак иначе. Врачей он заберёт с собой. Пойдёт с ним и Лукерья. Оставаться в деревне ей опасно. За сына коммунара казачки её не пощадят.

Соврал уполномоченный убедительно. Золтан в знак согласия склонил голову. И — видно было — с каким-то едва уловимым облегчением сказал, что и они с Иштваном, пожалуй, тоже не станут искать встречи с Павлом Данилычем:

— Мы слышали, что в Уральской области действует батальон особого назначения, которым командует наш соотчич Лайош Винерман. Вот к нему и станем пробиваться. С ним у нас будет больше шансов попасть на родину.

Они попрощались.

Амбаркацию, или правдивее будет сказать — бегство с позиций, венгры осуществили с большой охотой и сноровкой. Благо, что неприятель, впавший, видимо, в ступор от их дерзких действий, наступать не решался. Ну и погода окруженцам подействовала — солнце так и не появилось. Тучи плотно обложили небо, прижали туман к реке, не давая ему подняться. Как только селяне подогнали плоты, на них без промедления на тот берег отправили лошадей, а лодками свезли к пароходу раненых. Следующим заходом поплыла пехота. Мештерхази оставил на позициях с обеих концов деревни только по десять стрелков, указав им, перемещаясь по траншеям, вести отпугивающую стрельбу и ждать сигнальной ракеты. Пушку в воду тащить не стали — тяжела, зараза, берег вязкий, люди измотаны. Сняли прицел, заложили под неё фугас и подорвали.

— Ну что, кажется, всё? — огляделся Золтан и протянул Иштвану пистолет системы Рдултовского. — Пускай ракету.

Скоро плоты и лодки с последними красноармейцами неслышно растворились в белесой мороси.

...Сгибаясь под тяжестью нагруженной на него поклажи, Палестин тащился по лесу вслед за Лукерьей и просил её пожалеть его бедную каторжную спину, дать передохнуть, перевести дух. Но Васьяновна, не оглядываясь, шла и буркала, стыдила его:

— Ещё чего, бугай этакой, на мне не меньше твоего наклачено, дойдёшь до месту, уразумеешь, каково лошадям на свете живётся.

У избы их встретила Павла Мироновна. Затянула гневно:

— Ну, сестрица дорогая, и напустила ты на меня страху. Возвращаюсь я без опаски, а Мухгарко уже перед ручьём шерсть на загривке поднял. Чужих учуял. Подхожу, гляжу из-за лесины, а у хибары моей чужой кто-то сидит, ногу чешет. Кобель на него пасть ощерил, рвётся. Я за берданку. Да тут девка выскочила с крестом на переднике. Увидала я её — сердце захолоуло. Всё, думаю, антихристы пожаловали за грехи мои месть на меня наклаживать.

— Не причитай, дура старая, сама знаешь, что к берлоге твоей только мне дорога известна. Помоги лучше кавалеру моему ношу на землю спустить. Лица на ём нет от страданья. А красный крест на груди, баба ты тёмная, указывает, что человек пред тобою стоит, болезни и раны врачующий. И бояться его не следует. Зови в дом, собираться станем. К ночи надоть уйти отсюда.

Павла засуетилась. Выгнала «антихристов» из избы, чтоб не мешали, и первым делом полезла в сундуки. Вытряхнула их содержимое на пол. Перебирала долго. Протяжно вздохнув, посетовала, что вот провизии всякой на неделю имеется, а одёжи ладной для гулянья по лесу нету совсем. Не совать же девкам мужские штаны. Срамотиш-ша и только! И обувка тоже — сапоги одне, да и те — в пол-аршина ступня. Беда горькая.

— Лезь под крышу, — приказала ей Лукерья, — может, там лапти какие остались от твоего Арсентия или ичиги татарские.

Мироновна хохотнула:

— На моём чердаке, Лушка, или, чай, забыла, кроме мышей летучих, отродясь ничего не сушилось. Из шкур бахилки будем мастерить. Более не вижу выхода.

Она сняла с гвоздя за печью волчью доху. Бросила её на стол и принялась ловко раскраивать ножом. Затем сходила в чулан, принесла моток дратвы и шило. В полчаса изладила ладные чуньки. Вышла на крыльцо, кинула Людмиле:

— На-ка, примерь, девка. Прямо на башмаки натягивай. Эк, нерасторопная какая. А ну, доктор, помоги ей.

Через несколько часов Васьяновна скомандовала облачаться всем в то, что приготовлено, мостить мешки на загорбки и становиться для осмотра. Оглядела каждого и заявила ответственно:

— У, красавцы какие писанные. Особенно товарищ полномоченный. До Груздьяви-

но, должно, лохмотья выдержат, а там разживёмся чем получше. Веди, сестрица. С Богом!

Неделю — дневная духотища, гнус, ночное ознобье — тащились вдоль распадков, в зарослях которых позванивали ручьи, огибали болота, взбрехали на поросшие орешником и осиновым молодёжником взгорья. Собирали на солнечной стороне буреломов грибы масляные и малину. Павла по утрам, прихватив берданку, уходила в дебри и возвращалась то с зайцем, то с парой рябчиков. Палестин как-то пристал к ней с просьбой взять его с собою, но та сказала устало:

— Охраняй стоянку, родимый, мало ль кого из лесу принести может.

...Что жильё уже где-то рядом, догадались по собаке. Вечеру седьмого дня пути Мухтарко стал весело поскуливать и наскакивать на хозяйку с явной просьбой позволить ему первым побывать в деревне. Но Павла строго пригрозила пальцем, попросила друга быть послушным. Пёс обидчиво сник и покорно посеменил рядом. Но вот уже явственно потянуло дымом. Вышли в ложбину — плакучие берёзы, среди них десятка два домов, овины на задворках, широкие полосы огородов. Едва завидев пришельцев, всполошились деревенские собаки. Такое устроили — хоть покойника выноси. Лукерья велела остановиться, а сама, опираясь на суковину, двинулась навстречу высыпавшему кто откуда мужичью. Но близко к себе её не подпустили.

— А ну стой, — поведа дулом ружья, приказал низкорослый бородатый крепыш. — Не то стрельня! Чего тут потеряли? Говори.

— Ты чего это, Скородумов, представленью тут играешь? Лукерья я, сестра твоя единоутробная, не признал, что ли? Опустил свою дробовину. Подходи, расцелуемся.

Мужик растерянно оглянулся на сельчан, пробормотал:

— Кака ещё Лукерья? Откуда ей быть здесь? Однако голос... сыми-ка платок, ски-талища. Ой, и взаправду Лушка! — покатился колом к сестре, обнял, потянулся к уху и зашептал нетерпеливо: — Кого привела с собой? Что за люди? Если чужие, говори сразу. Не то народ у нас — побьют и меня вместе с вами.

Васьяновна отстранилась.

— Ты, Колька, как родился без мозгов, так и живёшь улыбаясь. Да доктора я к тебе и фельдшеров пожаловала, прослышала, что Антонида твоя нутром мается. Посмотрят они её, старичьё да детишек болезных и дальше пойдут. А сейчас вели баню истопить, семь дней по лесу мотались, запаршивели.

— Это я мигом. Дам пару, что до новых веников не забудете.

Баня вскорости поспела. Отмылись, истомились на полках, квасу медового с охотцей испили, сели в избе за стол вечерять.

— Что ж, — поднял кружку с добрую «косушку»¹ Николай, — со свиданьем, сестрицы, и вас, господа учёные. Кушайте и рассказывайте нам бирюкам, чего в мире делается, происходит. Мы же тут на отшибе толчёмся каждый со своей думой. Тобольск вон рядом вроде, а сходить туда — нужда не пускает.

— Про то, что без царя нынче живём, слышали, поди? — спросила Павла и внимательно посмотрела на хозяина.

— А куды ж он делся? — ахнула Антонида. — Вчера ещё, кажись, с немцем войну затевал.

— То вчерась, а сёдни спихнули его с трона дружки его.² Смута на Руси затеялась. — злорадно обронила Лукерья. — Пыхает кругом.

Скородумов онемел, услышав такое. Придя в себя, вытер вспотевшие ладони о штаны.

— Эку вы нам страсть принесли, девоньки. И как теперь жить далее? В Петербурге-то кто ныне правит?

— В столице, Николай Васьянович, — вмешался Палестин, — власть в руках народных советов во главе с Лениным, а здесь в Сибири другое — буржуйское правительство образовалось. Есть и третье — казачье — на юге России. Украина откололась, Прибалтика тоже, Туркестанские области пожелали уйти от нас.

— Свят, свят, свят, — перекрестилась хозяйка.

— А к кому народ-то склоняется, поясни, любезный?

— Стенка на стенку пошла, — горько вымолвила Лукерья. — Кто не хочет старых порядков, тот за Ленина встал, а которые за то, чтоб в узде холопов держать — те свою армию собирают. Многие забились по углам, выжидают, чья возьмёт. Вам, родимые, тоже определяться придётся.

Васьяновна принялась рассказывать об Ляксе своём, что до красных подался, о соседе Неумытове, к кадетам сбежавшем, и про свата — речного капитана, и о том, как

¹ Косушка — «винная мера», равна 0,307 мл.

² Они ещё не знали, что буквально на днях в Екатеринбурге бывшего императора совсем лишили жизни.

бились они ещё недавно с офицерами, но вынуждены теперь спастись в лесу.

— А вообще, — заключила она, — мы к вам помощи просить заявили. Нам в Тобольск попасть надобно. И чтоб в деревне про то не прознали. Как говорят: на Бога надейся, а кобылу привязывай. Потому как дело имеем военное, секретное.

Скородумов слушал — голова поникла, тряс бородой. Вдруг поднялся. Несколькоми глотками осушил кружку настойки, утёрся рукавом рубахи. Повернулся к иконам в красном углу, осенил себя крестом и объявил, что пойдёт немедля по дворам с молвою срочно собираться на сход, для обсуждения общинниками грозных новостей. Еле усадили его на место. Договорились, что утром без набатов и лишнего шума он с Лукерьей и доктором обойдут избы, поговорят с людьми, ну и посильную помощь беженцам испросят.

Ничего из этого не вышло. Не успела наша троица после беседы выйти за ворота первого же дома, как следом выскочила известная селянам склочница Увариха и припустила вдоль улицы, заполошно взвизгивая:

— Выходь, народ! Пока мы тут спим, в Петербурге царя-батюшку православного не знамо куда подевали! Осиротела Расея!

Скоро у избы Скородумова собралась вся деревня. Бабы в платках, мужики с вилами. Требовали, чтоб староста объяснился перед обществом. И доподлинно сообщил, каких-таких людей у себя в бане парит. Может, пришли они сюда порчу на скот наводить? Знаем мы, мол, шатунов этаких, навидались.

Николай поднялся на крыльцо, поднял руку, прося тишины.

— Чего всполошились? — закричал натужно. — В Петербурге революция. Государь император манифест подписал, что он уже не царь. Теперь власть у нас этого, как его?

— Совета народных комиссаров, — подсказал Палестин.

— Вот. Ленин в ём главный. Расходитесь! Как жили ладом, так и далее будем. А люди, которых сестра привела, лечить болезни горазды, доктора они. Порчу вы сами на себя наводите, обмороки лесные. Христа ради прошу: ворочайтесь ко дворам, политика вам коров не подоит.

Народ ещё пошумел для порядку, но разошёлся переваривать сотрясательную новость на засыпанных табаком завалинках. Два дня спустя, отдохнув от изнурительной дороги, Жухов с Марией вместе со старостой начали обходить избы, где сиживали у подслеповатых окошек одинокие старики. Потом ещё два дня осматривали детей. Лукерья же на правах родственницы деревенского головы аккуратно занималась сбором одежды. У кого на Колькин табак юбку выменяет, у кого за петуха горластого туфельки прюнелевые приобретёт. Однажды позвала с собой Людмилу. Пообещала устроить ей праздник у вдовы солдатской, родственницы своей. Пришли в дом у самой околицы. Под окнами бузина ягодой наливаётся и цветочки разные разноцветными огоньками брызжут. Пёс из будки морду высунул, но зря лаять поостерегся, заметив на крыльце кормилицу, проворковавшую:

— Поднимайтесь в светлицу, гостюшки, я в погребок схожу за квасом.

Вернувшейся хозяйке хитрая Васьяновна тут же отвесила комплимент: и чистенько-де у неё, и половички вон какие весёлые по полу брошены, а уж о лебедях на прикроватной стенке она и говорить от восхишенья не может. Без передыху стала спрашивать, откуда у подружки фарфоровые бабочки, что по комоду рассажены, и в каких краях та обзавелась самоваром из мельхиора, да ещё с чашками к нему и блюдцами, расписанными золочёной паутинкой? Всё осмотрела, перещупала, оценила. Надежда — вдова хозяйственная, бережливая, зарделась от похвалы.

— Щас, — сказала, — посидите чуточку, я вас не так удивлять стану, — вернулась из второй половины дома с узлами, несколькими парами женских сапожек, перекинутых на тесьме через плечо. — Примеряй, девки, всё ваше. Ой, — спохватилась, — зеркала забыла и бусы яхонтовые.

— Удивляй, Надежда, развязывай простыни, а бусы себе оставь. Ими, — проговорила, — в лесу некого соблазнять.

До полуночи перебирали груды обнов, меряли их, крутились перед зеркалом. Лукерья даже в одной особо приглянувшейся ей жакетке пустилась от радости в пляс. Хозяйка аккуратно сложила отобранные вещи в стопочку, прихлопнула её ладонью.

— С вас сто рублей, — объявила с улыбочкой.

— Курва, — побледнела Васьяновна. И коротко взмахнула рукой. Блузы и сорочки полетели на пол. — Пошли отсель, Людмила, пусть она этот стыд сама на себя напячивает.

Повернулась к выходу, но вдруг подскочила к столу, ухватила лежащую на нём связку сапог и — эх, сафьян червлёный! — швырнула её в плывущих по стене лебедей.

...Не все такими ушлыми оказались в деревне. Не сразу, но всё же отыскались и сапоги для пришельцев, и одежда подходящая. Вечерами, затворив ставни, при лучинах

обговорили — не без споров — предстоящий маршрут, наметили день выступления. Подошёл срок. Уселись за прощальный ужин. И тут Лукерья, опустив глаза, огорошила всех:

— Подумали мы тут с Павлой и порешили не идти в губернию, а на заимку вернуться. Непривычные мы к городу. Ладно бы знать, каким промыслом там займём себя. А так. Иссохнем без своих хозяйств.

Скородумов в сердцах бросил ложку на стол.

— Ну, Лушка! Опять ты нам забот подпятила. Кто поведёт людей далее?

— Есть у тебя в Салтыхане татарин Касим, сам сказывал. Пошли за ним. Он до русской Медянки выведет и через Тобол переправит. Посули ему перстенёк, — сняла с пальца обручальное кольцо и протянула брату. — А нас не уговаривай.

Ну, что тут сделаешь? Съездил за татариним верхом, поклявшийся никому о том не болтать, дружок и сосед Николая. Касиму, помимо кольца, поднесли ещё лёгкую верховую уздечку с трензелем и шкуру бобра на малахай.

— Выполнишь просьбу мою, в долгу не останусь. — пообещал староста.

После недолгих сборов и проводин со слезами группа исчезла в лесу. А через два дня Людмила, плача, обнимала Калетина:

— Дядя, дядечка родной! Я привезла его. Твой мальчик, мой Палестин — он с нами. Счастье-то какое!

* * *

На сороковины после утопления владыки Гермогена (совпадение?) на маленькой железнодорожной станции Крутиха недалеко от заштатного городишки Реж в восьмидесяти верстах от Екатеринбурга остатки не удержавшейся на севере карательной экспедиции тобольского направления вели бой с авангардом чешских войск, которые уверенно отбрасывали красных от важнейшей в этих краях магистрали. Прапорщик Гладкой поднял бойцов в атаку. А дальше дадим слово очевидцу:

«Хохряков увидел со своего командного пункта отходящих красноармейцев и побежал им наперерез. Поднявшись на насыпь железнодорожного полотна, размахивая маузером, он закричал алапаевцам: «Вперёд!» Но вдруг неловко и резко повернулся и, хватая ртом воздух, упал между рельс».

Отряда после гибели чрезвычайного и полномочного бежал с позиций.

Глава 3. НА КРУГИ СВОЯ

По утрам Мазепа в халате и мягких тапочках, прикрывая ладонью свечу, обходил комнаты. По-хозяйски кормил канареек, щеглов и зябликов, беззаботно щебечущих в своих клетках. Мрачно сокрушался, что обзавёлся певчими волшебниками в неподходящее время — корма для них день ото дня дорожают, да и доставать их становится всё труднее и труднее. На одной из холодных стен бывшей явочной квартиры бывшего Омского жандармского управления он недавно повесил чуть полинявшую афишу циркового аттракциона с обворожительной укротительницей хищников Ирэн Улыбовой. Неподражаемой. Оболганной. Незабвенной. Пока была жива супруга, полковник прятал реликвию в ящике своего секретера. Но вот вспомнил, достал и теперь подолгу простаивал возле неё, заботливо разглаживал непокорную бумажную складку на переносице красавицы и с каким-то пристонаем вздыхал. Вспоминал, как однажды после представления прошёл за кулисы, с помощью смотрителя манежа разыскал знаменитость и удивился её белой коже, тонким подрагивающим пальцам, держащим букет, очаровался магнетическим голосом. Она слегка жеманничала, что-то говорила, радостно нюхала цветы. И была, при всей своей земной близости, недостижимо далёкой. Богиня!

Боясь всего — выстрелов за окнами, шагов на лестничной площадке, ночных шорохов в углах, он сделался заложником собственных страхов и долгие месяцы хозяйничанья в городе ряженой в красные платки и кожаные куртки черни жил одним — ожиданием дворника, который через день тайком приносил ему еду, сообщал городские новости, а ночью по «чёрному ходу» выводил на прогулку. Только во двор, упаси боже — на улицу.

...Сегодня за окнами было особенно шумно. От дальних взрывов подрагивали стёкла, доносились крики и тяжёлый грохот колёс по мостовой. «Что-то долго нет моего Ефима», — подумал с тревогой. Но тут же услышал поворот ключа в замочной скважине. Резко метнулся за кухонную дверь, опустил руку в карман халата, где лежал револьвер.

— Ваше высокородие, это я, — раздался знакомый голос. — Выходьте, буду вас радовать.

— Неужели большевиков погнали? — догадался Иринарх Гаврилович, появляясь перед кормильцем. — Боже мой. Боже мой. Неужели свершилось?!

— Истинно так, господин полковник. Дали драпу советчики. Ещё как дали. А народ, кто половчее, тот к пристаням припустил для обогащенья. Пароходы-то ушли, а кой-кто из комиссаров опоздал на их. Деньги, говорят, у нищих коммунаров находят, не поверите, какие! Так что можете в мундир облакаться, и милости просим на проспекты. Там уж праздник людишки затеяли. Вечером богатая иллюминация ожидается и парадом войско пройдёт. А ушлая морда Венька Сутягин скоренько и кабак свой распахнул. Радуетса обирала. Я было сунулся к ему с просьбицей ссудить мне «косушку», освобожденье, значит, спрыснуть, так что ты, токмо буркалы под брови закатил. Мож, вам по случаю народной виктории сапоги почистить? Изволите распорядиться?

— Спасибо, братец, спасибо тебе за всё. Но мне нездоровится. Давай лучше выкладывай на стол, что удалось добыть. А я бутылочку поищу. Выпьем за паденье царства антихристов.

...Ещё пару дней Иринарх Гаврилович через узкие щели между занавесками подолгу изучал улицу и сортировал мелочи текущей за окном жизни. По ним старался определить: точно ли и окончательно миновала опасность? Некоторые детали его настораживали и вызывали недоумение. Например, снующие туда-назад возбуждённые люди с белыми и красными повязками на рукавах. Что сегодня обозначают эти различия? Единение враждующих лагерей? Но как такое возможно? Ефим на сей счёт ничего внятного сказать не мог. Успокаивали единственно газеты. «Омский вестник» писал, что служащие торгово-промышленных предприятий на своём собрании выразили крайнее недовольство составом Сибирского правительства, министрами которого в подавляющем большинстве стали представители партии эсеров и меньшевиков, тогда как кадеты получили только два портфеля.

«Если делят власть, значит, у господ освободителей горизонты расчистились», — не особо почтительно отмечал полковник и старательно подчёркивал карандашом строчки из другой заметки: «...большевики бегут из своего зачумленного стана «живых трупов»... в народе, познавшем на себе все ужасы комиссародержавия, нет радости от большевиков...»

«Завтра пойду прогуляться и осмотреться», — наконец-то решил он и приказал дворнику к утру привести в порядок китель и сапоги.

Чтобы не выделяться в толпе, погоны и ордена цеплять не стал. Прихватив из шкапулки покойной жены несколько дорогих безделушек, которые сам когда-то ей дарил, отправился напрямую к оценщику. Знакомый ювелир, пользовавшийся ещё недавно не только бандитов, фармазонов и состоятельных жуликов, но и благопорядочных сотрудников охраны, осмотрев принесённые броши и серьги, вкрадчиво поинтересовался:

— Я так думаю, что вы желаете получить с меня за сие волшебство исключительно монету царской чеканки? К вашему и моему огорчению, готову сказать: она напрочь не имеетс. Если вы не верите мне, то посмотрите на мою убитую горем Басю. Красные товарищи, наставив на нас огромные ружья, попросили выложить им даже то, что нам не принадлежало, а состояло в собственности моих компаньонов. Да-да. Иначе они грозились утонуть моё больное тело в Иртыше, а вы же понимаете, что там темно и холодно. И мой радикулит не сказал бы мне за это спасибо. Но, знаете, лучше бы я лежал на дне. Как и чем теперь...

— Не выжимайте из меня слезу, господин Мелентович, пару десятков червонцев на свои похороны вы наверняка припрятали. И я вам прямо скажу: в вашем цветущем возрасте оставлять Басю вдовой неприлично. Давайте проклянем большевиков и благополучно забудем их, — от распоясавшейся черни и не такое ожидали, — и договоримся так: часть денег выкладываете сейчас, а причитающийся мне остаток пусть будет на вашей совести. Отдадите его после расчёта с компаньонами и когда забудете слёзы на глазах своей коров... простите, королевы.

— Это совсем другой разговор. Подождите вот здесь на диванчике. Я ненадолго отлучусь.

...Дворцовая улица, на которую скоро свернул Мазепа, вызвала у него из памяти тютчевское: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые»... Признаков того, что здесь ещё совсем недавно шли бои, совершенно ничто не обнаруживало. Разбитые кое-где витрины? Так этим разве кого напугаешь? Бывало, перебрав водки, наезжие купцы били стёкла в заведениях с неменьшим остервенением, чем нынешняя белая и красная публика. Где-то совсем рядом баритоны и теноры выдували мелодию «На сопках Маньчжурии». А трубы высокими нотами относили её к кровавым под вечер небесам. Иринарх Гаврилович ускорил шаг. К его удовольствию, оркестр играл на открытой площадке у гостиницы «Европа», в ресторан при которой он, собственно, и направлялся. Капельмейстер, стоящий спиной к музыкантам, взмахами палочки пригласал горожан вальсировать. И да. Пары кружились. К бойкому месту подъезжали и

подъезжали экипажи. Тревоги забылись. Война отодвинулась.

Мазепу провели к столику в глубине залы. Половой склонился перед ним и с иезуитской улыбкой предупредил, что, во избежание и прочее, клиентов с «керенками» и совделовскими «казначейскими полотенцами» у них в ресторации обслуживать нет никакой готовности. Охранных дел мастер выудил из кармана и небрежно пустил колёсиком по столу монету. Тускло блеснув, она упала на салфетку «николаевским профилем» вверх. Улыбка на лице официанта исчезла. Он принял позу учувшей дичь легавой и изготовился к принятию заказа. Полковник поднёс к глазам листки с перечислением предлагаемых блюд: «...кроме поросёнка, зажаренного на водке, чтобы был ароматнее, принесём либо телячьи отбивные, либо куриные котлеты по-пожарски, сыточные щи с кашей, либо уху». Дальше значились какие-то диковинные «суп-крем де жибие», «нельма-режанс»... Мазепа пощипал усы и недовольно бросил меню:

— Ты вот что, братец, принеси-ка мне бутылку лафита, три яйца — не всмятку, а в мешочек кусок чёрного хлеба и к нему порежь сала. Обычного свинячьего сала без всяких «дилянжансов» и прочей ерунды. И лучка зелёного несколько пёрышек добавь.

Половой удалился на кухню, а полковник принялся оглядывать общественное сходбище. Его внимание сразу привлекла большая шумная компания за сдвинутыми столами у самой эстрады: рассажённые по правилам этикета между чешскими и французскими офицерами кокотки с оголёнными плечами и двое господ во френчах «а ля Керенский», видимо, переводчики. Один из них, явно скучая, тоже изучал посетителей. И в какой-то момент глаза Мазепы и этого «освободителя» встретились. И тот вдруг порывисто встал. Склонившись к своему соседу, что-то сказал ему, а затем ловко ухватил за горлышко ближайшую к нему бутылку и двинулся через залу. И Мазепа... узнал его. «Тощая конституция. Чеховский персонаж — «погребальные дроги стоймя». Взгляд исподлобья. Чёрные зализанные волосы. «Самсон». Гусынин. Тобольский стукачок. Как он здесь очутился?»

Бывший агент охраны подошёл и, стараясь произвести впечатление, представил:

— Чиновник для особых поручений при военном министре Временного Сибирского правительства Гусынин Борис Борисович.

«Ишь, куда тебя вознесло, ничтожество», — удивлённо подумал Иринарх Гаврилович, но приветствовать и тем более стоя, старого знакомого не счёл нужным.

— Что вам угодно? — спросил и невозмутимо стал десертной ложечкой разбивать яйцо, помещённое в специальную подставку.

— Вы ведёте себя, как обиженная курсистка, — не спрашивая разрешения, уселся за стол Гусынин. — Однако, отдавая дань вашему возрасту и былым заслугам, я вас прощаю и предлагаю серьёзно поговорить.

Мазепа побагровел.

— Щенок, — выдохнул он, — соблаговолите объяснить, что всё это значит? Я имею в виду ваш неподобающий тон. И застегните верхнюю пуговицу на френче, если при военном министре состоите.

— Ну что вы, Иринарх Гаврилович, — нахально осклабился чиновник, но пуговицу всё же застегнул. — Я к вам с полным уважением. И с ещё большим почтением сразу же приглашаю завтра без всяких возражений посетить канцелярию министра. Генерал Гришин-Алмазов, думаю, примет господина ротмистра с радостью и не будет задавать ему сколькие вопросы о том, чем занимался наш друг, когда все честные русские патриоты под постоянной угрозой большевистской расправы готовили освобождение города. Ибо, — Гусынин поднял палец вверх, — такие специалисты, как вы, сейчас очень нужны. Подчёркиваю, очень.

— Я уже давно полковник, милейший, потому и прошу обращаться ко мне соответственно, — не испугался намёков собеседника Мазепа.

— Покорнейше простите, но насколько я помню, согласно табели о рангах, вы отбыли к новому месту службы сюда в чине девятого класса. А слухи о ваших дальнейших успехах до нас не доходили. Увы. И потом, на вас сейчас мундир без знаков различия. Вы кого-то боитесь? — Борис Борисович подозвал официанта искомандовал, чтоб тот принёс бокалы. Разлил вино и, глядя жёлтыми своими больными глазами, примиряюще сказал: — Его превосходительство Алексей Николаевич собирает вокруг себя людей, способных не за страх, а из убеждений бороться с узурпаторами. Настало время показать, на что способен каждый из нас. Подчёркиваю, каждый. Я сегодня ещё встречу с министром. Каков будет ваш ответ?

Мазепа, демонстративно не замечая предложенного ему вина, налил себе лафита, выпил. Пожевав сало, вяло кивнул:

— Передайте генералу: я встречаюсь с ним, но доведите до его сведения мой возраст и здоровье...

— Я думаю, что вам, испытанному борцу с разрушителями незлыблемых россий-

ских устоев, будет предложена соответствующая должность. Военное ведомство сейчас располагается в гарнизонном собрании. Вы должны знать, где это. На аудиенцию желательно прибыть при полном мундире и всех регалиях. У нас — субординация-с. Хотелось бы, конечно, ещё о многом поговорить с вами, но я даже сейчас нахожусь при исполнении, поэтому разрешите откланяться, меня ждёт иностранная делегация.

Всю ночь Иринарх Гаврилович казнил себя: «Ну размазня. Ну идиот. Сознайся, трус старый, что попытался перед проходимцем, испугался его недвусмысленных окольных. Надо было решительно отказаться. Что они могут мне предложить? Водить в бой батальоны? Но я не Скобелев. Разрабатывать операции при каком-нибудь штабе? Смешно. Что тогда? Единственно, я мог бы помочь в собирании новой полиции, которую революция разметала — не сыщешь. Однако наведением внутреннего порядка должно бы озаботиться другое, отнюдь не военное ведомство. Да, поставил ты меня на распутье, петрушка кукольный». Допив захваченный из ресторана лафит, решил следовать обещанному, а там — чему быть, того не миновать.

Утром на углу Шпрингеровской улицы Иринарх Гаврилович тронул за плечо извозчика:

— Приехали, братец. Получи целковый.

Вылез из коляски, одёрнул мундир и направился к выдержанному в строгости архитектурных форм классицизма зданию. В гарнизонном собрании жандармов испокон не жаловали. Касалось это и Мазепы. Он ни разу здесь не был. Поэтому, поднимаясь двухмаршевой лестницей, с любопытством, но без провинциального рото зеркала осматривался. Интерьер впечатлял. Старинные — в деревянных оправах — зеркала на площадках, лепнина, дорогие люстры, тяжёлые портьеры на окнах. Военное время, впрочем, коснулось и этого великолепия. Светлая и просторная танц-банкетная зала на втором этаже — согласно профилю учреждения — служила теперь приёмной министра. Вдоль стен расставлены стулья, на которых, несмотря на ранний час, уже восседало немало посетителей. С обеих сторон двери, ведущей в некогда каминный зал для встреч и бесед, а ныне кабинет его превосходительства, угнездились массивные столы для адъютантов и писмоводителей. Мазепа прошёл к одному из них и представился. Капитан с аксельбантом на груди поднял голову от бумаг и посмотрел с любопытством. Потом заглянул в лежащий на специальной подставке журнал и сообщил:

— У генерала сейчас представители чешского корпуса, он сможет принять вас только через полчаса, прошу подождать.

Ну что ж, есть ещё время подумать. Полковник уселся на свободный стул у окна. Попытался вытащить из памяти последние события. Но к своему стыду обнаружил, что совершенно не владеет обстановкой, и та же фамилия управляющего Военным министерством ему ничего не говорит. Не будучи вовлечённым, а точнее, уклонившись от бушевавших вокруг политических дрызг последних месяцев, он не мог знать о глубоко законспирированном офицерском подполье в нескольких городах Сибири, одним из руководителей которого был Гришин-Алмазов. И уж никак не мог предположить, что через несколько минут будет беседовать с будущим знаменитым «диктатором Одессы», о ранней и нелепой гибели которого Иван Бунин оставит в своих «Окаянных днях» короткую, но отчаянную запись: «Ужасная весть!»¹

Приглашая Мазепу в кабинет министра, адъютант предупредил, что беседа будет пятиминутной, поэтому на вопросы следует отвечать коротко и по существу. Никаких

¹ В конце апреля 1919 года командующий вооружёнными силами юга России (ВСЮР) Антон Деникин решил отправить к верховному правителю адмиралу Колчаку военную миссию, возглавить которую поручил генерал-майору Гришину-Алмазову. В нее вошли 16 офицеров и 25 нижних чинов. Сухопутный маршрут движения в Сибирь оставили сразу — кочующие фронты, громадные расстояния, дефицит времени. Решили идти из Петровска (ныне Махачкала) через Каспийское море к Гурьеву. Но (опять «англичанка» подгадила?) коммодор Норрис, командир шляющегося в этих краях британского крейсера «Президент Крюгер», настоятельно посоветовал генералу не следовать сразу на Гурьев, а зайти сначала в Форт-Александровск на полуострове Мангышлак, где стоял гарнизон белых и находилась радиостанция. Наняв частный пароход «Лейла», миссия в сопровождении двух английских кораблей вышла в море. Гришин и «союзники» не знали, что накануне Форт-Александровск был атакован и захвачен десантом Каспийской флотилии красных. В руки противника попала радиостанция, и радиотелеграфист стал работать под контролем. Тогда же большевики и перехватили шифровку о скором прибытии миссии, ответив, соответственно, что к ее приему все готово. Когда «Президент Крюгер» и «Вентюр», просигналив на пароход о прекращении дальнейшего эскорта, отвернули на Петровск, из форта навстречу «Лейле» вышли эсминец «Карл Либкнехт» и крейсер «Красное знамя». Что было дальше, догадаться нетрудно. Гришин в своей каюте жег наиболее секретные документы и отстреливался. Последнюю пулю оставил себе. Из того, что не успел предать огню Алмазов, красным достались документы скорее политического, чем военного характера — личное послание Деникина к Колчаку, планы общего похода на Москву и соединения двух армий на стратегическом просторе у Саратова. Что большевикам, скорее всего, и без того было известно.

личных просьб. Их можно подать рапортом уже после встречи в установленном порядке.

Сероглазый молодой генерал выглядел усталым. Он кивнул стенографистке, чтобы она была готова к работе, и — высокий, в ладно сидящем кителе с одиноко белевшим на нём орденом Святого Георгия — подошёл к полковнику. Изучающе-коротко посмотрел ему в глаза и размеренно произнёс:

— Я буквально вчера издал указ о создании при управлении генерал-квартирмейстера штаба армии отделения военного контроля, которое будет иметь свои пункты при всех крупных гарнизонах. Это, по существу и необходимости, прежде всего контрразведывательный орган. Основной его задачей нам видится борьба с большевистским подпольем, выявление неприятельских шпионов и их организаций, а также лиц, поддерживающих советскую власть или работающих против возрождения России. Мне охарактеризовали вас как опытного и успешного специалиста. Подчёркиваю, успешного. Да и ваши награды тому подтверждение. Наше правительство наделило меня полномочиями привлекать к этой важной работе всех, кого считаю нужным. Подчёркиваю, всех, — Гришин неожиданно приветливо улыбнулся. Обошёл полковника и как бы мимоходом поинтересовался: — Вы курите? — и, заметив нервный поворот головы визави, признался: — А я вот не могу бросить. Пройдёмте к табачному столику, и, пока я набиваю папиросу, изложите мне самые уязвимые места и особенности предстоящего дела. Тезисно. Без ненужных подробностей.

Иринарх Гаврилович от волнения стал путанно рассказывать, что он думает по поводу услышанного. Но уверенно заключил, что без подготовленных людей и больших денег своевременная, по сути, идея обречена на провал. Алмазов ответил, что вопрос обсуждался с министром финансов, и тот обещал изыскать нужные средства. А что касается кадров, то их придётся искать на местах, привлекать бывших чинов жандармерии и полиции, нанимать сознательных граждан и серьёзно работать с ними. Наконец, он перешёл к главному, что более всего интересовало Мазепу:

— Вы ведь долгое время служили в Тобольске. Стало быть, хорошо знаете город. Мы решили — в силу вашего возраста — не обременять вас общим руководством тамошнего пункта, а отдать под ваш патронаж знакомый участок — исключительно сыскное дело. Самое ответственное. Благо, и знания, и опыт у вас есть. Подчёркиваю, есть. Когда вы будете готовы отправиться к месту назначения?

— Это так неожиданно. Мне надо подумать, ваше превосходительство.

— А вот это уже неосмотрительно, — недовольно отрезал генерал. — Вы — офицер и должны понимать, что любая затяжка уже принятых решений командования может быть расценена, в лучшем случае, как саботаж. Подчёркиваю, саботаж. Выезжайте немедленно. И сегодня же телеграфируйте полковнику Киселёву в Тобольск, чтобы он загодя подыскал вам помещения для работы и отдыха. Все необходимые документы получите у господина Гусынина. Кстати, не желаете видеть его в своих помощниках? По-моему, дельный чиновник, брызжет энергией. Схватывает всё на лету.

«В том числе и манеру разговора своего патрона», — брезгливо отметил про себя Иринарх Гаврилович. Но вслух поблагодарил и вежливо отказался.

— Ну что ж, рад был с вами встретиться, — министр протянул полковнику руку. — Я, хотя и верен букве и духу воинского устава, даю вам право, в случае особых обстоятельств обращаться напрямую ко мне. Подчёркиваю, напрямую. Да поможет вам Бог. И вот ещё что. После представления, уже в приватной беседе, сообщите полковнику Киселёву: получено известие, что сын его Кирилл — подпоручик корниловского полка — погиб в начале июня под Екатеринославом. Такое, сами понимаете, по телеграфу не пошлётся. И передайте Гурию Николаевичу мои соболезнования.

Мазепа обречённо склонил голову. Вечером следующего дня с небольшим саквояжем он поднялся на пароход. Провожаящий его Ефим, крепился до прощальной сирены. А когда она, взыв, затихла и матросы убрали сходню, над головами обывателей, шляпами и зонтиками дам, над золотой от предзакатных лучей солнца пристанью раздался рыдающий глас: «Прощай, ваше благородие, прощай, сердешный барин!» Иринарх Гаврилович, стоя у борта, махал фуражкой, пока различал в толпе седую непокрытую голову и заношенный фартук с номерной бляхой на груди. «Пропадёт старик, — думал он тоскливо, — надо было взять его с собой, определить денщиком, хлебный паёк выбить...»

— С кем это вы так сердечно прощаетесь, полковник? — вдруг раздался рядом насмешливый голос.

Оглянулся. Боже мой! Гусынин!

— Вы? Опять вы? Доколе? — непроизвольно вырвалось у Иринарха Гавриловича.

Чиновник для особых поручений одет был сегодня новомодно — пиджачная пара при галстуке и манжетах, галифе и высокие сапоги. В руке трость. Яд улыбки на рыбьих губах. И он, нисколько не оскорбившись, сказал миролюбиво:

— Наши каюты расположены рядом. Я уже и общий ужин заказал. Прошу в мои апартаменты, там и обсудим казус нашей вроде бы случайной встречи.

Пароход, дымя, отдался от города. Мазепа, конечно же, понял, что шустрый чиновник появился здесь не по собственной воле. Но чьей и зачем? Чтобы разгадать сию загадку, решил поиграть в простачка.

— Я с удовольствием принимаю ваше приглашение, — поддержал он предложение «оглобли». — Вы человек много знающий, а плыть нам долго, надеюсь заполучить от вас последние омские новости и сплетни.

Ни того, ни другого он не дождался. Едва усевшись за стол, Гусынин объявил себя рабом порока и, не обращая внимания на увещательные просьбы попутчика, принялся, почти не закусывая, пить мадеру. Через каких-нибудь час-полтора жёлтые глаза его помутнели и налились злобой.

— Не нравится мне здесь. Подозрительно чисто, как на немецком кладбище, — понёс он какую-то ахиною, а потом с расстановкой процедил: — Уложите меня спать, полковник, договорим завтра.

Мазепа втащил обмякшее тело на кровать и долго сидел, размышляя над поведением «случайного соседа». «Нализался он, судя по всему, совершенно умышленно. Не хочет ничего рассказывать, боится ненароком проговориться о том, чего я не должен знать? Или провоцирует? Ну, например, на перлюстрацию документов, которые он наверняка везёт с собой. А что: портфельчик на видном месте брошен, хозяин спит, подходи, открывай, знакомься! Идиот. Проверить твои бумажки, конечно, есть соблазн, но не стану же я так топорно это делать. Придёт время, сам выложишь свои секреты».

Во время долгой стоянки у Тары Мазепу разыскал капитан судна. Извинился и сообщил, что как бы господин полковник ни возражал, но к нему в каюту будет подселен пассажир. Согласно телеграмме военного министра, на пароход следует принять группу офицеров, следующих в Тобольск. Исполнить указание требуется в точности, даже если для этого понадобится кого-то высадить. Иринарх Гаврилович, конечно, огорчился и поэтому холодно встретил вошедшего вскоре в каюту офицера. Тот представился ротмистром Стрельниковым Олегом Парамоновичем. Огляделся, снял китель, извлёк из походного баула бутылку, свёртки, видимо, со снедью и несколько развязно предложил для знакомства и с устатку выпить:

— Вы, полковник, как я догадываюсь, тоже сосланы в тобольскую тьмутаракань? Мне не приходилось в ней бывать, но ходят слухи, будто комиссары за время своей гегемонии там подчистую извели все кабаки, рестораны и прочие развращающие обывателя заведения. Удалили из города всех доступных женщин. Ну и церкви заодно прикрыли. Как же большевички собираются строить новый мир, если питейные лавки и храмы объявлены вне закона? Они же мужика последней радости в жизни лишают. Ему перед распятьем чтоб упасть на колени, согрешить сначала надо. И так по кругу. До «последней берёзки».

— Позвольте с вами не согласиться, ротмистр. Наш изворотливый народец и без кабака найдёт, где надраться и подрасться. А насчёт церкви... да её кресты уже давно никого не осеняют, иначе бы не случилось то, что мы имеем несчастье наблюдать. Вы лучше успокойте старика, расскажите о наших славных победах, ведь если продвижение армии продолжится столь впечатляюще, то к осени мы будем в Москве.

— Простите, от кого вы такое услышали?

— Как от кого? Об этом пишут все газеты.

— Строчкогонов сейчас и болтунов развелось превеликое множество: кудахчут дружно, как куры на насесте, призывают, грозят. Но вы попробуйте кого-нибудь из них пригласить записаться в дружину и добровольцем отправиться на фронт. Уверяю вас, что кроме оскорблений ничего не услышите. Меньше читайте господ щелкопёров, поберегите нервы.

— Ваша, м-м, злая ирония заставляет меня предположить, что вас преследуют какие-то неприятности.

Стрельников выпил, закурил, ещё выпил. Качнулся на стуле. Вдохнул:

— Мне, как острил один мой приятель, не дано махать шашкой, я всего лишь бывший изобличитель тех, кто нарушает преступление. То есть ваш коллега по жандармскому ремеслу. А злость, так она от того, что жив остался и могу теперь отомстить своим обидчикам.

И он рассказал Мазепе, как по доносу придомового дворника был схвачен матросами в своей екатеринбургской квартире, выдержал побои и многодневные допросы, а потом из революционной милости товарища комиссара Хохрякова определён в партию заложников, которую он потащил за собой сначала в Тюмень и следом до Тобольска. «Мы поначалу думали, что в тамошней тюрьме нас и заточат, но дела у большевиков, видимо, пошли плохо, поэтому от арестантов они по дороге стали избавляться.

Выдёргивали по несколько человек на остановках и катером свозили к берегу. С какой целью, мы быстро поняли».

— Вскоре, — перекрестился ротмистр, — в трюме осталось человек тридцать из восьмидесяти. Когда пристали к Покровскому, наступил и наш черёд. Мы принялись прощаться. Епископ Гермоген, который с нами в том аду маялся, утешал нас молитвой. И тут промыслом Божиим явилось мне спасение. Солдатик из расстрельной команды, что прибыла по наши души, знакомцем оказался — служил у нас при управлении караульным в Екатеринбурге. Успел я ему шепнуть, чтоб руки мне для виду только связал. Ну и прыгнул я с трапа в воду. Из одежды на мне только штаны да дырявый китель. Сапог нет. Плавать хорошо умел с детства, так что пронырнул сразу под буксиром на другую его сторону в темноту. А там снова нырнул и почти у берега вылез. Затаился в кустах, подождал, пока тревога уляжется, и к селу прокрался. Спрятала меня в хлеве со скотиной бабариха одна, откормила. А скоро и штабс-капитан Казагранди пожаловал с отрядом.

— В таком случае, Олег Парамонович, позвольте выпить за ваше второе рождение.

— Давайте лучше помянем тех, кого не пощадили антихристы. И святителя Гермогена в первую очередь. Светлой души и похвальной стойкости был человек. Я не знаю точно, в какой день расправились с ним. Думаю, после расстрела нашей партии долго не тянули, потому как казаки навалились на коммунаров серьёзно. Тело владыки через неделю по уходу красной флотилии прибило к берегу близ каких-то татарских юрт. Опознали его, доставили в Покровское и захоронили при сельском храме. Но слышал, скоро останки должны повезти в Тобольск, где их примет уже навечно один из приделов Софийского собора. Я, кстати, направлен в губернский город в том числе и для того, чтобы помочь полиции найти убийц — в сане-то священник больно высоким состоял. Тут затронута честь церкви, и народ не простит нам, если не покараем душегубов.

— Да-да, конечно. Правильное решение. Вы, так уж получилось, единственный из заложников, кто остался жив, потому можете не только назвать участников злодеяния, но при случае и опознать их. Могу вас заверить, что буду вам всячески содействовать.

— Благодарю.

В дверь постучали. Вошёл Гусынин. Цепко обозрев каюту, он отступил в сторону и сделал приглашающий жест:

— Проходите, Владимир Карлович. Здесь собралась серьёзная компания: ротмистр Стрельников, о котором я знаю из телеграммы военного министра, и мой давний сослуживец полковник Мазепа. Знакомьтесь.

Через порог шагнул совсем юный прапорщик с гитарой в руке. Сняв фуражку, щёлкнул каблуками.

— С удовольствием представляюсь: барон Райхенбах. Командирован в распоряжение начальника пункта военного контроля при тобольской комендатуре. Следую к месту службы.

Мазепа удивлённо поднял бровь.

— Вот как! А сколько же вам лет, барон? — спросил иронично.

— У меня не было выбора, — огрызнулся прапорщик. — Разве вы поступили бы иначе? Враг терзает мою Родину, а я буду смотреть на это? Нет, я решил пожертвовать своей юностью, чтобы вместе с вами вернуть России её чистый и беспорочный облик.

— Садитесь, Владимир Карлович, — похлопав в ладоши, дружелюбно прогудел ротмистр. — По приезде на место я попрошу начальника гарнизона, чтобы он позволил нам работать вместе. Согласитесь, Иринарх Гаврилович, — люди с такими ясными взглядами редко делают ошибки.

— Господа, — вмешался в разговор Гусынин, — может, мы хотя бы сегодня вечером забудем о политике? Право же, я долго уговаривал барона спеть нам что-нибудь этакое, вроде — «Нет! Я не верю обольщённым»... А вы...

Голос прапорщика оказался на удивление хорош — явно не поставленный, но природный, мягкий. Грудной бархатный тембр. И прочитывалась в нём еле уловимая лёгкая грустинка. Послушная владельцу семиструнная «подруга» подпирала исполнение страстью рыдающих аккордов. Гусынин, изрядно выпив, плакал на плече у Стрельникова.

А барон вдохновенно выводил:

*Я помню: жизнь тому назад
В осенний час исповедальный
Грустила ты, что листопад —
Знак и печальный, и прощальный...*

Иринарх Гаврилович с интересом поглядывал на нервное лицо и золотые погоны мальчишки: «Ему бы в салонах дамских блистать, а он решил пасьянс со смертью раз-

ложить. Надо бы отправить его куда подальше — в Сургут, Берёзово, там у него будет больше шансов уцелеть».

В Тобольске их никто не встречал. На извозчиках добрались до комендатуры, представились Киселёву. Начальник гарнизона был сух:

— Квартиры вам подысканы, отвожу день на обустройство, завтра прошу быть на службе. После большевистского погрома город пребывает в унынии и многое предстоит восстанавливать. Вам, Иринарх Гаврилович, прежде всего следует заняться тюрьмой. Камеры забиты всякой сволочью, а мне кормить её нечем. Кто вам покажется нужным для дальнейшей разработки, оставляйте, остальных давайте куда хотите. Господин Гусынина прошу остаться, остальных не смею задерживать. Честь имею.

Мазепа по указанному в канцелярии адресу не поехал. Приказал извозчику доставить его к дому инженера Марусина на Покровской улице. Уверенно постучал в квартиру на втором этаже. Дверь открыл согбенный старик со спадающими на плечи седыми космами. Из-за толстых стёкол очков глядели настоженные глаза.

— Вам кого? — шепеляво пискнул он.

— Собирайтесь, господин Щекутьев, поедете со мной в тюрьму.

— Ха-ха! А зачем? И за что? Я сейчас не могу. У меня ступа в ремонте. Ку-ка-ре-ку!

— Перестаньте кривляться, вы что, не узнаете меня?

— Непременно узнал, господин, э-э, уже полковник, но, кажется, это не вы.

Мазепа нервно сглотнул:

— То есть как не я?

Старик причмокнул губами и растянул их в улыбку:

— Я тоже был когда-то Щекутьевым, но только давно. Теперь я совсем не он. Правда, Секлетинья?

За спиной хозяина — Иринарх Гаврилович невольно отшатнулся — возникла, ей-богу, ведьма. Она потянула длинный костлявый палец к лицу гостя и протяжно завыла.

Мазепа в страхе захлопнул дверь.

— Да рассудка он лишился. Его жену и детей ведь толпа растерзала на улице ещё в марте семнадцатого, — пояснил Мазепе бывший заведующий отделом наружного наблюдения Дедюхин, которого под вечер Мазепа нашёл в городской тюрьме. — Сам Щекутьев, теперь и сказать-то затруднительно, к счастью то было или к несчастью, находился тогда в Берёзове, расследовал убийство одного ссыльного эсера. Там и познакомился с этой остячкой, что вы имели удовольствие сегодня видеть. Истинно нечистая сила, разве что хвоста у ней нет. Однако, поди ж ты, именно она, когда слух о революции дошёл до их угла и полицию стали поднимать на вилы, спрятала Николая Васильевича в глухих урёмах, а потом тайгой вывела к Тобольску и сама здесь осталась. Так и живут вдвоём. Она снадобья сатанинские варит да у старух полоумных на еду меняет, а он... скачет по комнатам и кричит петухом.

— Печально. Был человек, и нет человека. Ну что тогда, Тихон Макарыч, придётся нам с тобой вдвоём в лямку впрягаться. Больше людей пока нет. Для начала приказано почистить тюрьму, причём до низшего числа и в короткие сроки. Примемся пока за уголовных. Ибо по политическим надо ещё вопрос с Омском согласовать.

— А чего так? Если доказано, что субчики эти супротив нас выступали, к стенке их, и вся недолга.

— Э-э, вижу, что газеты ты совсем не жалуешь. А ведомо ли тебе, кто сейчас Сибирью управляет? А те, кого мы с тобой, дорогуша, на каторгу когда-то отправляли и вешали. В председателях Сибирского правительства господин Вологодский ходит. Эсер! А которые за царя и отечество, — разве можно в такое поверить? — у него на побегушках оказались. Так-то. Я, честно говоря, даже не растерян, я просто напуган. Поэтому затихнуть надо. Исполнять, что приказут. Верится, сыщутся скоро умные люди, сообразят, в какую болотину тащат нас товариш-ши революционеры. Но пока армия у них тяжело, но верно собирается. Казачьи полки, пишут, Урал со всех сторон подпёрли. И контрразведка появилась. Выявлять, значит, начнут саботажников и изменников. Вот и подумай, что с тобою и со мною сделают, начни мы самочинно подследственных эсеров в расход пускать. Мы же для нынешних — бывшие царские холоуи. Используют нас и выбросят. Вечером буду телеграфировать военному министру. Пусть научит нас, ласотных, как при нынешних временах врагов изводить и самим таковыми не оказаться.

...Через несколько часов всех тобольских варнаков, кроме убийц, налётчиков и громил, вытолкали за стену тюрьмы. Разговаривали с ними коротко:

— Вор? Ах, тебя с кем-то спутали! Всё едино подписывай бумагу, что оставишь своё гнусное занятие, и вымётывайся отсюда. И помни: попадешься ещё раз, повиснешь в петле, аки миленький. Заводи следующего!

После тюремного ужина Дедюхин занёс в кабинет Мазепы ещё одну — и довольно

внушительную — стопку дел. Придавил её тяжёлой ладонью.

— Вот остались скупщики краденого, марафетчики, спекулянты, дезертиры, лица без документов, малолетняя шантрапа, — пояснил устало, — ну и наши живописицы женского полу — наводчицы, проститутки, аферистки. Сотни полторы душ с лишком. Что прикажете?

Мазепа распорядился кокаинистов и дам известного поведения выгнать из тюрьмы сегодня же. Дезертиров — после порки — отправить под конвоем в распоряжение коменданта: пусть окопы роют, орлы перелётные, или баржи разгружают.

— Ну, а как ты предлагаешь, Тихон Макарыч, с малолетними оборванцами поступить? Их, пожалуй, пока придётся оставить. Хотя почему? Мы совсем не обязаны замищать органы опеки и призрения. Тех, за кем не числятся тяжкие деяния, выпроваживайте без сожаления. Мамаши, если они есть у них, только спасибо нам скажут. А вот публику, не имеющую паспортов, прошу пока не беспокоить, завтра начнём её потрошить с пристрастием. Чую, именно среди этого сброда мы отыщем тех, кто выведет нас на молодчиков, живущих от террора.

Передав Дедюхину ключи от кабинета, поехал на телеграф, где отправил депешу Гришину-Алмазову. Омск известил об отъезде министра и указал ждать, поскольку вопрос имеет политический окрас, и, скорее всего, решение по нему будет приниматься председателем правительства. Иринарх Гаврилович чертыхнулся и решил навестить коменданта. Рассказал ему о тюремной чистке и посетовал на сковывающие его действия служебные инструкции, с частью которых он не согласен, но обязан соблюдать. Киселёв незлобиво попенял, намекнув на телеграмму министру:

— Зря вы сор из избы выносите. Поверьте, Омску сейчас не до нас. Он за власть с Комучем¹ схватился, а вы со своей мелочью лезете. Ну, шлёпнули бы мы нескольких социалистов в числе других негодяев, кому бы от этого хуже стало? Да в этой сумятице попробуй разберись, какой человек тебе волк, а который волчище. Хотите шампанского, полковник?

Выпили. Комендант убрал пустую бутылку в сейф. Услышав недоумённое хмыканье Мазепы, пояснил, почему так сделал:

— Дожили. Приходится прятаться. Хлыста напомаженного, что с вами прибыл, как его там, Гусынина, стервеца, остерегаюсь. Увидит, чем я тут балуюсь, донос настроит. Он ведь каждые два часа под разными предлогами заходит ко мне, принюхивается, в бумаги мои без всякой церемонии заглядывает, а ведь их содержание знать ему никак не положено. Как вы думаете, он ведёт себя так, будучи чужд любого воспитания или выполняет чьё-то предписание? Я, учитывая его близость к министру, ей-богу не знаю, как с ним себя вести. Кстати, телеграфисты уже познакомили меня с его первой депешей в Омск. Полюбопытствуйте. Абракадабра какая-то.

Иринарх Гаврилович прочёл, резюмировал мрачно:

— Узнаю каналю. Изъясняется эзоповым языком, уловить смысл почти невозможно. Поднаторел где-то, сволочь. Или научили специально.

Киселёв согласился:

— Поэтому мне и пришла мысль поручить нашего «горе-ревизора» опеке одной из здешних цирцей. Пусть она увлечёт его на самое дно порока, откуда ему, похабнику, возвращаться к серым будням не захочется.

Мазепа с сомнением покачал головой:

— Предпринять, конечно, что-то следует. Но предложенная вами интродукция к весьма интересной пьесе никуда не годится. Гусынин — дрянь изворотливая настолько, уж поверьте мне, что я не удивлюсь, если ваша обольстительница после общения с ним начнёт тайком интересоваться содержимым уже наших карманов. А к ней вы кого приставите?

— Возможно, вы правы, полковник. Но Екатерина Петровна женщина без морали и любит в жизни только три вещи — себя, деньги и... большие деньги. Она не позволит этому слизняку заглушить ручеек ассигнаций, который обещан ей и уже готовый потечь в её соболью муфту. На худой конец, если Гусынин сумеет отвести её чары, мы просто отправим его назад к своему покровителю, сопроводив нелестной характеристикой, мол, вместо службы предаётся плотским утехам и пьянству, будучи носителем секретной информации, яхшается с разным сбродом, чем наносит вред общему делу. Ну и так далее. Я думаю, что вы не откажетесь, когда это потребует, поставить свою подпись под составленным мною рапортом?

— Хм. С таким послушным списком его в Омске, пожалуй, расстреляют.

— Жалеете? Тогда возитесь с ним сам. Согласно документам, он приписан к вашей

¹ Комуч — Комитет членов учредительного собрания. Первая организация, претендовавшая на статус всероссийского антибольшевистского правительства. Власть Комуча распространялась на территорию Среднего Поволжья, Прикамья и Южного Урала. Располагался в Самаре.

службе, вот и займите его настоящим делом и желательно подальше от города, чтоб он не пугал меня своей рожей.

— Хорошо. Я выполню вашу просьбу.

После этого разговора Гусынин... пропал. Нет, Мазепа к этому не имел никакого отношения. Так сложилось. Или силы небесные подключились, или закон философический о случайном и необходимом сработал, только зашёл как-то Борис Борисович вечером в ресторан на Воздвиженской с явным намерением обаять какую-нибудь местную кокоотку. А там в этот час угрюмо топил в стакане свои горести купец второй гильдии, разорившийся при помощи большевистской экспроприации экспроприаторов владелец разгромленного винного погребка господин Босоногов, у которого по протекции жандармов служил когда-то нынешний порученец министра. Купчик пил и терзал вилкой сёмгу, жевал салаты и давился расстегаями. Но! Водка не брала. Настроение ухудшалось. Тогда он решил выйти на улицу глотнуть, так сказать, свежей атмосферы. И тут заметил за дальним столиком сладострастно размякшее своеобразие Борьки-паршивца — неблагодарного ворюги и беглеца, лжеца, подлеца и прочая анафема на его голову. Спутать своего приказчика с кем-то другим Босоногов не мог. От неожиданности он задохнулся: «ах ты тля огородная», сжал кулаки и решительно двинулся в сторону бывшего «холопа». Но что-то его остановило. «Не буду я здесь при дамах скандал учинять», — подумал и вернулся к своей незаконченной трапезе. Уселся на сей раз — чтоб не узнал его Боренька раньше времени — спиной к посетителям, не спеша опустошил графинчик и вышел. Ну, а когда Гусынин уже за полночь на нетвёрдых ногах выкатился из заведенья и направился к извозчику, его бережно, но цепко подхватили чьи-то крепкие руки и бросили в крытую коляску.

Что же далее? А далее — дробный цокот копыт по тёмным улицам спящего города. Попытки Борис Борисыча узнать у стеснивших его с двух сторон на сиденье дюжих незнакомцев, что же такое с ним позволяют и на каком основании. И наконец — опять же под рученьки — водворение начинающего трезветь чиновника в какую-то келью с узкой кроватью в углу и совершенно не имеющую окон.

Под утро Гусынина разбудили, и жизнь его, обещавшая впереди сплошные *plaisir*¹, съежилась вдруг, потускнела. Ему расхотелось глядеть на свет божий, когда из сумрака комнаты, в которую его привели, надвинулся на него постаревший, но крепкий ещё винный негодянт Босоногов.

— Не ожидал ещё раз встретиться со мною, а падашь худая? — процедил он. После чего последовала увесистая оплеуха. Боренька пошатнулся и вскрикнул:

— Пощадите, Илизар Мокеич, — и затараторил плаксиво: — Я ведь тогда не сам у вас вино из подвала изымал, а по наущенью конкурента вашего Дулецкого Иван Семёныча. То есть уносил-то вроде бы я, но деньги же он мне совал и уговаривал, что, дескать, всё едино помрёт твой хозяин скоро, а погребок его, как только он преставится, родня на радостях тут же и высосет.

— Ты на Ивашку дела свои грязные не спихивай. Кто придумал этот фокус с подменой столетнего вина на крашеную водицу? Отвечай!

— Так он, Дулецкий, и надоумил. А я что? Дал слабину, каюсь. Деньгами-то вы, Илизар Мокеич, скупо нас оделяли. Вот и возник соблазн.

— До Дулецкого уже не дотянуться: похоронил меня, паскудник, однако сам, вишь ты, отошёл ко Господу ещё в прошлом годе. Но грех твой всё равно сугуб, поэтому ты, насекомое, возместишь все убытки, что причинил мне с дружкой своим. Я, пока ты водку в ресторации лакал, съездил кой-куды, расспросил знающих людей касательно твоей персоны. Говорят, при власти нынче состоишь, с министрами знаешься. А ежели я им про твои делишки паскудные выложу, что тогда?

У Гусынина после вчерашней апробации множества вин болела голова, поэтому слушал он рассеянно, но, кажется, стал понимать, что убивать его прямо сейчас не будут. Значит...

— У вас нет доказательств, — заявил вдруг заносчиво. — А за клевету на правительство чиновника вас упекут куда следует. Принесите мне лучше что-нибудь для поправки здоровья. Только потом я буду решать: стоит ли мне вообще разговаривать с вами, милейший.

— Леонтий, — крикнул купец. — Зайди-ко к нам, — и приказал появившемуся в дверях коренастому бородачу: — Сыми гордыню с энтой сопли, больно высоко возносятся. Не покалечь только.

Мужик сзади подошёл к наглецу, рывком развернул к себе и ручищами, будто железными обручами, обхватил его под рёбра. Борис Борисович, охнув, закатил глаза. Леонтий бережно опустил тело на пол и молча вышел. Придя в себя, Гусынин застонал от злости, бессилья, униженья. А Босоногов, с присвистом потянув из блюдечка горя-

¹ *Plaisir* (франц.) — наслаждения.

чий чай, невозмутимо посоветовал:

— Не выделявай из себя Наполеона. Думай, как меня к бывшему состоянию вернуть и тем самым себе помочь. А будешь кобениться, так знай: не выручат тебя твои дружки министры. Они далеко, а я вот он — рядом. Враз головёнку откручу.

Гусынин прикусил губу:

— Чем же я расплачусь с вами, у меня же кроме должности нет ничего. Жалованье, правда, офицерское, но цены-то кругом — на один заход в ресторацию еле хватает.

Купец оживился:

— Я тебя сейчас, милок, к одному человеку доставлю. Ему как раз твоя должность для чего-то интересна. Ты, Боренька, сделай всё, что он попросит, и тогда, дай бог, я тебе сам денюжат на игрища с бабами ссужу.

Что напуганной жертве оставалось? Правильно — только покивать в знак согласия. Илизар Мокеевич вышел из комнаты. И из-за неплотно прикрытой двери было слышно, как он сказал кому-то:

— Отвезёшь его к Болдырю. Останешься и дождёшься указаний Григория Платоновича, а там и решим, что дальше делать.

Гусынину натянули на голову мешок, связали руки. Поехали.

...Дом Калетина за последние два года опустел. Нет, жильцов в нём не убавилось. И кой-какая мебель осталась на месте. Но исчезли со стен картины, оружие, тяжёлые зеркала, гобелены. Пропали вместе с резными комодами и геридонами разновеликие и многофигурные шедевры каслинского литья и скульптурные лики исторических мужей. Испарились из стеклянных шкапчиков буфета китайские вазы и фарфор. А под потолками вместо люстр красовались массивные крючья и обрывки проводов. Когда Гусынина вели по длинным коридорам дома, под ногами его и сопровождающих всхлипывал давно не вощённый выщербленный паркет. В тупике какого-то перехода с головы пленника сняли мешок, но завязали глаза. Втолкнули в комнату, усадили на стул и попросили вести себя разумно.

— Освободите ему руки, — раздался чей-то властный голос. — Для начала я хочу предложить нашему гостю выпить за возвращение в родные палестины. Ему, наверное, будет приятно узнать, что блудного сына в любимом городе ждали не только бывший благодетель, а теперь притеснитель, господин Босоногов, но и по-настоящему верные друзья, — порученец, скривив губы, выпил. — Желаете ещё? Пожалуйста. Ну, а теперь расскажите, с какой целью пожаловали к нам? Почему не побоялись визитировать город, где оставили по себе недобрую память? Ах, да, совсем забыл, вам же теперь никто не страшен, сами кого захотите в бараний рог свернёте, — Гусынин попытался сорвать повязку, но сзади его руку перехватили, заломили и больно притянули к спинке стула. Тот же властный голос спросил: — Неужели так снедает любопытство? Знать хотите, кто же это такой тут глумится над порядочным человеком? Не спешите. Для вас знакомство с моей персоной будет означать только одно — вы подпишете себе смертный приговор. А я, видит бог, человек не кровожадный, и хочу, чтобы вы дожили до старости. Итак.

Борис Борисович, по телу которого разлилась сладостная винная истома, решил не испытывать судьбу и выложил незримому собеседнику кое-какие подробности своей командировки, причём сделал это с показной охотой и искренностью в голосе:

— Всего я, конечно, не знаю, но готов подтвердить, что прибыл в город вместе с несколькими офицерами во главе с полковником Мазепой. Им поручено развернуть здесь работу отдела военного контроля, или, проще говоря, контрразведки. А мне, как чиновнику для особых поручений, надлежит негласно держать министра в курсе всего происходящего.

— Мазепа? Полковник? Ой ли? А вы ничего не путаете? Может, это кто-то другой?

— Как его можно с кем-то спутать? Бывший начальник Тобольской охраны, переведённый ещё до германской в Омск с повышением по службе. Мы недавно случайно встретились с ним в одном из омских ресторанов. И я по старой памяти, хотя он мне глубоко отвратителен, устроил ему аудиенцию у военного министра. Пожалел его. Он ведь, как мы выяснили, во время оккупации города большевиками трусливо отсиживался в своей конуре, что могло обернуться для него очень плохо. Подчёркиваю, очень.

— Значит, он сейчас ваш должник?

— Некоторым образом да. Но он так, скорее всего, не думает. Вернее, ему унизи-тельно считать себя быть обязанным какому-то штафирке. Сами подумайте, кто он, а кто — я.

— Н-да-с. Занятно фортуна карты мечет. Вы-то сам благодаря каким заслугам оказались одним из доверенных лиц командующего Сибирской армией?

Гусынин коротко ответил, что, будучи полицейским агентом, скрывался от советов, а потом его нашли и предложили вступить в подпольную офицерскую дружину, которую создавал полковник Ринов:

— Мне доверили роль связного между Омском и Новониколаевском, где я и познакомился с будущим военным министром. Когда мы захватили власть, Гришин-Алмазов не забыл меня.

Человек, задающий вопросы, зашагал по комнате. Скрипели доски паркета. Лёгкое головокружение от вина прошло, и Гусынин ёрзал на стуле, пытаясь ослабить верёвку на затёкших руках. Не получалось. Не выдержав, простонал, чтобы его перестали мучать. На что ему вежливо сказали:

— Руки мы вам освободим. Но и вы освободите душу. Сделайте в своей жизни хоть одно действительно стоящее дело. Помогите нам.

— Простите, но мне хочется знать, кому это «вам»?

— Да не всё ли равно. Считайте нас общественными санитарами. Мы освобождаем жизненное пространство вокруг себя от вредных паразитов. Но в отличие от бывшего хозяина Босоногова, у нас нет желания свернуть вам шею. Наоборот, мы будем беречь вашу драгоценную персону. Вас сейчас отвезут туда, откуда утром доставили. Илизар Мокеич больше не будет с вами груб. Он накормит, напоит и спать уложит. Но прежде чем расстаться, я хотел бы узнать вот что: вам известно, в каком месте города изволили остановиться господин Мазепа? Я имею в виду постоянную его дислокацию.

Борис Борисович, испуганно сжавшись, запротестовал:

— Вы задали вопрос, отвечать на который человеку моего положения непозволительно. Я присягал нашему движению... да меня расстреляют за такое...

— Вы же прошли хорошую школу провокаторов, Гусынин, и знаете, что лучший способ сохранить свою голову — не болтать лишнего. Вам следует запомнить: всё происходящее сейчас — не более, чем сон, ну, или отрывок ваших похмельных галлюцинаций.

— Вы пользуетесь моей болезненной слабостью к вину. Но настоящие друзья так не поступают...

— Я жду.

Чиновник вскинул голову. И театрально вскрикнул:

— Будь всё проклято! Миром правит насилие и ещё раз насилие! Пусть всевышний видит, как мне вывернули руки и растоптали во мне всё святое! — успокоившись, уже деловым тоном проговорил: — От казённой квартиры, предоставленной комендатурой, полковник отказался. Это точно. Но вчера я разговаривал с Дедюхиным — бывшим сотрудником охраны, так по его словам, Иринарх Гаврилович собрались обожноваться за нерушимыми стенами тюрьмы. Он ведь тёртый калач и знает: только там можно чувствовать себя в безопасности. И правильно. Кому хочется становиться жертвой подпольщиков, оставленных здесь большевиками? Да и ссыльных очень много вернулось с каторги. Каждый второй из них при случае с удовольствием проломит ему голову.

— Откуда жандарм знает о подполье?

— Ну, стукачей у Мазепы хватало всегда. Даже живя уже в Омске, он частенько помогал здешним сыщикам в установлении опасных людей. Но кто именно снабжает его информацией, хоть убейте, не ведаю, — после некоторого молчания осторожно предложил: — А может, вы хотите передать ему что-нибудь? Я могу устроить. Мне теперь многое возможно.

— Очень нас обяжете, но поговорим об этом позже.

Гусынина увезли. А Калетин, в доме которого происходил этот короткий допрос, обвёл взглядом сидящих вдоль стен Палестина, Иннокентия Павловича и Людмилу, которая после недолгого молчания вздохнула:

— Кажется, наша и без того нескудная жизнь обещает быть ещё веселей.

— Григорий Платонович, простите, но я не могу понять, из какой лужи и для чего вы выудили этого скользкого угря? — спросил Палестин.

— Ну уж конечно не для готовки ухи. Из разговора вы, наверное, поняли, что мой лодец сей сегодня под ручку с самим комендантом разгуливает. И это обстоятельство заставляет лично меня серьёзно отнестись к нашему пленнику. Что скажешь, Генерального штаба капитан? Может, стоит попробовать за спиной порученца подобраться поближе к сошедшему с небеси полковнику и поставить, наконец-то, точку в его деле?

Калетинский оруженосец пожал плечами:

— Мы уже связывались когда-то с одним таким пройдохой, и кончилось это, как вы помните, плохо.

Долго спорили: Калетин стоял на своём, другие отговаривали его от скверно пахнущей, по выражению Палестина, авантюры. Наконец, капитан сдался и согласился на ещё одну — личную — встречу с бывшим приказчиком. Бореньку на сей раз куда не повезли. В тёмной келье Босоногова разговор и состоялся. С повязкой на глазах, осунувшийся за ночь порученец вяло и как-то обречённо отвечал на вопросы, облизывал губы. Просил сжалиться над запутавшимся в конец маленьким человечком, у которо-

го и желаний-то с полушку: выпить вина, принять ванну, но более всего — умереть. Иннокентий Павлович определил для себя, что с такой квашнёй тесто не замесить. И Гусынина оставили в покое. Пока. Стали думать, что с ним делать дальше. Отпустить? Можно и отпустить. Всё равно ему показывать будет не на кого. Разве что на гильдейного Босоногова. Но в случае ареста, Илизар Мокеич легко докажет в полиции своё право судить — пусть и не совсем законно — обокравшего его когда-то приказчика. Да и Мазепа... Встанет ли потомственный дворянин на сторону безродного воришки? Сомнительно. Подумав, генштабист предложил:

— Надо попробовать убраться паршивца руками его же хозяев.

...Ночью порученца отвезли в хоромы Толстомясихи. А через день под наскоро натянутым навесом у входа в известный всей округе шалман запела, затопала, заголосила мировая свадьба. И затянулась она — с шумными поздравлениями новобрачных, тисканьем приглашённых разновозрастных бабёнок, битьём стаканов на счастье, ну и, конечно же, обязательными мордобоями — на неделю. И все эти дни Гусынин в обществе «Боярина» и Кукиша исправно кричал «горько», игриво подмигивал косящимся на него девицам, выходил с ними танцевать гопака и пил, пил... Поставленное с удивительным для этого тяжёлого времени размахом гульбище не осталось без внимания властей. Поднять чарочку «во здравие молодых» заглянули сюда — исключительно случайно — все полицейские чины околотка. А пристава в знак особого уважения не отпускали из-за стола несколько часов. Он слабо возмущался, но «Боярин» больно толкал локтем Гусынина, и тот, достав из френча гербовую бумагу, размахивал ею перед лицом хмелеющего стража порядка:

— Вы что, дорогой, с товарищем самого военного министра выпить брезгуете? А ну, — и наливал нетвёрдой рукой очередной стакан — всклень наливал, с удовольствием. «Фараон» бормотал что-то извинительное, лез с объятиями к новому «другу», уверял его в полном своём расположении. Самое поразительное в этой организованной видимости было, пожалуй, то, что никто из собравшихся за столом не удивлялся присутствию на их, мягко скажем, торжестве гопников и вороваяк правительственного чиновника. «А чего тут такого? — читалось на лицах пирующих — Видали мы всяких! Ныне все по одной доске ходят. Долой гримасу капитала, да здравствует вольная житуха!»

Конечно же, Борис Борисович, хотя и находился в плену неодолимых обстоятельств, всё же постоянно искал возможность бежать из этого содома. В одну из ночей это почти ему удалось. Испросив разрешения у своих опекунов выйти до ветру, он заметил, что сопровождать сегодня его никто не пошёл. Недолго думая, огляделся и метнулся в темноту прохода между кабаками, надеясь затеряться среди милующихся там во множестве парочек. Но проход неожиданно закончился тупиком: заросли чертополоха кругом и заборище с острым овершием до самой луны. Боря заскулил и полез по занозистым доскам вверх, но тут же получил чем-то тяжёлым по голове. Охнув, свалился в татарник. Толстомясиха уложила его потом, рыдающего, в постелю, приложила влажную холодную тряпицу к ноющему затылку. Уходя, посоветовала не обижать больше её мальчиков: они ведь и осерчать могут. И тогда — даже она — не подскажет ему, дурачку, как живу остаться.

Свадьбу, по заведённому в народе обычаю, в назначенный день успешно «потушили». Вином, самогоном, домашними наливками и бражным квасом. Жених с невестой — известные в Чёрной слободе щипач Леон Залипала и воровка на доверии Зинка Попугаева, сыгравшие свои роли, — под пьяные крики гостей покатали на телеге с горой фальш-подарков устраивать своё «семейное гнездышко». А вошедших в раж слобожан, ни в какую не желающих покидать дармовой обжираловки, не жалея глоток и кулаков, разогнали к чёртовой матери. Гусынина, напоив последний раз, отвезли ночью к гостинице «Ямской», где аккуратно уложили под одним из фонарей недалеко у входа. Не забыли при этом заботливо подложить под прилизанную головушку пропойцы батистовый платочек с вышитым на нём пурпурным сердечком. Скоро комендантский патруль, как и было рассчитано, наткнулся на тело прилично одетого господина. И документ, обнаруженный у него, как и следовало ожидать, озадачил офицера стражи. О порученце военного министра, найденном в непотребном для столь высокой персоны виде, тут же доложили начальству. И утром Борис Борисович предстал пред очи коменданта.

— Где ваше оружие? — закричал полковник. — Где ваша совесть? Ежечасно люди на фронте рискуют жизнями, а вы, как последняя шлюха, валяетесь под фонарём в центре города. Я отдам вас под суд военного трибунала! Мерзавец! Но для начала отправляйтесь в отдел контрразведки. Надеюсь, там вам объяснят, чем расстрел перед строем отличается от повешения на публице. Караул, вести изменника! — Киселёв походил по кабинету и поднял трубку телефона: — Барышня, соедините меня с тьюрмой. Иринарх Гаврилович, вы? Гусынин объявился. Я арестовал его и посылаю к вам.

Со следствием прошу не тянуть, и, главное, оно должно прийти к безупречным для нас выводам.

Каких «безупречных выводов» требовал начальник гарнизона, Мазепе разжёвывать не требовалось. Он вызвал Дедюхина и приказал во избежание всяческих криволоквов поместить отыскавшуюся пропажу в отдельную камеру. Однако быстро завершить дело не получилось. Борис Борисович на допросах часто терял сознание, и его приходилось отливать водой. На некоторые вопросы просто не отвечал. И Мазепа, противник жёстких мер воздействия на подследственных, давал арестанту день-другой на раздумье. Киселёв торопил, советовал не миндальничать:

— Я боюсь, что в Омске обеспокоятся долгим молчанием своего информатора и предпримут шаги к восстановлению связи. Только уже за нашими спинами. Как будем парировать возможные наскоки на себя?

Контрразведчик просил подождать ещё какое-то время:

— Мы установили причину, по которой Гусынин столь долго отсутствовал на службе. Но это следствие грязного шлейфа, который тянется за ним из молодости. Улучить же его в преступном уклонении от своих обязанностей не получается. Фактов нет.

— Я передал вам донесения полицейских чинов, из коих явствует, что нашего чиновника неделю, неделю, повторяю, наблюдали на каком-то шабаше в известной разбойной слободе. Он веселился. Тогда как истинные патриоты проливали кровь за наше будущее. Этого факта разве недостаточно, чтобы размазать слюнтю по стенке?

— Ну как сказать? Поймите, Гурий Николаевич, расстрельный вердикт суда в отношении Гусынина без визы Гришина-Алмазова не будет иметь силу. Таков порядок. А министр может оправдать пьянство своего помощника нервным срывом, ну и бывшие заслуги его вспомнит. Мы же с вами рискуем попасть в разряд служаков, распустивших подчинённых. У вас что, нет врагов? Я думаю, занять ваше кресло охотников найдётся предостаточно.

— Опасно иметь с вами дело, всё-то вы знаете.

Мазепа выдержал паузу:

— Поэтому надо покопать ещё. Я чувствую, что на допросах наш «коллега» многое утаил. Он охотно рассказал, как его похитили, как винный делец Босоногов применял к нему силу сам и просил это делать своих присных. А вот что было дальше? Как он попал на гульбище и, главное, зачем? Кто его, без сознания от выпитого, аккуратно у гостиницы на голой земле поместил и с какой целью? Вопросы роятся, голова кругом идёт. Я хочу посадить к нему опытного агента. Скоро, надеюсь, мы получим ответы.

— Поторопитесь, — мрачно буркнул Киселёв. — У вашей службы есть задачи важнее. Слышали уже о взрыве в речном доке? Большевики знак о себе подали или случайность? Надо разобраться. И не мешкая.

...Провокатор после двух дней пребывания в камере Гусынина доложил Иринаруху Гавриловичу о слабой надежде что-либо вытащить из «объекта»:

— Он или сумасшедший, или изошрённый лицедей. Меня совершенно не замечает, лежит на нарах и что-то постоянно бормочет. Вроде бы бредит. Грызёт ногти, вскрикивает, призывает кого-то немедленно помочь ему. Нынешней ночью я явственно слышал, как он прохрипел: «Господин министр, это тот самый болдырь, хватайте слугу дьявола...»

— Болдырь, хм... Если я не путаю, так просто народе зовёт выродков от самоедок или монголок с русскими. Но нам-то что с того? Таких людшек на Руси-матушке море-окиян безбрежный. Придётся вам, милок, ещё понюхать парашу, но дожать клиента. Будьте с ним помягче, люди пьющие — они особы чувствительные, податливые. Убаюкайте его страх. Обещайте любую помощь, в том числе, по защите от так напугавшего его демона — болдыря.

Однако на следующий день Киселёву сообщили, что на пароходе в город с многочисленной свитой прибыл исполняющий обязанности начальника отдела военного контроля при штабе армии капитан Зайчек. О его визите почему-то, как следует в подобных случаях, заблаговременно ни по каким каналам связи не сообщили. Комендант откровенно струхнул и немедленно вызвал Мазепу.

— Я вам говорил, милейший, что Гусынин подведёт нас под монастырь. Чую, прикатил этот чех именно из-за него. Ваши соображения.

Иринарх Гаврилович спокойно уселся в кресло и попросил не волноваться:

— Свидетелей непристойного поведения министерского хлыща более чем достаточно. Пока есть время, садитесь и пишите рапорт командующему. Его подпишут все имеющие отношение к делу лица. Пусть Гришин-Алмазов лично удостоверится в нравственных качествах некоторых своих выдвиженцев.

Документ составили. Подписали. Стали ждать Зайчека. Тот появился уже под вечер. Устало представился и вытащил из портфеля папку с тиснённой надписью «к докладу»:

— Ознакомьтесь, Гурий Николаевич. Это личное послание командующего.

Я здесь с инспекцией подведомственных учреждений и посетил уже несколько частей южной обороны Тобольска. Завтра я проследую дальше к Сургуту. Но сегодня мне необходимо по личной просьбе генерала встретиться с господином Гусыниным. Прикажите доставить означенного через полчаса на мой пароход.

Зайчек застегнул портфель, надел фуражку. Киселёв глянул на Мазепу. Тот встал и хрипло выдавил:

— Видите ли, капитан, упомянутый вами чиновник находится сейчас под арестом. И до окончания следствия сообщения с ним запрещены.

Исполняющий обязанности изменился в лице:

— Извольте объясниться, господа!

Ему для начала подали рапорт, а потом во всех деталях (не без некоторых сгущений) рассказали о похождениях порученца. Зайчек внимательно выслушал и вытер платком лоб:

— Этого ещё не хватало! Я должен докладывать Алексею Николаевичу. Прошу вас проследовать со мной на телеграф.

Как и предполагал Мазепа, ответ министра был категоричен: Гусынина под конвоем с сопроводительными бумагами доставить для дальнейшего разбирательства в Омск. Вскоре, провожая высокого визитёра на пристани, Иринарх Гаврилович заметил, как стоящий неподалёку среди стражников и гадко улыбающийся Гусынин сделал ему знак. Подошёл. И услышал циничное:

— Прощайте, полковник. Желаю вам лёгкой и скорой смерти. Я вижу её бледный лик. Он скалится меж зловонных хибар рыбного рынка или где-то поблизости. Ищите там и обрящете...

Арестанта увели на пароход, где сняли с него наручники и разместили в отдельной каюте. Борис Борисович воспрял духом и воссиял. Но в Омске его поджидала беда. Генерал Гришин-Алмазов — откровенный монархист и любитель фраппировать публику сибирской столицы гимном «Боже, царя храни» — вступил в конфликт с эсеровским крылом правительства по ряду системных вопросов строительства государства и армии. Социалисты не вняли разумным доводам умного и решительного офицера и продавили решение о его отставке. Алексея Николаевича сняли с поста министра, отстранили от командования вооружёнными силами и затолкали на обидную должность куда-то в резерв. Оскорблённый недоверием и особенно установленной за ним слежкой, герой подполья не стал, что называется, качать права, а с достоинством покинул город и отправился на юг России к Деникину. Вновь же назначенный водитель над зауральским войском, будучи в курсе тобольских дел и лично знавший как боевого полковника Киселёва, так и невесть откуда взявшегося хлюста Гусынина, начертал на рапорте начальника гарнизона: «Дело рассмотреть военным трибуналом».

Изумлённого Бореньку вновь поволокли в каталажку. Из которой — да простятся ему грехи земные — он уже не вышел...

А вскоре пала власть Временного Всероссийского правительства. Председателя Авксентьева и некоторых его дружков — носителей левацких взглядов — арестовали. После чего совет министров в едином порыве явил миру нового спасителя России — верховного правителя Колчака. Он был тут же произведён в полные адмиралы и надёлён диктаторскими полномочиями. То есть постановили ему принять начальство не только над всеми вооружёнными силами, ведущими борьбу с большевиками, но и над людишками чиновными, купеческими и прочая. Указали карать и миловать, направлять дела иностранные, ну и способствовать, приумножать, одухотворять.

...Мазепе, даже тогда, когда он закопался в неотложные дела сыска, не давали покоя прощальные слова отъехавшего пьяницы. «То, что он пожелал мне смерти, не удивляет — все холопы втайне мечтают видеть своих господ в гробу. И чем быстрее, тем слаще на душе. Но Гусынин указал ещё и место, где встречу с костлявой можно ожидать. Вряд ли это было просто пугающей болтовнёй». Рыбный рынок, впрочем, он посещать не собирался, как и другие злачные места города. Руководил из тюрьмы. Здесь же проводил допросы, спал, обедал, вечерами читал газеты, играл в карты с Дедюхиным. И замечал, что частым гостем его последних размышлений и настроений становится равнодушие.

— Вот ты, Тихон Макарыч, доволен ли своей жизнью? — спросил как-то коллегу. — Что ждёшь от будущего?

— Вы, Иринарх Гаврилович, во всём выискиваете философию. А она простому человеку не нужна. Ею сыт не будешь. Книги и газеты — штуки, наверно, нужные, только ведь именно им благодаря и появляются разные вольтерьянцы да смутьяны вроде большевиков.

— О вольтерьянцах-то тогда откуда знаешь?

— Да рассказывал как-то на допросе один. Я ему говорю: знаю засранцев, знаю

оборванцев, а эти кто такие будут? Он принялся учёным соловьём разливаться. Я послушал да в морду ему. Это тебе за то, что хлеб сеять не хочешь, от работы всякой бежишь и других к тому призываешь. А будущее моё мне неизвестно. Придёт оно, тогда и потолкуем. Я по жабьим костям не гадальщик. Сколь ни кручинься, а быть перестать. Чего уж там.

— Завидую. Цельный ты человек. Ни целей у тебя, ни души родной, к которой приклониться можно. Ладно, иди, сделай ещё раз наставление надзирателям, чтоб в коридорах дежурили, а не спали по закоулкам, — разочарованно свернул разговор Мазепа.

Ночами, когда одолевали неотвязные мрачные мысли, полковник сам долго ходил по каменным переходам, посматривал в дверные защёлки камер, посещал караульные помещения и жёстко наказывал тех, кто нарушал тюремный устав. Не зря беспокоился. К осени в казематах скопилось более трёх тысяч заключённых. Большинство — партийные работники, советские активисты, пленённые командиры и бойцы Красной армии. Недавно охраной — с интервалом в несколько дней — было задержано несколько солдат, пытавшихся пронести в тюрьму оружие, инструмент для подпила оконных решёток, верёвки и мастерски изготовленные ключи от камер. Кое-что ещё удалось изъять при обысках. Однако гром всё равно грянул. И Иринарх Гаврилович вспомнил пессимиста Дедюхина с его «атрофированной любовью к жизни».

Бунт, восстание, или как там его назвать, случился под утро. Доподлинно неизвестно, каким образом головка заговорщиков — большевики Крезько, Шульц и другие — разоружила внутреннюю охрану и выпустила из камер десятки арестантов. (Этим потом будут долго заниматься дознаватели). Те же, кого не смогли освободить из узищ, в порыве отчаяния или безысходности, стали выпрыгивать из окон — стон, кровь на стылом булыжнике двора, проклятья. И резко защёлкавшие выстрелы опомнившейся стражи. Часть заключённых прорвалась к воротам и пыталась их выломать. Но — шалишь, ребята. Вековой надёжности воротные полотенца не оставили шансов смельчакам на спасение. Они охали под ударами, гудели набатом, но выстояли. А подоспевшие отряды полиции и комендантская рота безжалостным огнём из винтовок надолго отбили у «политиков» охоту к сопротивлению. Вырваться за стены удалось лишь очень небольшой группе. И то, поговаривали, состоящей сплошь из уголовников.

Мазепа в случившейся драме остался жив исключительно и благодаря Дедюхину. После начавшейся в коридорах суматохи Тихон Макарыч не потерял голову и скорее задраил решётки, отсекающие проходы к помещениям, где почивало начальство, не только засовами и замками, но и живой изгородью из вооружённых надзирателей. Когда толпа узников в поисках выхода, ринулась в отсек, он громкоскомандовал: «Пли!»

Прибывший через несколько часов в тюрьму комендант гарнизона взял под локоть контрразведчика и отвёл в сторону:

— Что, натерпелись страху, полковник? Собирайтесь и не прекословьте. Будете жить теперь и столоваться у меня. И спасибо, что не растрезвонили никому о гибели моего сына. Я не верю в оборимость беды совместными с кем-то усилиями. На себя лишь надеюсь, ну и на Господа нашего.

Окончание следует

Виктор ЗАЙКОВ

СТРЕЛЯЙТЕСЬ САМИ, МАЗЕПА

Роман из подполья¹

Часть V. КВИТЫ

Глава 1. TEMPORA MUTANTUR...

Из рапорта капитана Н.Н. Казагранди уполномоченному Сибирского правительства с правами генерал-губернатора по насаждению государственного и общественного аппаратов управления освобождённых районов Западной Сибири генерал-майору Г.А. Вержбицкому:

«Достаточно фронту отойти вперёд от захваченного пункта на несколько десятков вёрст, как жители этой местности, и в особенности так называемый торгово-промышленный класс, и, к сожалению, большая часть нашей интеллигенции, предаются спекуляции, разгулу и тому подобное. Совершенно забывают, что существует фронт, на обслуживание которого нужно отдать все силы».

«А с какого такого, простите, нервического удара мне надо встать во фронт и обслуживать кого-то или что-то? — скорее всего, желчно ответил бы честному офицеру не носитель высокого чина, которому адресовано донесение, а какой-нибудь держатель меховой лавки Тюлькин, скажем, Емельян Спиридонович. — Вон известный господин Вяткин, сидящий или состоящий при штабе Колчака, пишет во вчерашней газете — задорно, утверждающе пишет, что «...возрождение России стало делом близким, доступным». Как такому деятелю не верить? Ведь явно намекает на захваченный у советов в Казани расейский золотой запас. Поговаривают, будто целых два эшелона под охраной бронепоезда в Омск пригнали. Но, скорее всего, врут, подлецы, — гораздо больше их было, вагонов-то с сокровищами. Да имея такие деньжищи, не то что армию вооружить и купить всем генералам по аэроплану можно, но ещё и каждому жителю Сибири сапоги и тулупчик spravить, а баб ихних в душегреи на волчьем меху обрядить. Ай-я-яй, и как не совестно осыпать упрёками тех, кого большевики и так обездолили? Ценности реквизируют, дома опустошили, души бесовской верой испоганили. Куда измученному промышленному классу головушку свою прислонить? К стойке кабацкой, вестимо. На фронте-то чего ему делать? Ни стрелять-наступать, ни лошадь чтоб запрячь — не приспособлен он. Да и кашу в обозе для мужика варить — слыханное ли дело! Стало быть, стезя ему произначертана другая. Тем более, по уверениям Вяткина, воевать-то, в сущности, и не с кем: коммунары все сплошь недоумки и эти, как их там, скоморохи с преступными ушами — вдарим по ним раз, а второго и не надо будет, допрежь отвалятся. Вот же, читайте, читайте в последнем номере, господа, как, подпирая свои наблюдения не догадками, но фактами, рыцарь пера призывает нас, обывателей, убедиться в редкой и неизлечимой болезни, побившей ряды революционных босяков, именуемой в просторечье вывихом головного мозга. Иначе как объ-

¹ «Невский проспект» завершает публикацию историко-документально-художественного романа Виктора Зайкова «Стреляйтесь сами, Мазепа» с сюжетом на документальной основе и с историческими прототипами. Часть I «Казнь», часть II «Провал», часть III «Засада» и часть IV «Стихия» опубликованы в №1, №2, №13 и №15 НП, соответственно.

яснить, например, недавнюю тяжкую суровость их расправы над безвинными простолюдными Тарского уезда, слезинками божьими — Гринбергом хлебопашцем и Михайловым коневодом? Постановили «чумазые» вышеупомянутых мучеников лишить жизни. Как сказано уже было, ни за понюх табака. Уже сам по себе акт жестокий. Так нет, порешили ещё (видимо, для того, чтоб не убежали после казни ненароком) применить к ним антигуманную штуку — разрывные пули! Люди, будучи в здравом уме, разве на такое бы сподобились? А ещё летописец эпохи приводит «любопытный случай, происшедший в селе Тевриз». Там, оказывается, имелся памятник Александру Второму. Стоял себе император и стоял. Глядел вдаль державно, мёрз, никому не нужный, под дождями да метелями. Никто его не трогал. А тут саранча красная налетела. Комиссар походил вокруг то ли зодчества, то ли ваяния и распорядился сооружеенье... арестовать. Раз приказано, надо исполнять. Бюст сняли, свезли на каталажку под замок и часового приставили. Представляете, с какими пещерными ископаемыми дело имеем? Срамота одна босомыжная да и только».

Кстати, Казаранди, порицающий царящие в тылу нравы, был далеко не одинок. Министры верховного правителя получали (обсуждали или нет — неведомо), многие «сигналы», ну, например, письмо начальника Уральского края инженера Постникова. Чувствительное для чьих-то нервов письмо с негодующими нотками: «...военные власти от самых старших до самых младших распоряжаются в гражданских делах. Незаконномерность действий, расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных «при побеге», аресты по доносам, преследование по клеузам. Мне неизвестно ещё ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном. Транспорт исключительно в руках военных, ни во что не считающих надобности населения...»

Интересно, а читал ли сие откровение наш маститый журналист? Скорее всего, вряд ли. Такое от прессы обычно прячут в тёмное чрево сейфов или используют для растопки каминов. Уж больно не красят подобные «мелочи» мужей государственных. А им ведь надо постоянно появляться на публике в белоснежных манишках и безупречных фраках, за атласными бортами которых прятать до времени другие убийственные перлы вроде «Закона о третьем снопе»¹.

Обошёл гражданский губернатор, из каких соображений — гадательно, ещё одну, весьма болезненную, тему мобилизации. А именно она порождала особо яростное недовольство поселян и вызывала зубную боль у той же контрразведки. От набора в победоносные полки, движимые Колчаком, бежали толпами. Скрывались в чащобах, бросая имущество и семьи. Сбивались в шайки и отряды. Поскольку хотели кушать, грабили обозы и нападали на малочисленные гарнизоны. И достать разбойников в тех болотинах не было никакой возможности.

Мазепа показал как-то Киселёву секретный документ — утверждённое военным министерством штатное расписание своего контрразведывательного отдела. В нём значились: начальник, его помощник, штаб-офицер для поручений, обер-офицер для поручений, делопроизводитель, архивариус, две машинистки, писарь. Всё!

Язвительно сморщил губы:

— Гурий Николаевич, возможно ли с таким войском противостоять сотням обозлённых мужиков, не желающих служить адмиралу?²

¹ Земельная революция, то есть повсеместный переход земли в крестьянское единоличное пользование, к 1919-му году являлась фактом свершившимся. Но землевладельцы с этим ну просто варварским, подлым, коварным и прочим ограблением себя, любимых, мириться не собирались. В самый разгар наступления белых армий на Москву, сельская буржуазия протащила в Особом совещании при главкоме так называемый закон «О третьем снопе», обязывающий крестьян отдавать бывшим помещикам в качестве компенсации за «передел» треть выращенного урожая. Антон Деникин — главнокомандующий вооружёнными силами юга России — впоследствии признал, что этот юридический акт и погубил (вкуче с другими ошибками) белое движение. Судите сами. Войска освободителей урются к «златоглавой», гремят победные фанфары. Однако, опережая их, черным бородатым козлом скачет по весям худая молва о новом законе, согласно которому помещику снова дали право драть с мужика товарную повинность. Как после такого можно было рассчитывать на помощь и радушие многомиллионной армии простолюдинов? Да никак! «Большевики-то землю без всяких выкупов отдают, а эти что делают»? Итог бездумного законотворчества хорошо известен — сначала отступление добровольцев, потом их полное поражение и драматический исход за русские пределы.

² Для сравнения — выдержка из «Дневников» генерал-лейтенанта барона Алексея Будберга, занимавшего в 1918-1919 годах пост управляющего военным министерством в администрации верховного правителя всея Руси: «Здесь контрразведка — это крупнейшее учреждение, пригревающее целые толпы шкурников, авантюристов и отбросов покойной охранки, ничтожное по производительной работе, но насквозь пропитанное худшими традициями прежних сыщиков, жандармов. Все это прикрывается самыми высокими лозунгами борьбы за спасение Родины, а под этим всем царят разврат, насилие, растраты казенных сумм и самый дикий произвол».

Комендант недовольно поправил:

— Не адмиралу, а России. Вы, батенька, иронизируйте, но знайте меру. Оскорбление верховного «на словах» объявлено тяжелейшим преступлением и влечёт за собой тюремное заключение абсолютно для всех, кто был в этом уличён. Что касается уклонистов и дезертиров, то мы не меньше вашего озабочены этим мерзким явлением. Так называемые партизаны начинают представлять для нас всё более растущую угрозу. Мы вынуждены снимать с позиций некоторые части, формировать из них специальные команды для установления и поимки беглецов. Немало усилий потребовалось и для того, чтобы направить в окружающие селенья агитаторов с целью формирования у населения должного представления о политике нашего народного правительства. Люди обязаны понимать, что, отдавая своих братьев, сыновей, отцов в Сибирскую армию, они тем самым строят своё будущее.

Иринарх Гаврилович растерянно посмотрел на коллегу:

— Оскорбления Александра Васильевича я в своих словах не усматриваю. В остальном же полностью с вами согласен. Особенно одобряю пропагандистское предприятие, которое весьма и весьма своевременно, ибо в головах людей сегодня такой чертополох разросся, боюсь, что уже не вырвать, — и достал из портфеля бумагу. — Вот, изъяли на днях у одного мещанина в торговых рядах. Очень прелюбопытная прокламация. Не знаю, уж как, но дошла до нас аж из Енисейской губернии. В ней некий полный Георгиевский кавалер из крестьян, но выслуживший офицерский патент Щетинкин, по убеждениям явно не большевик, объявил, что «на Дальнем Востоке уже выступил великий князь Михаил Александрович, который назначил Ленина и Троцкого своими министрами, и атаман Семёнов к ним присоединился. Осталось только разбить Колчака».

Киселёв мрачно процедил:

— А что, учитывая местные особенности, очень даже грамотно составлено. Я бы сказал, определённо грамотно. Трепетную лань впрягли в повозку с ослом и мулом и нарядили эту чудо-тройку скакать воевать против тигры. Н-да-с. Вы оставьте мне эту шедевр, я покажу её генералу Редько. Пусть он узнает, какие университеты по обучению политграмоте работают в тылах его дивизии.

...Дни шли, и обстоятельства стали складываться для апологетов «единой и неделимой» очень и очень не в их пользу. Лавины фронтов покатались по былинным просторам России всё дальше от Москвы к окраинам бывшей империи. Боевые порядки освободителей редели. И причин тому было множество. Утомлять читателя их препарированием не будем. Отметим лишь одно — красные, увы, имели тотальное превосходство в людских резервах.

Земли за Уралом, как известно, хоть и необъятны в богатстве своём, да вот людшек на них прижилось... ой, маловато. Даже недавние и, надо сказать, дюжие старанья убиенного реформатора, избирательной памяти Петра Аркадьевича Столыпина мало чем помогли. Ну, теснятся ещё кой-какие городишки вдоль Великой магистрали, а отступишь от неё вёрст эдак на пятьдесят хоть вправо, хоть влево, и что? Кругом дебри непролазные, пузыри болотные едкую вонь источают, да рысьи глаза смертью глядят. А набредёшь если случайно на деревню какую, с виду вроде богатую, так из неё кормильцев-то мужеска полу вместе с лошадушками ещё в германскую повыдёргивали. А молодёжь подросшая больше девками интересуется, не Колчаком. И умирать за него — откель и взялся такой? — не желает.

Фронт требовал солдат. Крепких, с царём в голове. Победа была невозможна без полнокровных свежих дивизий. «Разверстать план дополнительных мобилизационных мероприятий и неукоснительно и повсеместно приступить к их исполнению!» — повелело начальство.

И поднялся бабий вой над хуторами и деревнями.

...Вломилась команда рекрутёров в один из дней и в дом Калетина. Оглядевшись и поцокав языком, неказистый, в летах уже немалых поручик скомандовал:

— Обойди-ка, Осташкин, этот клоповник и, кого найдёшь, сюда тащи.

Унтер пинком распахнул первую дверь. А за ней — фонарь «летучая мышь» под потолком освещает следы вселенского кутежа: стол, уставленный бутылками, рыбки хвосты с блюд мельхиоровых свисают, и офицер при ордене и жгутом аксельбантов на груди, покачиваясь, достаёт из кобуры револьвер. Сейчас пальнёт. Служивый попятился. Сунулся в другую комнату. И там тоже офицер сидит, только уже с барышней. Хохочут и обнимаются. На вошедшего даже не глянули. Осташкин дальше по коридору. Навстречу ему из-за угла вывернул высокий капитан со шрамом на лице.

— Ты кого здесь потерял, любезный? — спросил строго.

— Так мы при исполнении, ваше высокоблагородие. Разрешите продолжать?

— Что ты тут продолжать задумал? Род человеческий? Девоч свободных нет. При-

ходи завтра.

Унтер к начальнику команды бегом. Так, мол, и так, доложил, у господ здесь вроде дома свиданий, извольте сами убедиться. Поручик удивился, но для личного успокоения приоткрыл одну из дверей. Это было замечено. Из глубины «алькова» тут же донёсся голос:

— Тебе чего, унтерок, непременно по зубам получить желается? Так заходи, по случаю хорошего настроения, твоё испорчу с удовольствием.

Рекрутёр поспешно отшагнул. И вовремя. Послышался глухой удар о двери и звон битого стекла. Оскорблённый таким приёмом, незваный гость молча двинулся к выходу. Команда, оглядываясь, за ним.

Однако о «доме терпимости» в Чёрной слободе поручик с обидой доложил коменданту. Киселёв сначала отмахнулся:

— Фронтовики гарь окопную из лёгких водкой изгоняют. Ничего не имею против. Хотя, — полез в ящик стола и достал оттуда папку, раскрыл её, — заведенья подобного рода должны быть официально зарегистрированы, а я такового в нашем списке не наблюдаю. Штабс-капитан! — крикнул адъютанту, — Пригласите ко мне кого-нибудь из отдела военного контроля.

Вошёл ротмистр Стрельников.

— Олег Парамонович, тут такое дело, — сунул ему папку полковник. — Шалман один, хотя и не наша это епархия, проверить надо. Поручик вас туда проводит. Только попрошу деликатно всё устроить, без молодецкого наскока и ненужной пальбы. Людей понапрасну злить не надо. Для начала пустите пару своих ищеек разведки для. Если ничего подозрительного не обнаружится, что ж, пусть веселятся господа офицеры. А владельца мы просто обяжем поставить свою лавочку на учёт и выплачивать в казну положенную часть дохода. При выявлении же чего-то из ряда вон — действуйте по инструкции.

Ротмистр разыскал Мазепу, передал приказ.

— Людей нет, — отрезал полковник. — И вообще, надзирать за подобными «жеребчьиими стойлами» обязанность полиции, не наша. Меня сейчас обстановка на пристанях больше беспокоит. Водные товарищи — по мордам видно — затевают что-то. Как бы не вспыхнул бунт, подобный тюремному.

— Но Киселёв, и вы его знаете, проверит исполнение.

— А вы, ротмистр, сами посетите означенный объект. В городе вас никто не знает. Проявите смекалку. Думаю, что одного вечера вам хватит разобраться, что там да как. Только мундир свой не забудьте снять. Мне, поверьте, совершенно не хочется слышать треск ружейных залпов над вашей могилой.

Болдырь, повесив офицерский китель на спинку стула, оглядел соратников:

— Ну что, господа комедианты, поздравляю. Ожидаемая нами встреча с властями состоялась. Правда, результат её неочевиден. Но будем надеяться, что какую-то передышку мы себе обеспечили.

— Уходить отсюда надо, Григорий Платонович, — оттянул и резко отпустил на себе подтяжки Палестин. — Сегодня же и на Леонтьевский ручей. Помните, я рассказывал вам о доме ветеринара Акулова? Добротная крепость с подкопом и овраг сразу за ней. Сейчас там никто не проживает. Место удалённое. Для чужого глаза неприметное.

— И долго вы собираетесь там просидеть? — зло спросил его Иннокентий Павлович. — Ветер, увы, подул в паруса красных. И ничего хорошего, как старорежимному офицеру, мне от этого ожидать не приходится, так же как, наверное, и отцам командирам, обороняющим город. Мне предельно понятны меры, к коим прибег верховный правитель, и, поверьте, они будут только ужесточаться. Никакие фортеции с башнями и подъёмными мостами вас от них не укроют. А как сегодня поступают с дезертирами, вам известно не хуже меня. Советую совершенно удалиться из города.

— Куда? — усмехнулся Калетин. — И потом, почему вы нарочито говорите «вас», а не «нас»? Вы уже исключили себя из нашего дружества? Или намерены с нами расстаться?

— Пока окончательно не решил, но подумываю обратиться к генералу Редько — начальнику Тобольской группы первой армии. Мы с Михаилом Ефимовичем приютились в юности и какое-то время даже вместе зачищали харбинские трущобы от японских агентов. Думаю, что он не откажет нам в помощи добраться до третьей столицы. Омск, конечно же, имею в виду. К нему пролетарии если и подступятся, то очень нескоро. И главное: там есть возможность манёвра, а Тобольск — это тупик. Если большевики отрежут южные коммуникации, куда прикажете бежать, где спастись?

— То есть вы предлагаете мне, отдавшему лучшие годы жизни борьбе с такими, как Редько, упасть ему сейчас в ноги: благодетельствуй, барин, спаси за Христа ради,

изнемог я в страданиях. Нет уж. Мы с Людмилой останемся дожидаться большевиков здесь. Они хоть и зло, но всё-таки меньшее, — резко поднялся Палестин.

— А я, собственно, зная ваши политические предпочтения, обращаюсь не к вам. Меня интересует мнение Григория Платоновича.

Калетин покачал головой.

— Рано или поздно, но это должно было случиться. Успокойтесь, дорогие, и сядьте, — заговорил, ни на кого не глядя. Горечь слышалась в его словах и тревога. — Мы все устали за годы смуты. Не понимаем, я во всяком случае точно, куда несут нас события. Не одобряю, господин капитан, но и не осуждаю, что намереваетесь связать свою дальнейшую судьбу с близким вам по духу армейским офицерством. Каждому своё. Я хорошо помню, что мы уговаривались когда-то быть честными меж собой и уважать свободный выбор каждого. Поэтому откровенность за откровенность: мужик уже хватанул свободы и снова натянуть на свою шею ярмо не позволит. Обстановка на фронтах говорит сама за себя. Неужели вы не видите, что кумирня ваших «богов», похоже, скоро развалится, а вы, встав под крыло разноидейных политиканов, болтунов и чревоушителей, с ними же и погибнете?

...Забегая вперёд, скажем, что так оно и случилось. Через пару лет бывший Генерального штаба капитан сгинул где-то в холодной и чуждой каждому русскому сердцу Маньчжурии, пройдя до этого с остатками войск Тобольской группы Великий Ледяной Сибирский путь сначала до Читы, а там и далее к китайскому порубежью, бесславию, забвению...

— Благодарю за обнадеживающее напутствие, экселенц. Не ожидал. Жизнь — материя тонкая: где порвётся, нам неведомо. Прощайте, милостивые государи, и вы, Людмила Борисовна. Спасибо вам за всё, — вытянувшись, щёлкнул каблуками Иннокентий Павлович. — Поскольку я ещё не покойник, то и провожать меня со слезами не надо. Честь имею.

Он вышел — прямой и гордый.

«А в это время, в это время гусар поставил ногу в стремя...»

— Прапорщик, — обратился ротмистр Стрельников к перелистывающему за письменным столом какой-то журнал Райхенбаху, — перестаньте зевать. Не желаете ли пофланировать сегодня по вечернему городу с обязательным посещением одного пикантного местечка?

Барон встрепенулся:

— Мы увидим там сон упоительный? Ах, Олег Парамонович, я поражаюсь вашему божественному промыслу угадывать чужие мысли.

— Значит, договорились. Только переоденьтесь, пожалуйста, и на ноги что-нибудь этакое подберите. Там, куда мы отправимся, настилы для гулянья не уложены. Встретимся у «Народной аудитории», скажем, без четверти семь. Туда же подойдёт поручик из мобилизационного отдела, который укажет нам конечный пункт прогулки. Прошу не опаздывать и прихватить с собой оружие.

Первым у «салона» Толстомясихи щегольскую тройцу заметил Кукиш.

— Михайло Ксенофонтыч, — позвал прохаживающегося неподалёку дружка, — поди-ка сюда, глянь вон на тех фрайеров. Клянусь последним зубом, что офицерики или «фараоны» к нам притащились. Ищут, падлы, кого-то. Чево им тады, гусакам обтерханым, здесь делать? Ты снаряди-ка для порядку кого-нибудь к Григорию Платоновичу с опасением. А потом попробуем на понт взять ряженных. Наденем на морду «ваньку», повеселимся.

Рыжий зашептал:

— Погодь-погодь, одного из них я, кажется, видел недавно в Затоне с командой. Вон того, что при бороде. Из домов мужиков уводили, говорят, в солдаты. И к Калетину он вроде заявлялся на днях. Издали не разглядеть точно, ближе подойти надо. Сейчас шепну Толстомясихе о шухере и двинем к ним, попридержим. Сегодня я вроде как контуженый буду, а ты ещё с самой германской газом травленный. Прости нам, господи, и помоги.

Райхенбах выдал себя сразу.

— Господин ротмистр! — испуганно вскрикнул он, когда сзади его нагнал какой-то жлоб и, мыча, положил ему на плечо пудовую ладонь.

Стрельников обернулся и выхватил браунинг:

— Тебе чего, обезьяна? А ну два шага назад и руки по швам!

— Ой-ой-ой, как страшно! — Кукиш, свернув голову набок и гримасничая, ухватил прапорщика за полу сюртука и потянул к себе.

Барон услышал треск рвущейся материи и ощутил, как от страха у него стали подкашиваться ноги и руки онемели, будто параличом их разбило. И тут неожиданно к ним подскочил невесть откуда взявшийся стражник-полицейский. Ловко выхватив

шашку, он выверенным фухтелем¹ по шее повалил громилу на землю. Офицеры обступили его. Стрельников склонился и уткнул дуло револьвера в щеку лежащего.

— Достойный экземпляр, — процедил брезгливо. Потом одобрительно посмотрел на урядника. — Мы из контрразведки. А ты молодец! Из казаков, что ли? Не узнаёшь, случаем, образину? — указал на Кукиша.

Полицейский равнодушно ответил:

— Да заметный он здесь, тот ещё лихоимец. Мелькает иногда среди гноищи тутюшней. Грабят ротозеев и доверчивых. Вот и вашего друга, видать, за такого приняли. Я околоточного спросил как-то, а чего таких разбойников не стреляют на месте или на войну не гонят? Так он сказал, что по документам они больные все, кто умом порченный, кто телесами. А я бы их всех для леченья в окопы загнал. Вошь да дисциплина выели б у них, душегубов, всякую страсть людей обстёгивать.

— Отправляй его, урядник, пока на гауптвахту. Но сам где-нибудь поблизости от нас будь. Можешь понадобиться.

А Михаил, увидев быструю расправу над заединщиком, метнулся в толпу зевак и застал от бессилья:

— Во попали мы с тобой, приятель, на самую что ни на есть парашу. И тебя бы надо из дерьма вытащить, и гостей не упустить. Что делать? Шпалеры-то в схроне остались, а с одним ножичком на четыре ствола не попрёшь.

Повертел головой: из знакомых вокруг — никого. Возле дружка, что так и лежал безжизненно, появился солдатик с «винтарём», встал навтыяжку. Похоже, новобранец. А урядник, должно быть, за извозчиком отправился или помощь себе искать. Бородатого и с ним тех двоих где-то уже не видно. «Рыжий» решился. Одет он был, по обыкновению, «под барина»: серый пиджак в синюю полоску, из кармашка атласной жилетки свисает на диагональные штаны серебряная цепочка, ну и канотье, как положено, чуть прикрывает хамоватые глаза.

— Что тут случилось? — подошёл, оглядываясь, к служивому и сунул ему под нос сложенный лист бумаги. — Грамоте обучен? Ах, не сподобился. Тогда слушай, что здесь написано. Сей ордер выдан фракцией Тобольской губернской думы гласному Резван-Желудько Михаилу Ксенофонтовичу, то есть вот он я перед тобою, для исполнения им полномочий в городском околотке под номером семнадцать. Всякие службы и прочая полиция обязаны оказывать ему разное содействие. Печать имеется, подпись предводителя дворянства тоже. Разглядел? Тогда подыми-ка молодца с земли и доложи по форме, кто уложил свободного гражданина на булыжник, который есть оружие пролетариата?

Солдатик стушевался:

— Да сам он уже встаёт. Стало быть, всё и расскажет, а я для порядку к нему приставлен, потому как буйный он. Сейчас усмирять его повезём. На тюрьму.

Пришедший в себя Кукиш отряхнулся, огляделся и картинно — на все четыре стороны — поклонился зевакам, сбившимся в кучки у ларьков и лавок. В ответ увидел ободряющие улыбки — верный признак сочувствия и поддержки: «давай, дескать, посадский, круши им зубы, мы тебя не выдадим». Михаил за спиной стражника пальцами «проскакал лошадкой» — показал дружку, закругляться, мол, пора и делать ноги. Громила повёл плечами — надо, значит, надо — и неожиданно опустил свой кулак на голову новобранца. Под свист и хохот толпы губернский фракционер (придумал же такое!) и гопник скрылись в ближайшей щели меж постройками. Когда урядник вскоре подогнал телегу для транспортировки уголовника, базарная площадь была пуста. Ни единой души. Солдатик только ушибленный сидел и глядел отупело на вечернее небо. Рядом валялась винтовка с откинутым пустым затвором.

Калетин усадил прибежавшего от Толстомясихи мальчонку рядом с собой в кресло, велел успокоиться и рассказать, что же так испугало его хозяйку.

— Так дядьки ненашенские в торговых рядах какой уж час толкуются. Ничего не покупают, только зыркают вокруг, — деловито выложил посыльный. — Михаил Ксенофонтович говорит, что офицеры то переодетые, а один из них, с бородой который и старый на вид, был у вас третьего дня с солдатами. Надо бы вам дверь в дом запереть или отъехать на чуть-чуть времени.

— Далеко они и точно ли сюда идут? Понятно. В нашу сторону, говоришь? А с бородатым кто ещё?

— Второй при нём — рыжий такой, молодой, с версту коломенскую, а третий дёрганый, важный, будто петух среди куриц. Хозяйка велела передать ещё, что Михаил Ксенофонтович с Кукишем городским на пятки сели.

— А ты сам знаешь Ксенофонтыча?

¹ Фухтель — удар шашкой, саблей плашмя.

— Знаю.

— Беги к нему и скажи, чтоб сюда не совались, а наняли экипаж и ждали за забором у дальнего сада. На глаза тем людям не попадайся.

Мальчишка, понятливо кивнув, скрылся.

Хозяин дома зашёл в комнату Палестина. Сказал, не скрывая досады:

— Любопытству человеческому нет предела. Собирайтесь, молодой человек. Кажется, мистерия, что мы тут недавно разыграли, показалась нашим случайным зрителям слишком сомнительной, и её захотели посмотреть ещё раз. Они, скорее всего, догадались, что герои и реквизит пьесы насквозь фальшивы, поэтому дёргать чёрта за хвост не будем. Поторопитесь передать Людмиле мою просьбу немедленно собирать вещи. И на прощанье устройте в «номере» такой бардак, чтоб видно было, какие страсти там бушевали. И — главное — не оставьте в гардеробе ценные сценические костюмы. Про мундиры говорю, пошитые из добротного штиглицевского сукна. Через пятнадцать минут жду вас с вещами в шалаше у северных ворот.

— Да... погуляли здесь знатно, — обойдя пустые комнаты, выругался Стрельников. Пнул лежащую на полу бутылку. — Посмотрите, сколько выпито шампанского. А папиросы какие курились! Я табаком «от Дюгена» последний раз, кажется, в семнадцатом наслаждался. Шутя кому-то живётся, не так ли, барон?

Прапорщик продекламировал:

— «Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!» — и разочарованно добавил: — Кажется, опоздали мы на праздник буквально на несколько минут. В дальнем апартамента на столе самовар совершенно горячий стоит, и в чашки уже сливки разлиты для чаепития.

— Их кто-то предупредил, господин ротмистр, — уверенно заявил поручик.

— Тонко подмечено, поздравляю, — едко отозвался тот и принялся излишне велелично рассуждать: — Поспешность, с какой был покинут дом, удивляет и, конечно же, рождает некоторые вопросы. Но весь этот бедлам, согласитесь, больше похож на тайный воровской притон. В борделе всё-таки стараются соблюдать хоть какие-то приличия. Не станете же вы утверждать, что в этом курятнике тешили свою плоть большевики-подпольщики из интеллигенции. Я к ним отношусь с должным презрением, но в столь низкое падение их поверить всё-таки не могу. А застигнутые вами здесь недавно вояки, поручик, у которых вы обязаны были потребовать документы, — это, скорее всего, жертвы ускоренной офицерской выпечки из черни, болтающейся ещё вчера в нижних чинах. Этим новоявленным «благородиям» жрать водку и говорить сальности девкам действительно лишь бы где. Словом, тут всё ясно, передаём дело полиции. Прапорщик, составьте протокол осмотра помещений. Занесите в него всё, что обнаружено на месте грехопадения — бутылки, интимные аксессуары, если есть, и прочее. А вы, поручик, помогите ему, иначе барон не выберется отсюда неделю.

Иринарх Гаврилович захохотал, когда Стрельников рассказал ему о визите в Чёрную слободу:

— Боже, как мне это знакомо, как знакомо. Вспомнились былые годы, мадам Дюшон, её тайные поклонники. Страсти роковые, мирная тёплая жизнь. И среди её течения, как пустячок, бесследные исчезновения и убийства некоторых добропорядочных людей. Причём именно в месте, откуда вы только что вернулись. Отмечу с радостью — живыми, — полковник посерьёзней. — Вы правильно оценили ситуацию, ротмистр: поиски тех, кто — умышленно или нет — поиздевался над нами, ни к чему не приведут. Зря потратим силы и время. Пусть подчинённые полицмейстера копытят. Но вот этого мальчика, которому голову повредили, расспросите лично. Может, хотя бы приметы нагнецов опишет. Впрочем, — Мазепа снова захохотал, — он и сам себя вряд ли помнит.

Опытный ищейка, конечно, понимал, что ничего под луной случайно не происходит. Всякое действие есть чья-то воплощённая мысль. Кто-то светлый град на холме построить мечтает и строит. А кто-то единственной думой живёт — как бы соседскую девку Груньку на сеновал к себе залучить. И блузой из коверкота для того её одаривает и раздевающими взорами испепеляет. «Надо всё-таки поручить Дедюхину, чтоб нарядил одного из прикормленных «штучников» узнать об этом, чёрт бы его побрал, подозрительном домишке, — подумал устало. — Стрельникову, видимо, не приходится работать со скопищем голодных негодяев, живущих по законам улицы, потому он и выбрал негожую тактику. Кто же для посещения нищей окраины вызывающе наряжается, а потом ещё и наганом размахивает. Ведь убить могли за здорово живёшь».

Дедюхин, выслушав начальника, обрадовал его:

— А я, кажется, знаю, о каком особнячке речь идёт. Сейчас не скажу, но до переворота там проживал некто, эх, фамилию запамятовал, делец богатый. Чем занимался точно — никто не знал, но то, что деньги у него водились, замечали многие. И старались

дружить с ним. Винный купец Босоногов, слышал, самолично доставлял к нему лучшие сорта «игристого». И гласные из губернского собрания вечерами запросто угощались у него кофею. Я, с вашего разрешения, пошлю туда Тришку Оловянного. Ну, того, что в Соколовской сельхозшколе организацию комиссарскую выследил. Пронырливый малый и рукастый, обстригает всё как надо. Но есть опасение, что может отказаться. И по мне, так правильно сделает. Мы же вновь нанятую агентуру уже два месяца как без жалованья держим. Обещанные-то казной средства до нас так и не дошли.

— Почему раньше не доложил? Понадеялся на милость наших вороватых чиновников? Смешно. Ты же битый человек, Дедюхин! Ладно, давай определимся пока с Трифоном. Сколько ему задолжали?

— Уже шестьсот целковых. Это без учёта обещанных «чаевых» за успех отдельно-го дела.

— Сволочи! — выругался по известному чьему адресу полковник. — Напрочь забыли библейскую заповедь, что расплатиться с работником надо тогда, когда на нём рубаха ещё не высохла, — сердитый, прошёл к сейфу, открыл дверцу. — Вот, — бросил на стол несколько царских червонцев. — Всё, что есть. Пусть начинает поиски ваша оловянная морда. Подстрахуйте его кем-то и прикажите сообщаться по этому делу только с собой, ни с кем более другим. И вот ещё что. Один из моих осведомителей слышал как-то в той слободке шепотки меж каторжными мордами о каком-то там болдыре. В твоих, Тихон Макарыч, сводках не мелькало случайно лицо с таким бубенчиком? Впервые слышишь? Ну-ну. И в полиции, я узнавал, уголовного с подобным погонялом тоже не припомнят. Нехорошо получается: многим базарным торговкам он известен, а в сыскных ведомствах знать о таком не слыхивали! Надо ситуацию прояснить. Понятно выражаюсь?

...Трифон (агентурное имя — Полба) в одну из ближайших ночей бесшумно выставил форточку в окне указанного ему пустого дома и тщательно его обшарил. Покинул объект под утро, отягощённый мешком. Подельник, подвозя Оловянного до хибары, где тот обитал, то и дело оглядывался по дороге на молчащего спутника: на ухабах коляску трясло, и тогда мешок в руках тайного хищника позвякивал бутылочным стеклом, шуршал фольгой и поскрипывал жестью. «Не иначе, поживился-таки Тришка объедками с барского стола. У, глот ненасытный», — усмехался в усы. И не ошибался. Понятия брезгливость и прочее чистоплюйство Полбе, как прапорщику Райхенбаху, например, не были знакомы. Он не погнушался собрать бутылки, в которых осталось спиртное, перелил их до должного уровня в пустые полштофы, запечатал валяющимися на полу пробками. В хрустящие пакеты побросал оставленные (даже надкусанные) яблоки, помидоры, сыр, кружочки колбасы. Отдельно завернул в полотенце несколько вилок и ножей. А металлические коробки с монпансье безжалостно вытряхнул на пол и набил их пахучими пахитосками и табачным листом. Разумеется, неожиданными «дарами божьими» — «хоть засмотришь на меня, рожа завистливая», — он делиться с возницей не собирался. Единственную вещь, с которой ему завтра придёт расстаться, и, пожалуй, самую ценную из добытого (ибо за неё полагалась дополнительная деньга), дома засунул вместе с револьвером под подушку. Остальное аккуратно определил под кровать, разложил в неказистом шкафчике у окна, подвесил на торчащий из стены гвоздь.

Дедюхин утром, повертев в руках кожаную кепку с жестяной, крашенной охрой звездой недоверчиво поинтересовался:

— Точно в доме нашёл? Или как торгош ушлый залежалую требуху мне втюхиваешь?

Агент побожился, что вертеться ему на сковородке в преисподней, если он господин начальника фуфлом потчует.

Тихон Макарович щёлкнул в уме костяшками на счётах и добавил суровости в голосе:

— Для получения вознаграждения сей улики мало. Таким доказательством нынче никого к стенке не припрёшь. Побожатся людишки матерью родной, что на торжище выменяли кепчонку за кусок сала. А то, что звезда на ней до сих пор красуется, так скрутить её, окаянную, забыли. Чего-то посущественнее надо бы представить. Раз вещь эта в доме хранилась, значит, и другое что-то может обнаружиться. Иди ищи. Дам тебе двух помощников. Один снаружи наблюдать будет, второй с тобой внутри управляться. И наш разговор про болдыря не забывай. Погодь, — неохотно перебрал пальцами в кармане монеты, выданные Мазепой, уцепил одну из них, протянул, — на вот возьми за прошлую работёнку. Николаевский. И помни доброту мою.

...Но червонец этот злосчастный недолго грел душу бандита-provокатора. Вскоре он перекочевал в карман «Боярина», которому Калетин поручил присматривать за покинутым домом. Прошлой ночью стеречь особняк Северьян не пошёл по причине вёской — любовной. Толстомясика днём ещё пригласила его на свои именины, ну, а там

— знакомое дело: рюмочки-стаканчики, женские чудо-формы под креп-жоржетом волнуются, кружевные простынки на постели ромашкой пахнут. Сегодня же вчерашнюю подлость по отношению к хозяину решил не повторять и за компанию с Жоржкой Огудаловым да Люсьеном Кривым отправился дежурить на пост. Расположились они в бывшей кладовой, не имевшей окон, зажгли свечи, выпили по стаканчику мадеры и карты достали, чтобы в штос перекинуться. И шум вдруг подозрительный в соседней комнате услышали. Свечи разом задули, ножички из-за голенищ вытянули. «Боярин», пригнувшись, скользнул вдоль стены в коридор. Дружки за ним. А Полба — сухой, что камыш осенний, уже привычно одолел узкую горловину форточки и неслышно раскрыв створку окна, чтоб товарищ его, телесами поукладистой, мог без матюгов и неизбежных ссадин легко перевалиться в дом. Когда второй гость соскочил с подоконника на пол, в проёме появилась ещё одна голова, но тут же скрылась.

— Трое их, — шепнул «Боярин» Огудалову. — Одного оставим для допросу... остальных, — провёл ребром ладони по горлу.

Трифон тем временем, осторожно ступая, двинулся к выходу. Однако не понравилось ему, видно, лунное свечение, широкой полосой растекающееся по стенам комнаты. Он вернулся, тщательно сдвинул занавески да ещё придавил их, чтоб не разъехались, цветочным горшком. Потом, помедлив, осторожно шагнул в коридор. И тут же, придушенный, обмяк в руках Люсьена. А в грудь его подельника тотчас полетел нож. Третьего Жоржка высмотрел в кустах у парадного входа. Урка сидел на земле, и ладонь его, словно белая бабочка-капустница, перхала сначала вверх от кармана тужурки к лицу, потом вниз — от лица к карману. «Семечками разговляется, петушок. Щас я тебя кашкой вечности накормлю». Хрустнула ветка. Парень вскочил, что и нужно было. Через секунду-другую он рухнул на землю. А Огудалов, вытерев лезвие о штаны жертвы, тенью метнулся в дом.

...День прошёл, и второй. Полба с дружками не появлялись. Дедюхин, отведя глаза в сторону, доложил Мазепе:

— Как с такими работниками победу добывать, не знаю. Зря я выложил Оловянному три червонца, нет до сих пор подлецов.

— Пропьются, приползут, — недовольно заметил Иринарх Гаврилович. — Не до них сейчас. Ты вот что. Поступил, наконец, приказ по политическим. Отправляйся на пристань. Найди капитана парохода «Походяшин» и вместе с ним обеспечь порядок погрузки арестантов на баржу, которую тот отбуксирует из города. Куда — не наше дело. А я здесь, в тюрьме, проконтролирую, чтоб наиболее опасные большевики не попрятались где-нибудь под нарами. Лично убедись в наличии среди заключённых председателя ревтрибунала Шананина, продкомиссара Баженова, дерзкой девки Поляковой и других. Вот тебе список. Как исполните, сразу ко мне с докладом.

...Той ночью унижать Тришку побоями «Боярин» не разрешил. Вежливо попросил рассказать форточника: какая-такая корысть привела его в дом уважаемого человека. А когда тот заежил словами, запузрыл слюной от страха, велел Люсьену принести из каморки под лестницей лопату. Объяснять, для чего она понадобилась, нужды не было. Полба упал на колени. Его подняли, провели к оконечности сада, где под обросшим крапивой и мхом глухим забором заставили копать яму. Ну, а пока он углублялся в землю, слушали его последние в этой жизни признания.

...На Леонтьевском ручье многие дома стояли заколоченными. И Калетин про себя отметил: «Значит, народец здесь поредед, и каждое появление на улице незнакомца кем-то да будет примечено. Что ж, ночами придётся передвигаться, не впервой». Договорились, что Михаил с Кукишем тоже переберутся в избу ветеринара. Все понимали, что после представления в Чёрной слободе и ликвидации мазепинских посланцев оставаться там крайне опасно. За несколько дней рядом с сараем они выкопали себе землянку — могилу. Сверху, вровень с землёй, чтоб незаметно было, соорудили накат из брёвен. Уложили его дёрном. Вход прорубили со стороны леса на укосине оврага. Ну и сапу туда подвели.

Заканчивалось лето. Ночами над близким заболоченным оврагом нависал туман, кое-где на берёзах, черёмухе и осинах появились жёлтые прожилки увяданья. Но созрела лесная малина, кровавыми капельками рассыпалась по мшаникам ягода костяника, грузди пошли, боровички с подосиновиками. А ещё полетели по всем пятидесяти улочкам и переулкам городишки, будто одревесневшие плоды чёрной ольхи, слухи — один другого правдивей и краше. На Архангельской шептались, что жуткие бои идут уже в междуречье Тобола и Ишима. И красные якобы дружно теснят беляков на север. Обыватели же с Рождественской клятвенно уверяли в обратном: «Дух казаков конной группы атамана Иванова-Ринова настолько высок, сколько крепка наша вера в победу. Две дивизии «лапотников» разгромлены, скоро и остатние порубят в капусту».

А меж торговых рядов у Курдюмки обсуждали последнюю — из ряда вон — сообщенью: «Слыхали, поди, православные, давешней-то ночью ребятишки наши у беля-

ков пароход «Иртыш» отбили. Заарестовали офицеры и в трюм сунули, а сами со своим капитаном за линию фронта ушли. И бомбомёты три штуки, винтовки да пулемёт вроде на себе утащили. Полиция хватает щас подряд кого попало, а толку что: долбанёт скоро то оружие по ним — узнают, как над народом измываться».

То, что скоро «долбанёт», не понимал, наверное, лишь всероссийский правитель. На вопрос одного газетчика-писателя, как он представляет себе будущее, адмирал, жонглируя словами, сказал, что «настроение армии и народа — это сплошная тоска по старой России, тоска и стыд за то, что с ней сделали... Все слои русского народа, начиная с крестьян, думают только о восстановлении монархии...» Александру Васильевичу было невдомёк, что кто-то в его огромной, послушной воле вождя вотчине может мыслить по-другому. Он упорно верил только своим предначертаньям и потому гнал генералов развивать успех на тобольском направлении с целью одной: удержать большевиков в подбрюшье Сибири, а там, глядишь, к концу октября казачки Мамаптова или Кутепова уже Кремль от ненавистного Совнаркома очистят.

Доклады контрразведки об участвовавших в переходах нижних чинов в лагерь противника, разброде, пьянстве и шатаниях среди офицеров не принимались во внимание. На сообщения же снабженцев, пугающих осенним непогодьем и острой нехваткой тёплой одежды в передовых частях, ложились жирные резолюции, которые никто не читал и, соответственно, не исполнял. А полковые финансисты сетовали промеж себя, что, имея огромные золотые резервы, власти не находят денег для закупок всего необходимого у того же населения. Поэтому повсюду и видятся неприглядные картины грабежей и насилия. Как же так?

Относительно выработки стратегических планов всё обстояло ещё хуже. Некоторые генералы не питали иллюзий по поводу временного успеха на Тоболе, считали, что наступать далее — значит обресть армию на погибель. И как выход из тяжелого положения предлагали отойти вглубь Сибири для создания там независимого территориального образования из Забайкальской, Амурской и Приморской областей. Аргументов «за» было предостаточно: там — судоходный Амур, там — железные дороги Транссиб и КВЖД, природные кладовые Якутии, Даурии и Сихотэ-Алиня, наличие какого-никакого торгового морского флота. А изобилие рыбы и пушного зверя на Камчатке! А Сахалин с его залежами нефти! Да можно жить припеваючи! Ну и сохранённый пока золотой запас, наконец. Его, распорядившись умело, можно использовать для развития торговли с Японией, закупки новейших видов оружия в Америке, что значительно увеличит оборонную мощь государства. Перспективы — дух захватывает!

Колчак колебался. Но не дающий ему покоя навязчивый фантом скорого падения первопрестольной погнал его в начале октября в инспекционную (а скорее, вододушевляющую войска) поездку по частям Сибирской армии Дитерихса. На мачте самого большого парохода иртышского речного товарищества «Товарпар» взвился брейд-вымпел адмирала. В каютах первого класса разместились сам верховный, морской министр Смирнов, высшие чины походного штаба. Осенний Иртыш был свинцов и пустынен. Зато настроение на палубах приподнятое. Отчалили.

Стояли погожие деньки. Встречали дорогого гостя везде улыбками да хлебушком с солью. На пристанях выстраивались почётные караулы, ряды бравых кавалеров из бывших фронтовиков. Правитель, оценивая вглядываясь в лица, привычно обходил шеренги ветеранов, поздравлял самых достойных с производством в первый офицерский чин. Прикреплял «Георгии» на вылинявшие гимнастёрки. Шутил. Раздавал подарки: табак, мёд, перчатки. Благодарные подданные кричали «ура». После чего Колчак произносил речи. Затем удалялся в свой салон, где встречал делегации местных самоуправлений. Внимательно слушал, принимал к сведению пожелания, морщился от жалоб. Особенно умилил его Тарский городской голова, поднёсший высокому гостю двести тысяч рублей пожертвований на нужды армии. «Капиталисты-то наши все отъехали давно, так крохи эти мелким да средним людом собраны», — поклонился старик. «Верны мои слова о неборимости духа русского, — читалось в глазах верховного. — Последнее отдаёт мужик, значит, верит в нашу победу».

Уже в прифронтовой полосе за Тарой «Товарпар» — как бы чего не случилось — вышло сопровождать блиндированное судно «Алтай» с радиотелеграфом и пушками. В Усть-Ишиме снова смотр войск и неприятный доклад о разбойном и, прямо скажем, недопустимом поведении партизан. Они дерзкими вылазками из болот наносят огромный урон хозяйствам волости: третьего дня угнали около тысячи лошадей, много подвод, ограбили волостную кассу на сотню тысяч рублей, уничтожили списки мобилизованных в освободительную армию, увезли четыре тысячи пудов хлеба. «Омский сиделец» обещал возместить убытки и примерно покарать зарвавшуюся чернь. Но заметно помрачнел. Он ведь отправлялся в поездку, надеясь присутствовать при глубоком прорыве боевой Обь-Иртышской флотилии и войск ударной группы в тылы красных с последующим их разгромом. А тут такое творится!

Через день его приветствовал Тобольск. Верховный осмотрел город, встретился в кафедральном соборе с епископом Иринархом, почтил вниманием могилу убиенного Гермогена. Похвалил гражданского губернатора Гондатти за исправно работающие водопровод и электростанцию. Улыбнулся сообщению о сохранности винных складов, где ждали своего часа до ста тысяч ведер водки и спирта. Вечером тет-а-тет долго беседовал с генералом Редько. А на следующий день приказал отменить запланированный ранее спуск по Тоболу на юг. Окружение адмирала вздохнуло с облегчением: пускаться в рискованное предприятие, когда разъезды комиссаров замечены уже в сорока верстах от города, представлялось по меньшей мере глупой бравадой. Не хватало ещё в плен угодить. Ну и настоящим ударом по и без того расшатанной психике Александра Васильевича стало сообщение его начальника штаба о том, что развивать успешно начатое наступление нечем, ибо обещанья атамана Иванова-Ринова¹ мобилизовать дополнительно восемнадцать тысяч казаков, исполнены только наполовину. Разъярённый правитель смахнул графин со стола и указал должным образом разобрататься с нерадивым начальником. Возвращалась инспекция в Омск уже без остановок, встреч и полковых оркестров на берегу.

...Накануне визита Колчака Мазепа глубокой ночью приехал в тюрьму и пригласил на чашку чая Дедюхина.

— Всё равно не спишь, Тихон Макарыч, садись, поговорим. Предчувствия меня томят нехорошие, вот решил поделиться ими с тобой. Не с кем более. Можешь курить, но желательно у окна.

Начальствующий над филёрами молча опустил на стул. Приготовился слушать.

— Скажи мне, наперсник игрищ и забав, — без лишних условностей начал Иринарх Гаврилович, — известно ли тебе, что красные вот-вот опрокинут Дитерихса? Я ежедневно получаю тревожные доклады агентов о неумолимом продвижении отрядов Блюхера на север. Пока об этом, из государственных соображений, советуют не распространяться. Но оборона наша трещит по швам, настроение в частях — хуже некуда.

— Но ведь адмирал обещал разбить этого крестьянского самородка.

— А его и разбили... на бумаге. Только выясняется теперь, что этот скользкий красный германец, или кто он там на самом деле, раненный, но вполне живой, улизнул в болота, продрался через них и навис своими боеспособными батальонами над тылами Редько. Как ты думаешь, найдётся ли у наших наполеонов мудрость и силы вместе с ней спасти ситуацию?

Дедюхин посмотрел непонимающе:

— Вы на что намекаете, ваше высокоблагородие?

— К тому и клоню, Тихон Макарыч, к тому и погибаю, что пора нам с тобой подумать о завтрашнем дне. Я чувствую: нашей с тобой эвакуацией при внезапном прорыве красных никто заниматься не будет. Спасаться придётся самостоятельно. Поэтому готовым надо быть уже сегодня.

— Прошу прощенья, Иринарх Гаврилович, но мне как-то не нравятся ваши настроения. Зачем мне, к примеру, спасаться отсюда?

¹ Человек, достойный отдельной книги. Отменный стрелок и любитель постоять у края бездны, играя в «русскую рулетку». В память об одной такой прокрутке револьверного барабана до самой своей смерти носил в груди не извлекаемую пулю. Был героем омского белого подполья. Сменив на посту военного министра Сибирского правительства Гришина-Алмазова, призвал забыть революционную трескотню «кувырк-коллегии» Керенского и незамедлительно вернуть чины, титулование, погоны и другие атрибуты, бытовавшие в императорской армии. А следом издал приказ, согласно которому все офицеры, служившие большевикам, объявлялись предателями. Однако скоро сам попал в их число. За бездействие, повлекшее за собой провал Тобольской операции, был отстранен от командования Отдельным Сибирским казачьим корпусом и вскоре арестован по обвинению в измене. Освобожден генералом Каппелем, однако от службы в его армии уклонился, подавшись в занятый красными Красноярск, где несколько месяцев пребывал на нелегальном положении. В 1920-м пробрался в Харбин. Но уже на следующий год — после казни Колчака — новый главверх атаман Семенов пригласил Иванова на Дальний Восток, доверив ему пост начальника штаба своих войск. После «штурмовых ночей Спасска и Волочевских дней» с остатками «друзин Святого Креста» генерала Дитерихса вместо обещанного последним триумфального въезда в Москву на белой лошадке оказался в жалком корейском Гензане. И вот там этот видный представитель белого движения, один из кандидатов (наряду с Колчаком и некоторыми другими) на пост военного диктатора, изменил свои политические взгляды и вошел в контакт с советской разведкой! По некоторым сведениям, формировал части из белоэмигрантов для «красного маршала» Фэн Юйсяна. Осенью 1925 года был разоблачен, но сумел скрыться. На заседании Войскового правительства в Зарубежье (ноябрь 1925) заклеен как предатель и лишен звания войскового атамана. При налете на группу советских военных советников мятежных китайцев был ранен и эвакуирован в СССР. Где и как закончил свои дни — неизвестно.

Мазепа подцепил щипцами кусочек сахара, раздражённо бросил его в чашку. Налил из самовара кипяток.

— Так-так, — произнёс растерянно. — Значит, решил под большевиками остаться? А душонка от страха не трепещет? Они ведь вспомнят твоё прошлое и не пощадят.

— Пусть и так, только бежать мне всё едино некуда. Кто и где меня ждёт? Вы вон в чине. Пристроитесь где-нибудь, пока Колчак у власти, а я? Дотяну уж свои годы при тюрьме. Она любой власти нужна, пустовать не будет. Придут комиссары, освободят своих, а камеры нашенским братом набьют. Осторожный надзиратель, как говорит тут один большевик, есть фигура надклассовая. Присматривает себе в глазок что за убийцей из дворян, что за воругой пролетарием. И имеет себе кусок хлеба удостоверенно.

— Жаль. Хотя, может, ты и прав. Уцелеть под личиной цепного пса, действительно, легче. Не буду тебя разубеждать. Делай, как решил. Но помочь напоследок ты мне должен. И считай наш разговор руководством к действию. Прежде чем навсегда убраться отсюда, я хочу поставить точку в одном затянувшемся деле. Скажи, Тихон Макарыч, узнал ли ты фамилию хозяина того дома в Чёрной слободе, где офицеры шабаш устраивали?

— А как же, господин полковник. Поспрашивал своих гренадёров. Уведомили они: Калетин то, Григорий Платонович. Со всех сторон очень светлая личность. Сявки слободские его промеж себя болдырем зовут, но боятся многожды больше, чем нас с вами. Когда появился здесь, никто не припомнит. Но быстро подмял под себя всю слободскую торговлю, обложил данью многих барыг и купчиков. Говорят, что оружием при торговывал и при надобности отряд человек в пятьдесят может запросто выставить.

Мазепа нервно поднялся из-за стола.

— Эх, Россия матушка, сторона ты моя разбойная. Неужели полиция не знала о волке, что задира баранов у неё под носом?

— Да знала, конечно. Однако отказываться от подношений у нас не принято. Засмеют.

— Надо разыскать его, — не сдержавшись, выкрикнул полковник. — Есть у меня подозрение, что именно этот тип все прошедшие годы вёл охоту на меня, скрадывал, как зверя, держал в унижительном напряжении. Многие ниточки ведут к нему, очень многие.

— Я думаю, что сейчас схватить означенного вами дельца будет затруднительно. С кем ловить-то его и где? С профосами¹ вроде Полбы мы опять сядем на задницу.

— Затруднительно — это когда дух последний выпускаешь. А мы пока далеки от подобного состояния. Появился тут один, пусть и не великий, но шанс покончить с оборотнем. И пособником нам неожиданно может выступить знаешь кто? Вовек не угадаешь. Сегодня вечером получена шифрованная депеша о скором прибытии в Тобольск самого верховного. Событие для города, согласись, редкое и важное. Встречи торжественные будут, парады, молебны и прочее. Как думаешь, любопытный обыватель упустит случай поглазеть хотя бы издали на освободителя земли русской? Нет, конечно. Валом повалит на улицы. И мне почему-то видится, что среди ликующей публики окажется и наш знакомый. Надо только угадать, где он может появиться. Мест таких в городе, по моему разумению, всего два-три: пристань, губернаторский особняк на горе и площадь у кафедрального собора. Но резиденция Гондатти и собор напрочь отсекутся войсками и полицией, подойти к ним будет невозможно. Значит, остаётся берег Иртыша. Вот туда и пошлём людей. Есть у тебя такие, кто признает Калетина при встрече?

Дедюхин сморщил лоб:

— Да тот же Босоногов. Лавка же его процветает, сам он опять в чести, и народ к нему исправно жалуется. Прикажете, скрутим, пискнуть не успеет. Ещё Латкин знаком с этим барином и Щапов тоже — бывшие наши филёры. Посулим им денежку, пособят.

Мазепа протестующе покрутил головой:

— Босоногова отставим. Может всё испортить. Знак, например, дружку подаст или ещё чего придумает. Лучше привлечём того поручика из мобилизационного отдела. Он, кажется, говорил, что хорошо запомнил всех персонажей попойки. Переоденем его, бороду сбреем. И пусть ещё унтера с собой прихватит, что в доме с ним был. А в усиление к ним Стрельникова и Райхенбаха пристегнём. Сами тоже средь зевак погуляем.

— Ну, положим, установим мы того, кто нам нужен, а дальше как? — вполне резонно спросил Дедюхин. — Он же явно не один будет, да и сам вооружён. А если стрельба начнётся, да во время такой церемонии? Кончится всё плохо для нас. Не окажемся ли мы с вами потом, вслед за Калетиним, в соседнем тюремном блоке?

¹ Профос (со временем трансформировался в «прохвост») — служитель, убирающий нечистоты.

— Ты, Тихон Макарыч, гляжу, подзабыл ведомственные инструкции. А они предписывают в таких ситуациях полагаться на свою голову и никак не на другие части тела. Чем обычно заканчиваются все подобные мероприятия тебе известно? Именно! Разочарованием! Поглазет публика на явившегося пред нею кумира, слёзы счастья утрёт и станет уныло распознаться по своим норам. Если в такой толчее пустить за субъектом сразу нескольких топтунов, он вряд ли обнаружит слежку. А если даже и обнаружит, то уйти от трёх-пяти человек будет не так-то просто. И не надо обязательно провожать его до дома. Достаточно довести до мест менее людных и там немедленно спеленать. Мне ли тебя учить, Тихон Макарыч? Всё надо предусмотреть, вплоть до отдельного спального «номера» для барина в твоей замечательной крепостной гостинице.

— Обойдётся, — буркнул Дедюхин. — Может, ему ещё свежие простынки подать и колыбельную перед сном посюсюкать? Честно скажу, господин полковник, затея ваша какая-то запоздалая. Нынче, как вы справедливо заметили, думать о себе надо. Я бы по-другому поступил.

Мазепа, недовольный поворотом разговора, всё же предложил собеседнику довести мысль до конца.

— Иринарх Гаврилович, дорогой вы наш, а вот нет у вас убеждения, что через Калетина можно поймать выгоды? И причём уже скоро. Что мы о нём знаем? Да ни черта! А вдруг окажется, что он... главный большевицкий подпольщик? Я бы не стал такое напрочь отрицать. Коммунисты, вы сами не раз говорили, люди далеко не глупые и вполне могли оставить его здесь резидентом. А почему нет? У него и связи есть в городе, и оружие, и вроде как вне политики он, раз открыто с ворьём якшается. Кто на него худое подумает? Вспомните бунт в тюрьме. Я не верю, что такое могли организовать молокососы из сельхозшколы. Тут чья-то более крепкая рука усматривается.

Полковник жестом попросил внимания:

— То есть ты предлагаешь оставить Калетину жизнь для торгов с советами? Допустим, я с тобой соглашусь. Но предлагая товар покупателю, надо сначала хотя бы показать его ему, не так ли?

Дедюхин нехотя кивнул:

— Ну да, ну да.

— Договоримся так: поймаем рыбку, а потом решим, поджарить её или назад в реку отпустить.

...Лесом-парусом из Омска совершенно секретная информация о скором приезде Колчака в считанные часы долетела до Тобольска. Город, как будто дремлющий пёс, которого неожиданно огрели по загривку, подскочил вдруг и принялся ошалело выказывать верность хозяину. На пристань и прилегающие к ней улицы согнажи солдат и дворников. В воздух поднялась пыль вперемешку с ругательствами. Началась суматошная подготовка визита: скребли, подметали, что-то ломали, приколачивали, красили. Полицейстер с городским головой самолично объезжали дома, мимо которых предполагался проезд кортежа, и грозя жильцам всяческими карами, призывали их немедленно очистить балконы от разноцветного непотребного белья, а вместо него тащить и размещать во множестве герани и разные там фикусы.

«Боярин», вернувшись ночью из города, сообщил новость Калетину и ненавязчиво предложил присоединиться к верноподданническому порыву:

— Представляете, сколько глупых богатых фрайеров с дамочками соберётся в одном месте поглазеть на чуду-юду. Шеи вытянут, глаза вытаращат, а про карманы свои и сумочки напрочь забудут. Как такое можно пропустить?

Григорий Платонович к известию отнёсся равнодушно:

— Спасибо. Доводилось нам уже как-то любоваться здесь одной особой, правда, Людмила? Впечатления, скажу тебе, подметали унылые.

Калетин, по привычке похаживая по комнате, стал вспоминать, как в начале августа семнадцатого года они стояли с племянницей на пристани и поочередно в бинокль разглядывали пароход «Русь», тяжёлой тушей разлётшийся на воде недалеко от берега. По палубе речного красавца, то один, то в окружении семейства и челяди, прогуливался сам модернеец российский. Лицо низложенного монарха ничего не выражало, держался он просто и уверенно. Дочери — великие княжны — улыбались беззаботно, играли в волан и тут же на воздухе садились пить чай. Люди, стоящие за оцеплением, кто вздыхал, кто утирал глаза платочком. Всех интересовал вопрос: зачем царя привезли сюда и что с ним будет дальше? Судьбу «хозяина земли русской» мы-то с вами знаем. А тогда... тогда плескалась иртышская вода о борт парохода, шептался народ.

Городская верхушка, как всегда, не готовая к подобным сюрпризам, спешно подыскивала пристанище для нежданных гостей. Но стоящие на дворе времена к альтруизму не располагали. Местные богатые домовладельцы не желали уступать свои

«терема» какому-то там неизвестно кому. Пришлось довольствоваться бывшей резиденцией губернатора, именуемой нынче «Домом свободы», каковая, по словам князя Долгорукова, представляла собой «...грязный, вонючий дом в тринадцать комнат... с ужасными уборными и ваннами...» (Как за несколько месяцев народовластия некогда шикарные апартаменты превратились в конюшню — историческая загадка). Для ремонта и обустройства особняка требовались значительные средства. Их, где — призывами, где — давя на совесть толстосумов, всё же изыскали. Калетин припоминал, как его, да, наверное, и многих обывателей, удивило такое — поистине трогательное — внимание городских властей к нуждам царственных особ. Впоследствии, правда, оказалось — не совсем бескорыстное. Так, бывший вице-губернатор Гаврилов охотно согласился продать (!) в новое «жилище» господина Романова кабинетный рояль фабрики Шредера, ломберный и письменный столы, несколько кресел и стульев. Подумав, присовокупил к ним обеденный столик под самовар с мраморной крышкой. Попросил за всё четыре тысячи рублей. Заплатили. Куда деваться? Откликнулся и председатель Тобольского военно-промышленного комитета Шокальский: тоже за скромную сумму купили три ламбрекена на окна, диван и две дверные портьеры. Какую-то мебель ещё купили в торговом доме «Наследники Н.А. Ершова». Но всего этого оказалось мало. Комиссар Временного правительства П.М. Марков, доставивший Николая в Тобольск, отстучал телеграмму в Петербург, чтобы слали часы, посуду, скатерти, коньки, лыжи, санки. Ну и про граммофон и балалайку чтоб не забыли...

Чудны дела твои, Господи. У храмов — во многом по вине венценосного арестанта — десятки нищих и калек о «пропитании днесь» слёзно гузынят, а «эти» к забавам зимним готовятся, и «галлипольское масло», поставляемое магазинами товарищества «Преёмники А.В. Янушкевича», на белый хлеб из булочной Гусева намазывают да молочком монастырским Иоанно-Введенской обители запивают...

Калетин, словно предчувствуя что-то, пялиться на Колчака не пошёл. И Людмиле с Палестином запретил. Отправились они втроем за овраг на тихую, что называется, охоту. Побродили изрядно, наполнили корзины грибами, вышли на опушку и решили сесть перекусить. Примяли травку духмяную, разложили скромную снедь. Квас из бутылки по кружкам разлили. Чокнулись, пряча улыбки. И тут заметили: из дальних зарослей орешника на широкую заболоченную низинку вышли трое: длиннополые шинели на них расхристаны, тощие вещмешки с загорбок свисают, винтовки вниз дулами покачиваются. Заметили обедающих, замерли. Постояли, видимо, совещаясь, а потом взяли оружие на изготовку и, отшагивая друг от друга в разные стороны, охватом пошли по гудящей шмелями луговине. Григорий Платонович побледнел и грубовато велел Людмиле отползти в кусты и далее бежать домой. Повернулся к Палестину:

— Где ваш наган, Палестин Георгиевич? Доставайте. Кажется, вы уверяли, что во всей округе, кроме охотничьих кордонов, никого и ничего нет. Откуда же здесь солдаты? А я вам скажу: освободившие себя от службы герои сюда пожаловали. Добра от них не дождёшься. Может, мне на шагов тридцать левее отползти, оттуда фланг сподручней контролировать, как считаете?

— Оставайтесь на месте. Стрелять они не станут, — спокойно ответил Азабиди. — Если беглые, шуметь им не с руки. Увидели, что народ цивилизный отдыхает, поэтому на испуг взять попытаются. Но посмотрим сейчас, как мужички криворотые воевать умеют.

Он взвёл курок, быстро прицелился. Неожиданное эхо выстрела сорвало с деревьев множество птиц. И фигуры, серыми пятнами скользящие по залитому солнцем разнотравью, пропали.

Палестин, пряча наган, удовлетворённо усмехнулся:

— Вот видите, Григорий Платонович, я думаю, что ползут сейчас добры молодцы совсем не в нашу сторону.

Быстро собрали остатки обеда и пошагали в чащу. Но дойти до знакомого оврага не успели. Где-то позади отчётливо послышалась пальба.

— Из винтовок бьют, — остановился Калетин.

— А вот вроде нагана хлопок, — вслушался Палестин. — Неужели «Боярин» пособить нам решил? Давайте к нему, а то уложат дурака ненароком, трое их всё-таки.

Повернули назад. Спешили. Рвали одежду о кустарник. Забирая правее, обходили место, где недавно останавливались. Рассчитали верно. Скоро услышали:

— Здесь я, раненный маленько, помогите.

В неглубокой лощинке увидели «Боярина»: сидел под деревом посеревший и рвал на себе рубаху. С подбородка капала на штаны кровь.

— Одного я, кажется, к богу отослал, — тихо, но с явной гордостью сообщил он. — Да самого-то, вишь ты, зацепило. Больно.

— Где двое других? — спросил Григорий Платонович.

— Подались вдоль ручья вниз к реке. Бежать за ними —дохлое дело. Испугались они — не догоните.

Наскоро перевязали раненого. Палестин, охнув от неожиданной тяжести, взвалил его себе на плечи. Часто передыхая, дотащились до родимой «крепости».

— А тут пока вас не было, к нашему дому колясочка подъезжала, — испуганно встретила их Людмила.

— Какая колясочка? — с тревогой посмотрел Калетин.

— Обыкновенная. Два человека в ней, по виду чиновники. Стояли минут десять, оглядывались, кричали что-то. Я не вышла.

— Правильно сделала, — одобрил Болдырь и уже в комнатной прохладе твёрдо изрёк: — Вот что, дорогие мои. Сегодня же отправляйтесь на Царскую засеку к Угрюмову. Не по нраву мне эти последние случайные случайности. Не верю я в них. Вчера — обыски в моём доме, нынче — дезертиры и визит неизвестных. Не много ли совпадений? Ночью схожу тут кое к кому, договорюсь насчёт повозки. Кукиш одну неприметную дорогу к усадьбе знает, доставит вас в сохранности. И доктора разыскать бы надо. Ты, Палестин Георгиевич, говорил, что он где-то у Казённого аптечного склада проживает. Значит, там и поищем.

— Тебе нельзя, дядюшка, — запротестовала Людмила. — Склад сейчас фуражом конским забит, охрана стоит. Сам Жухов там не бывает. Мне Мария, помощница его, при недавней встрече говорила. Он из госпиталя сутками не вылезает. Операции днём и ночью идут. Я сама пойду к нему.

— Не надо никакого живодёра, — поднялся с дивана Северьян. — Из-за моей оцарапанной головёнки неча своими рисковать. И Кукиша с Зейдуллой вам без меня всё равно не найти. А я, — потрогал повязку на лбу, — чем теперь не солдатик, раненный за великое дело? С таким документом куда хошь можно пролезть. И вот насчёт извозчика ещё. Знакомец мой Подошва здесь недалеко толчётся, первый лихач в Тобольске. И кони у него — ветер, а не кони. Если, конечно, он их не пропил.

— Ну, смотри, Северьян Мокеич. На тебя вся надежда. Деньги для дружка твоего у меня имеются, — согласился Калетин. — Только сделать всё надо до утра. Подошву прямо сюда проси подъехать. А Кукишу скажи, чтобы не только револьверы приготовил, но и гранаты тоже. На себе сегодня прочувствовал, чем прогулки по лесу могут закончиться.

«Боярин» напялил на себя гимнастёрку с погонами вахмистра, в мешок уложил штоф самогона, краюху хлеба, несколько картофелин, огурцы, обёрнутый в пергамент фунт сала.

— Ну, пошёл я, — покрыл голову фуражкой. — Ждите.

Подошву он застал в состоянии ужасном. Лихой извозчик лежал на соломе в закуте постоялого двора и прощался с жизнью.

— Охти, мама моя, роди меня обратно, горит всё в грудях, — прошептал, с трудом признав слободского приятеля. — Упились надьсь до такого стыда, что в кулачную на затонских попёрли. А они нас кастетами да кистенями отпотчевали. Ох! Как и дополз-то сюды, один бог ведает.

Северьян ухватил стонущего лихача подмышки, подтянул к стене и с трудом усадил. Развязал свой мешок.

— На-ка, — набулькал в чеплашку «лекарство» и протянул огурец. — Ты мне живой нужен, глотай траву. Блюй и снова глотай.

С третьей или четвёртой попытки «первач» провалился в горло бедняги. Через несколько минут он заметно оживился.

— А ты, я гляжу, в колчаки записался? — повёл глазами на погоны «вахмистра». — Неужто, брат, совсем дела твои сплошали? Плесни-ка ещё. Вроде прижилась, родимая. Главное-то, голову поправить, а то, что сломано, и так срastётся.

Часа через два они на бричке прикатили в Чёрную слободу. Кукиша отыскиали в кабаке Демитрэску. Бывший конокрад, послушав «Боярина», посоветовал всем облачиться в военную форму:

— Вокруг городу одни заставы и разъезды, кто не по службе куда движется, всех трясут и каждого. Ездил я тут недавно за мясом в деревеньку одну, так страху натерпелся — мокрый домой вернулся. Солдатня-то, когда телегу обшаривают, всё норовят мясца себе отрезать, а унтера — те деньги вымогают или водку. Один вот кольцо с пальца моего содрал, гутнявец. Спускайтесь в подвал, там у меня барахло разное хранится, даже медальки вроде какие-то есть. Цепляйте их, обряжайтесь, и пусть хранит вас Господь.

Проводив Людмилу с Палестином, Калетин долго стоял у калитки, вглядываясь в предрассветное низкое небо. Тревогой оно давило, предчувствием беды. «Не рассуждай, не хлопочи! Безумство ищет, глупость судит...» — пытался успокоить себя

словами известного поэта, но, как тягостное наваждение, выплывало вдруг из-за туч скорбное лицо погибшего брата Бориса. Дробились черты его, расплывались до неясности, но глаза... глаза смотрели неотрывно — с укором каким-то испепеляющим, провидческим. Григорий Платонович ёжился, отгонял сумрачные мысли.

Оракулом он не был, как, впрочем, и большинство человек. И потому не мог представить, что уже скоро, промозглым октябрьским днём на усадьбу Угрюмовых за Царской засекой наткнётся отряд лиходеев, озверевших после скитания по уже стылой сумрачной тайге. Сторожевые псы, охраняющие хутор, выполнили свой долг — упредили хозяев о появлении чужаков, но слишком много их было — бандитов оголодавших. Они перестреляли собак и пошли на приступ. Ждать помощи было неоткуда. Палестин, высадив стекло в одном из окон, прицельно бил из «императорской тулки¹», кричал Кукишу, чтоб брал гранаты и пробивался на конюшню, готовил упряжку:

— Женщин и детей надо спасать, сами как-нибудь... А ты, Стива, — указывал мужу Ольги, — продырявь башку вон тому, что с факелом к гумну ползёт. Как управишься, забирай Людмилу, жену с дочерьми, и к лошадям бегите, я вас с чердака из «лююиса» прикрою. Не мешкайте, сразу отъезжайте. В Аремзяны пробирайтесь, там помогут.

Кукиш (не зря школу прошёл каторжанскую) знал, чем «купить» лежащих в пожухшей траве варнаков. Он бесстрашно сбежал с крыльца дома и заорал, махая рукой:

— Будя стрелять! Хилый сюды, уркаганы, я вам погреб барский взломаю. Винища там и жратвы, захлебнётесь от счастья!

Несколько мужиков недоверчиво подняли головы над сухостоем. Кто-то из них прогорланил:

— А ты кто таков будешь?

— Из холопов барских, на хозяина здесь батрачу.

Переглянулись бандюки, но, видя перед собой безоружного, уже без опаски поднялись и пошли к нему. Тот выждал какое-то время и с секундной заминкой бросил навстречу им две гранаты. Сам — плашмя на землю. Когда осколки просвистели, бросился к конюшне.

А Палестин на чердаке похвалил себя:

— Молодец, Азабиди, пулемётик ты не зря наготове держал.

Распахнул чердачную фрамугу, прижал приклад к плечу, и покатались над округой звуки, чем-то схожие с вороньим карканьем. Несколько бандитов сразу вскочили и, крича, побежали к оставленным недалеко лошадям, но некоторые продолжали стрелять. «Сколько же вас всего, мерзавцы? — пытался определить Палестин. — Бомбами человек семь разнесло. Я сейчас троих положил. Пятеро бегут к лесу. Судя по вспышкам, человек десять ещё за деревьями прячется. Береги патроны, Азабиди, и меняй позицию».

«Батрак хозяйский», пользуясь тем, что каретный сарай стоял несколько на отшибе, стеснённый другими постройками, без лишней в таких случаях суеты, впряг лошадей в повозку и подогнал её к неприметной лесной дороге. Затем привёл туда ещё двух коней под седлами и, пригибаясь, побежал к дому. Палестин тем временем переместился на второй этаж. Скакал от окна к окну, перебежал из комнаты в комнату, стрелял и кричал на цепенеющих от ужаса женщин, чтоб уходили, уходили быстрее. Стива не выдержал, подхватил в охапку плачущих девочек, прыжками понёсся к лесу. А Кукиш, надавав пощёчин Ольге, чтоб очнулась и бросила набивать тряпьем баулы, за руки потащил её и Людмилу из дома. Стиве он приказал, никуда не сворачивая, ехать по означенной колее и всё время быть настороже. Попытки Людмилы Борисовны соскочить с повозки пресекать.

— На вот парочку бомбочек про запас, а револьвер у тебя имеется. В Аремзянах старика Тягая найдёшь. Мы с ним в Нерчинске горе одной ложкой хлебали. Приютит он вас пока, а дальше, может, и поутихнет всё. Н-но, пошли, саврасые, — перекинул поводья хозяину.

Когда пулемёт выплюнул из себя последние патроны, Азабиди спросил измотанно-го, всклокоченного, тяжело дышащего товарища:

— Как звать-то тебя по-настоящему, дорогой человек? Столько дней уже вместе, а всё Кукиш да Кукиш. Имя при рождении какое тебе генитори дали? Ну, родители твои. Иван, значит? Хорошо. А по изотчеству? Иванович. Ещё лучше. Так вот скажи мне, Иван Иванович, сколько мы ещё продержимся с нашими-то пистолетиками?

— Долго не выстоим, господин живописец, у них винтари, издаля нас постреляют. И ночь уже скоро. Подберутся сивки в темноте, не заметим. Надо до коней подаваться, я их приготовил к дороге. Последнюю гранату рванём прям с порога и кубарем в траву. Докатимся колобками.

— Так и сделаем. Пошли.

¹ «Императорская тулка» — охотничье ружье тульского завода.

Граната не понадобилась. Разбойные людишки где-то попрятались и ничем себя не выдавали. А может, глядя на трупы лежащих вокруг дружков и жалея свои головушки, просто решили не мешать обороняющимся уйти. Палестин с Иваном благополучно добрались до коней, попрыгали в сёдла и с места наместом пустились по просеке.

...Окаянцы усадьбу сожгли. Дождались вечера, убедились, что защитники её исчезли, и сожгли. Перед этим злобно порубали шашками гордость покойного Викентия Угрюмова — коллекцию чучел обитателей здешних лесов и озёр. Сгорели и другие охотничьи трофеи, книги, поделки из ценных пород дерева, иконы, дорогая утварь. Кончилась жизнь на этом клочке земли русской. Отпелись песни, отшелестели разговоры.

...В Юртах Аремзянских у коновязи близ дома сельского старосты, чем-то явно раздосадованные, переговаривались ротмистр Стрельников и прапорщик Райхенбах. Несколько часов назад они прибыли сюда по конфиденциальной просьбе Мазепы подготовить здесь запасную базу, на случай — ну мало ли какой. Нужны были лошади, провизия, проводники. Начальник местного гарнизона — седоусый штабс-капитан, к которому они обратились, посмотрел у приезжих документы и развёл руками:

— Помочь ничем не могу. У меня двадцать нижних чинов уже вторую неделю на рыбе сидят, которую сами и ловят в реке. Обрыдло всё. Ни соли, ни хлеба, ни табака. Не угостите, кстати, хорошей папиросой? А то я, стыдно признаться, уже на мужицкий самосад перешёл. Про нас совершенно забыли. Вы не можете мне уяснить, почему?

Ротмистр неубедительно наплёл что-то про растянутость коммуникаций, о редком умении интендантов подвозить кому-то лишнее и оставлять без необходимого действительно нуждающихся и посоветовал отцу-командиру самому утрясти вопрос со снабжением, посетив тыловые службы в Тобольске. Комендант вежливо выслушал и сумрачно предложил:

— Тогда и я вам посоветую в том же духе: попробуйте пострадать здешнюю власть, авось она изыщет для вас что-нибудь. Но предупреждаю: это маловероятно.

Властью оказался прижимистый и хитрый старик из староверов с труднопроизносимым именем Квитнилион.

— Какие лошади? Об чём разговор? Не слыхал я ни о какой контрразведке. Кто такая? — сразу запричитал он. — Гляньте на меня. Я весь больной, нездоровый ногами, и то собственную кобылку есаулу казацкому отдал. Денег с него не взял, ибо патриот отечеству! Как на духу выкладываю, господу разведка: во всём селе или три клычи всего и осталось, а годных для строю коней доктора лошадные из ваших же давно реквизовали.

Чтобы приглушить всплеск своего недовольства, староста предложил гостям испробовать смородиновый чай с грибным пирогом. И совсем не огорчился, когда те отказались.

— Ну что же, дело хозяйское, — свернул губы в ухмылочку. — А по мне, так с пустым брюхом много не наработаешь. Езжайте снова к коменданту. Ён вас небось за царский стол усадит. Хотя погодьте. Забыл я с волнения, а щас вот вспомнил. Видно, везенье по вашей стороне ходит. Тут такое дело. Вчера, как только засмеркалось, повозка о двух упряжных к каторжному Тягаю, что под склоном у реки живёт, подкатила. А сёдня утречком пара верховых к нему же направилась. Вам бы по службе в самый раз навестить разбойника да распознать, что за личности у него собираются. Ну и о лошадаках заодне переговорите.

Стрельников поинтересовался:

— А каторгу ваш селянин за какие грехи отбывал?

— Убивец он. А может, наговаривают. Не скажу точно. Так-то, сколь живёт среди нас, ни в блуде, ни разбое не замечен. Но солдатиков всё же с собой для порядку нарядите.

Штабс-капитан сам вызвался сопроводить приезжих. Пошли: три офицера впереди, два унтера сзади. Спустились откосом к избе Тягая, затянутой вкруг частоколом. Долго стучали в воротину. И собака вроде лаем исходила, но никто не открывал.

— Чего потеряли тут? — послышался голос от реки.

Оглянулись. Идёт низкорослый кряжистый мужик, смотрит исподлобья.

— Ты хозяин? — шагнул к нему ротмистр и прикрикнул: — Немедленно допустить нас во двор! К тебе, говорят, поутру несколько человек заехало. Большевиков прячешь? Открывай, иначе силу применим.

Унтеры для убедительности передёрнули затворы винтовок.

— Не пужайте медведя рогаткой, — зло обронил Тягай. Подошёл к горотье, просунул руку в специальную сработанную щель, отодвинул внутренний засов. — Проходьте, — толкнул воротное полотенце и с ехидцей спросил Райхенбаха: — Можя, для вас за биноклем сходить? Без него-то как супостатов разглядывать будете? Уж больно они

у меня неприметные с виду. Ольга, — постучал в окно, — выводь на смотрины невест комиссарских, женихи пожаловали.

Скоро на крыльцо выскочили две девчушки-пострелицы: в одинаковых платьицах, банты в косичках, глаза от любопытства ширятся. Держа друг дружку за руки, замерли. Следом вышла Ольга. Представилась:

— Я дочь подполковника Викентия Угрюмова, а это моя дочь и племянница. Что вам угодно, господа?

Комендант в некоторой растерянности взял под козырёк:

— Начальник здешнего гарнизона Зыков Николай Андреевич. Простите, сударыня, но мы бы хотели задать вам всего два вопроса. Первый: где сейчас находятся мужчины, что вас сюда доставили? И второй: почему вы предпочли остановиться именно здесь, а не у более порядочных людей?

Угрюмова ответила с вызовом:

— Наши мужчины вернулись в отцовскую усадьбу за Царской засекой. Вам что-нибудь известно о такой? Я так и предполагала, что впервые слышите. Но это не снимает с вас ответственности за её вчерашнее разграбление, — (она ещё не знала, что их хутор уже пепелище), — учинённое явно дезертирами и мародёрами. Мы еле вырвались оттуда живыми. Поскольку ваша команда находится ближе других к имению, вы обязаны были помочь нам. Вместо этого вы сейчас выказываете недоверие нашим истинным спасителям. Я буду писать сослуживцу отца генералу Редько.

— Пишите сразу верховному правителю, — в сердцах махнул перчаткой Стрельников и настойчиво потребовал: — Проводите нас в дом. Нам некогда слушать о делах, нас не касающихся.

— Погодите, Олег Парамонович, — остановил его штабс-капитан. — Сюда кто-то скачет.

Во двор на взмыленном жеребце заскочил казак. Оглядел офицеров, вытянул из-за голенища и протянул ротмистру пакет. Сдвинул нагайкой фуражку на затылок:

— Срочно от полковника Григоровича. Ещё на словах велено передать, чтобы здешний гарнизон отходил к деревне Панушковой и ждал там следующих распоряжений.

Стрельников поймал на себе тревожные взгляды офицеров, принял конверт, хрустнул печатями, развернул лист тонкой бумаги. Начальник Тобольского управления госохраны сообщал, что правый фланг красного Восточного фронта пришёл в движение. И одновременно с ним от устья Тавды в составе третьей армии большевиков по левому берегу Тобола начала наступление дивизия Блюхера. Обороняющие этот участок фронта части генерала Дитерихса отступают. Ввиду серьёзности положения, командование вынуждено отвести к Омску дивизион Обь-Иртышской флотилии. Далее следовало указание: «Вам надлежит немедленно вернуться в город и заняться сбором, охраной и отправкой по указанным уже на месте адресам наиболее ценных активов Тобольска»¹.

Стрельников спрятал пакет в карман кителя и коротко бросил барону:

— Нам приказано срочно возвращаться. Но на час-другой задержимся, — он демонстративно расстегнул кобуру и с наигранным сожаленьем объявил: — Прежде чем расстаться с нашими гостеприимными хозяевами, я намерен всё же завершить дело. Пока прапорщик будет осматривать конюшню, мы с вами, гражданин, — полуобер-

¹ Сколько ценностей собрали в Тобольске колчаковцы и куда их переместили, доподлинно неизвестно. Существовало якобы решение об отправке их в Томск. Для чего (опять же по слухам) были снаряжены два парохода, которым надлежало спуститься вниз по Иртышу до Оби, а по ней мимо Сургута и Нарымского острога (где отбывали, кстати, еще недавно ссылку вожди пролетарского государства — Свердлов, Сталин, Куйбышев) пробиваться далее на юг. Однако — а вот это уже установленный факт — в пункт назначения суда не прибыли. Что случилось? Обратитесь с этим вопросом к бабушке-истории. Она на трухлявой завалинке устами очевидцев, не очень-то, впрочем, уверенно, поведаст вам, что видели их (пароходы те) попавшими в ледяной капкан: студеные-то поры по обским низовьям рано начинают разгуливаться. Ну и пришло, значит, время сопровождающим ящики с золотишком спасать: в тайгу их уволокли и схоронили где-то. А другая старуха, давно слепая, припомнит вдруг, что сама видала в том году, как еще до морозов, углядев корабли на реке, высыпали на берег из лесу многие люди, поуседались по лодкам и пустились в погоню. Догнали самотопы. Кричали да стреляли радостно, а потом по воде — да быстро так, быстро — рассеялись кто куда. Тобольские же кладовскатели (не знаю, как сейчас) все больше копытчили землю вокруг Иоанно-Введенского монастыря. Нашептал им кто-то, что в середине октября девятнадцатого останавливался около обители большой армейский обоз. Обычное вроде дело. Кого тут груженными телегами тогда можно было удивить? Но в этот раз монашек почему-то загнали в кельи. И охрану везде выставили. А раз так, то тайну какую-то сохранить имелась необходимость. Да и видели якобы с колокольни, как служивые долго носили куда-то в темень тяжелые ящики. На рассвете ушли телеги от монастыря порожними. Ночка та тихо скончалась, родив не дающую теперь многим спать легенду о золотом обозе. Что тут сказать? Пусть ищут, кому это в радость. Может, кто и обрящет.

нулся к Тягаю, — пройдемся по дому. Мне, если честно, ещё не доводилось бывать в жилище каторжанина. Извольте убрать руки за спину и пожалуйте вперёд, Николай Андреевич, — окликнул штабс-капитана, — присоединяйтесь к нам.

Никого они в доме не обнаружили, кроме Людмилы. Она, чуть бледная, с припухшими глазами, сидела за массивным, надёжно сбитым, как хозяин, столом и прихлёбывала из блюдечка травяной чай. Ротмистр глянул на неё оценивающе, но не стал задавать ей вопросы. Прошёл за печь, рассекающую избу почти пополам, заглянул в закут. Приподнявшись на цыпочки, осмотрел лежанку.

— А где у тебя, варнак, лаз в подземелье находится? — спросил неожиданно.

— Где ж ему быть, — прогудел хозяин. — Вона в углу три дощечки из пола изымаются, а тамо ступеньки вниз. Полезайте, коли надо.

— Давай, любезный, — приказал ротмистр унтеру, — отставь винтовку, свечу в руку и осмотри волчью нору. Да хорошенько... Ну что там? — спросил, когда через несколько минут голова унтера показалась из проёма.

— Бочки одни пустые, ваше высокоблагородие, да железяки какие-то, огурцы ещё и помидоры в кадках киснут.

— А чего у тебя, рожа, капуста на усах висит и руки дрожат, испугал кто-то?

— Так крысы из хлябых посудин полезли. Много их. Вот душа и оробела.

Служивый утёр ладонью лицо и скрутил незаметно из пальцев «шишку»¹, подумал злорадно: «Не рассказывать же мне тебе, фертик расфуфыренный, что как только учуял я съестные запахи, так и позабыл всё на свете. А пока жевал капусту да грибами давился, всё глядел на сапоги за дальним чаном, по которым скакали рыже-бурые плюгавки. Сапоги те двигались заметно, отрывались поочерёдно от земли, видать, не вмоготу было стоять человеку среди такого крысиного шабаша. Кто там прячется — не моя забота. Мне до дому целёхоньким надоть добраться, а вы пропадите здесь все пропадом!»

Вошёл прапорщик, доложил, что лошадей и повозок не обнаружено, поэтому можно бы и отправляться. Стрельников нервно натянул перчатки. Щёлкнул каблуками:

— Что ж, уважаемые дамы, извините за причинённые неудобства. Служба. А ты старайся на глаза мне больше не попадаться. — замахнулся на Тягая.

Так же, как и пришли — офицеры впереди, унтеры на почтительном расстоянии сзади, — пошагала команда по откосу к дому старосты. Палестин и Стива выбрались из погребя. Муж Ольги, зажимая рукою рот, тут же побежал на улицу, где его и вырвало.

— Он жрёт и давится, а у меня по ногам крысы танцуют, — виновато оправдывался он потом перед женою, представляя склонившегося над кадушкой урядника. — Вот что голод с людьми делает. Абсолютное онемение всех человеческих чувств.

Тягай, послушав, полез в яму, проверил на бочках крышки, придавил их печными чугунными колосниками.

— Пойду я, однако, проучу нашу власть, — объявил вдруг, уложив половые дощечки на место. — Ён это, паскудник, наслал энту свору на нас. Давно пора ему морду в кулич распластать. Вы сидите тихо, а я ещё до лагеря воинского наведуясь, новости поспрошаю, да вот хоть морковки туес казённым людям снесу.

Квитнилона дома не оказалось. Спрятался, наверно, у соседей. А солдаты, благодаря за бесценную для них морковь, выдали старику военную тайну: приказ будто пришёл об отступленье, только куда их погонят далее без еды и тёплой одежды, они не знают. Под вечер появился Кукиш. Попросил женщин крепить себя, ибо то, что он скажет, слушать без слёз нельзя. Рассказал, как осторожно пробрался к хутору, а увидел вместо него дымящееся кострище:

— Всё прахом пущено. Придётся нам пока здесь чего-нибудь ожидать.

Через два дня, поднимая пыль, к дому старосты проскакал отряд.

— Из лесу, партизаны, — определил Тягай. — Теперь другая жизнь пойдёт.

¹ «Шишка» (простореч.) — фигура из трех пальцев, дуля, фига.

Глава 2. ...ET NOS MUTAMUR...

Дедюхин снял с пояса связку ключей. Открыл камеру. Распахнув дверь, пригласил стоящего у коридорной стены арестанта:

— Прошу пожаловать, господин меценат, в новый для вас апартамент. Нужду какую испытывать будете, постучите в окошко, я постараюсь вам помочь.

Человек, которого назвали меценатом, молча прошёл в узилище и опустился на узкую «шконку». Огляделся. Накрытая крышкой лохань «параши» в углу. Сочащаяся влагой штукатурка. Серость и сырость. Высоко под потолком зарешеченное оконце. «Давненько я не был в такой обстановочке, — отметил Калетин (а это был именно он). — Прекрасное место для сочинения отдохновенных мемуаров и философских стихов». Но долго побыть ему в одиночестве не дали. Лязгнул засов, вошёл надзиратель, поставил у входа табуретку. Пропустив человека в армейской шинели, вышел и прикрыл дверь. Вошедший присел, широко раздвинул колени. Тоже осмотрелся и беззлобно проговорил:

— Вы, Григорий Платонович, человек вроде бывалый, должны бы знать, что вставать надо при появлении тюремного начальства. Плохо начинаете нашу беседу.

— Голос мне ваш знаком, простите, с кем имею честь? — не шелохнулся Калетин.

— Вашему нахальству при ваших-то обстоятельствах можно позавидовать. Я полковник Мазепа. Вам — подпольному дельцу с дореволюционным стажем — должна быть известна моя скромная персона.

— Так вы из начальника тобольской охранки в тюремщики подались? Ну и ну себе новость! — картинно ахнув, встал Болдырь. — Я склоняю перед вами голову. Но сразу предупреждаю: на вопросы, касающиеся некоторых моментов моей жизни, отвечать не намерен, ибо то, что ведомо только мне, да не коснётся ушей чужих.

— А вы не торопитесь с декларациями и садитесь, — позволил Иринарх Гаврилович. — Из вас, собственно, никто и ничего вытягивать не собирается. В этом нет необходимости. Для чьего-либо расстреливания сегодня не обязательны твёрдые основания, собственное признание преступника и прочая юридическая проволочка, достаточно приказа: моего, например.

Калетин опустился на нары. Спросил озабоченно:

— Тогда я не понимаю, для чего вы притащили меня сюда? Могли бы сразу при аресте точку поставить.

— *Tempora mutantur, et nos mutamur in illis*¹, — усмехнулся Мазепа. — Древние ещё на заре человечества подметили способность нашего вида соответствовать веянию времени. Иначе было просто не выжить. Вы человек наверняка осведомлённый и потому обстановку на фронте знаете не хуже меня. Дни Тобольска сочтены. Кампания, задуманная Колчаком, провалилась. Скажите откровенно: ждёте большевиков?

Калетин посмотрел с удивлением:

— Вы, полковник, шутник. Признаться в подобном представителю карательной конторы было бы не просто глупостью с моей стороны, но чёрт знает чем.

— А я вот жду, — неожиданно объявил Мазепа. — И по многим причинам. Во-первых, не люблю проигрывающих. Уступающий всегда жалок. Он, по мере отодвигания его с главноначальствующих позиций, начинает теряться, искать виновных, озлобляться и делать ещё более роковые ошибки. Что сейчас и демонстрирует наш сухопутный адмирал. А во-вторых, я люблю порядок. Пожар народного гнева запылал не на шутку. И как его погасить, знают, похоже, только Ленин со товарищи. Я ведь когда-то по долгу службы изучал сочинения социал-демократов, в том числе многие работы господ Ульянова, Плеханова и прочих. И, помнится, неприятно поражался их политическим нахальством и воинственной убеждённости в скором падении царизма. Осуществить такое дерзкое предприятие, как революция, думал я, в силу многих российских особенностей, нельзя. Ан нет. Оказалось, можно. И всего-то с помощью одного-двух простеньких лозунгов: «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим». Народ уверовал в них и не оставил шансов на победу ни Деникину, ни Колчаку.

— С последним согласен, — отозвался Калетин. — Всё остальное для меня — загадка.

— Вот и попробуйте поломать голову над её смыслом, — поднялся Мазепа. — Хотя у меня есть подозрения, что всё вышесказанное мною вами давно поддерживается. Я приказал кормить вас по рациону служителей тюрьмы и никого сюда не подсаживать. Думаю, что завтра мы продолжим разговор.

— Пойдите, полковник. Раз уж вы столь любезны, может, выполните мою последнюю просьбу?

¹ *Tempora mutantur, et nos mutamur in illis* (лат.) — времена меняются, и мы меняемся с ними.

— Излагайте, — разрешил Иринарх Гаврилович.

— Я прошу вас разыскать небезызвестного местной публике присяжного поверенного Гравиатова. Мне доподлинно известно, что он, амнистированный правительством, находится в городе и ведёт юридическую практику. Я хотел бы составить завещание. Имею право.

— Гравиатов? — переспросил Мазепа. — Тени прошлого встают передо мною. Значит, жив златоуст? Что ж, мне тоже будет любопытно поведаться с ним, поэтому просьбу вашу прикажу исполнить.

Полковник запахнул шинель и, холодно кивнув, шагнул в коридор. На следующий день он не появился, не дождался его и через неделю. Всё это время крепость гудела. Тюремный телеграф отстукивал лишь одну новость: в городе большевики, власть поменялась.

...Когда на Руси хотят напомнить кому-то о призрачном устройстве нашего мира или предупредить о капризном и туманном будущем всякого, кто гостит на этой земле, вспоминают обычно прямое, как оглобля, речение: «от тюрьмы да сумы не зарекайся». То есть живи себе в радости, надейся на бога, но знай, что даже привязанную кобылу могут украсть. Поэтому появление через несколько дней в камере избитого, грязного человека, оказавшегося полковником Мазепой, Калетина не особо удивило.

Иринарх Гаврилович с трудом забрался на нары и тихо попросил, чтобы позвали старшего надзирателя Дедюхина.

Тихон Макарович появился только ночью. Занёс ведро с тёплой водой. Достал из кармана полотенце. Смыл с лица патрона кровь и, оглядываясь на Болдыря, зашептал:

— Как же вас угораздило попасться, а? Мы же всё как будто точно рассчитали. Что случилось?

— Стрельников, подлец, лодки увёл, — прохрипел контрразведчик. — Из-под самого нашего носа. Мы подъехали к условленному месту, а он, сучье племя, с мальчишской бараном и ещё кем-то отгребли уже на стремнину. Я приказал верхом по берегу следовать за ними. Но они заметили и стали намеренно стрелять. Ну, разъезды красных и переполошились. Окружили нас. Вышибли из сёдел.

— И Райхенбах с ним? Мерзавец! Но откуда им стало известно о месте сбора?

— Не знаю. Дай попить. Спасибо. Наверно, следили за нами. Вообще ротмистр в последнее время вёл себя странно, нервничал, суетился излишне. Я намеренно отказал ему в просьбе эвакуироваться с чинами штаба и приказал до последнего оставаться в городе для пресечения грабежей и других эксцессов. Он тогда нагрубил мне и сказал, что не понимает меня, после чего исчез. И вот видишь, где объявился. Я подозреваю, что напоследок они погуляли по городу широко и не с пустыми руками в побег подались.

В дверь камеры постучали. Дедюхин ногой задвинул ведро под нары и выскочил в коридор. На следующий день во время раздачи утренней баланды в камеру влетел и покатился по полу бумажный шарик. Мазепа попросил Калетина:

— Мне трудно встать, прочтите.

Болдырь осторожно раскатал «ксиву», передал полковнику:

— Записка адресована вам, читать чужие послания я не приучен.

Мазепа поднёс цидулку к глазам. Тихон Макарович сообщал, что комиссары пока персонал «пересылки» не трогают и заключёнными серьёзно не занимаются. Видимо, не было приказа. Камеры забиты разным сбродом. Кто из них кто, определить трудно. При этом каждый день поступают всё новые лица. В такой неразберихе покинуть тюрьму представляется вполне возможным. Для начала в карточке учёта арестантов он зарегистрировал Мазепу под фамилией Сергеев Петр Иванович и просит запомнить это имя. А ещё затвердить, как «отче наш», что попал Сергеев в тюрьму неделю назад после пьяного дебоша со стрельбой и поношением верховного правителя в ресторане гостиницы «Ямская». Сей казус оформлен протоколом, составленным околоточным надзирателем Мануйловым, который сейчас тоже оказался среди «жильцов» крепости. Дедюхин уверен, что при обещании определённых гарантий полицейскому тот на возможной очной ставке подтвердит личность господина Сергеева. И это послужит основанием для освобождения хулителя Колчака.

А днём в камеру вошёл тюремный лекарь. Отлично знавший полковника, он сделал вид, что перед ним обычный обитатель окраинных трущоб.

— Оголите живот и лягте на спину, — грубо приказал он. Полез в саквояж, достал какие-то баночки-скляночки. Принялся смазывать многие иссиня-багровые следы побоев. И между делом незаметно сунул в руку «болезного» стеклянную трубочку. Закончив процедуру, обратился к Калетину: — Приподнимитесь, милейший, вас велено тоже осмотреть. Покажите язык. Теперь расстегните рубаху, я послушаю, что там у вас за грудной происходит. Дышите глубже. Так. Теперь задержите дыхание. Доста-

точно. Всё понятно — шумы, хрипы. И сердце напуганным зайцем скачет. Надо вас, плесень человеческую, лечить.

Вечером их обоих перевели в тюремный лазарет. Дедюхин, чтобы не возбуждать ничьих подозрений, заходил сюда только по служебной необходимости. Для разговора с Мазепой использовал кабинет врача. Там — при первых встречах — он наливал больному половину стакана спирта, угощал салом и докладывал о ходе подготовки известного мероприятия. Но после одного и, скажем так, опасного прецедента, когда полковник — то ли от общей слабости организма (пища даже в лазарете была скудной), то ли от гнёта дум окоянных — тяжело захмелел и начал биться в падучей, выкрикивая при этом проклятья комиссарам, спирт на стол больше не подавался.

Через неделю Тихон Макарович сообщил, что его назначили временно исполняющим обязанности начальника тюрьмы.

— Куда же старого подевали? — обрадованно спросил Иринарх Гаврилович.

— Расстреляли. А мою персону предложили, потому как некого больше ставить. Ждут комиссара из Тюмени. Главного по тюремным делам. Приехать он должен в середине ноября. Вам же к этому времени желательно отсюда исчезнуть.

— Торопитесь, Тихон Макарович, я ещё не решил, как поступить с моим соседом. Мы с ним за эти дни много чего друг другу наговорили. Он считает меня виновником гибели его друга Алымова, помните такого? И прощать мне это не собирается. Ну и собственный арест в родном доме тоже связывает со мной. И в сущности — прав. Именно я распорядился держать круглосуточное наблюдение за странным «публичным заведением». И чутьё не подвело меня: Калетин не выдержал, плюнул на проходную истину, что возвращаться в места, где когда-то был счастлив, не следует.

— Резон, конечно, ваш, господин полковник, убедительный, но дела давно минувшие — они прошли, поэтому позвольте спросить: экие расстояния по диким местам, морозы, народишко кругом разбойный. Неужели один хотите в дорогу отправиться?

— Я не раз бывал в Сургуте. Путь знакомый. Но, пожалуй, ты прав. Те поездки были вроде прогулок, а нынче... Но кого пригласить в провожатые? Выбор у нас невелик. Положиться решительно не на кого. Изменники кругом и трусы. Если ты предлагаешь отдаться в руки Калетину, то сам я ему ничего предлагать не хочу. Есть, знаешь ли, между нами черта, за которую я ступить не готов. Поговори с ним ты. Припугни неминуемым расстрелом, если откажется сопроводить меня до глухого остяцкого стойбища, где мы сможем спокойно перезимовать, а потом разъехаться каждый в свою сторону. И для общего успокоения возьми с него честное дворянское слово, что он не зарежет меня где-нибудь спящего.

— Ну, на такое господин коммерсант, как мне кажется, не способен, — усомнился Дедюхин. — Он хоть и недруг, но нож в спину не воткнёт. Честь имеет, не то что шваль высокородная Стрельников и барон его розовый. Вспомните, какие речи произносили! Как перед вами расшаркивались! На деле же сволочь на сволочи оказались! Вот тебе и воспитание с благородством.

Иринарх Гаврилович успокаивающе похлопал соратника по плечу:

— Разделяю твоё возмущение. И верю тебе. Ты передай ещё Болдырю, хотя это будет, наверное, ударом для него, что просьбу устроить ему встречу с адвокатом Гравиатовым я выполнить не смог. Убили присяжного накануне. И знаешь кто? Бывшие наши с тобой подопечные Донник с Раскольниковым. Да-да. Шла как-то вечером дамочка одна мимо адвокатского присутствия и услышала крики, позвала полицейского. Тот прислушался: действительно, кто-то о помощи взывает. Кликнул себе подмогу. Сообща вышибли дверь, а из комнат по ним стрельбу открыли. Рядом казарма гарнизонная — так солдаты на выручку кинулись. Двоих, что из окон выпрыгнули, застрелили. Самого Гравиатова нашли в кабинете сплошь изрезанным. Его, видимо, истязали. В участке личности убитых налётчиков установили. А вот с какой целью они пытали несчастного, никто, наверное, уже не узнает.

Мазепа потеревил усы. Невесело вздохнул:

— Зря я тогда упёк успешного ратора на каторгу. Сломал ему жизнь. А ведь вина его представлялась не столь очевидной. Ну, составил он карту, могущую помочь налётчикам. Ну, использовал своё служебное положение. Но доказать-то его ведущую роль в предполагаемом ограблении кассы не удалось. Не клеивались факты. Вполне можно было ограничиться высылкой преступника в то же Демьянское под надзор полиции или лишить прав состояния, наконец. Но я же карьеру делал, как же! Ухватился за столь громкое имя. Орденок возжелал очередной на грудь! Словом, скажи Калетину: пусть с завещанием своим повременит.

Дедюхин не стал тянуть.

— У меня есть намерение избавить вас от мучительного ожидания скорой смерти в этом жутком замке, — сказал он приглашённому в кабинет врача Григорию Платоновичу.

— Не скрою, я удивлён. Думаю, вы сделали сие заявление не от большой любви ко мне? — усмехнулся арестант.

— Разумеется. Чувства здесь ни при чём. Вы же не кисейная барышня, которую строгие родители позвали выслушать сообщение о её скорой помолвке с уланом Ястребовым. Давайте поговорим без иронии — по-мужски.

Поговорили. Выпили по мензурке спирта. Калетин, собираясь уходить, заметил:

— Причудливая штука — жизнь. Многие годы я горел отмищением, заряжал им многих людей, тратил на это деньги, но вышло так, что теперь сам должен спасать своего обидчика. Не лучше ли застрелиться, а, господин начальник новой и свободной тюрьмы? Или поступить, как рассказывал мне хороший приятель, по японскому обычаю: совершить акт искупления — харакири?

— А кому лучше-то от этого станет? Пускают себе пулю в лоб, вешаются, сигают с камнем на шее в омут люди исключительно слабые. Да и церковь наша такое не одобряет. Вам ли о подобном думать? Скоро всё уляжется, вражда забудется, и вы ещё спасибо скажете Мазепе, что протянул вам когда-то руку примирения. Идите к себе и готовьтесь к побегу — больше спите, меньше думайте, копите силы.

...В начале ноября ударили морозы. Дедюхин каждый день под разного рода предлогами ездил к Иртышу, подолгу стоял на берегу, наблюдал. Нервничал, оттого что лёд сковывает реку не так быстро, как хотелось бы. По его задумке выбираться из города предстояло именно рекой, для чего он уже купил крупного послушного молодого жеребца и добротный крытый возок на полозьях. Оружие, провизия, шубы и валенки давно собраны. Лёд. Он задерживает. «А вдруг комиссар тюменский раньше обещанного припожалует и начнёт здесь косою махать? Мы же не знаем, какие приказы он с собой привезёт. Чтобы не вышло чего худого, надо всё-таки полковника сначала из крепости вывести, спрятать и дожидаться прочного ледостава. Далее видно будет».

Так он и сделал. В одну из ночей вызвал к себе своего помощника, ценнейшего когда-то тайного агента Трусова, и приказал ему изъять из лазарета арестантов такого-то и такого-то, после чего в тюремной карете доставить их к Завальному кладбищу. Там лично — под расписку — сдать начальнику конвоя красной комендантской роты Филянчикову. И строго предупредить причастных к сугубо секретному мероприятию: те, кто позволит себе распускать язык, будут сурово наказаны.

Исполнили указание смотрителя тюрьмы в точности. Преступников грубо сдёрнули с лежачков, тут же показательно скрутили им руки, накинули на головы мешки и поволокли во двор, где запихнули в крытый рыдван. Скоро красный конвоир Филянчиков (он же писарь крепостной канцелярии Маркин) поставил закорючку в сопроводительной бумаге. И повёл заключённых в кладбищенскую темноту. Было тихо. Удивительно тихо. Недолго попетляв по заснеженным, но натоптанным уже дорожкам погоста, остановились у одной из могил. Кто-то из конвоиров направил на неё луч фонаря. Гранитный крест заиндевел от мороза, и фотографическая карточка в накладной рамочке покрылась хрусталиками льда, однако под ней легко прочитывалась фамилия погребённого, и Мазепа вздрогнул, прошелестев губами:

— Цезарь Алымов.

Растерянно глянул на Калетина. Тот, уловив движение полковника, жёстко произнёс:

— Это было моим единственным и непреложным условием при заключении сделки с Дедюхиным — позволить мне напоследок посетить покойного друга и показать ему человека, который лишил его жизни.

...Отправиться в путь беглецы смогли лишь под вечер дня Филишова заговенья. Православный народ праздновал — несмотря ни на что — начало Рождественского поста. Прежде этого затворники несколько ночей подряд, дождавшись со службы начальника тюрьмы, обсуждали частности предстоящего исхода из города. Каждый стоял на своём. Мазепа предлагал короткими прогонами — от деревни к деревне — двигаться до Сургута, откуда следующим летом спуститься к Томску. Григорий Платонович был категорически против:

— Я, господин жандарм, в отличие от вас, далеко отъезжать не собираюсь, так как намерен скоро сюда вернуться. И потом. Откуда у вас такая мальчишеская самонадеянность — покрыть на несменяемой лошадке семьсот вёрст, да в такие шальные погоды? Вы самоубийца, полковник. И какие селенья по Иртышу вы постоянно поминаете? Мне никогда не доводилось слышать, что они есть звено единого и налаженного почтового яма. Кто нас там будет встречать? Станционные смотрители, которые накормят, обогреют, спать уложат? А ещё выделяют из своих скудных запасов по несколько мер сена для нашего Гнедко или вообще заменяют его свежей лошадьё? Ей-богу, розы какие-то и грёзы, — Калетин вытер платком лоб и с нажимом добавил: — Ротмистр

Стрельников нас там ждёт, дожидается, и подобные ему отщепенцы. Не смотрите на меня, как на идиота. Именно они сейчас в деревнях затаились. Санная дорога устоит, тогда и время их настанет — примутся за разбой. Это я вам со знанием дела говорю. Терять им нечего, да и силы, могущей их здесь сломать, пока не существует.

— Сила складывается, — перебил его Дедюхин. — Красные организуют специальные летучие отряды для поимки колчаков. Вчера был на допросе одного из офицеров. Он рассказывал и плакал. Хватают их, брошенных на погибель, по всей округе. А кто сопротивляется — бьют беспощадно. Попросили его определить, каким числом отступающие по тайге распознались. «Не знаю, — сказал, — один только мой отряд из двухсот штыков состоял. Есть и другие побольше».

— Что вы предлагаете, в таком случае? — не хотел верить услышанному Мазепа.

— Искать надёжное убежище в пределах одного, максимум двух, переходов, — отчеканил Калетин. — На большее у нас ни сил, ни запасов не хватит. Лошадь, как вы знаете, не олень, травку из-под снега добывать не способна. А юрты татарские, ещё раз повторяю, я из соображений своей и вашей сохранности посещать отказываюсь.

— Я, пожалуй, знаю такое место, — снял напряжение Дедюхин и придвинул к себе карту. — Вёрст пятьдесят отсюда будет. Мы там с Щекутьевым не единожды на охоте бывали. Летом, правда. Смотрите, — повёл пальцем по карте и остановил его на развилке чёрных линий. — Вот речка. Название у неё мудрёное, не вспомню сейчас. Неприметная такая, петлистая. Справа в Иртыш впадает. А вдоль неё вёрст десять если пройти по тайге, то на остьёе стойбище выйдешь. В нём шаман Ойка верховодит. Поднесёте ему подарочки от меня — табак, водку, ну, ещё что-нибудь, он вас словно родных встретит. А голодно у них не бывает. Ас хоят¹ и рыбу, и мясо на зиму в ямах запасают. Кровь оленью научат вас пить. Перезимуете.

— По схеме всё как будто понятно, — не сдавался полковник. — Но как нам ту речушку не перепутать с другими, вон их сколько по правую руку обозначено. Не хватало ещё напрямик попасть на какую-нибудь волчью свадьбу.

— Не заблудитесь. Место слиянья там приметное. Как к нему приближаться будете, заметите, что обрывы речные всё более сплошными и крутыми становятся. Только в нужном устье провал между ними имеется, и слева на высоком берегу церквушка плохонькая — вроде маяка — стоит. Мимо неё в чащобу и свернёте. Ойка рассказывал, что пришлые на их пастбищах не селятся и появляются редко: боятся шибко злых духов. Они, мол, скотину и людей забирают куда-то, болотные болезни насылают. Но шаман братьев своих оберегает. Кто ему подарки делает, того Ойка любит.

Иринарх Гаврилович, кивая головой, всё-таки сомневался. Попросил, пока есть время, разыскать знакомого ему лесного смотрителя Борейко — знатока окрестностей, угрюмого неразговорчивого человека. Дедюхин лесничего нашёл. Отвёз к себе домой. За стаканом мадеры стал осторожно расспрашивать. Старик отвечал неохотно и уклончиво. Боялся, видимо, собеседника. Но зимовьем своим всё-таки предложил воспользоваться:

— В этом году, правда, запасу там сделать не удалось. Жена вдруг померла. Обмер и я на месяц-другой. Пока собирался, лето и пролетело. Но ежели завести туда провиант, спички да порох, заготовить соль и другую амуницию, вполне до весны протянуть можно. Изба крепкая, печь в прошлом году ставлена. Однако скажу тебе, Тихон Макарыч, так. Боюсь, что набредёт на укромину какая-нибудь шайка. Тогда плохо будет. Сын мой из тайги недавно пришёл. Видел многих людей при оружии. У костров греются, конину жарят. Стрельба то там, то тут слышна. Царскую засеку вон недавно спалили. Пусть уходят твои люди куда подальше.

Вердикт лесного смотрителя окончательно добил Мазепу. Он вяло махнул рукой:

— Поступайте, как считаете нужным.

Сделав последние приготовления, на заговенье тронулись. Дедюхин, прощаясь, сунул Калетину завернутые в носовой платок документы и шепнул, чтобы тот нашёл его после возвращения. Если, конечно, жив останется.

...Гнедко по присыпанному снежком льду бежал резво, не оскальзывался. Река петляла, отчего месяц над горизонтом то слева дымился, то мертвенно освещал спину кучера. Седоки часто менялись местами. Пока один дремал под медвежьей полостью, другой правил повозкой. Так благополучно миновали несколько темнеющих на берегу селений. Но под утро Григорий Платонович, жалея коня, решил всё-таки завернуть в Нижние Аремзяны к знакомому коммерсанту, чтобы самим отогреться, жеребца напоить-накормить, ну и обстановку узнать.

— Красных здесь быть ещё не должно, — уверил он Мазепу, — а от белого воинства нас защитит ваш полковничий мундир.

¹ Ас хоят («обские люди») — самоназвание хантов.

Хозяин избы, куда они постучали, испуганно обомлел:

— Григорий? Как ты сумел проехать ко мне? Кругом же заставы! Ещё вчера на каждой дорожке солдаты топтались. Спят, что ли? А ну быстро сани во двор, — в горнице усадил гостей на лавку, велел расстегнуть тулупы, но совсем их не снимать. — Быть надо настороже, — пояснил, — а ну как придётся с места в карьер срываться. Водки для согрева предлагать не буду, она плохой помощник в мороз. Сомлеете ещё да помёрзнете. Угощайтесь лучше молочком парным и выкладывайте, каким бесом вас сюда занесло.

Болдырь коротко рассказал.

— Дрянь ваше дело, — откинул волосы со лба торговец и откровенно посмотрел в сторону Мазепы. — Шамана Ойку я знаю, возил к нему не раз товары. Глушь там действительно волчья. Но к нему чтоб добраться, селенье Панушкову надо проскочить. А там сейчас, говорят, какой-то ротмистр из бывшей контрразведки лютует. Всех следующих мимо задерживают, допрашивают. Во всяком человеке партизанских курьеров усматривают или грабителей, которые из города добро вывозят. Товарища твоего, Гриша, может, и не тронут, но вот тебя потрошить будут — не возрадуешься. Я, пожалуй, вас до следующей ночи не отпущу. Поймите, если вы даже сей момент тронетесь, то к Панушковой аккурат с рассветом придёте. А на снегу повозка за версту видна. Понятно излагаю?

Мазепа придвинулся к Калетину, спросил растерянно:

— В нашей контрразведке числился только один ротмистр — Красильников. Неужели он?

— Очень неприятный для нас сюрприз. Но похоже, что он. Вам, Иринарх Гаврилович, есть прямое основание его бояться. После грязной истории с лодками он постарается избавиться от вас, ну и от меня, конечно. Но ждать следующей ночи?

— Подождём. Мне кажется, ваш коллега прав. Днём ехать очень опасно.

За окном послышался лай собаки.

— Сидите как сидели, — тихо приказал хозяин. — Пойду гляну, кого принесло. Будем поступать согласно случаю.

— Николай, — окликнул его Болдырь, — возьми револьвер. Мало ли что.

— Оставь. Стрелять не будем. Дети в соседней комнате спят.

В бекеше, перетянутой ремнями, скоро вместе с морозным паром в избу шагнул румяный молодец — три лычки на погонах. Пошарил глазами вокруг, крикнул и нагло вато улынулся:

— Докладай, хозяин, кого встречаешь. Их благородие барон интересуются.

— Какой барон? — резко поднялся Мазепа.

— Ты, дядя, сядь. Не то покатишься репкой под стол, — подвздёрнул из ножен шашку вошедший.

Иринарх Гаврилович в ярости скинул с себя тулуп — блеснули ордена. Заметив замешательство на лице унтера, прошипел:

— Да я тебя сейчас выпороть прикажу! Ступай назад, наглец, и тащи своего аристократа сюда. Скажи ему, что я лично желаю побеседовать с ним. Исполнять и живо!

...Райхенбах в мундире нараспашку сидел, прислонясь спиной к тёплому боку печи, и золотая его голова свесилась в кручине. Он пел:

О, неверная, где же вы, где же вы?

И какой карнавал вас кружит?

Вспоминаю вас в платьице бежевом,

Вспоминаю, и сердце грозит...

На лавках вдоль стен спали солдаты. Пахло овчиной и дешёвым табаком.

— Полковник, говоришь? — рассеянно переспросил перевалившегося через порог старшего урядника. — Какой ещё такой полковник?

— Так точно! Ждут вас для доклада.

Прапорщик, плохо соображая, застегнулся, накинул на себя полушубок.

— Веди, — приказал недовольно.

Николай пропустил барона в горницу и встал у него за спиной.

— Вам плохо, Владимир Карлович? — участливо спросив, вышел из-за стола Мазепа и протянул руку: — Сдайте оружие.

Остаток ночи прошёл в «непринуждённой дружеской обстановке». Напуганного до смерти Райхенбаха вынудили рассказать не только о своих последних похождениях, но и совместных со Стрельниковым планах. Когда закончили допрос, стали гадать, что же дальше делать с юным дарованием? Как нарушившего присягу и просто мародёра его бы полагалось расстрелять, но по настоянию Иринарха Гавриловича реши-

ли взять мальчишку с собой. Вроде охранной грамоты — как-никак в помощниках у главного бандита ходит. К тому же пароли знает, и многие казачки на заставах ему известны. Проводит за село, а там видно будет. А Николай в это время, подумав, вырезал и скроил в нижней части задней стенки санного кузова что-то вроде бойницы-щели, чтобы при необходимости можно было стрелять лёжа, не высовываясь из саней. Перед дорогой все собрались в избе, посидели, помолчали. Хозяин протянул Мазепе свёрток:

— Ойку гостинцем порадуйте, скажите, что я весной обязательно навещу его.

Усадили барона в возок, рядом примостился полковник, Калетин — за кучера. Покатили.

Под медвежьей полостью, куда мороз почти не проникал, где было относительно тепло и покойно, скоро состоялся разговор. Прапорщик долго собирался с мыслями, подыскивал нужные слова. Замирая от страшных догадок, он не в силах был начать. Язык не шевелился, губы немели. Наконец, еле слышно выдавил из себя:

— Господин полковник, могу ли я рассчитывать на ваше милосердие?

Мазепа мгновенно откликнулся:

— Стыдитесь, барон. Приговор себе вы подписали, когда доверились сладким посулам Стрельникова. Он ведь обещал вам блестящее будущее, достойное вашего титула. Не так ли? Чего же теперь слезами обливаться. Мы оба — офицеры и знаем: долг и честь превыше всего. Нарушившие эту пропись прощению не подлежат.

— Ваше высокоблагородие, я ... мне...

— Прекратите ныть, прапорщик, иначе я пристрелю вас тут же. Выполните то, что мы вас попросили, может, и получите отсрочку от призыва в отряд небожителей.

Дальше ехали молча. С Калетиным, скоро сменившим Мазепу, Райхенбах заговаривать просто боялся.

Подъехали к первому посту так называемого боевого охранения. Костёр пылает — за версту видно. Вокруг него приплясывает несколько человек. Чуть поодаль лошади, укрытые попонами, с мешками на мордах. За ними длинные плети заготовленных впрок лесин. Треск сгораемого дерева, искры снопами поднимаются в непроглядную темнотищу.

— Из саней ни шагу, — предупредил барона Мазепа. — Сами пусть подойдут. Или прикажите им, чтоб пропустили.

— Здесь помощник ротмистра Стрельникова, — закричал прапорщик. — Старшой, давай сюда.

Подбежал солдат с винтовкой, заглянул в возок.

— Не узнал, что ли, Бессонов?

— Признал, ваше благородие, езжайте.

Следующий пост миновали тоже без задержки. А вот у самого села случилась заминка. Кто такой Райхенбах, на заставе припомнить не могли и потому попросили седоков для начала представиться. Иринарх Гаврилович ступил на снег, протянул документы фельдфебелю. Покрутив их, служивый вскинул руку к казачьей шапке, но разрешения на проезд не дал:

— Велено всех, даже высших чинов, доставлять к ротмистру. Он здесь один решает, кого согнуть, кого разогнуть.

— Нас в Демьянском ждёт генерал Вержбицкий. Вы ответите за своё самоуправство.

— А меня жена обждалась в Саратове.

Мазепа растерянно посмотрел на Калетина. Тот незаметно сплюнул в ладонь и потёр несколько раз большой палец об указательный. «Мзду надо предложить», — догадался полковник и ухватил фельдфебеля под руку:

— Давай-ка отойдём, родимый.

Прошли за возок.

— Водка у вас есть? — первым и неожиданно задал вопрос начальник поста. — Мы полечимся, а вы не обеднеете.

— Коньяк имеется, шустовский. Две бутылки хватит?

— И табаку к нему, — добавил обирала.

На этом разошлись. Фельдфебель радостно засеменял к своим. Обернулся у коистра, захохотал:

— На северной окраине заставы уже на другой бок похмелились, езжайте спокойно к своему герру енералу.

Когда Панушкова осталась позади, Калетин остановил жеребца. Сказал Мазепе, что пора бы и попрощаться с временным попутчиком. Гнедко устал тащить этот аристократический студень. Райхенбаха попросили покинуть возок. Выпростался он на снег. Бледный стоял, глядел затравленно, бормотал что-то. Жалок был — лучше не смотреть! Но сани неожиданно для него стали вдруг удаляться, и барон... ожил. Под-

няв валяющийся в снегу треух и застегнув полушубок, он побежал. Двигал энергично руками, падал. Поднимался и бежал. И домишки — с седыми дымами над ними — становились всё ближе и ближе. «Поторопились вы меня высадить, господа, — радовался он. — Ей-богу, поторопились. Думали, околею на морозе. А вот и нет!»

Ворвавшись в хату, где в тепле постели обнимал молодую хозяйку Стрельников, барон бурно зарыдал:

— Они везли меня на казнь, но трусили, трусили и отпустили. Догоните их, ротмистр. Это ещё возможно! Мазепа там, сам Мазепа! На Демьянское они нацелились к генералу Вержбицкому.

Через полчаса на лёд реки вылетели две парные упряжки. В первой Стрельников со своими дюжими адъютантами, во второй — штабс-капитан Зыков, который Николай Андреевич, в компании отчаянных добровольцев. Свежие, хорошо накормленные лошади легко несли сани, и у сидящих в них не было никакого сомнения, что через какой-нибудь час беглецы будут достигнуты.

— На одной коняге им от нас не скрыться, — злорадно басил, заглядывая в глаза ротмистру известный на селе дебошир Куца. — Спымам их, лично отрежу обоим уши.

А прапорщик в это время, пересыпая речь жандармскими жаргонизмами, надоедал штабс-капитану своими тонкими и безошибочными, как ему казалось, наблюдениями, удостоверяющими его в коварстве и порочности Мазепы:

— Он, Николай Андреевич, имеет явные наклонности переметнуться к большевикам. Упустить такого злодея никак нельзя.

...Калетин заметил погоню совершенно случайно. Лёжа на шкурах, он в полудрёме вспомнил вдруг о задумке Николая. Решил проверить её практическую пользу. Перевернулся на живот, отстегнул кусок материи с щели-бойницы, просунул в неё руку с револьвером, прицелился... и поймал на мушку две движущиеся точки. Долго наблюдал и скоро убедился, что — да, появились эти мишени на реке неспроста. Крикнул о своей догадке полковнику. Тот остановил Гнедко. Достали карту. Всмотрелись. Иртыш отсюда, где они сейчас находились, начинал заворачиваться в протяжённую петлю, образуя таким образом несколько участков, которые давали возможность подолгу быть вне поля зрения того, кто ехал на значительном расстоянии сзади.

— Надо рискнуть, — предложил Болдырь. — Свернём вот сюда, на дорогу, спрямляющую путь. Пока они нас не видят, успеем много отмахать. Авось и оторвёмся.

Но Куца, хорошо знающий здешние места, о проходе хитром помнил, поэтому, разглядев его, сразу указал Стрельникову:

— Сворочайте сюда, ваше благородие, тут ездочная полоса налажена. Пушай генерал по реке елозит, а мы ему наперерез выскочим.

Мазепа, озирающий через щель округу, выругался, заметив, что преследователи снова появились на горизонте. «Теперь от них не уйти», — заключил тоскливо. Развязка неумолимо приближалась.

Калетин погонял жеребца и часто оглядывался, пытаясь не пропустить момент, когда равнинное пространство между ними и догоняющими сузится до пределов досягаемости винтовочной пули и бандиты начнут бить прицельно. Ещё пять минут гонки, десять, пятнадцать... «Н-но, вывози, родимый!» Григорий Платонович ощущал холод дульных зрачков, глядящих ему в спину, и невольно пригибался, показывая полковнику, чтобы тот не высовывался.

Впереди показалась горушка. Что за ней — неизвестно. Справа вроде зачернело что-то у горизонта. Похоже на лес.

«До него добраться всё равно не дадут. Настигнут, — подумал Мазепа и обратился к себе: — Решайся, Иринарх, чёрт бы тебя побрал, Гаврилович, не тяни. С возвышенности оно, да если ещё перекачаться поближе к дороге, пострелять можно отменно. В маузере четырнадцать патронов. Всех «зипунов» из саней, конечно, не вышибить, но это и ни к чему. Лошадок нужно на снег уложить. Без них им сильно не до нас станет. Ночь надвигается, морозец крепчает. От деревни, наверное, уже вёрст пятнадцать отмахали. Околеют они здесь без лошадей, разбойники».

Откинув полость, дотянулся рукой до плеча возницы:

— На горе попридержите сани, я сойду.

Григорий Платонович огрел кнутом Гнедко, повернул голову:

— Всё вижу. Вместе сойдём, полковник.

...Конь, мотая головой от напряжения, одолел измоину откоса. А сразу за ним обозначился обрыв оврага. Где он начинается, где заканчивается — не разобрать. Калетин натянул вожжи:

— Тп-р-р... приехали. Вот он, наш последний рубеж. Тащите вон туда медвежью подстилку и прикидайте себя снегом. Я здесь за повозкой укроюсь. Только давайте поменяемся оружием. Вы мне одолжите на время свой шпалер, из которого можно

всаживать пули в яблочко даже за сто шагов, а вы получите пару излюбленных эсерами адских машинок, несколько, правда, усовершенствованных. Вам, пусть и запоздало, но представится возможность побывать в шкуре своих недавних контра, когда они ради достижения нужного результата сближались с жертвами на опасное для себя расстояние.

— Согласен. Давайте сюда ваши бомбы.

— Но прошу не спешить. Я начну стрелять, отвлеку их на себя. Рассчитайте по возможности точно и момент, и расстояние, тогда и метайте.

...Стрельников самонадеянно пренебрёг обязательным в военном деле правилом: не зная точно, где затаился противник, воздержись от наступления.

— С ходу заскакиваем на гору и открываем огонь, — приказал он своим бородатым адъютантам. — Полковника брать живым. Вперёд, молодцы!

Что было дальше — не очень интересно, но рассказать всё-таки надо. Как только лошади бандитов полностью показались над укосом, Калетин двумя выстрелами прервал их бег, а Мазепа с метров, наверное, двадцати, не выдержав внутреннего напряжения, швырнул одну за другой две начинённые картечью гранаты. Одна взорвалась близко у повозки, а вот другая пролетела дальше, и осколки её достигли саней, за которыми прятался Болдырь. Левая его рука повисла плетью. Полковник меж тем заметил уползающего вниз панушковского головореза Куща. Тот стонал и оставлял за собой кровавый след. Иринарх Гаврилович для удобства положил револьвер на локоть и послал в грозившегося отрезать ему уши бандита две пули. Побежал затем к Калетину. Тут и услышал, как эхо разнесло над снеговым безмолвьем заполошный крик барона: «На-з-ад-ад-ад!» Оглянулся: взвихривая снег, внизу — к Панушковой, к чёртовой матери подалее от стрельбы и крови — неслись сани, на днище которых вжались в солому штабс-капитан Зыков и несостоявшийся лирический тенор Райхенбах.

Полковник перевязал Калетина, уложил в возок, накрыл шубами. Подумав, пошёл к опрокинутым взрывом саням. В одном из лежащих подле них узнал Стрельникова — спутанные, уже примёрзшие ко льду волосы, вытекший глаз. Прикрыл папахой лицо убиенного и опустился рядом на снег.

«Эх, Олег Парамонович, — подумал мрачно, — душонка твоя подлая. Прислали тебя сюда искать убийц святителя Гермогена, а ты, копыто дьявола, вместо этого неугодным Богу промыслом занялся — грабежом и разбоем. Нет тебе прощенья».

Пошёл, тяжело волоча ноги, к своему возку. Заглянул под полость, послушал дыхание раненого и стегнул Гнедко:

— Напрягись, родимый, немного осталось...

Снова потянулись ледяные вёрсты. Одна, вторая, десятая. Скрип полозьев, заиндевелая метёлка хвоста мечется перед глазами. В сон клонит — не уснуть бы. Но вот, наконец, церковь на горушке показалась. Мазепа обрадованно остановил коня, огляделся.

«Не соврал Дедюхин, — вспомнил соратника. — Теперь уж точно живыми останемся».